

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 4 (24) 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Деревянко А.П. К вопросу о формировании пластинчатой индустрии и микроиндустрии на востоке Азии 2
Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. Проблемы хронологии и культурной периодизации памятников мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья 30

ЭПОХА НЕОЛИТА

- Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура 40
Ахметгалеева Н.Б. Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки-7 70

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

- Советова О.С. О возможностях использования наскальных изображений в качестве источника по истории военного дела племен тагарской эпохи 77

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья 85
Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале 101
Росляков С.Г. Курганный могильник Санаторный-1 и вопросы этнокультурной интерпретации памятников развитого средневековья Верхнего Приобья 115

ЭТНОГРАФИЯ

- Бауло А.В., Истомин М.Л., Федорова Н.В. Средневековые бронзовые изделия: новые находки на севере Западной Сибири 126
Мыглан В.С., Ваганов Е.А. Эпидемии и эпизоотии в Сибири в XVII – первой половине XIX века и длительные изменения климата 136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Интернациональный конгресс “Актуальная археология: современные исследования – глобальное сотрудничество”, посвященный 175-летию юбилею Германского археологического института 145

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 147

- СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2000–2005 ГОДАХ 148

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПЛАСТИНЧАТОЙ ИНДУСТРИИ И МИКРОИНДУСТРИИ НА ВОСТОКЕ АЗИИ

Введение

Наиболее актуальные аспекты проблемы пластинчатой индустрии связаны с определением места и времени зарождения на востоке Евразии пластинчатых и микропластинчатых технологий, а также их распространением на сопредельных территориях. Генезис пластинчатой и микропластинчатой техник в Северной, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии несколько десятилетий привлекает внимание ученых многих стран.

За последние 80 лет археологами на территориях Сибири, Монголии, Китая, Японии, Кореи, Америки и др. регионов открыты сотни археологических местонахождений, относящихся к 30–10 тыс. л.н. Исследованные стоянки характеризуются особым пластинчатым технокомплексом и определенным единством признаков первичного расщепления, вторичной обработки, а также сочетанием определенных типов каменных орудий. Вопросы, касающиеся определения территории и времени возникновения этого удивительного индустриального технокомплекса, многие сходные черты которого прослеживаются на огромном пространстве восточной части Евразии, обсуждались в сотнях статей, на многих региональных и международных конференциях. Остановлюсь только на некоторых точках зрения.

В 1923–1924 гг. П. Тейяр де Шарден и Е. Лисан проводили раскопки в долине рек Шуйдунгоу и Шараоссогол. В Шуйдунгоу они обнаружили нуклеусы, с которых снимались пластины. Исследователи пришли к выводу, что найденные ими каменные орудия относятся к культуре, которая распространялась от оз. Байкал до Японского моря [Licent, Teilhard de Chardin, 1925].

Позднее П. Тейяр де Шарден и Пэй Вэньчжун [1944] выдвинули гипотезу о происхождении китайской микропластинчатой индустрии от более ранней палеолитической, развивавшейся в районе оз. Байкал. Из Южной Сибири микропластинчатая индустрия распространилась далее на юг в Северный Китай, где в результате смешения пришлых и местных технологических традиций сформировался китайский вариант микролитической культуры. Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ю Юйчжу [1972] после раскопок стоянки Чжиюй предложили новую схему развития палеолитических индустрий Северного Китая. Они пришли к выводу, что основой микролитической индустриальной традиции этого региона Центральной Азии является индустрия местонахождения Чжоукоудянь I. Продолжение данной традиции демонстрируют материалы местонахождений Чжоукоудянь-15, а также Салавасу (р. Шараоссогол), Хоугэдафэн, Чжиюй (пров. Шаньси, Китай) и Сяонаньхай (пров. Хэнань, Китай). Эта схема развития пластинчатых и микропластинчатых индустрий Северного Китая до настоящего времени поддерживается многими китайскими археологами. Ю.А. Мочанов также считал, что истоки дюктайской культуры могли находиться в Северном Китае между Амуром и Хуанхэ [1977]. По мнению А.П. Окладникова, микролитическая традиция, представленная в Северной, Центральной и Восточной Азии, сформировалась на востоке Монголии и по происхождению связана с леваллуазским первичным расщеплением [1981; Окладников, Деревянко, 1977].

Попытки коррелировать пластинчатые комплексы неоднократно предпринимались российскими и зарубежными исследователями. Главная трудность при выявлении исторических параллелей – отсутствие надежных и общепринятых критериев оценки мате-

риалов местонахождений, очень удаленных друг от друга во времени и пространстве.

Более 30 лет назад подходы к решению этой проблемы пытались найти японский ученый К. Хаяси [Hayashi, 1968] и американский исследователь Д. Смит [Smith, 1974]. С точки зрения К. Хаяси, морфологическая типология и статистический анализ вносят слишком много субъективного и случайного. Поскольку морфологические признаки, которые обычно являются основой статистического анализа, отражают различия в оформлении артефактов, он считал, что при корреляции технокомплексов следует использовать технологический метод, реконструирующий последовательность производства каменных изделий. В технологии К. Хаяси выделял два основных момента: изготовление и эксплуатацию орудий, отдавая при этом предпочтение процессу производства. Для обозначения способов производства К. Хаяси ввел понятие “технологическая технология”. Д. Смит, изучив коллекции с микропластинами и микронуклеусами, пришел к выводу, что распространение специфической техники изготовления отдельных категорий изделий является одним из признаков культурных связей, кроме того, следы применения определенных технических приемов помогают объяснить причины появления этих связей (диффузия или миграция). Формальная типология (морфотипология), по его мнению, должна подкрепляться технологическими реконструкциями (техническая типология).

Технологический анализ позволил М. Ёсидзаки [1962], Р. Морлану [Morlan, 1967, 1970], К. Хаяси [Hayashi, 1968], Д. Смиу [Smith, 1974] установить, что на территории Евразии и Северной Америки использовались несколько технических приемов подготовки и оформления нуклеусов для снятия пластин и микропластин. М. Ёсидзаки по материалам поселения Сиратаки-32 (о-в Хоккайдо) удалось проследить весь технологический процесс; им были определены клиновидные нуклеусы и сколы, связанные с оформлением нуклеусов (тип юбетсу). К. Хаяси среди материалов из пещеры Фукуи (Япония) по технологическим признакам выделил три основные группы нуклеусов: полуконические, атипичные лодкообразные и типичные лодкообразные. По его мнению, принципиальные различия между техниками фукуи и юбетсу определяются исходной формой заготовки, оформлением ударной площадки и последовательностью подготовки клинообразного лезвия. Р. Морлан [Morlan, 1967] на стоянке Хорокодзава (о-в Хоккайдо) выявил признаки техники хороко. М. Ёсидзаки [1967] и Р. Морланом [Morlan, 1967, 1971] были выделены черты техники осороко и близких к ней техник товарабетсу и тогесита.

В 60-е гг. прошлого столетия появилось много новых приемов изучения местонахождений с пластинчатой индустрией.

В конце XX – начале XXI в. не прекращались попытки разработать на новом фактическом материале подходы к классификации приемов и техники первичной обработки нуклеусов для снятия пластин [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998; Деревянко, Волков, Петрин, 2002]. Исходя из различий технических приемов оформления нуклеусов, многие специалисты пытались коррелировать памятники восточной части Евразии и Северной Америки. По главным вопросам, касавшимся причин формирования пластинчатой индустрии на обширной территории Евразии, а также определения места и времени ее становления, высказывались разные точки зрения. В качестве прародины индустрии назывались территории Монголии, Китая, Забайкалья и Прибайкалья.

В настоящее время можно считать установленным, что на значительной части Евразии переходные от среднего к верхнему палеолиту и ранневерхнепалеолитические индустрии характеризуются пластинчатым первичным расщеплением, использованием для изготовления таких орудий труда, как скребки, резцы, проколки, вкладышевые орудия и т.д., пластин и микропластин, широким применением костяных изделий, проявлением символической деятельности человека. Поэтому решение проблемы появления пластинчатой индустрии в восточной части Евразии также необходимо связать с поиском переходных от среднего к верхнему палеолиту индустрий.

Ранне- и среднепалеолитические индустрии Евразии и переход к верхнему палеолиту

В последней четверти прошлого века археологами, антропологами, палеогенетиками и другими специалистами было доказано, что прародиной человека является Африка. Наиболее древние стоянки человека с каменными орудиями (чопперы, чоппинги, сфероиды, полиэдры, грубо ретушированные отщепы) дислоцируются в основном в Восточной Африке в районе Восточно-Африканского рифта, тянущегося в меридиальном направлении от впадины Мертвого моря через Красное море и территории Эфиопии, Кении, Танзании. Появление гипотезы “внетропической прародины человека” Ю.А. Мочанова можно объяснить непрофессионализмом и отрицанием фундаментальных знаний или/и фальсификацией фактов.

Накопленный мировой археологией фактический материал позволяет проследить в Евразии движение двух глобальных миграционных потоков [Деревянко, 2005б]. Представители первой миграционной волны *Homo ergaster* – *Homo erectus*, двигаясь из Африки (2–1,8 млн л.н.), в течение нескольких сотен тысяч лет заселили значительную часть материка в Северном полушарии. Для них характерна индустрия олду-

вайского типа. На территории Горного Алтая свидетельством этого процесса являются стоянки в районе р. Карама возрастом 400–800 тыс. лет [Деревянко, Шуньков, Зыкин и др., 2002, Стоянка..., 2005].

Вторая миграционная волна связана с распространением в Евразии позднеашельской индустрии, основными индикаторными элементами которой следует считать признаки леваллуазского первичного расщепления и бифасы, причем последние далеко не всегда представлены в позднеашельских и раннесреднепалеолитических ансамблях каменного инвентаря. Это движение, скорее всего с Ближнего Востока, началось, вероятно, 450–350 тыс. л.н. Позднеашельская, а затем раннесреднепалеолитическая индустрии в различных районах Центральной Азии проявились по-разному. На большей части происходила, видимо, аккультурация, т.е. смешение местного и пришлого населения, а также индустрий. Наиболее хорошо данный процесс отразили памятники на территории Казахстана и Монголии. На территории Таджикистана в течение длительного времени в первичной обработке камня доминировала галечная традиция; здесь высока доля галечных орудий. В Горном Алтае прошлое население не встретило более древних популяций. Представители первой миграционной волны, видимо, под влиянием похолодания ушли в более южные широты. Позднеашельская – раннесреднепалеолитическая индустрия была результатом только эволюционных процессов во взаимодействии с окружающей средой.

Можно выделить три зоны (африканская, евразийская, китайско-малайская), в которых на протяжении всего среднего палеолита развивались отличные друг от друга индустрии [Деревянко, 2005б]. Черты различий хорошо демонстрируют также индустрии переходного периода от среднего к верхнему палеолиту и раннего этапа верхнего палеолита. На современном уровне знаний, исходя из анализа каменной индустрии, мы вправе рассматривать три глобальные модели перехода от среднего к позднему палеолиту: африканскую (представлена атерийской традицией), евразийскую (характеризуется стандартизацией форм пластинчатого расщепления и микрорасщеплением), китайско-малайскую (отличается отсутствием признаков леваллуазского первичного расщепления и наличием орудий на отщепах). На сопредельных территориях с названными зонами могут быть выявлены районы аккультурации, например Северо-Восточная Африка (Керенаика и нижнее течение Нила). В границах этих трех огромных зон в силу географической удаленности, особенностей природно-климатических условий среднего и финального этапа позднего плейстоцена и др. причин формировались свои специфические варианты перехода от среднего к позднему палеолиту.

Переход от среднего к позднему палеолиту на территории Горного Алтая

Алтайский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту хронологически и “содержательно” близок к евразийскому, особенно к его ближневосточному варианту. Это можно объяснить тем, что евразийский вариант в целом формировался на индустриальной основе, характерной для древних популяций людей второго глобального миграционного потока. С проникновением этих мигрантов на Алтай, где не было более древнего населения, началось как бы второе “первичное” заселение территории. В последующем культура и индустрия человека развивались здесь эволюционным путем, независимо от других миграционных процессов, под влиянием и во взаимодействии с природной средой, которая была в плейстоцене достаточно благоприятной для жизнедеятельности.

Сегодня древние индустрии Горного Алтая, датируемые 300–20 тыс. л.н., можно отнести к наиболее хорошо изученным на территории Евразии. В последние 20 с лишним лет Институт археологии и этнографии СО РАН, расширяя палеолитические изыскания в Сибири, Монголии, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, основное внимание уделяет изучению палеолитических комплексов в долинах рек Ануй и Урсул, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга. С 1983 г. в этом районе несколькими экспедициями одновременно исследовались шесть пещерных памятников и около десяти стоянок открытого типа. Все палеолитические местонахождения расположены не более чем в 150 км от Денисовой пещеры. Они, как правило, хорошо стратифицированы; в их отложениях выявлено 20 литологических образований и более, в основном культуросодержащих. В полевых работах на этих местонахождениях и в лабораторных исследованиях обнаруженных материалов участвовали археологи, геологи, геоморфологи, палеоботаники, палеонтологи, антропологи, геохронологи, палеопедологи и др. специалисты из ИАЭТ СО РАН и других научных учреждений СО РАН, Москвы, Санкт-Петербурга, а также ученые из других стран. По результатам работ опубликованы несколько книг и сотни статей. В вышедшей недавно монографии “Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая...” [2003] отражен итог комплексных исследований в районе Денисовой пещеры.

Разноплановое изучение разрезов пещерных и открытых стоянок позволяет полно, насколько это возможно, реконструировать реальную палеоклиматическую, палеогеографическую обстановку, состав растительных ассоциаций и животный мир в конце среднего – позднем плейстоцене.

Многослойные, хорошо стратифицированные палеолитические местонахождения Горного Алтая

отражают развитие индустрий эпохи среднего палеолита и переходного этапа к верхнему палеолиту 300–20 тыс. л.н. Расселение на данной территории в позднем ашеле – начале среднего палеолита пришедших с запада древних популяций предопределило дальнейшее развитие культуры человека на этой территории. Здесь на местонахождениях среднего палеолита представлены разнообразные технико-типологические комплексы. Различия были детерминированы не миграционными процессами, а изменениями палеоэкологических и природно-ландшафтных условий, поведенческих и адаптационных стратегий. Это, конечно, не исключало в конце среднего – позднем плейстоцене возможных контактов населения Алтая с популяциями соседних территорий, однако в основе всех изменений в технико-типологическом облике каменного инвентаря, на мой взгляд, лежали в основном причины внутреннего, а не внешнего порядка. На финальном этапе среднего палеолита на территории Горного Алтая формировались две традиции или два варианта развития индустрии верхнего палеолита – каракольская и карабумовская. Каракольский вариант хорошо прослеживается по материалам Денисовой пещеры и стоянки Усть-Каракол-1, а карабумовский – стоянки Кара-Бом [Деревянко, 2001; Деревянко, Шуньков, 2004]. Основной археологический материал, который позволяет рассмотреть динамику среднепалеолитической индустрии в Денисовой пещере 90–50 тыс. л.н., получен из горизонтов 18–12 в центральном зале и 10, 9 – на предвходовой площадке. Насыщенность культуросодержащих горизонтов неравномерная. Индустриальный комплекс представлен среднепалеолитическими артефактами, близкими по техническим и типологическим параметрам. Установлены небольшие различия между культуросодержащими горизонтами по соотношению находок, представляющих разные технологические приемы первичной и вторичной обработки и типологические формы, что указывает не на изменения или смену ранее сложившегося культурно-исторического единства, а на возможное влияние на индустрию новых адаптационных моделей, обусловленных экологическими изменениями.

Первичное расщепление характеризуется бессистемной, радиальной, леваллуазской технологиями,

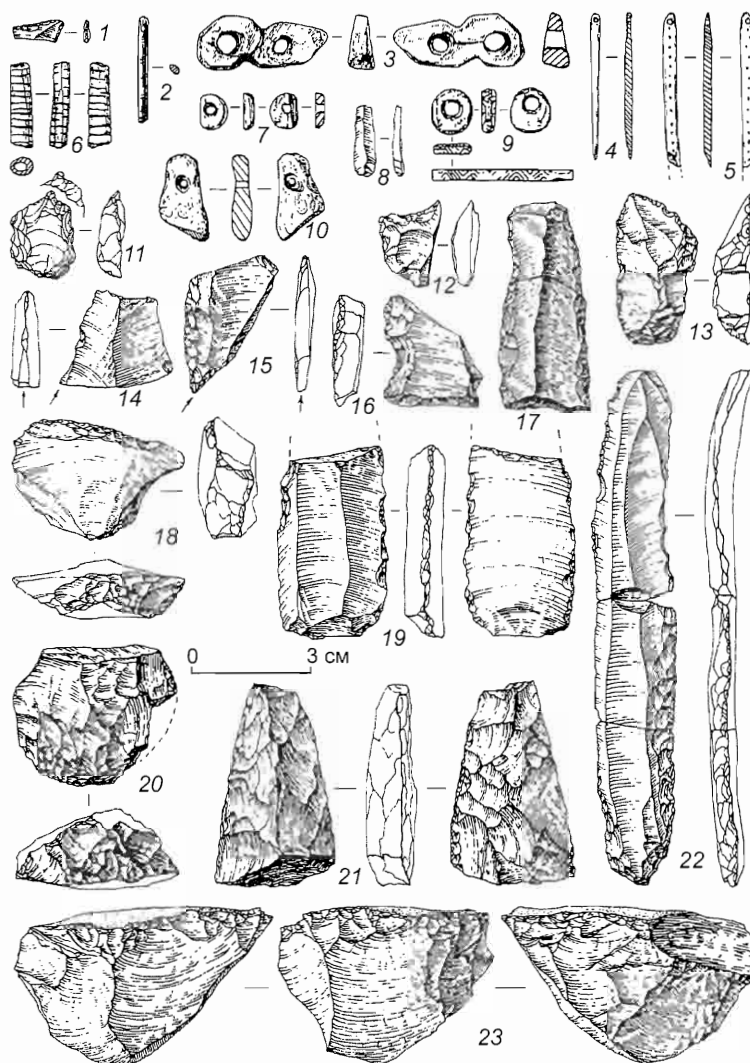

Рис. 1. Каменный и костяной инвентарь из слоя 11 Денисовой пещеры.

1 – микропластина с притупленным краем; 2, 4, 5 – иглы; 3 – заготовка бусины; 6 – пронизка; 7, 9 – бусины; 8 – микропластина; 10 – подвеска; 11, 12 – проколки; 13, 18, 20 – скребки; 14, 15 – резцы; 16 – выемчатое орудие; 17, 22 – ретушированные пластины (ножи?); 19 – зубчатое орудие; 21 – бифас; 23 – нуклеус.

но в культуросодержащих горизонтах снизу вверх растет доля ядрищ параллельного принципа расщепления и верхнепалеолитических типов изделий.

Заключительный этап в развитии индустриального комплекса Денисовой пещеры представлен слоем 11, датированным по кости с открытой датой более 37 235 л.н. (СОАН-2504). В лаборатории Института популяционной генетики животных и человека М. Планка (Лейпциг) для слоя 11 из галереи Денисовой пещеры получена дата $48\,630 \pm 2\,380 \dots 1\,840$ л.н.

Главной особенностью индустрии из горизонта 11 является пропорциональность в орудийном наборе средне- и верхнепалеолитических форм (рис. 1). Среди типологически выраженных ретушированных изделий мустьерские остроконечники и скреб-

ла составляют 22,5 %. В этой группе традиционно преобладают продольные однолезвийные скребла. Собственно мустьерские формы дополняет небольшая, но типологически четко выраженная серия леваллуазских остроконечников ($IL_{cy} - 2,5$). Зубчатые орудия имеют средний показатель (12,3) среди ретушированных форм, однако вместе с выемчатыми и клювовидными изделиями доля этой группы возрастает вдвое. Наиболее высокую долю среди орудий составляет группа верхнепалеолитических изделий (29,7 %). Типологически скребки, резцы, проколки, пластины с притупленным краем, бесспорно, верхнепалеолитические. Эти категории являются самым выразительным компонентом индустрии. В инвентаре слоя 11 отмечены яркие образцы листовидных бифасов. В целом инвентарь из этого слоя по качественному составу и соотношению основных групп орудий отражает переход к новому культурно-хронологическому этапу – начальной поре верхнего палеолита.

Важным аргументом в пользу оценки найденных в слое 11 каменных артефактов как верхнепалеолитических является присутствие здесь же костяного инвентаря и украшений [Деревянко, Шуньков, 2004]. Коллекция обработанной кости включает две целые иглы и проксимальный фрагмент с ушком, пять острий-проколов (шила?) из обломков трубчатых костей крупных млекопитающих, девять подвесок из зубов животных с просверленным биконическим отверстием в корневой части, восемь пронизок из трубчатых полых костей (пять из них орнаментировано рядами кольцевых нарезок), фрагмент кольца (?) из бивня мамонта с двумя просверленными широкими отверстиями и вырезанной между ними перемычкой, фрагмент трубчатой кости неправильно-овальной формы с тщательно заполированной поверхностью и широким отверстием посередине, три стержня из стенок трубчатых костей млекопитающих (два медиальных фрагмента с заполированной поверхностью и следами резания, дистальный фрагмент с уплощенным окончанием), два фрагмента кости с просверленным отверстием со следами резания. В коллекцию входят также пять украшений из камня – две фрагментированные подвески из агальматолита и пиррофиллита с просверленным биконическим отверстием и три бусины из пиррофиллита и глинистого сланца.

Таким образом, на материалах Денисовой пещеры можно проследить эволюцию индустрии от раннего этапа среднего до начального этапа верхнего палеолита. Несмотря на некоторую вариативность, индустрия из культуросодержащих горизонтов составляет единое целое как в технологическом, так и в типологическом плане.

На стоянке Усть-Каракол в нижних культуросодержащих горизонтах 19–13, для которых имеется серия дат (слой 19 – 133 ± 33 тыс. л.н. (РТЛ-661),

18А – 100 ± 20 тыс. л.н. (РТЛ-636), 18Б – 90 ± 18 тыс. л.н. (РТЛ-638)), представлены два основных технических приема первичного расщепления – леваллуазское и параллельного снятия пластин и пластинчатых отщепов. В самых нижних культуросодержащих горизонтах наряду с типично среднепалеолитическими орудиями (скребла различной модификации, зубчато-выемчатые изделия, остроконечники и др.) выявлены верхнепалеолитические орудия (резцы, скребки, проколки, тронкированные изделия); они составляют более 10 %.

Индустрия раннего этапа верхнего палеолита четко прослеживается в культуросодержащих горизонтах 11–9 (рис. 2). Для этой индустрии характерно параллельное расщепление, направленное на получение удлинённых заготовок с одно- и двухплощадочных нуклеусов, среди которых имеются призматические образцы. Важной особенностью этого технокомплекса являются многочисленные проявления приемов микропластинчатого расщепления. В коллекции имеются нуклеусы клиновидной и конусовидной формы, скребки типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями, и выразительная серия микропластин. Среди орудий преобладают продольные скребла, концевые скребки и скребки высокой формы, ножи с естественным обушком и обушком-гранью, угловые резцы и проколки, шиповидные формы и выемчатые изделия, в основном с ретушированными анкошами. Из других категорий инвентаря представлены остроконечники на пластинах, угловые острия, клювовидные и зубчатые изделия, крупные ретушированные пластины и микропластины с притупленным краем. Единичны простой и атипичный остроконечники леваллуа, фрагмент овального бифаса и медиальный сегмент бифаса листовидной формы, тронкированные отщеп и пластина, фрагмент украшения из плотного серпентина с биконически просверленным отверстием.

Серия радиоуглеродных дат, полученных по древесному углю и гуминовым кислотам из кострищ в слоях 10, 9В и 5, определила возраст вмещающих отложений каргинским временем: кровля слоя 10 – $35\,200 \pm 2\,850$ л.н. (СОАН-3259); слой 9В – $33\,400 \pm 1\,285$ л.н. (СОАН-3257), $29\,860 \pm 355$ л.н. (СОАН-3358) и $29\,720 \pm 360$ л.н. (СОАН-3359); слой 5 – $27\,020 \pm 435$ л.н. (СОАН-3356) и $26\,305 \pm 280$ л.н. (СОАН-3261). Методом РТЛ-анализа по образцу из прокала очажной линзы в подошве слоя 9В получена дата 50 ± 12 тыс. л.н. (РТЛ-660). Со слоем 5 данной стоянки коррелируется слой 13 находящейся в 3 км от нее стоянки Ануй-2: $27\,125 \pm 580$ л.н. (СОАН-28681). На стоянке Ануй-2 хорошо прослеживается развитие верхнепалеолитического индустриального комплекса вплоть до 20 тыс. л.н.

Таким образом, культуросодержащие горизонты многослойных, хорошо стратифицированных стоя-

нок Усть-Какарол-1 и в Денисовой пещере позволяют проследить эволюцию среднепалеолитической индустрии в верхнепалеолитическую на базе леваллуазской фации. Процесс перехода начался 60–50 тыс. л.н. и завершился формированием верхнего палеолита 50–40 тыс. л.н., а может быть, и ранее.

Стоянка Кара-Бом расположена в 150 км от Денисовой пещеры в долине р. Урсул. На стоянке выделены два среднепалеолитических слоя и шесть верхнепалеолитических горизонтов обитания [Деревянко, Петрин, Рыбин и др., 1998; Деревянко, 2001]. В среднепалеолитических горизонтах первичная обработка представлена нуклеусами параллельного принципа скалывания и леваллуазскими для снятия острий и отщепов. Все нуклеусы относятся к разряду плоскостных. Значительная доля орудий изготавливалась из пластин. Во втором среднепалеолитическом горизонте, расположенном ниже литологического слоя, датированного ЭПР-методом 62,2 тыс. л.н., группа леваллуа-мустьерских орудий составила 32 %, верхнепалеолитических – 16, в верхнем среднепалеолитическом – по 21%. Несмотря на то, что эти горизонты хронологически, видимо, близки, в верхнем по сравнению с нижним больше верхнепалеолитических и меньше леваллуа-мустьерских орудий.

Очень важным индикаторным элементом верхнепалеолитической индустрии является сочетание признаков хорошо развитой леваллуазской техники первичного расщепления и нуклеусов торцового типа, с которых снимали узкие и длинные пластины, использовавшиеся для изготовления резцов, концевых скребков и других изделий. Возможно, применялась и отжимная техника [Деревянко, Волков, 2004].

В горизонтах обитания 5 и 6, которые относятся к ранней поре верхнего палеолита, практически все нуклеусы демонстрируют параллельный принцип скалывания; большую долю составляют торцовые ядрища, с которых скалывали узкие и длинные пластины (рис. 3). Большинство каменных орудий изготовлено из пластин. Так, в горизонте 6 на отщепах оформлено 19,5 % орудий, на пластинах – 70,6, на остроконечных

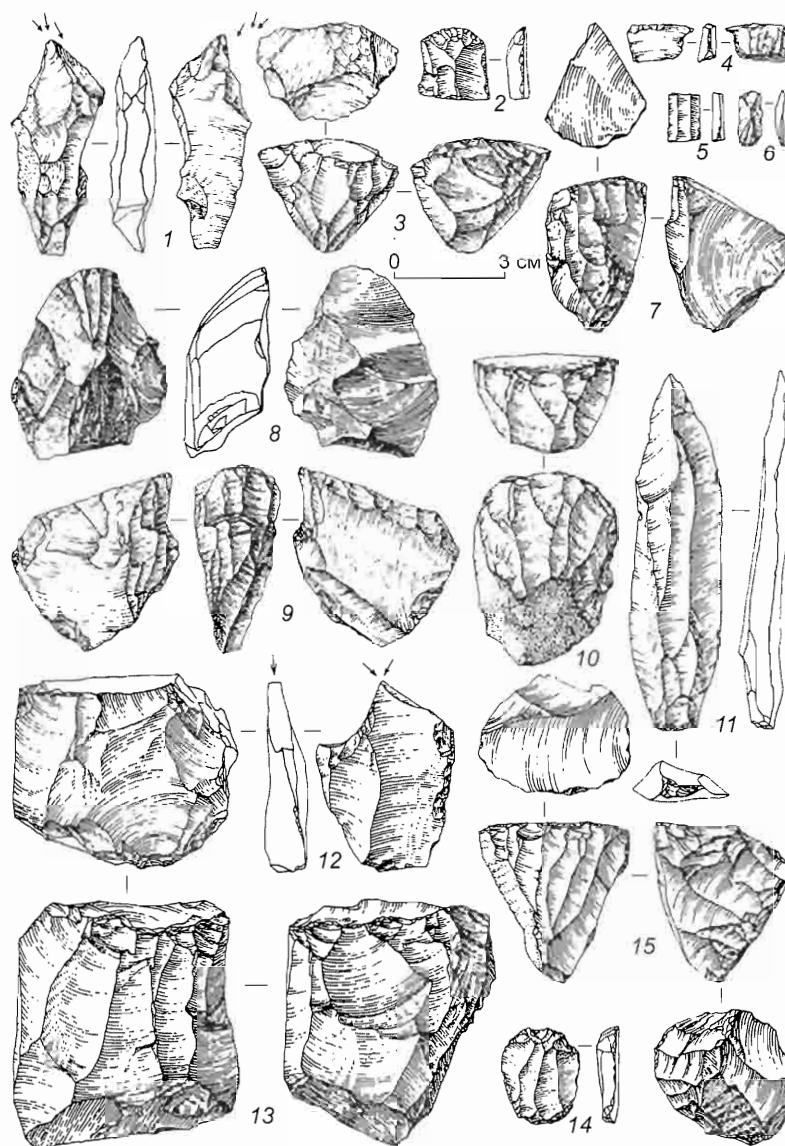

Рис. 2. Каменный и костяной инвентарь из слоев 9, 10 стоянки Усть-Каракол-1.

1, 12 – резцы; 2, 8, 14 – скребки; 3, 7, 9, 10, 13, 15 – нуклеусы; 4 – проколка; 5, 6 – микропластинки; 11 – остроконечник.

сколах – 6,9%. Пластины, использовавшиеся для изготовления каменных орудий, как правило, массивные. На пластинах выполнены концевые скребки, многофасеточные резцы, острия, пластины-клинки, заготовкой для которых служили пластины длиной до 25 см, а также комбинированные орудия. Значительный удельный вес среди орудий имеют разнообразные зубчато-выемчатые инструменты, тщательно оформленные ретушью. Основные типологические группы орудийного набора относятся к верхнему палеолиту. Сравнение выявило преемственность и сходство с ведущими типами каменных орудий из мустьерских и верхнепалеолитических горизонтов. Без сомнения, здесь верхнепалеолитическая индустрия формирова-

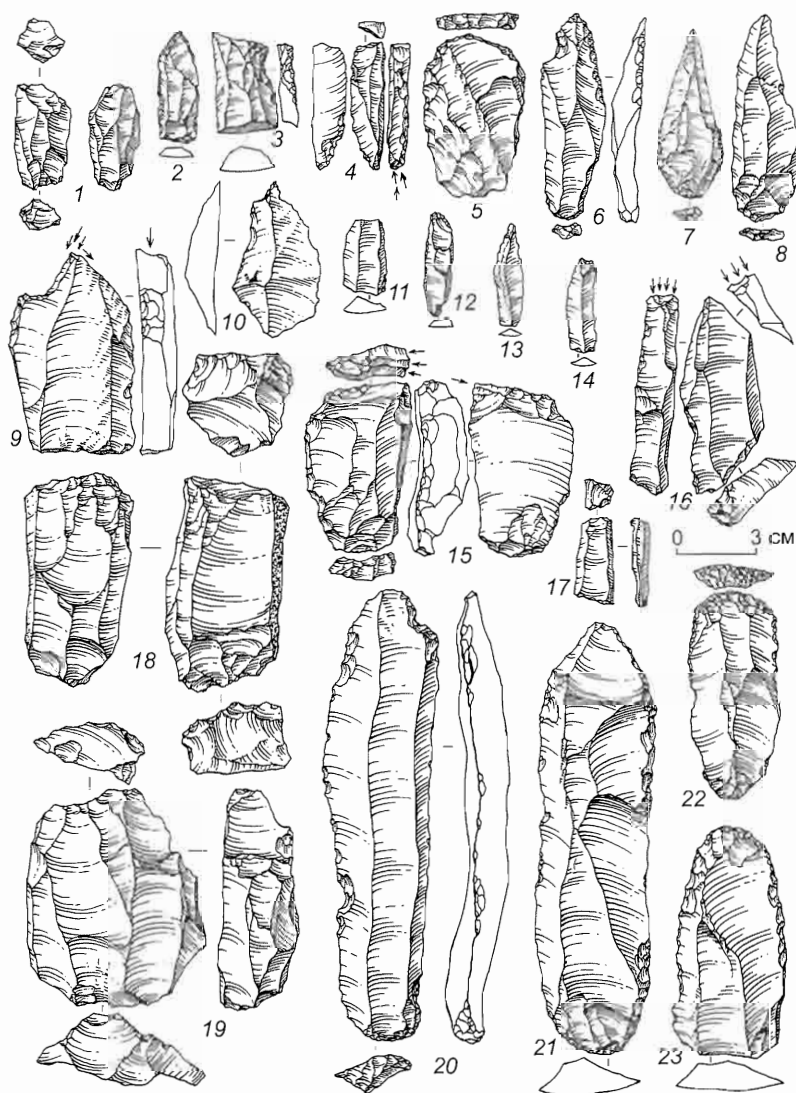

Рис. 3. Каменный инвентарь уровня обитания 6 стоянки Кара-Бом.
1, 17–19 – нуклеусы; 2, 6–8 – острия; 3 – выемчатое орудие; 4, 9, 15, 16 – резцы;
5, 22, 23 – скребки; 10 – проколка; 11–14 – пластины; 20, 21 – пластины-ножи.

лась на основе более ранней среднепалеолитической. Горизонт 6 датируется по радиоуглероду $43\,200 \pm 1\,500$ л.н. (Gx-17597), горизонт 5 – $43\,300 \pm 1\,600$ л.н. (Gx-17596). В этих горизонтах обитания на стоянке Кара-Бом фиксируется сложившаяся верхнепалеолитическая индустрия. Правомерность отнесения горизонтов 5 и 6 к верхнему палеолиту подтверждается свидетельствами символической деятельности обитателей стоянки [Деревянко, Рыбин, 2003].

По всем основным характеристикам первичной и вторичной обработки карабумовская индустрия существенно отличается от верхнепалеолитической каракольской индустрии. Уже на раннем этапе верхнего палеолита на территории Горного Алтая проявлялась хорошо выраженная вариабильность, хотя основой верхнепалеолитических индустрий была

одна более древняя ашело-леваллу-азская традиция.

Таким образом, на территории Горного Алтая каракольская и карабумовская верхнепалеолитические традиции начали формироваться 60–50 тыс. л.н., а 50–40 тыс. л.н. они полностью приобрели верхнепалеолитический облик. О формировании здесь в столь раннее время верхнепалеолитических культур свидетельствуют также изделия из кости, проявления новой стратегии поведения, символической деятельности человека.

Принципиально важным является вопрос об интерпретации палеоантропологических находок из двух пещер Горного Алтая – Денисовой и Окладникова. В горизонте 22.1 Денисовой пещеры обнаружен второй нижний левый молочный моляр m_2 ребенка 7–8 лет, а в слое 12 – первый верхний левый медиальный постоянный резец взрослого человека. Из слоев пещеры Окладникова получено пять зубов подростков 12–14 лет и детей 5–7 лет [Шпакова, 2001]. Этот материал имеет чрезвычайно важное значение для изучения вопросов, касающихся последовательности заселения территории Алтая представителями рода *Homo*. По метрическим и описательным признакам Е.Г. Шпакова установила, что, несмотря на отдельные архаические черты, одонтологический материал из алтайских пещер принадлежит, скорее всего, представителям ископаемого

человека современного физического типа – ранним *Homo sapiens sapiens* [Там же]. Хорошая сохранность эмали резца и отсутствие на ней следов гипоплазии свидетельствуют о достаточно стабильном биологическом развитии субъекта, которому принадлежал зуб. Согласно этим признакам, палеолитические обитатели Денисовой пещеры жили, вероятно, в относительно комфортных условиях окружающей среды, без сильных физиологических стрессов, которые могли быть связаны с длительным голоданием или хроническими болезнями [Шпакова, Деревянко, 2000].

Очень важные результаты были получены при изучении палеоантропологических находок из пещеры Окладникова: в слоях 7, 3 и 2 найдены зубы, в слое 3 – фрагментированные кости стопы и грудной клетки. Исследование этих материалов в Институ-

те популяционной генетики человека и животных им. М. Планка не выявило существенных различий в рационе питания древнего и современного человека. Было определено, что митохондриальная ДНК не имеет неандертальских особенностей, т.е. она соответствует человеку современного физического типа.

Пещера Окладникова остается некоторой загадкой для исследователей палеолита Горного Алтая [Деревянко, Маркин, 1992]. Это первая из полностью исследованных пещер в регионе, индустрия которой относится к разряду пластинчатых. Специфику каменного инвентаря памятника определяют большое количество орудий труда (более 30 %) и преобладание в орудийном наборе скребел различной модификации, в т.ч. скребел *dejeté*. Среди всех ансамблей каменного инвентаря Горного Алтая индустрия пещеры Окладникова выделяется хорошо выраженными мустьеровидными формами. Для пещерных отложений получены даты: слой 1 – $33\,500 \pm 700$ л.н. (RIDDL-718); слой 2 – $37\,750 \pm 750$ л.н. (RIDDL-719); слой 3 – $28\,470 \pm 1\,250$ л.н. (COAH-2459), $28\,470 \pm 1\,250$ л.н. (COAH-2459), $32\,400 \pm 500$ л.н. (RIDDL-721), $43\,700 \pm 1\,300$... $1\,100$ л.н. (RIDDL-720), $43\,300 \pm 1\,500$... $1\,300$ л.н. (RIDDL-722); слой 7 – $44,6 \pm 3,3$ тыс. л.н. (Pa-231 agl kyr), $44,8 \pm 4$ тыс. л.н. (Th-23 agl kyr). Учитывая маломощность рыхлых отложений под навесом и наличие капролитов современных животных, ряд дат, с моей точки зрения, омоложен. Археологический материал всех культуросодержащих горизонтов гомогенный; он накапливался 40–44 тыс. лет. Генетический и одонтологический анализы свидетельствуют о том, что обитатели пещеры Окладникова принадлежали виду *Homo sapiens sapiens*. На сегодняшний день это древнейшие в восточной части Евразии представители человека современного физического типа.

Планомерное и комплексное изучение палеолитических местонахождений на территории Горного Алтая позволило проследить динамику среднепалеолитической индустрии и ее эволюцию в верхнепалеолитическую. Нет никаких сомнений в том, что верхний палеолит на этой территории сформировался ранее 40 тыс. л.н. Одними из основных признаков принадлежности к раннему этапу верхнепалеолитической культуры являются проявления параллельного принципа первичного расщепления и многочисленность орудий, изготовленных на базе пластин и микропластин. Элементы пластинчатых технологий позволяют ответить на вопрос о том, где и когда в восточной части Евразии произошло становление индустрии, связанной с человеком современного физического типа.

Процесс формирования верхнепалеолитической индустрии можно проследить и на материалах из других местонахождений на Алтае – Ануй-3 [Дере-

вянко, Шуньков, 2002], Ануй-1 [Деревянко, Зенин, 1990], отложений в пещере Страшная [Деревянко, Zenin, 1997], стоянки Ушлеп-6 [Кунгуров, Маркин, Семибратов, 2003] и др.

К раннему верхнему палеолиту карабумовской традиции относится стоянка Кара-Тенеш [Деревянко, Петрин, Николаев и др., 1998]. Для третьего литологического горизонта, датированного радиоуглеродным методом от $42\,165 \pm 4\,170$ л.н. (СОРАН-2485) до $26\,875 \pm 625$ л.н. (СОРАН-2134), характерна индустрия с использованием в качестве основы для изготовления орудий крупных пластин. Ранний этап верхнего палеолита представляют стоянки в Усть-Канской и Малояломанской пещерах и др.

Таким образом, изучение хорошо стратифицированных пещерных и открытых стоянок на территории Алтая позволяет проследить формирование на основе среднепалеолитической индустрии двух переходов к верхнему палеолиту, а также становление пластинчатой (карабумовская) и пластинчатой и микропластинчатой (каракольская) культур верхнего палеолита.

Проблема формирования верхнепалеолитической пластинчатой индустрии на территориях Монголии, Прибайкалья и Забайкалья

На сопредельных с Горным Алтаем территориях Восточной Сибири и Монголии наблюдаются как близкие процессы эволюции финального этапа индустрий среднего в поздний палеолит, так и некоторые отличия.

На территории Монголии исследовалось небольшое количество хорошо стратифицированных местонахождений, которые отражают эволюцию индустрий раннего, среднего и переход к верхнему палеолиту. Материалы, выявленные в нижних горизонтах 13–10 пещеры Цаган-Агуй, свидетельствуют об использовании ортогонального и радиального принципов первичного расщепления [Археологические исследования..., 1998; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Петрин и др., 1998; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Кривошапкин и др., 2000]. Слой 12 датирован 520 ± 130 тыс. л.н. (РТЛ-805), слой 11 – 450 ± 117 тыс. л.н. (РТЛ-806). В слое 9 были обнаружены леваллуазские нуклеусы. Очень вероятно, что индустрия в нижних горизонтах связана с представителями первой волны глобальной миграции, а начиная со слоя 9 – второй. В культуросодержащих горизонтах 4 и 3 нашел отражение процесс формирования верхнепалеолитической индустрии. Установлены даты для горизонта 4: 66 ± 9 тыс. л.н. (RU), 57 ± 7 тыс. л.н. (LU), 49 ± 6 тыс. л.н. (EU) и для горизонта 3: $33\,840 \pm 640$ л.н. (AA-23158), $33\,777 \pm 585$ л.н.

(АА-26587), $33\,497 \pm 600$ л.н. (АА-26588), $32\,960 \pm 670$ л.н. (АА-23159), $30\,942 \pm 478$ л.н. (АА-26589). К сожалению, материалов из этих культуросодержащих горизонтов недостаточно, чтобы детально проследить динамику и специфику развития индустрии человека в этом хронологическом диапазоне. В горизонте 3 представлена уже сформировавшаяся верхнепалеолитическая культура карабумовского варианта [Деревянко, 2001].

Для решения проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту исключительно важное значение имеют раскопки на многослойных, хорошо стратифицированных стоянках Орхон-1 и 7, расположенных на р. Орхон в 3 км от Хара-Хорина (Монголия) [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992; Derevianko, Petrin, 1993]. На этих стоянках выявлено несколько культуросодержащих горизонтов, датируемых 70–38 тыс. л.н. В пойменной фации аллювия Орхона вскрыты среднепалеолитические горизонты с очагами. Здесь отмечены преобладание левауазских ядрищ и нуклеусов для скалывания крупных пластин и пластинчатых отщепов, а также присутствие изделий на крупных пластинах. В вышележащих горизонтах (40–38 тыс. л.н.) доминируют нуклеусы протопризматического и призматического типов, а также изделия на пластинах. На Орхоне, как и на местонахождении Кара-Бом, выявлено значительное количество зубчато-выемчатых форм. Многие технико-типологические показатели карабумовского и орхонского комплексов близки. Формирование верхнепалеолитической индустрии на территориях Горного Алтая и Монголии происходило, вероятно, в одно время и на единой основе.

С орхонской среднепалеолитической индустрией поразительное сходство имеет технокомплекс стоянок Орок-Нор I, II в Гобийском Алтае [Деревянко, Петрин, 1990]. Сходство проявляется в использовании близкого по качеству сырья, галек как исходных форм, в технико-морфологическом облике нуклеусов (особенно левауазских), орудийном наборе. По основным технико-типологическим характеристикам переход от средне- к позднепалеолитическим индустриям на территории Монгольского и Гобийского Алтая близок к карабумовскому варианту. На других местонахождениях раннего верхнего палеолита (поздние комплексы Кремневой Долины, Чихэн-1, Туин-Гол и др.) также представлены нуклеусы для снятия крупных пластин и разнообразные орудия на пластинах и пластинчатых отщепах. Такое сочетание демонстрирует индустрия нижнего горизонта пещеры Чихэн. На территории Монголии микроиндустрия появилась в развитом верхнем палеолите (ранее 20 тыс. лет).

В Прибайкалье одним из интереснейших является местонахождение Макарово-4, расположенное в долине верхнего течения р. Лены. Для выявленной

здесь индустрии характерны приемы параллельного и субпараллельного расщепления. Орудийный набор весьма разнообразен; он включает скребла различных модификаций, концевые скребки, поперечные резцы, ножи, проколки. Особенно выразительна серия листовидных остроконечников на удлинённых сколах с бифасиально уплощённым основанием [Аксенов, Шуньков, 1978]. Такие же наконечники имеются и в индустрии карабумовского варианта верхнего палеолита. Для культуросодержащих отложений Макарово-4 имеются даты: более 38 тыс. л.н. (АА-8879) и более 39 тыс. л.н. (АА-8880) [Goebel, Aksekov, 1995]. Учитывая особенности осадконакопления на этой стоянке и зловую корразию находок, некоторые авторы значительно удревают возраст макаровского пласта [Медведев, 1983; Аксенов, Бердников, Медведев и др., 1987].

На территории Забайкалья наиболее близкими в хронологическом и техническом отношении к карабумовской индустриальной традиции являются материалы стоянок Толбага (слой 4), Варварина Гора (слой 3), Каменка (комплекс А), Хотык (уровень 3) и Подзвонкая [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Ташак, 2003]. Формирование культуросодержащих отложений этих стоянок, судя по их стратиграфической позиции в разрезах и результатам радиоуглеродного датирования, происходило в каргинское время. Самые ранние каргинские даты установлены для нижнего культурного комплекса стоянки Подзвонкая: $43\,900 \pm 960$ л.н. (СОАН-44445) [Ташак, 2002] и для комплекса А стоянки Каменка: $40\,500 \pm 3\,800$ л.н. (АА-26743) [Лбова, 2002]. Технологической основой забайкальских индустрий служили приемы параллельного скалывания с нуклеусов уплощенной и протопризматической формы, включавшие элементы торцовых снятий. Система параллельного расщепления позволяла использовать в качестве заготовок орудий различные пластины. На удлинённых крупных и средних сколах оформлена большая часть орудий, в составе которых серийно представлены остроконечники и резцы, концевые скребки и проколки, долотовидные изделия и ретушированные пластины. Характерным компонентом этих комплексов является набор т.н. предметов неутилитарного назначения: подвески, бусины и пронизки, изготовленные из трубчатых костей птиц, скорлупы яиц страуса и мягкого поделочного камня [Лбова, Волков, Базаров, 2002; Ташак, 2002], уникальное скульптурное изображение головы медведя, вырезанное из зубовидного отростка шейного позвонка шерстистого носорога [Константинов и др., 1983].

Палеолитические местонахождения на территориях Монголии, Забайкалья, Прибайкалья, датируемые 40–30 тыс. л.н., демонстрируют сходство (в каменном инвентаре, проявлениях стратегии адаптации, сим-

волической деятельности) со стоянками карабомовского варианта верхнего палеолита Горного Алтая [Деревянко, 2001; Деревянко, Шуньков, 2004]. Этому можно дать два объяснения. Первое: на обширных территориях Алтая, Монголии, Прибайкалья и Забайкалья в разные периоды стали распространяться индустрии леваллуазской направленности, связанные с мигрантами второй глобальной волны [Лбова, Намсараев, 2002; Лбова, 2002]. На финальном этапе среднего палеолита на каждой из этих территорий независимо формировались индустрии раннего верхнего палеолита. Определенное сходство в технике первичного расщепления, типах каменных орудий было обусловлено единой древней основой каменной индустрии. Второе: 60–50 тыс. л.н. на территории Монголии, Прибайкалья, Забайкалья в результате миграционных процессов проникли популяции с Горного Алтая, в дальнейшем здесь складывались культуры верхнего палеолита, близкие к карабомовскому и каракольскому вариантам.

На данном этапе исследований наиболее предпочтительным представляется второе объяснение, потому что на территориях восточнее Горного Алтая пока не выявлено хорошо стратифицированных местонахождений среднего палеолита, на базе которых формировались пластинчатые и микропластинчатые индустрии.

Истоки пластинчатой индустрии в Восточной Азии

Совершенно иначе развивались физический тип человека и его культура в китайско-малайской зоне [Деревянко, 2005б]. На территориях Восточной и Юго-Восточной Азии со времени появления здесь архантропов и до финального этапа позднего плейстоцена (W-3) эволюция индустрии происходила по своим внутренним законам без какого-либо существенного влияния извне. Вторая волна древних популяций человека с позднеашельской индустрией не распространялась восточнее территорий Монголии и Индии. Материалы среднепалеолитического времени, имеющие много общего с индустриями, представленными в Монголии, известны лишь в Синьцзяне на северо-западе Китая (в 2004 г. участникам Китайско-американско-российской экспедиции здесь удалось найти более 20 таких памятников).

На территории Китая существовали техника первичной обработки, определяемая как биполярная, прямого удара, и техника наковальни (block-on-block). Они основаны на применении жесткого отбойника. Нигде в Китае не зафиксированы проявления леваллуазской системы первичного расщепления. Всем хорошо известна гипотеза Х. Мовиуса о двух

линиях развития в раннем палеолите. Он разделил раннепалеолитическую ойкумену на территории, где были ручные рубила, и выделил Восточную и Юго-Восточную Азию с галечными орудиями типа чопперов и чоппингов. Орудия типа рубил найдены в ранне-, средне- и позднепалеолитических памятниках в Восточной и Юго-Восточной Азии. В Китае насчитывается более 30 таких местонахождений. Они различны по типологии ручных рубил. Эти стоянки отдалены друг от друга на сотни километров, а самое главное – их разделяет хронологический диапазон в сотни тысяч лет. Тун Энчжэн [1989] утверждает, что в Тибете на высоте 12 и 14 тыс. английских футов (3 567–4 267 м) обнаружены ручные рубила, относящиеся к концу среднего – началу верхнего плейстоцена, что маловероятно, потому что Тибет был заселен человеком не ранее финала плейстоцена. У китайских археологов разные точки зрения на проблемы ручных рубил. Ряд специалистов (Хуан Вэйзэн [1987], Чжан Чжэньхун [Хуан Вэйзэн, Чжан Чжэньхун, 1991], Се Гуанмао [1991, 2002] и др.) признает их наличие и на основании этого полагает, что в Восточной и Юго-Восточной Азии, как и других регионах Евразии, распространялась ашельская индустрия. Линь Шэнлун [2002], Хэ Найхань [Линь Шэнлун, Хэ Найхань, 1995] считают двусторонне оббитые изделия нуклеусами и топорами. Ань Чжиминь [1990] относит двусторонне оббитые орудия к проторубилам.

Наиболее ранние и многочисленные бифасы обнаружены на стоянках в пров. Гуанси на плато Байсэ, расположенном неподалеку от границы с Вьетнамом [Хуан Вэйзэн, Си Найхан, Сагава Масагоси, 2001; Се Гуанмао, Ли Цзянь, Хуан Цишань, 2003; Hou et al., 2000]. В 2005 г. мне удалось посетить эти местонахождения. Рубила зафиксированы здесь *in situ* в литологическом горизонте, датированном по тектитам ок. 800 тыс. л.н. [Hou et al., 2000]. В нем найдены орудия с двусторонне обработанным лезвием, среди которых выделяются чоппинги с меньшей площадью обработанной поверхности и с большей – т.н. рубила. По моему мнению, появление в Китае двусторонне обработанных орудий, типологически близких к ашельским, – результат конвергенции. Следует еще раз подчеркнуть, что они только типологически напоминают ашельские; сопровождающий их инвентарь ничего общего не имеет с ашельской культурой. На сопредельных с Китаем территориях не найдены рубила столь древнего возраста. Рубила, выявленные в Байсэ, – прекрасный пример конвергенции в раннем палеолите. Это китайские двусторонне обработанные изделия – бифасы. На территориях различных районов Китая в разные хронологические эпохи, вплоть до неолита, то появлялись, то исчезали двусторонне обработанные орудия, но они ни типологически, ни хронологически не связаны с бифасами Байсэ. Появ-

ление двусторонне обработанных орудий на более поздних хронологических этапах также было результатом конвергенции и, вероятно, изменений в адаптационных стратегиях. Двусторонне обработанные орудия в Диньцуне “моложе” рубил с плато Байсэ на 600 тыс. лет. Кроме того, они совершенно иные с точки зрения типологии и техники изготовления. Проявления подобных процессов в Юго-Восточной Азии можно наблюдать на территориях Вьетнама, Бирмы, Таиланда [Деревянко, 1975]. Некоторые исследователи среди орудийного набора из палеолитических местонахождений выделяют кливеры, но эти изделия, как и рубила, только функционально близки к ашельским кливерам. В Китае “кливеры” выявлены в палеолитических местонахождениях разных возрастов, в т.ч. относящихся к середине верхнего плейстоцена.

На территории Восточной и Юго-Восточной Азии в памятниках среднего палеолита не зафиксированы проявления леваллуазского принципа расщепления. Поскольку древние мигранты второй волны не проникли восточнее Монголии и Индии, в китайско-малайской зоне Евразии не отмечены черты среднего палеолита, характерные для регионов Африки и Евразии. В среднем плейстоцене и большей части позднего плейстоцена здесь получили продолжение традиции индустрий нижнего плейстоцена. Многие исследователи, в т.ч. и я, считают, что на территории Китая уже в раннем палеолите индустрия с большой долей артефактов малых размеров стала преобладающей к северу от хребта Цзиньлин, а со значительным удельным весом артефактов крупных размеров (макроорудия) – к югу. В эпоху палеолита на территории Китая орудия изготавливались, как правило, на отщепах.

Верхний палеолит на территории Китая начинает формироваться с середины позднего плейстоцена на базе местных технокомплексов и привнесенной с востока (Монголия) и северо-запада (Алтай и Южная Сибирь) индустрии, основанной на пластинчатом расщеплении и орудиях на удлиненных заготовках. Остановимся на двух наиболее ранних верхнепалеолитических местонахождениях на территории Китая – Чжиюй и Шуйдунгоу.

Стоянка Чжиюй расположена на останце 25–30-метровой террасы р. Чжиюхэ в уезде Шосянь пров. Шаньси, в окрестностях д. Чжиюй у восточного склона Хэтомань [Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ю Юйчжу, 1972; Ларичев, 1984]. Терраса сформирована аллювиальными отложениями тонкозернистого серовато-желтого песка мощностью до 18 м. Пески переслаиваются прослойками более рыхлого и крупнозернистого песка с примесью галечек. Ниже залегают слои серовато-черной и коричневой глины, в которую включены золистые прослойки культурного горизонта с каменными орудиями и костями животных. Первичное расщепление на

стоянке Чжиюй представлено не только ядрищами для снятия отщепов, но и небольшим количеством нуклеусов для снятия пластин и микропластин. Пластины скалывались с конических и подпризматических нуклеусов. На стоянке выявлены пластины удлиненные с двумя параллельными гранями и трапециевидные в сечении [Цзя Ланьпо, 1984]. У пластин ударная площадка маленькая, ударный бугорок круглый и выпуклый. По мнению Цзя Ланьпо, пластины могли быть сколоты при помощи посредника, хотя в отчете о раскопках стоянки отмечено, что пластины отделялись при помощи ударника. На стоянке найдены миниатюрный нуклеус торцового типа (т.н. веерообразный), небольших размеров концевые скребки, остроконечники, которые китайские археологи разделили на пять групп. Каменную индустрию стоянки Чжиюй Цзя Ланьпо считает базовой для дальнейшего развития микролитической техники на территории Китая. Для стоянки получена дата: $28\,135 \pm 1\,330$ л.н.

Массу разнообразных вопросов вызывает стоянка начала верхнего палеолита Шуйдунгоу, которая была открыта в 1923 г. Е. Лисаном и П. Тейяр де Шарденом. Стоянка исследовалась несколькими экспедициями и специалистами, которые по-разному определяли место этого индустриального комплекса в палеолите Китая.

В процессе первых стационарных исследований на стоянке Шуйдунгоу было выделено пять пунктов (F1–F5); в ходе последующих работ в 1957, 1960, 1963, 1978 гг. была уточнена стратиграфия стоянок и получен новый значимый материал. По мнению большинства исследователей, к палеолиту относятся стратифицированные пункты Шуйдунгоу I и II, к более позднему времени (мезолит и неолит) – три других пункта.

Местонахождение Шуйдунгоу расположено на краю пустыни Ордос и на западной окраине лессового плато у Великой Китайской стены на р. Шуйдунгоу, впадающей в р. Хуанхэ. Хотя на памятнике неоднократно проводились полевые работы, у исследователей остаются вопросы, касающиеся стратиграфии и геохронологии культуросодержащих горизонтов [Sun et al., 1991; Zhou, Hu, 1988; Ван Юйпин, 1962].

Каменную коллекцию, собранную во время раскопок в 1923 г., изучал А. Брейль. Он выделил три основные категории: нуклеусы, орудия (на нуклеусах, отщепах и пластинах), резцы и микролиты (рис. 4). А. Брейль выделил дисковидные мустьероподобные нуклеусы, с которых скалывали отщепы и нуклеусы для снятия пластин. Орудийный набор включал скребки, шательперронские остроконечники, проколки, анкоши, резцы, микролиты, скребла. Оценивая индустрию Шуйдунгоу, А. Брейль отмечал, что западному типологу эта индустрия “представляется как нечто, находящееся на полпути между разви-

тым мустье и зарождающимся ориньяком, или как комбинация этих двух элементов” [Boule et al., 1928, p. 121].

Ф. Борд на основании изучения коллекции, полученной в ходе раскопок Шуйдунгоу в 1923 г., определил пластинчатый показатель индустрии (31 %), выделил скребла (27 %), зубчатые орудия (16,6 %), бифасы (1 %), чопперы (ок. 2 %), верхнепалеолитические типы (скребки, резцы, проколки, ножи со спинкой, тронкированные пластины, микролиты и т.д. – 28 %) [Bordes, 1968]. В целом он оценил эту индустрию как близкую мустье леваллуазской фации. По мнению Ф. Борда, индустрия Шуйдунгоу – мустьерская, и она не походит на индустрию верхнего палеолита Западной Европы.

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь, исследовав материалы раскопок в 1923 г. и Китайско-советской экспедиции в 1960 г., обратили внимание на большое разнообразие остроконечников, скребел, скребков, ножевидных пластин и микропластин и пришли к выводу, что индустрию Шуйдунгоу, несмотря на сочетание типологических признаков среднего и верхнего палеолита, следует отнести к верхнему палеолиту [1964].

П.Д. Брантингхэм и другие специалисты, достаточно детально исследовавшие индустрию Шуйдунгоу, отмечают признаки многих среднепалеолитических традиций в первичном расщеплении, вторичной обработке, типах каменных орудий, но с учетом облика индустрии в целом, которая характеризуется в основном верхнепалеолитическими элементами, а также геохронологии местонахождения приходят к выводу о необходимости отнесения Шуйдунгоу к начальному этапу верхнего палеолита [Brantingham et al., 2004].

Мне уже приходилось писать о культурно-историческом значении местонахождения Шуйдунгоу, потому что оно, как и стоянка Чжуйю, является ключевым для решения проблемы становления верхнего палеолита в Китае. Дискуссионность проблемы культурно-исторической принадлежности Шуйдунгоу объясняется тем, что исследователи по-разному подходили к рассмотрению индустрии памятника: одни обращали внимание на некоторую архаичность черт первичной и вторичной обработки и типов орудий труда, другие – на элементы, характерные для развитого верхнего палеолита [Kozłowski, 1971]. Китайские и западные палеолитоведы придерживаются разных подходов к оценке типологии каменных орудий и технологии их изготовления. Неко-

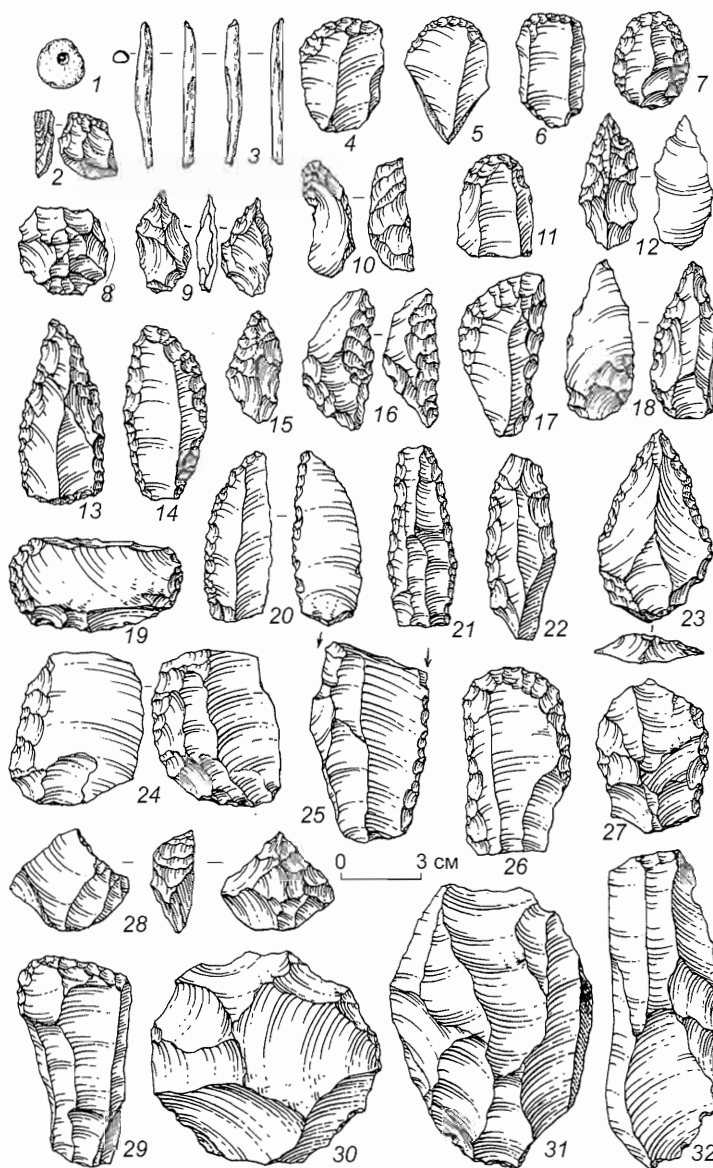

Рис. 4. Костяной и каменный инвентарь стоянок Шуйдунгоу.

торые исследователи отмечают несколько больший “архаизм” стоянки Шуйдунгоу II, чем Шуйдунгоу I, что можно объяснить более ранним возрастом Шуйдунгоу II и главное – разным количеством находок на этих стоянках.

Индустрию Шуйдунгоу, с моей точки зрения, в целом необходимо считать верхнепалеолитической. Первичное расщепление в Шуйдунгоу связано с дисковидными, параллельными, двуплощадочными монофронтальными, торцовыми нуклеусами и микронуклеусами. Нуклеусы для снятия отщепов, напоминающие дисковидные ядрища, встречаются не только в верхнепалеолитических, но и в неолитических отложениях. Двуплощадочные монофронтальные нуклеусы неко-

торые исследователи относят к леваллуазским. Но это чисто субъективная оценка, обусловленная очень расширенным пониманием леваллуа. Необходимо иметь в виду, что в Шуйдунгоу такие нуклеусы сильно сработанные, т.е. с них многократно снимались пластины, что сопровождалось подправкой ударной площадки, способной создать иллюзию фасетирования ударной площадки. Торцовые нуклеусы и микронуклеусы достаточно типичны для развитого и позднего палеолита. На стоянке не найдено ни одного классического леваллуазского нуклеуса.

Орудийный набор в Шуйдунгоу разнообразен. Типичными для стоянок являются острья. В 1960 г. был обнаружен остроконечник из фиолетового кварцита, изготовленный на удлиненной пластине с подправленной ударной площадкой. Оба его края несут признаки ретуширования, ближе к острому концу – многорядного. Данное изделие имеет “удивительное типологическое сходство с классическими мустьерскими остроконечниками” [Цзя Ланьпо и др., 1964, с. 82]. В связи с этим необходимо отметить, что в Шуйдунгоу не найдено ни одного нуклеуса, с которого можно было бы получить такое леваллуазское снятие. Все другие остроконечники достаточно типичны для переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту и для верхнего палеолита. Края остроконечников обрабатывались со спинки однорядной и реже двурядной ретушью.

Большой удельный вес в коллекции имеют концевые скребки с прямым и скошенным рабочим лезвием. Ретушировались не только рабочее лезвие на конце пластины, но и один-два края. Среди инвентаря имеются скребки высокой формы, напоминающие карене. На пластинах и пластинчатых сколах оформлялись скребла, ножи, зубчатые и выемчатые изделия. В небольшом количестве на стоянке представлены резцы, проколки.

При раскопках на стоянке в 1963 г. были обнаружены костяное изделие длиной 58,8 мм, определяемое как пробойник или ложило, и округлое украшение из скорлупы страусиного яйца с просверленным в центре отверстием. В районе украшения был отмечен красный пигмент. Обуглившееся орудие с серповидным краем, изготовленное из расщепленной кости, было обнаружено в очаге ($26\,650 \pm 170$ л.н.). Один его конец был расщеплен. На внутренней и внешней поверхностях имеются следы полировки и стертости, появившиеся, видимо, в результате эксплуатации.

Геохронология стоянок Шуйдунгоу достаточно сложная. Радиоуглеродные даты для нижних горизонтов Шуйдунгоу II из семи очагов – от 29 500 до 23 800 л.н., но в основном они укладываются в диапазон 27–25 тыс. л.н. [Brantingham et al., 2004].

Хронологически стоянки Северного Китая ($28\,945 \pm 1\,370$ и $32\,220 \pm 625$ л.н.) Чжуйюй и Шуй-

дунгоу относятся уже к середине верхнего палеолита. Черты переходного этапа к верхнему палеолиту и раннего этапа верхнего палеолита в Китае пока еще не зафиксированы на палеолитических местонахождениях. На стоянках Шуйдунгоу и Чжуйюй в первичном расщеплении, оформлении орудий и их типологии прослеживаются определенные связи со стоянками типа Динцунь, Салавасу и Дали. Модель перехода к верхнему палеолиту в Китае, с моей точки зрения, можно представить следующим образом: в начале – середине позднего плейстоцена на территории Китая происходило дальнейшее прогрессивное развитие более древних индустрий, формировалась та основа, на которой с приходом 35–30 тыс. л.н. популяций с территориями Монголии и Южной Сибири с пластинчатой техникой и складывались индустрии типа Шуйдунгоу и Чжуйюй. Наиболее ранние памятники с пластинчатой индустрией древностью 35–40 тыс. л.н. могут быть обнаружены в Синьцзяне и на северо-востоке Китая, т.е. в приграничных с Алтаем и Забайкальем районах.

На Корейском полуострове пластинчатая культура формировалась также под влиянием пластинчатых индустрий, развивавшихся на юге российского Дальнего Востока или Северо-Восточного Китая. Наиболее ранними палеолитическими местонахождениями на Корейском полуострове являются Чжонгкри-1 (Чонгкони), Гаволри, Джухволри, Янмунри, пещера Ёнгкок. Наиболее хорошо изученной и вместе с тем вызывающей противоречивые толкования является стоянка Чжонгкри-1 (Чонгкони). Она расположена на небольшом холме у р. Хонтханган в 2 км от д. Чжонгкри уезда Енчхон пров. Кенгу. Для этой стоянки характерны грубые рубящие орудия, бифасы, пики, изделия, напоминающие кливеры, отщепы, пластинчатые сколы и др. Как мне представлялось ранее, данное местонахождение – одно из древнейших на полуострове и найденные здесь крупные каменные изделия аналогичны позднеашельским [Деревянко, 1983]. В настоящее время я считаю эту точку зрения неверной; по происхождению подобная индустрия связана с территорией Китая, а каменные орудия Джонгкри-1 имеют много общего со стоянками, исследованными в Северном Китае в районе Динцуня.

У корейских археологов нет единой точки зрения на геохронологию стоянки. Имеется дата, определенная термолуминисцентным методом: 190–70 тыс. л.н. [Ли Хонджон, 2002]. Один из исследователей Джонгкри-1 Бэ Ги Донг [1989] определяет возраст культуросодержащего слоя стоянки 180–200 тыс. лет. Ли Сон Бок ранее [1989] считал, что возраст стоянки 40–50 тыс. лет; в настоящее время возраст нижнего культуросодержащего слоя он определяет 75–130 тыс. лет [Yi Seonbok, 1999]. С моей точки зрения, стоянка Джонгкри-1 относится к 70–160 тыс. л.н. Для всех палеолитических

местонахождений Корейского полуострова финала среднего – начала верхнего плейстоцена характерны галечная техника, наличие бифасов, пик, чопперов, чоппингов, скребел, орудий на отщепах.

Первичное расщепление на стоянке представлено дисковидными, галечными и аморфными нуклеусами. Леваллуазская техника первичного расщепления на полуострове, как и на территориях Китая и Японии, не прослеживается. На Корейском полуострове, а также в других регионах китайско-малайской зоны со времени первоначального заселения этих территорий человеком до появления пластинчатой индустрии происходило медленное эволюционное развитие индустрии, основанной на мелких и крупных отщепах. При детальном изучении палеолитических местонахождений безусловно выделяются локальные варианты культуры со спецификой первичной и вторичной обработки каменных орудий. Однако еще раз подчеркну, что средний палеолит, характерный для афро-евразийской зоны, на этих территориях не прослеживается. В индустриальных комплексах на Корейском полуострове не выявлены диагностические элементы, на основе которых можно было бы обосновать более дробное деление палеолитической эпохи, т.е. выделение среднепалеолитической эпохи.

Корейским археологом Ли Хонджоном [2003] сделана, по-моему, удачная попытка обосновать переход от среднего к позднему палеолиту на полуострове*. Здесь на местонахождениях, относящихся к середине позднего плейстоцена, наряду с проявлением галечной и дисковидной техник, наличием макроорудий (чопперы, чоппики, бифасы, скребла) выявлены многочисленные орудия труда на отщепах; происходил процесс микролитизации индустрий, и в качестве сырья использовался уже не кварцит, а в основном кремнь.

Пластинчатая индустрия проникла на Корейский полуостров, видимо, с юга российского Дальнего Востока и с Северо-Восточного Китая не ранее 30–25 тыс. л.н., и в результате смешения более древней, местной отщеповой и привнесенной пластинчатой индустрий здесь сформировалась верхнепалеолитическая культура.

Антропологический аспект

При решении проблемы формирования верхнего палеолита и появления пластинчатой индустрии в китайско-малайской зоне невозможно обойти проблему становления здесь *Homo sapiens sapiens*. Согласно гипотезе “Ноева Ковчег”, или “Африканской Евы”,

*Ли Хонджон к среднему палеолиту относит палеолитические местонахождения финала среднего – первой половины позднего плейстоцена.

человек современного физического типа сформировался в Африке не позднее 150–100 тыс. л.н. и в дальнейшем начал продвигаться в Евразию. Заселяя новые территории, он замещал более древнее население. Сторонники гипотезы мультирегиональной эволюции считают, что человек современного физического типа мог формироваться повсеместно – в Африке, Европе, Азии – при постоянном обмене генетическим материалом между популяциями в этих регионах, а с приходом *Homo sapiens sapiens* здесь происходила метисация населения.

В китайско-малайской зоне в течение прошлого столетия был собран большой по объему палеоантропологический материал, который позволил достаточно убедительно обосновать возможность эволюции восточно-азиатских *Homo erectus* в *Homo sapiens*. Одним из авторов этой гипотезы был крупнейший антрополог прошлого века Ф. Вайденрайх.

Впервые останки древних архантропов, о возможности существования которых Э. Геккель говорил еще в 1866 г., были открыты в 1891 г. Э. Дюбуа при раскопках в Кедунг Брубус на о-ве Ява. В ходе раскопок на острове был получен большой объем костных остатков, относящихся к разным отделам мужских, женских и детских скелетов *Homo erectus*. Древность азиатских *Homo erectus* определяется в пределах 1–1,7 млн л.н. Один из дискуссионных вопросов – степень родства африканских и азиатских *Homo erectus*. Сравнение наиболее полного черепа с лицевым отделом Сангиран-17 с черепом (KNM-ER3733) *Homo ergaster* из Африки показало, что по измерительным и описательным признакам они относятся к таксону *Homo erectus*, однако представляют различные формы [Васильев, 1999].

Древнейшие останки (фрагмент нижней челюсти, зубы) раннего *Homo erectus* были обнаружены в Китае в пещере Лунгупо (пров. Сычуань). Установить видовую и подвидовую принадлежность этих образцов ввиду их фрагментарности трудно. Б. Вуд и А. Тернер [Wood, Turner, 1995] не исключают, что первыми мигрантами из Африки в Азию могли быть древнейшие представители рода *Homo*, от которых уже в Азию произошли *Homo erectus*. Это очень спорная точка зрения, потому что древность стоянки Лунгупо (ок. 2 млн лет) [Anton, Aziz, Ziam, 2000] вызывает дискуссию [Ранов, 1999], а самые древние яванские *Homo erectus* относятся к периоду ок. 1,7 млн л.н.

Ранним плейстоценом (по китайской стратиграфической шкале) датируются палеоантропологические материалы, выявленные в 1963 и 1964 гг. в Китае. В 16 км южнее г. Ланьтянь (пров. Шэньси) на стоянке Гунванлин найдена черепная крышка ископаемого человека, а в 11 км северо-западнее г. Ланьтянь на стоянке Чэньцзяво найдена нижняя челюсть. Различными методами датирования было определено, что

палеоантропологические материалы из Гунванлина древнее, чем из Чэньцзяо. Как показал анализ изотопов кислорода, местонахождение Гунванлин древнее эпизода Харамильо (970 тыс. лет) в пределах эпохи Матуяма; его возраст составляет приблизительно 1 150 тыс. лет, а возраст Чэньцзяо – 500–590 или 650 тыс. лет [Pope, 1988; Keates, 2001].

Важное значение для установления дальнейших путей эволюции *Homo erectus* имеют находки из пещеры Чжоукоудянь – черепа, зубы, части скелетов 44 индивидуумов. Физический тип синантропа удалось восстановить достаточно детально. Этот тип гоминид, представители которого сходны с яванскими питекантропами, был включен в вид *Homo erectus* как подвид *Homo erectus pekinensis* [Зубов, 2004]. Древность слоев 1–10 Чжоукоудяня различными методами была определена в пределах 460–230 тыс. лет, слоев 10, 11 – приблизительно 500 тыс. лет, слоя 13 (по результатам датирования палеомагнитным методом) – 690 тыс. лет [Pope, 1988; Bada, 1987; Keates, 2001].

С более поздним временем – концом среднего – верхним плейстоценом – связаны палеоантропологические находки из Хэсян (пров. Аньхой), Чаньян и Юньсян (пров. Хубэй), Моба (пров. Гуаньдун), Динцунь и Дали (пров. Шаньси), Салавасу, Люцзян и Лайбинь (пров. Ганьсу), Цзыян (пров. Сычуань), Верхнего грота Чжоукоудянь (пров. Хэбэй) и др.

Ф. Вайденайх – крупнейший знаток палеоантропологических материалов Китая одним из первых обосновал гипотезу, согласно которой расселившиеся в Евразии африканские *Homo erectus* в течение длительного времени эволюционировали в *Homo sapiens*. Африканские и азиатские *Homo erectus* различались по анатомическим особенностям, но сохраняли сходство в главных диагностирующих признаках. В результате эволюционного развития и естественного отбора человек современного физического типа мог сформироваться независимо в различных районах земного шара [Weidenreich 1939, 1943, 1945, 1946, 1947].

Идеи, высказанные Ф. Вайденайхом более 50 лет назад, нашли поддержку у сторонников мультирегиональной эволюции. М. Волпофф, А. Торн, Ф. Смит, Д. Фрайер, Д. Поуп [Wolpoff et al., 1994] также считают, что ископаемые антропологические остатки более ранних и более поздних форм свидетельствуют о непрерывности их эволюционного ряда. Позднеплейстоценовые палеоантропологические материалы “иллюстрируют продолжающуюся модернизацию китайского черепа и представляют убедительное свидетельство уникального регионального черепнолицевого комплекса, который связывает древнейшие китайские останки с современными китайскими популяциями” [Ibid, p. 187].

В последние 50 лет в Китае выявлены многочисленные палеоантропологические материалы, которые

позволяют проследить преемственность не только между древним антропологическим типом и современными китайскими популяциями, но и между плейстоценовыми представителями от *Homo erectus* до *Homo sapiens sapiens*. У Синьчжи [Wu Xinzhi; 2004] отмечает, что у всех древних палеоантропологических находок есть общие показатели. Все верхние резцы лопатообразные. Швы, соединяющие лобную кость с носовыми (*sutura frontonasalis*) и верхнечелюстными (*sutura frontomaxillaris*), расположены более или менее горизонтально, без выступов *s. frontonasalis*. Верхняя часть лица всех черепов низкая и плоская, зигомаксиллярный угол большой. Переносье плоское. Часть орбиты, формируемая скуловой костью (*margo superiolateralis*), имеет округлую, а не заостренную форму. Переднелатеральная поверхность лобно-сфеноидного отростка скуловой кости (*processus frontosphenoidalis ossis zygomatici*) не прямая, а изогнутая. Соединение между скуловой и верхнечелюстной костью (*sutura zygomaticomaxillaris*) расположено близко к альвеолярному краю. Максимальная ширина черепного свода составляет в среднем треть его длины; более ранние черепа имеют мидсагиттальный гребень. Особо следует заметить, что в других регионах на палеоантропологических находках могут быть представлены отдельные из перечисленных признаков, но не весь морфологический комплекс, выявленный в Китае. В добавление к общим морфологическим признакам, подтверждающим преемственность в данных останках черепов в Китае, наблюдается морфологическая мозаичность между *Homo sapiens erectus* и *Homo sapiens sapiens*. Эта мозаичность указывает на постепенность перехода от одного подвида к другому [Ibid, p. 131, 133] и свидетельствует о том, что *Homo sapiens sapiens* следует рассматривать как хронологический подвид *Homo sapiens erectus* [Wolpoff et al., 1994]. Эволюцию человека в Китае характеризуют и преемственность, и гибридизация. Гибридизация, или межвидовое скрещивание, сократила степень изолированности различных популяций и сохранила единство человечества без видообразования [Wu Xinzhi, 2004].

В пользу гипотезы мультирегиональной эволюции свидетельствуют данные о том, что заселение Австралии более 60 тыс. л.н. древними популяциями происходило с материка по шельфу и мелководью проливов. По анатомии и поведению это были представители современного вида *Homo sapiens* [Wolpoff et al., 1994; Bartstra, Soegondho, Wijk, 1988]. Палеоантропологические находки из Индонезии, Новой Гвинеи, Австралии, относящиеся к плейстоцену, также демонстрируют анатомическую последовательность, которая никогда не прерывалась более поздними миграциями [Wolpoff et al., 1994].

Между яванскими и китайскими *Homo erectus* существовали некоторые различия, которые в результа-

те эволюции и естественного отбора в течение почти миллиона лет привели к формированию на основе китайских *Homo erectus* монголоидной расы, а на основе яванских *Homo erectus* – австралоидной расы. Но, тем не менее, сторонники гипотезы “Ноева Ковчега”, основываясь на тех же палеоантропологических материалах, делают противоположные выводы [Howell, 1994].

Обширный археологический материал из сотен изученных палеолитических стоянок в Восточной и Юго-Восточной Азии свидетельствует о непрерывности развития индустрии на этой территории на протяжении последнего миллиона лет. Возможно, что в результате палеоэкологических катастроф (похолодания и т.д.) ареал древних популяций человека в китайско-малайской зоне сужался, но древние архантропы никогда не покидали эту территорию. Здесь эволюционно развивались и сам человек, и его индустрии без каких-либо существенных влияний извне. Дополнительным аргументом в поддержку этого вывода является тот факт, что на территориях Китая и всей китайско-малайской зоны эпоха среднего палеолита представлена не так, как на другой части Евразии и в Африке. Переход к верхнему палеолиту в этой зоне, видимо, начался 50–30 тыс. л.н., а завершился с появлением пластинчатой технологии. Распространение здесь пластинчатой технологии было связано с проникновением других популяций, при этом происходили не замещение автохтонного населения, а аккультурация и метисация. Этот процесс демонстрируют палеолитические местонахождения древностью 20–30 тыс. лет на территориях Китая и Корейском полуострове: они представляют наряду со старыми традициями в первичной и вторичной обработке камня новые технологии, связанные с пластинчатой индустрией.

Проблема пластинчатой микроиндустрии в Северной Азии

Пластинчатая микроиндустрия в некоторых районах Северной, Центральной и Восточной Азии стала оформляться ок. 25 тыс. л.н. и получила широкое распространение после 20 тыс. л.н. С моей точки зрения, пластинчатая индустрия, появление которой было четко детерминировано, хронологически соответствовала переходу от среднего к позднему палеолиту, но формирование пластинчатых микроиндустрий могло происходить конвергентно и на разных хронологических этапах. Рассмотрим эту проблему на примере каракольской культуры Юго-Западной Сибири и селенджинской культуры юга Дальнего Востока.

В культуросодержащем горизонте 11 Денисовой пещеры наряду с пластинами средних и крупных

размеров довольно широко представлены микронуклеусы и микропластины. У микронуклеусов торцового типа ударная площадка составляет с фронтом скалывания острый угол – 45–60°. Микропластинки имеют следы нанесения со спинки крутой ретуши; это т.н. микропластины с притупленной ретушью. На стоянке Усть-Каракол-1 к каракольской культуре относятся слои 11–8. В слое 11 выявлены нуклеусы небольших размеров и микропластины, а также скребки высокой формы типа карене с рабочим лезвием, оформленным ламинарной ретушью.

Динамику индустрии пластин и микропластин отражает инвентарь со стоянки Ануй-2 и из слоя 9 Денисовой пещеры, относящийся к развитому этапу верхнего палеолита. На стоянке Ануй-2 в толще финального этапа позднеплейстоценовых отложений (слои 14–8) зафиксировано 12 горизонтов обитания палеолитического человека. Все горизонты палеолитических находок отделены друг от друга стерильными прослойками мощностью до 10 см. Горизонты обитания залегают *in situ*, о чем свидетельствуют остатки кострищ различной формы [Природная среда..., 2003]. Для литологических слоев 10–13, вмещающих культуросодержащие горизонты 3–13, получены девять дат в хронологическом диапазоне от $21\,280 \pm 440$ до $27\,930 \pm 1\,594$ л.н.

Во всех культуросодержащих горизонтах имеются разной степени сработанности одно- и многофронтальные нуклеусы для снятия ножевидных пластин, орудия, выполненные на пластине, а также нуклеусы для снятия микропластин (рис. 5). Среди микронуклеусов можно выделить торцовые, клиновидные и подпризматические. На микропластинах были оформлены проколки, скребки, острия, вкладышевые лезвия (пластинки с притупленным рабочим краем).

Близкую динамику демонстрируют материалы из пещеры Страшная: ранний этап верхнего палеолита представлен артефактами из слоя 4 и двух культуросодержащих горизонтов слоя 3 с открытой датой: более $27\,360 \pm 430$ л.н. В составе инвентаря из этих горизонтов по сравнению с нижележащими среднепалеолитическими увеличилась доля пластин и микропластин, имеются образцы обработанной кости, например игла с ушком, подвеска из клыков марала и фрагменты костей крупных млекопитающих с биконически просверленным отверстием [Деревянко, Зенин, 1995].

Индустрию каракольской культуры на этапе развитого верхнего палеолита (30–20 тыс. л.н.) характеризует сосуществование пластинчатой и микропластинчатой техник. Микропластинчатая техника в Горном Алтае и в целом в Южной Сибири становится доминирующей на отдельных территориях после 20 тыс. л.н. С моей точки зрения, увеличение количества микронуклеусов и микропластин можно

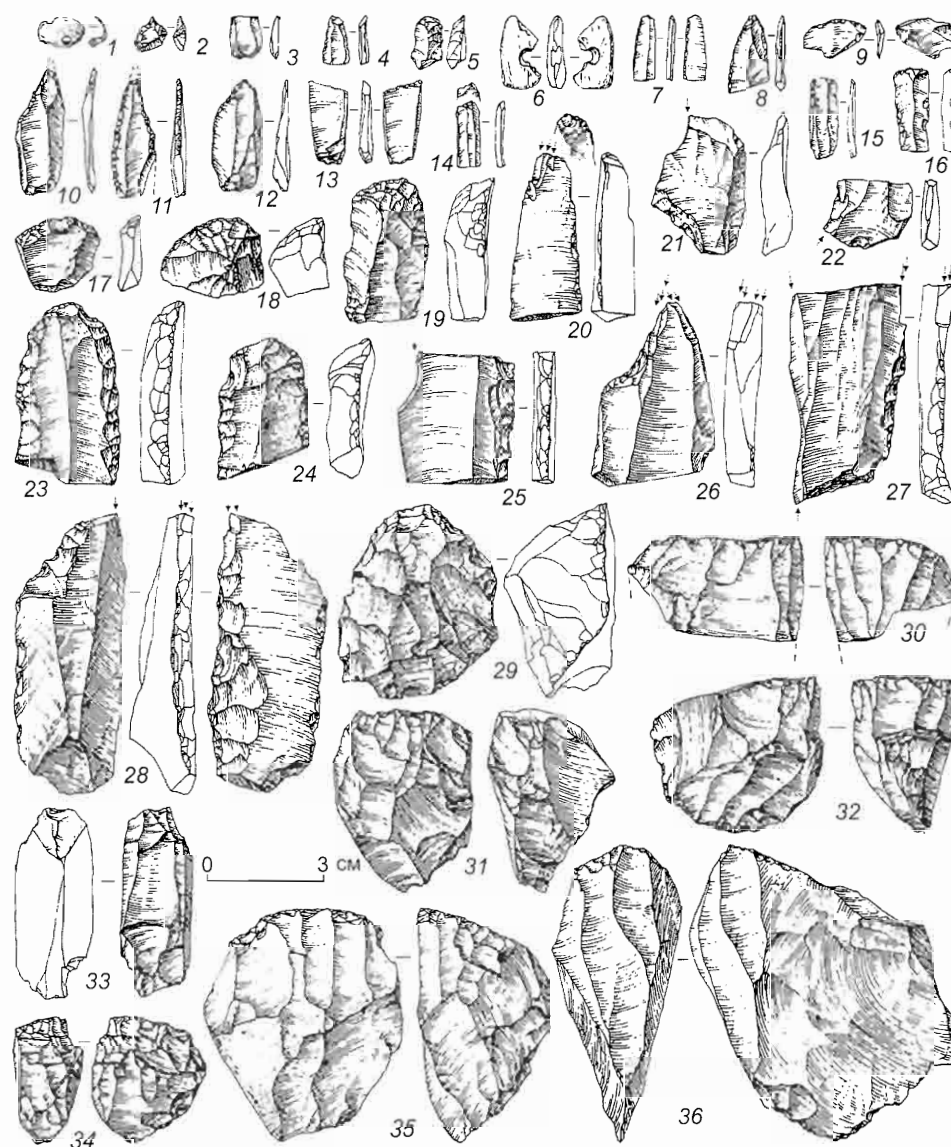

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Ануй-2.

1 – раковина с искусственно сделанным отверстием; 2 – проколка; 3, 4, 5, 7, 9, 15, 16 – микропластинки с притупленным краем; 6 – изделие из серпентина с искусственно сделанным отверстием; 8, 10, 11, 12 – микроострия; 13, 14 – микропластины усеченные, ретушированные; 17, 18, 19, 23, 24 – скребки; 20–22, 25–27, 28 – резцы; 29–36 – нуклеусы.

объяснить изменением адаптационных стратегий на финальном этапе позднего плейстоцена.

На юге российского Дальнего Востока индустрия с признаками микрорасщепления появляется 25 тыс. л.н. и прослеживается вплоть до развитого неолита. Наиболее полно эту линию развития отражают материалы местонахождения Усть-Ульма селемджинской культуры (рис. 6–8) [Там же], расположенного при впадении р. Усть-Ульма в Селемджу. На стоянке выделены четыре культуросодержащих горизонта, которые позволяют проследить динамику индустрии в диапазоне 25–10 тыс. л.н. Нижний культуросодержа-

щий горизонт (25–22 тыс. л.н.) залегал на цокольном основании. Этот литологический горизонт свидетельствует о начале осадконакопления в бассейне Селемджи. Все террасы в этом районе цокольные, и независимо от их уровня (II–V) на коренных породах залегает бурый суглинок. В нижней части он особенно темный. Очень вероятно, что процесс осадконакопления совпал с финалом каргинского потепления и нижняя часть литологического слоя формировалась как маломощный почвенный горизонт. Возможно, нижний культурный горизонт с находками древнее 25 тыс. л.н. и начало осадконакопления относится к 27–26 тыс. л.н.

Среди продуктов первичного расщепления из нижнего культурного горизонта преобладают узкие клиновидные нуклеусы. По технике изготовления выделяются: ядрища, изготовленные на бифасах, и нуклеусы, у которых на одном конце подготавливалось сколами узкое лезвие, боковые латерали обрабатывались также сколами, а на противоположном конце одним или несколькими сколами образовывалась ударная площадка. Микропластины снимались с торца. Противолежащий фронту скалывания торец оформлялся в виде кия. Среди микронуклеусов имеются ядрища, с которых микропластины могли скалывать с двух противоположащих торцов. Нуклеусы для снятия крупных пластин представлены однофронтальными ядрищами с одной ударной площадкой. В орудийном наборе имеются листовидные асимметричные плоские бифасы, тесловидно-скребловидные орудия, различного типа скребки и резцы. В верхней части культурного слоя обнаружены нуклеусы: двуплощадочные с широким фронтом снятия пластин, дисковидные одноплощадочные монофронтальные и торцовые, многоплощадочные и призматические. Выявлены также пластинки со следами ретуши, в т.ч. с противоположащей и двусторонней, скребки на первичных сколах, скребла из нуклеусов, выемчатые, двусторонне ретушированные орудия на отщепе, бифасы нуклевидные, с обушком и листовидные, симметричные плоские. Очень широко представлены галечные орудия типа чопперов и связанные с ними специфичные сколы с обушком.

На втором этапе селемджинской культуры (21–19 тыс. л.н.) продолжается использование одноплощадочных монофронтальных, дисковидных, торцовых и призматических нуклеусов, узкие клиновидные ядрища замещаются нуклеусами с широким фронтом скалывания микропластинок. Одновременно появляются одноплощадочные двусторонние ядрища, двуплощадочные одно- и двусторонние, за исключением двусторонних с признаками снятия в продольно-поперечном направлении, и нуклеусы леваллуазской традиции. Орудийный набор характеризуется многочисленностью типов изделий. Прослеживается развитие ряда типов изделий, присущих первому этапу: пластинки со следами брюшковой, противоположащей и двусторонней ретуши, листовидные плоские симметричные и асимметричные бифасы, бифасы овальные, с обушком и нуклевидные, скребла на нуклеусах и отщепах

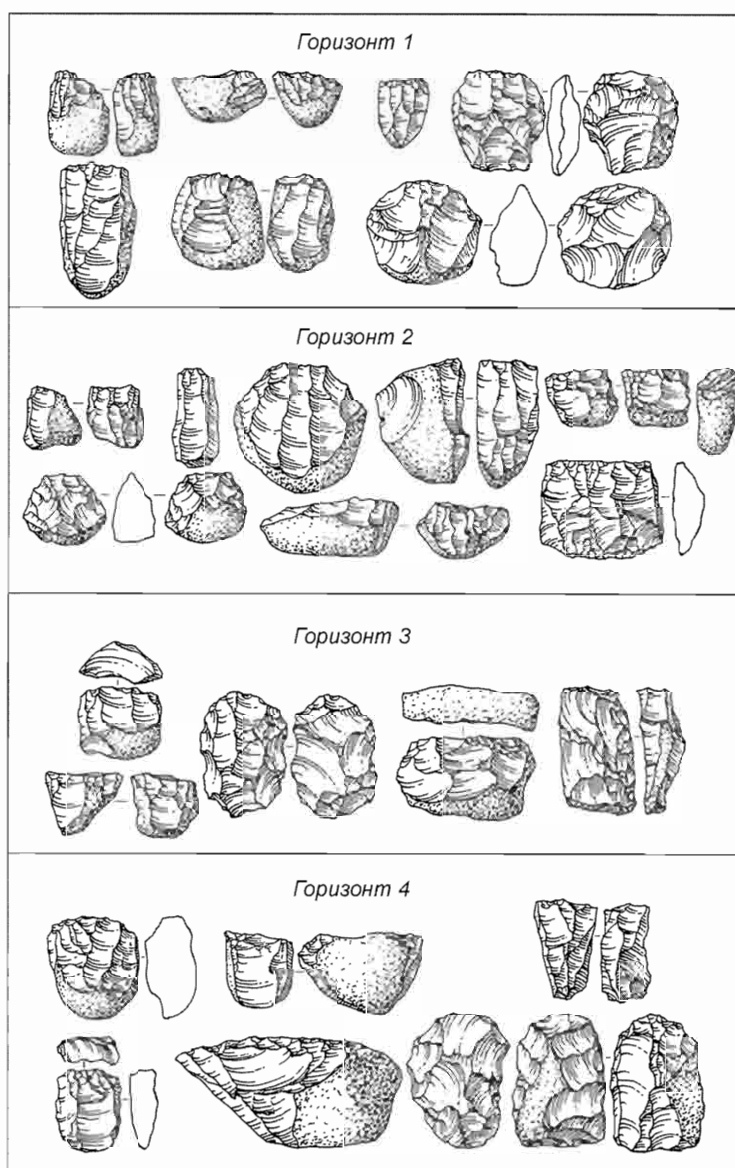

Рис. 6. Пластинчатые нуклеусы селемджинской культуры.

с боковым выпуклым краем с дорсала, выемчатые, ретушированные на отщепе с вентрала, долотовидные орудия, чопперы и струги, ретушированные отщепы. Представлена серия новых типов изделий: 1) пластины и пластинки с ретушированным краем с лицевой стороны; 2) скребки концевые и боковые обычные, периметральные, с “носиком” и узким лезвием, угловые макроскребки; 3) резцы угловые, двойные, диагональные, нуклевидные, двугранные асимметричные с ретушированными краями; 4) скребла на отщепах и пластинках, ретушированные с лицевой и оборотной сторон, двойные на отщепах с противоположащими краями, из галек и нуклеусов с признаками двусторонней обработки рабочего края; 5) выемчатые орудия одинарные, ретушированные на отщепе с дорсала и на пластине с вентрала, двусторонне ретушированные

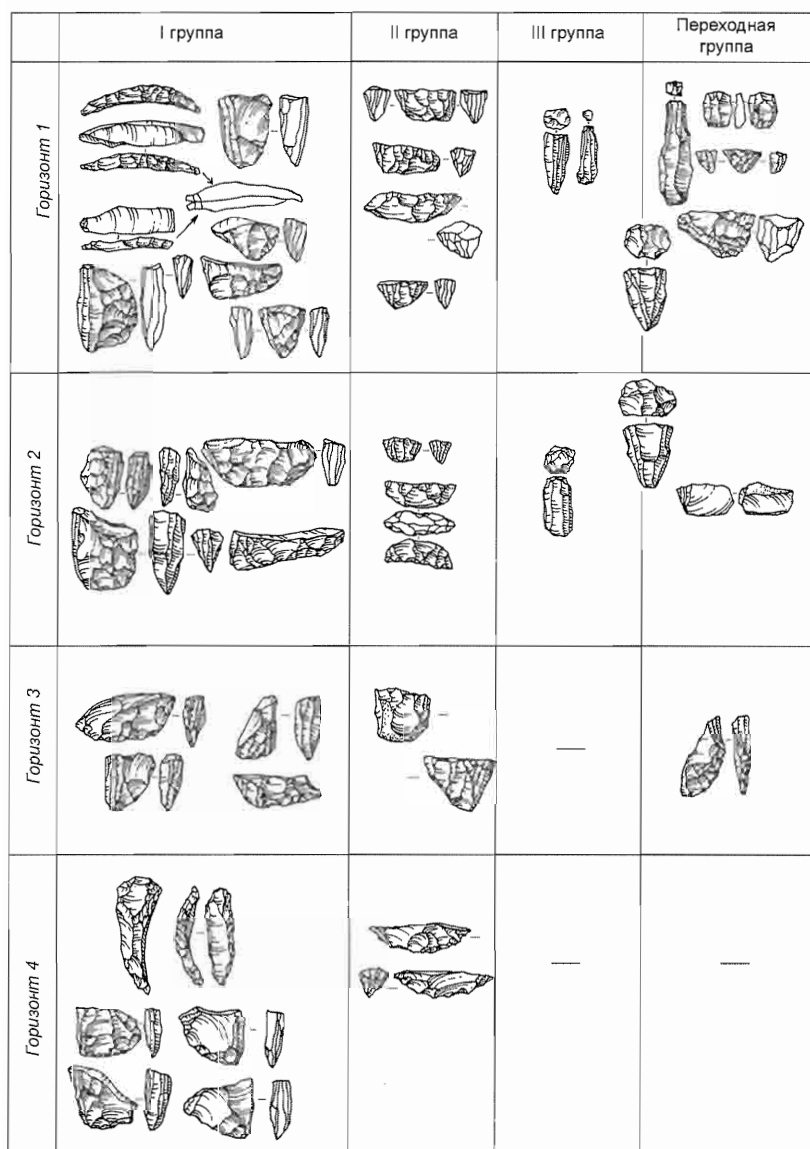

Рис. 7. Микронуклеусы селемджинской культуры.

на пластине; 6) сверла на пластинках; 7) бифасы-“рубильца”, треугольные, округлые, листовидные асимметричные толстые; 8) отщепы со следами противоположащей и чередующейся ретуши, чопперы с двумя рабочими краями и галечные орудия, подвергавшиеся двусторонней обработке на поперечном крае.

На третьем этапе (18–13 тыс. л.н.) в индустрии сохраняются все типы нуклеусов, характерные для предыдущего этапа, и появляются новые типы ядрищ — одноплощадочные двусторонне-сопряженные и двуплощадочные односторонние с признаками снятий в продольно-поперечном направлении. В орудийном наборе продолжают использоваться пластины с признаками лицевой ретуши по краю, пластинки, ретушированные с лицевой и оборотной сторон; скребки концевые на отщепах и пластинах, обычные и мак-

роскребки; скребки с “носиком”, периметральные, боковые, резцы угловые, диагональные и нуклевидные; скребла на отщепах двойные, периметральные, боковые, ретушированные с лицевой и оборотной сторон; скребла из нуклеусов; выемчатые, ретушированные на отщепах с вентрала, долотовидные орудия; бифасы (за исключением треугольных); ретушированные отщепы, отбойники и струги. Появляется серия новых типов изделий: 1) пластины со следами брюшковой и противоположащей ретуши, пластины с косоретушным краем, обработанным со стороны дорсала, пластинки с ретушированными с дорсала, поперечным и сломанным краями, микропластинки с признаками брюшковой ретуши; 2) концевые макроскребки с ретушированными краями, макроскребки и скребки обычные на широких отщепах, микроскребки; 3) резцы двугранные асимметричные, резцы двугранные симметричные, с ретушированными краями и клювовидные; 4) скребла на пластинах боковые, двойные и угловатые, ретушированные с лицевой поверхности, скребла на отщепах с поперечным вогнутым краем и боковым вогнуто-выпуклым краем, обработанным с дорсала, скребки на отщепах угловатые, двойные и конвергентные, обработанные с дорсала, скребла на плоскости раскалывания; 5) выемчатые ретушированные на пластине с дорсала, тесловидные орудия, орудие на широкой галечной плитке; 6) бифасы листовидные симметричные толстые и листовидные асимметричные на первичном сколе.

На четвертом этапе селемджинской культуры, который характеризуется переходом от бескерамического периода каменного века к неолиту, в индустрии наблюдается уменьшение доли клиновидных, торцовых, дву- и одноплощадочных нуклеусов, возрастает количество дисковидных ядрищ и призматических нуклеусов, среди которых преобладают микропризматические. В группе двуплощадочных нуклеусов сохраняются ядрища односторонние с признаками снятий во встречном направлении и двусторонние со следами снятий в параллельных, но противоположных направлениях. Отсутствуют нуклеусы леваллуазской традиции. Среди орудий имеются пластины, ретуширо-

ванные с лицевой стороны, и микропластинки с признаками брюшковой ретуши; скребки концевые, боковые макроскребки, скребки на широких отщепах, с “носиком” и угловые; диагональные резцы и клювовидные; скребла на отщепах боковые, поперечные, причем доля скребел резко снижается. В этот же реестр входят: 1) выемчатые орудия на отщепах, ретушированные с брюшка, тесловидные орудия, отбойники, струги, сверла; 2) отщепы с признаками лицевой, оборотной и чередующейся ретуши; листовидные симметричные и асимметричные плоские бифасы, а также листовидные асимметричные толстые. Отмечено появление новых инструментов. Эта группа включает: 1) крупные пластины, ретушированные с лицевой поверхности, пластины с признаками двусторонней ретуши по краям и лицевой ретуши на поперечном крае, пластинки со следами оборотной и чередующейся ретуши; 2) двойные макроскребки и скребки концевые с “шипом”; 3) резцы двугранные симметричные, двугранные с пряморетушированным краем, двугранные асимметричные с вогнутым ретушированным краем; 4) выемчатые одинарные ретушированные орудия на галке и двойные ретушированные на осколке, проколки на отщепах, дисковидные орудия и галечные орудия с двусторонне обработанным продольным краем; 5) листовидные асимметричные плоские бифасы на первичном отщепе, листовидные наконечники стрел, атипичные клинки на сланцевых плитках.

Селемджинская культура имеет исключительно важное значение для понимания многих процессов, связанных со становлением и развитием микроиндустрий в Восточной и Северной Азии. Материалы этой культуры позволяют проследить появление и развитие микроиндустрии. Сравнение удельного веса микронуклеусов и нуклеусов для снятия пластин показало, что объем микронуклеусов в культуросодержащих горизонтах снизу вверх увеличивается, появляются новые их типы, но в целом индустрия остается смешанного типа. Увеличение использования метода микрорасщепления было связано, види-

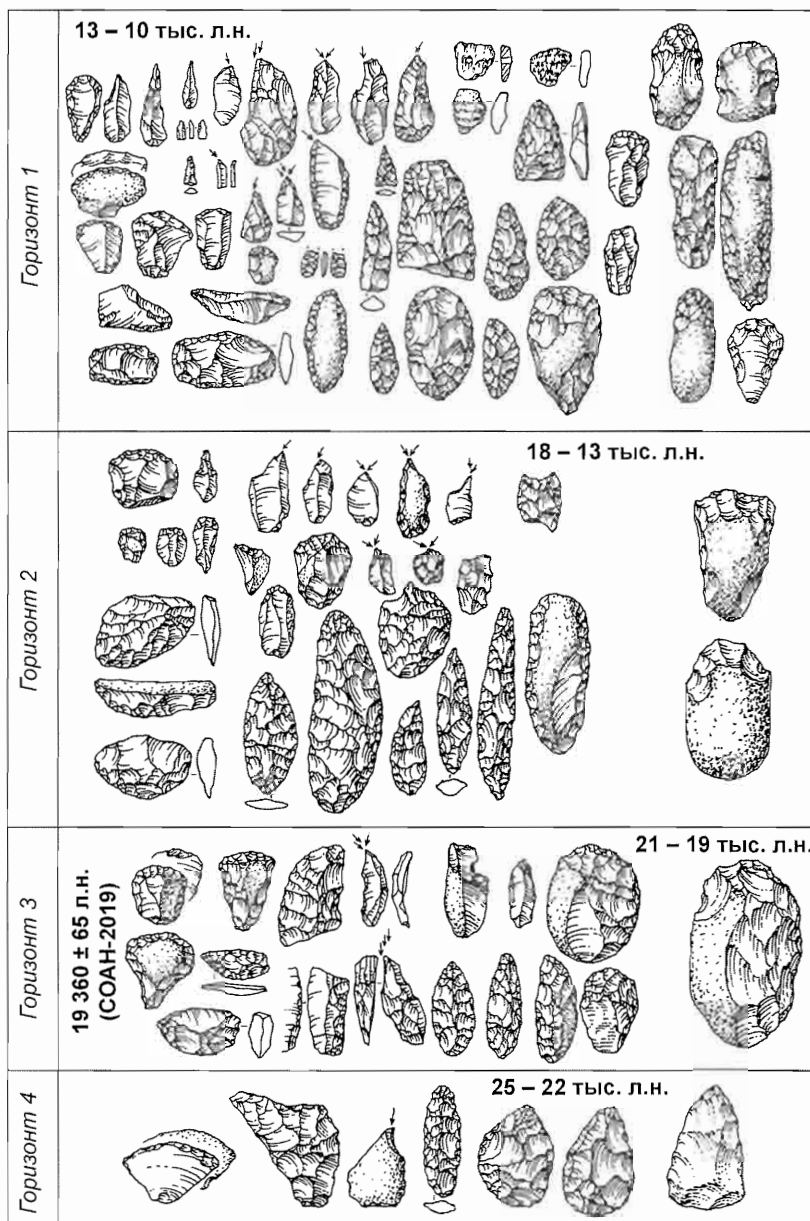

Рис. 8. Каменный инвентарь селемджинской культуры.

мо, с изменением адаптационных стратегий. В конце плейстоцена с исчезновением крупной мамонтовой фауны преобладающее значение приобрела охота на мелких животных. Функциональные определения инструментов селемджинской культуры показывают, что орудия охоты и переработки ее продуктов составляют 47,6 %, орудия рыболовства – 14, орудия для обработки дерева, кости и камня – 38,2 % [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998]. Наличие на стоянках селемджинской культуры крупных грузил свидетельствует о том, что селемджинцы имели опыт обработки растений с длинными волокнами (крапива, конопля) и изготовления из них тонких шнуров, сетей. На ряде стоянок позднего палеолита (Долни Вестонице I и II,

Павлово I и II) возрастом 22–25 тыс. лет выявлены следы ткачества [Адовазо и др., 2001]. Микропластинки могли использоваться в качестве стержней для крючков составного типа, а также вкладных лезвий для ножей, основой которых была деревянная или костяная рукоять.

Вместе с тем не следует преувеличивать значение микроиндустрии в жизни человека финального этапа верхнего палеолита. На некоторых местонахождениях этого времени микроиндустрия играла значительную роль, на других она была менее заметной. Мне не известны местонахождения, исследованные на значительной площади, на которых было бы зафиксировано абсолютное преобладание микронуклеусов и орудий на микропластинках. Увеличение роли микроиндустрии, видимо, означало существенное изменение в палеоэкономике в позднем плейстоцене и начале голоцена.

В селемджинской культуре на заключительном этапе появляется керамика. Это также является свидетельством важных изменений в быту и хозяйстве человека. У человека возникла потребность в изготовлении глиняной посуды, которая значительно расширяла возможности использования пищевых ресурсов, позволяла готовить на огне более качественную пищу.

Селемджинская культура стала основой, на которой формировались две культуры раннего неолита – гротатухинская в бассейне среднего Амура и осиповская в бассейне нижнего Амура. И ранее исследователи отмечали несомненную близость и родство этих культур [Окладников, Деревянко, 1977]. Сейчас очевидно, что обе культуры имеют один корень.

Микроиндустрия в Восточной Азии

В Восточной Азии микролитическая индустрия финального этапа верхнего плейстоцена – раннего голоцена представлена очень широко. На территории Китая самые северные стоянки зафиксированы в бассейне Амура, самые южные – в пров. Гуандун, западные – в Синьцзяне и восточные – на побережье Желтого моря. Ареал памятников с микролитической техникой простирается почти на 3,5 тыс. км с севера на юг и на 4,6 тыс. км – с востока на запад [Gai Pei, 1985]. Известны стоянки с микролитами и в Тибете. Основные местонахождения сконцентрированы на севере-востоке Китая, во Внутренней Монголии и Синьцзяне, т.е. в районах, сопредельных с Южной Сибирью и югом российского Дальнего Востока.

Наиболее ранние стоянки на территории, индустрию которых можно отнести к микролитической традиции, моложе 20 тыс. лет. Одной из наиболее ранних из них является стоянка Сячуань, расположенная на юге пров. Шаньси [Ван Цзянь, Ван Сян-

цзянь, Чэн Чжэнь, 1978] (рис. 9). На местонахождении найдены 219 нуклеусов: 100 конусовидных, 51 субконусовидный, 19 ладьевидных, 15 клиновидных, 10 призматических, 24 воронкообразных, с которых микропластины снимались с двух противоположных торцов. Наиболее многочисленную группу составляют конусовидные и субконусовидные нуклеусы, с которых снимались крупные ножевидные пластины. Микронуклеусов сравнительно немного, хотя в целом индустрию можно отнести к пластинчатой.

Орудийный набор стоянки представлен концевыми скребками на пластинах высокой формы, которые типологически близки к ладьевидным микронуклеусам, миниатюрными скребками с округлым лезвием, изготовленными на отщепе, удлинёнными двусторонне обработанными бифасиальными остроконечниками, диагональными и многофасеточными резцами с элементами ретуши, ретушированными крупными ножевидными пластинами, которые могли использоваться как ножи или вкладышевые лезвия для ножей. Для стоянки Сячуань было получено шесть радиоуглеродных дат: от $14\,450 \pm 900$ л.н. (ZK-385) до $21\,950 \pm 100$ л.н. (ZK-417). Реальный возраст этой стоянки, видимо, 14–16 тыс. л.н.

Ориентировочно к этому времени относится пещерная стоянка Сяонаньхай, расположенная в 30 км от г. Аньян, пров. Хэнань [Ань Чжиминь, 1965] (рис. 10). На ней при раскопках обнаружено ок. 7 тыс. каменных изделий. Первичное расщепление связано с торцовыми, призматическими, клиновидными, цилиндрическими и др. типами нуклеусов. Небольших размеров ножевидные пластины были сколоты с некрупных торцовых и цилиндрических нуклеусов, сработанных до предела. Орудия изготавливались в основном на отщепе и пластинах. Выделяются различной формы скребки на отщепе и пластинах, остроконечники небольших размеров на пластинчатых сколах с ретушированным острием. Пещерная стоянка Сяонаньхай важна в том плане, что в ее индустрии преобладают крупные пластины.

Значительно более отчетливо прослеживается микроиндустрия на стоянке Линцзин в уезде Сюйчан пров. Хэнань (рис. 10, 1–13). Ее обитатели производили первичное расщепление в основном торцовых, конических и клиновидных нуклеусов небольших размеров. Из орудий наиболее типичны остроконечники, концевые скребки, резцы, ретушированные пластины и отщепы.

Микролитическая традиция на территории Китая получила распространение, видимо, позже 15 тыс. л.н. Ее представляют материалы хорошо известной в научной литературе стоянки Хутоулян, расположенной на р. Шанган в пров. Хэбэй, примерно в 80 км западнее Пекина [Гай Пэй, Вэй Ци, 1977; Gai Pei, 1985]. Они отражают преобладание способа первичного раскалы-

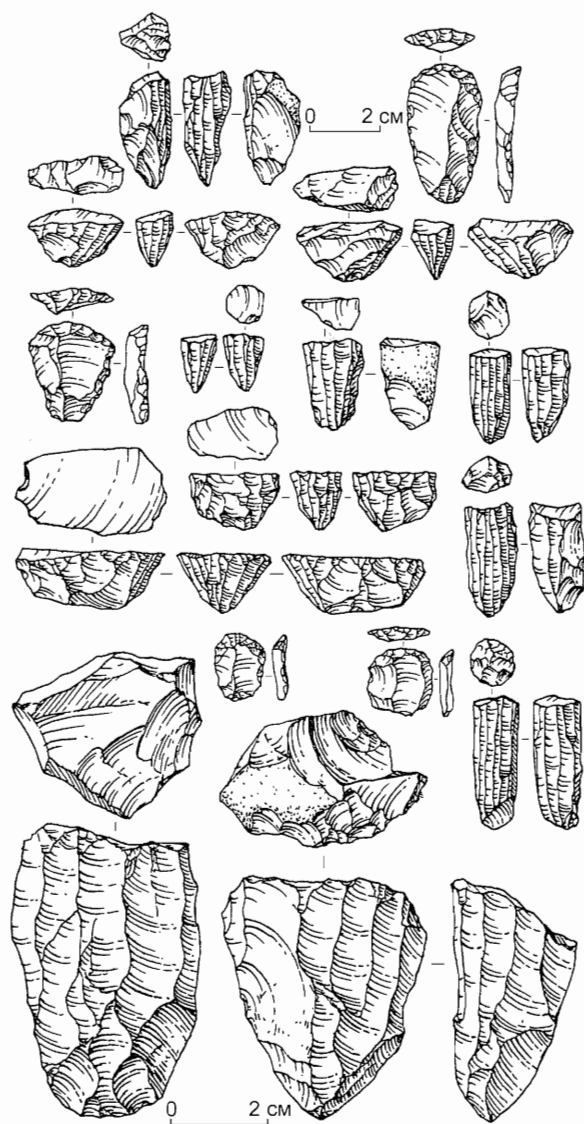

Рис. 9. Каменный инвентарь стоянки Сячуань.

вания – микрорасщепления (рис. 11, 12–22). Наиболее многочисленны клиновидные нуклеусы на бифасах и специальных заготовках, торцовые ядрища типов хороко, тогэсита, а также призматические и подпризматические. В основном на пластинах и микропластинах изготавливались резцы, скребки, вкладышевые лезвия. Обнаружены хорошо оформленные бифасы правильной формы. При раскопках были найдены очаги и большое количество костей диких животных. Возраст стоянки 11–13 тыс. лет. Индустрия имеет много общих черт с селемджинской культурой позднего этапа.

Другим примером микролитической традиции является коллекция со стоянки Дунхуашань, которая находится в пров. Хэбэй (см. рис. 11, 12–22). Для нее характерны ладьевидные, торцовые и призматические нуклеусы, изготовленные на бифасах [Сэ Фэй, 1989]. Среди каменного инвентаря преобладают

орудия, сделанные из пластин и микропластин. На стоянке найдены концевые скребки небольших размеров, боковые скребки на отщепках, остроконечники на пластинах с признаками односторонней ретуши, диагональные резцы. По времени стоянка близка к стоянке Хутуолян.

Большая серия местонахождений, относящихся к 13–10 тыс. л.н., открыта во Внутренней Монголии, в бассейне Амура, на северо-востоке Китая. Все местонахождения с микролитической индустрией по принципам первичного расщепления, типам и технике изготовления каменных орудий имеют удивительное сходство с местонахождениями в Восточной Монголии и на юге российского Дальнего Востока, особенно со стоянками, на которых выявлен инвентарь поздних этапов селемджинской культуры.

По мнению большинства археологов, пластинчатая и микроиндустрия зародились на территории Китая и в дальнейшем распространились на сопредельные территории Центральной, Северной и Восточной Азии. Наиболее детально эта гипотеза была обоснована одним из выдающихся исследователей древних культур Китая Цзя Ланьпо. «Культура Северного Китая, – отмечал он, – разделяется на две большие сис-

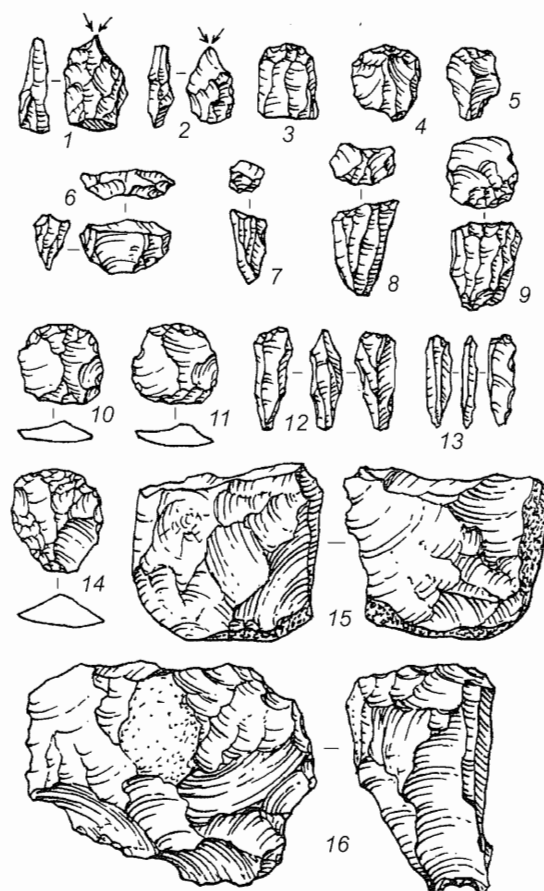

Рис. 10. Каменный инвентарь со стоянок Линцзин (1–13) и Сяонаньхай (14–16).

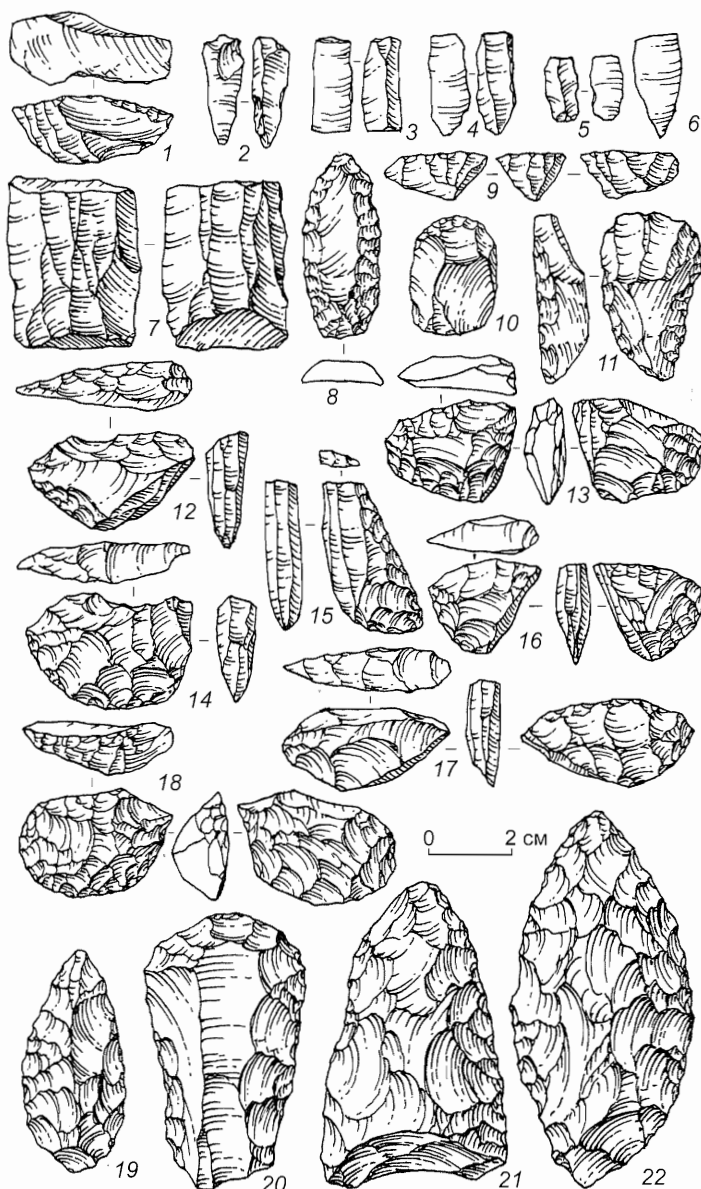

Рис. 11. Каменный инвентарь стоянок Дунхуашань (1–11) и Хутоулянь (12–22).

темы: 1 – система кэ-хэ Динцунь (традиция крупных отщеповых рубящих орудий и тяжелых трехгранных остроконечников); к этой традиции принадлежат культура ланьтяньского человека со стоянки Гунванлинь в уезде Ланьтянь пров. Шаньси, культура кэ-хэ в уезде Жуйчэн пров. Шаньси, культура динцунь в уезде Сянфань пров. Шаньси, недавно обнаруженная культура эмаокоу в уезде Хуайжэнь пров. Шаньси; 2 – система Чжоукоудянь № 1 (стоянка пекинского человека Чжиюй – традиции скребков в форме лодки и резцов), к которой относятся культура пекинского человека Чжоукоудянь, культура сюйцзяо в уезде Янгао пров. Шаньси, культура чжиюй в уезде Шосянь пров. Шаньси, культура сяонаньхай в

уезде Аньян пров. Хэнань, впоследствии развившиеся в мезолитические и более поздние микролитические культуры. Поскольку все древние местонахождения сконцентрированы в северных районах Китая, то есть основания считать, что они берут свое начало в Северном Китае» [Цзя Ланьпо, 1984]. Пусть простят меня мои коллеги за столь длинную цитату, но эту точку зрения поддерживают многие китайские археологи.

На Корейском полуострове микролитическая техника появилась после 18–17 тыс. л.н. Она представлена в трех комплексах местонахождений в бассейнах Букхан-Хончон, Гым-Намхан, Босон-Сомджин [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998]. Стоянка Хахвасери расположена на берегу р. Хончон в районе Кануон-До (рис. 12, 1–9). При раскопках здесь найден 7 151 артефакт, из них 5 958 экз. (88,3 %) сделаны из кварца, 834 экз. (11,7 %) – из обсидиана. Среди находок наиболее многочисленными являются скребки (841 экз.), резак (281 экз.), ножи (115 экз.), резцы (137 экз.), острия (104 экз.), концевые скребки (96 экз.), вкладыши (21 экз.), наконечники стрел (36 экз.), микронуклеусы (26 экз.), ладьевидные технические сколы, а также крупные изделия типа рубящих орудий, скребла. Индустриальный облик этой стоянки определяют ретушированные пластины и микронуклеусы разных типов. Среди микронуклеусов наиболее типичными являются клиновидные, сделанные из бифасов, призматические, клиновидные на специальной заготовке. В состав инвентаря стоянки входят многочисленные микропластины с признаками мелкой ретуши, диагональные резцы, концевые скребки на пластинах. Стоянка Хахвасери относится к 15–12 тыс. л.н. Стоянка Сокджанри расположена в бассейне р. Гым-Намхан в районе Чунчоннам-До. Из 6 тыс. обнаруженных здесь артефактов выделено 2 758 орудий, в т.ч. 57,91 % из кварца. Наиболее многочисленную группу составляют боковые (639 экз.) и концевые (598 экз.) скребки, резцы (584 экз.) и острия (414 экз.). Среди микронуклеусов выделены ладьевидные, клиновидные из бифасов и призматические. Технично-типологические особенности этой стоянки обусловлены наличием грубых крупных орудий из кварца, диагональных резцов с ретушью, микронуклеусов и орудий на микропластинах, признаков пластинчатой техники, преобладанием орудий на отщепах, среди орудий – скребков различных модификаций. Для стоянки имеется дата: 20 830 тыс. л.н., но, возможно, она удревнена; время бытования памятника – не ранее 17 тыс. л.н.

Одним из самых известных позднепалеолитических местонахождений на Корейском полуострове является стоянка Суянгэ, расположенная в бассейне р. Гым-Намхан в районе Чунчонбук-До [Ли Юнджо, 1984, 1985; Lee Yung-Jo, Yun Yone-Hyun, 1992]. Большинство орудий изготовлено из кремневых и черных сланцев, а также обсидиана и хрусталя. В отличие от многих других стоянок в Суянгэ не использовался кварц. В инвентаре стоянки имеется большое количество пластин (рис. 12, 10–17). Представлены двусторонне обработанные орудия, бифасы, чопперы, скребки высокой формы типа карене, боковые скребки мустьеровидной формы, сегментовидные концевые, концевые, круглые скребки с признаками двусторонней обработки, острия с черешком, резцы, лыжевидные сколы, отбойники, наковальни, бифасы. Отмечены микронуклеусы трех типов: клиновидные на бифасах, подпризматические и торцовые. Особую группу составляют острия с черешком, изготовленные на крупных пластинчатых отщепках. Один или два края обрабатывались крутой одно- и многорядной ретушью. Тщательно ретушировался черешок. Многие наконечники асимметричные в плане; возможно, они использовались не только и не столько в качестве метательных орудий, а как ножи или скребла. Абсолютная дата палеолитического культуросодержащего горизонта стоянки – 16 400 л.н. (URS-2078).

На Японских островах микролитическая техника была распространена повсеместно. Здесь зафиксировано более 500 местонахождений, в инвентаре которых имеются микронуклеусы и орудия на микропластинах. На о-ве Хоккайдо обнаружено 109, на о-ве Кюсю – 221 таких местонахождений. Одна из причин столь широкого распространения пластинчатой индустрии на территории Японии – наличие соответствующего сырья – обсидиана и кремнистых пород. Распространение пластинчатой индустрии на островах с материка происходило по северному пути: материк – Сахалин – Хоккайдо – Хонсю и южному: материк – Корейский полуостров – Кюсю – Хонсю.

Пластинчатая индустрия появилась на территории Японии позже 30 тыс. л.н. На целом ряде местонахождений на о-ве Хонсю первичное расщепление представляют ядрища, с которых скалывались ножевидные

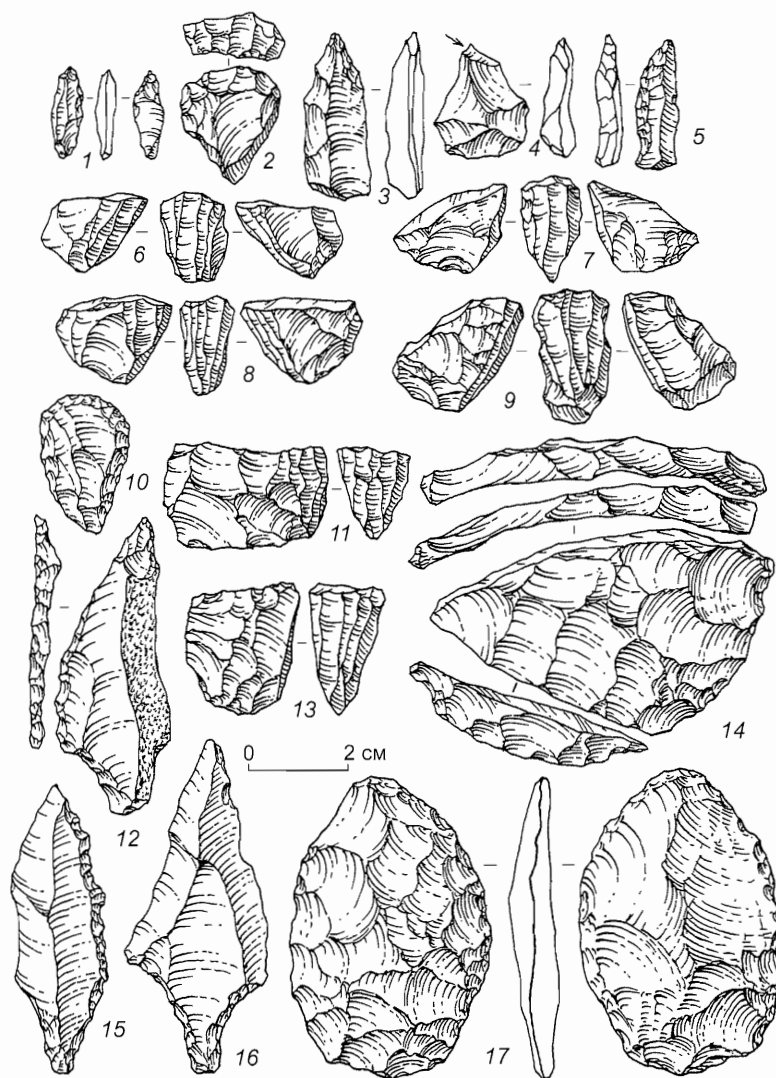

Рис. 12. Каменный инвентарь стоянок Хахвагери (1–9) и Суянгэ (10–17).

пластины. Мне не совсем ясно, в результате чего здесь появилась пластинчатая техника – самостоятельного развития более древних индустрий или, как на Корейском полуострове и на территории Китая, проникновение древних популяций с пластинчатой индустрией.

Микроиндустрия на о-ве Хоккайдо датируется ок. 17 тыс. л.н. Примерно 18 тыс. л.н. Японские острова представляли собой полуостров, который соединялся на севере через Сахалин и Хоккайдо с материком [Kotani, 1969]. Корейский пролив представлял собой мелководный канал, отделявший Кюсю от материка. Именно в это время на Хоккайдо появилась техника хороко. Около 15 тыс. л.н. в северной части территории Японии на стоянках в первичном расщеплении широко распространяются техники юбецу, тогэсита и др., появление которых связано с материковыми культурами. В позднепалеолитических местонахождениях на Японских островах отмечается

большое разнообразие типов микронуклеусов. Некоторые типы микронуклеусов территории, возможно, проникли на материк [Kimura, 1990, 1994], т.е. на финальном этапе палеолита связи древнего населения были разнообразными.

Обмен инновациями в технологии хорошо прослеживается и на юге Восточной Азии: 15–16 тыс. л.н. на о-ве Кюсю и на юге Корейского полуострова получили распространение микролитические трапезиевидные изделия и наконечники типа суянгэ. Установить генезис этих инноваций предстоит будущим исследованиям.

Заключение

Зарождение пластинчатой индустрии на востоке Евразии относится к переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту. Этот процесс отразили материалы многослойных, хорошо стратифицированных местонахождений в бассейнах Ануя и Урсула. Комплексные исследования пещерных и открытых стоянок, проводившиеся в последние 25 лет, позволили проследить развитие палеолитических индустрий раннего, среднего палеолита и переходного периода от среднего к позднему палеолиту.

На финальном этапе среднего палеолита (50–60 тыс. лет) в первичном расщеплении наметились тенденции к переходу плоскостных нуклеусов к торцовым и подпризматическим. В период формирования верхнепалеолитической индустрии (40–50 тыс. лет) сложились две традиции в обработке камня, которые можно назвать культурами – карабумовская и каракольская. Карабумовская культура характеризуется в основном торцовыми и подпризматическими ядрищами и орудиями, оформленными на крупных пластинах. Каракольскую культуру представляют небольшие клиновидные, торцовые, призматические нуклеусы для снятия небольших пластин и микропластины, скребки высокой формы типа карене, оформленные микроснятиями, и др. инвентарь. Возможно, аналогичным образом происходили переход от среднего к позднему палеолиту и формирование пластинчатой индустрии на территориях Монголии, Прибайкалья и Забайкалья, но, чтобы подтвердить это предположение в будущем, здесь необходимо открыть и исследовать новые местонахождения среднего палеолита, которые позволят более четко проследить все особенности и закономерности перехода к верхнему палеолиту.

Пластинчатая индустрия ок. 25 тыс. л.н., приобретающая характер микроиндустрий, стала распространяться в районах Дальнего Востока. На ее основе в бассейнах Зеи и среднего Амура формировалась селемджинская культура (25–12 тыс. л.н.), которую представляют различные модификации торцовых и клиновидных нуклеусов и бифасиально обработан-

ные остроконечники [Derev'anko, 1990; Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998]. В отложениях, соответствующих (14–18 тыс. лет) второму этапу селемджинской культуры, на стоянках представлены практически все типы микронуклеусов, характерные для микроиндустрии в Северной и Восточной Азии.

Продвижение носителей селемджинской культуры в бассейн Алдана (дюктайская культура, 10–18 тыс. лет) и далее на северо-восток Азии и по Берингийскому мосту в Америку положило начало первоначальному заселению Америки. Открытие Янской стоянки, радиоуглеродный возраст которой ок. 27 тыс. лет [Pitulko et al., 2004], если подтвердится это определение, ставит перед исследователями новые проблемы, но это тема отдельного исследования.

В китайско-малайской зоне, где нельзя выделить средний палеолит такого же типа, как в остальной части Евразии, середину позднего плейстоцена характеризует значительное увеличение орудий труда на отщепках, в т.ч. на небольших сколах. В палеолите на территориях Китая, Корейского полуострова и Японии ввиду отсутствия в первичном расщеплении леваллуазской техники пластинчатая индустрия появилась позже 30 тыс. л.н. На территорию Китая эта индустрия проникла из Южной Сибири и с территории Монголии, на Корейский полуостров – с российского Дальнего Востока и, возможно, Северо-Восточного Китая. На о-ве Хоккайдо микроиндустрия появилась в результате инфильтрации через Сахалин популяций с Дальнего Востока, а на о-ве Кюсю микроиндустрия проникла с территории Кореи ок. 18 тыс. л.н.

Список литературы

- Адовизио Дж.М., Соффер О., Хиланд Д.С., Иллингворт Дж.С., Клима Б., Свобода И. Производство изделий из недолговечных материалов в Долине Вестонике I: Новый взгляд на природу и происхождение граветта // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2 (6). – С. 48–65.
- Аксенов М.П., Бердников М.А., Медведев Г.И., Пержаков С.Н., Федоренко А.Б. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря “макаровского палеолитического пласта” // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. – С. 26–30.
- Аксенов М.П., Шуньков М.В. Новое в палеолите Верхней Лены // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1978. – Вып. 4. – С. 22–24.
- Ань Чжиминь. Контрольные раскопки палеолитических пещерных отложений вблизи Сяонаньхуа, г. Аньян провинции Хэнань // Каогу сюэбао. – 1965. – № 1. – С. 1–27 (на кит. яз.).
- Ань Чжиминь. Китайские прототубила и их традиция // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1990. – № 9. – С. 303–311 (на кит. яз.).

Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 году / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, С.В. Николаев, В.П. Мыльников, Р.У. Ривс, Б. Гунчинсүрэн, Я. Цэрэндагва. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 344 с.

Бэ Г.Д. Джонгокри. – Сеул: Сеулдехагтё, 1989. – 74 с. (на кор. яз.).

Ван Цзянь, Ван Сянцян, Чэн Чжэнь. Культура сячуань (доклад о раскопках памятника Сячуань в провинции Шаньси) // Каогу сюэбао. – 1978. – № 3. – С. 259–288 (на кит. яз.).

Ван Юйпин. Палеолитическая стоянка Шуйдунгоу // Каогу. – 1962. – № 11. – С. 588–589 (на кит. яз.).

Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминов. – М.: Изд-во Ун-та Рос. акад. образования, 1999. – 152 с.

Гай Пэй, Вэй Ци. Открытие позднепалеолитической стоянки Хутоулян // Гуцзи чжуйдунъю юй гужэньлэй. – 1977. – Вып. 25, № 4. – С. 286–301 (на кит. яз.).

Деревянко А.П. Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии: Курс лекций. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1975. – 232 с.

Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 215 с.

Деревянко А.П. Палеолит Японии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 272 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 70–103.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 22–36.

Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2 (18). – С. 21–35.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня: (Опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 170 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 31–42.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Верхнепалеолитические комплексы пещеры Страшная // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – Вып. 6. – С. 24–26.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1992. – 87 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И., Гунчинсүрэн Б. Исследо-

вания пещеры Цаган-Агуй совместной Российско-американско-монгольской экспедицией в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 122–134.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Ф. Многослойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 23–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Своеобразная каменная индустрия с северного побережья Долины Озер // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 3–39.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Николаев С.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Кривошапкин А.И., Чевалков Л.М. Стоянка Кара-Тенеш – памятник начальной поры позднего палеолита // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 205–238.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 279 с.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрия с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Зыкин В.С., Маркин М.М. Новый раннепалеолитический комплекс в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 84–89.

Ёсидзаки М. Поселение Сиратаки и докерамические культуры Хоккайдо // Миндзокугаку кэнкю. – 1962. – № 26 (1). – С. 13–23 (на яп. яз.).

Ёсидзаки М. Японский народ с точки зрения археологии // Миндзокугаку кэнкю. – 1967. – № 21 (1). – С. 14–18 (на яп. яз.).

Зубов А.А. Палеонтологическая родословная человека. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. – 551 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН, 1994. – 180 с.

Константинов М.В., Сумароков В.Б., Филиппов А.К., Ермолова Н.М. Древнейшая скульптура Сибири // КСИА. – 1983. – № 173. – С. 78–81.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. Восьмой культурный слой многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материа-

лы Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 159–162.

Ларичев В.Е. Нижнеплейстоценовый палеолит Китая // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 10–32.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 59–75.

Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А. Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 101–103.

Лбова Л.В., Намсараев Д.В. Стратифицированные комплексы среднего палеолита. Местонахождение Хотык (Западное Забайкалье) // К проблеме каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 124–125.

Линь Шэнлун. Рецензия на книгу “Средний плейстоцен котловины Байсэ Южного Китая в плане аналогий с техникой ашельских каменных орудий” // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2002. – № 21. – С. 118–131 (на кит. яз.).

Линь Шэнлун, Хэ Найхань. О рубилах Байсэ // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1995. – № 14. – С. 118–131 (на кит. яз.).

Ли Сон Бок. Палеолит Северо-Восточной Азии. – Сеул: Сеулдехаггэ, 1989. – 283 с. (на кор. яз.).

Ли Хонджон. Исследование культуры среднего палеолита на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 87–104.

Ли Хонджон. Переходный период от среднего к позднему палеолиту и традиция орудий на отщепенцах на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 65–79.

Ли Юнджо. Палеолитическая стоянка Данъян Суянге // Чунджудэм сунольчжигу мунхва ю чжок пальгуль пого (Докл. о раскопках памятников в районе Чунджудэм). – Чунджу: [Б.и.], 1984. – С. 101–186 (на кор. яз.).

Ли Юнджо. Палеолитическая стоянка Данъян Суянге // Чунджудэм сунольчжигу мунхва ю чжок пальгуль пого (Докл. о раскопках памятников в районе Чунджудэм). – Чунджу: [Б.и.], 1985. – С. 101–252 (на кор. яз.).

Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 44 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внутропической прародины человечества. – Новосибирск: Наука, 1992. – 252 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 286 с.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии: Мойлтын ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 459 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – 448 с.

Ранов В.А. Ранний палеолит Китая (изучение и современные представления). – М.: ИНКВА, 1999. – 110 с.

Се Гуанмао. Изучение рубил Байсэ // Сб. статей к 30-й годовщине открытия стоянки Хуанъяньдун. – Гуанчжоу: [Б.и.], 1991. – С. 32–41 (на кит. яз.).

Се Гуанмао. К вопросу о рубилах Байсэ // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2002. – № 21. – С. 65–72 (на кит. яз.).

Се Гуанмао, Ли Цзянь, Хуан Цишань. Палеолитическая индустрия Байсэ. – Пекин: Вэньу, 2003. – 180 с. (на кит. яз.).

Се Фэй. Открытие микролитического местонахождения в южных отрогах гор Яньшань // Каогу. – 1989. – № 11. – С. 966–970 (на кит. яз.).

Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чиркин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт, 2005. – 87 с.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии: Материалы Междунар. науч. конф: К 70-летию В.Е. Ларичева. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 159–164.

Ташак В.И. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 70–78.

Тун Ёньчжэн. Ручные рубила с Тибетского нагорья // Каогу. – 1989. – № 9. – С. 822–826 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь. Китайские рубила // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1987. – № 6. – С. 61–68 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Чжан Чжэньхун. Индустрия каменных орудий латерита Южного Китая // Сб. статей к 30-й годовщине открытия стоянки Хуанъяньдун. – Гуанчжоу: [Б.и.], 1991. – С. 18–26 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Си Найхань, Сагава Масатоси. Комплексное изучение ручных рубил, найденных на стоянках Байсэ в Гуанси, Китай. – Пекин: Вэньу, 2001. – 201 с. (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо. Особенности микролитических орудий в Китае, их традиции, происхождение и распространение // Избранные труды по палеолиту Китая. – Пекин: Вэньу, 1984. – С. 194–201 (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ю Юйчжу. Отчет о раскопках палеолитической стоянки Чжиюй и других палеолитических стоянках провинции Шаньси // Каогу сюэбао. – 1972. – № 2. – С. 39–60 (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь. Новые материалы с палеолитической стоянки Шуйдунгоу // Vertebrata Palasiatica. – 1964. – Vol. 8 № 1. – С. 75–83. (на кит. яз.).

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 64–76.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 125–138.

Anton S., Aziz F., Ziam Y. Plio-Pleistocene Homo: Patterns and determinants of dispersal // Humanity from African nescence to coming millennia: Witwatersrand. – Firenze, 2000. – P. 91–103.

Bada J.K. Paleoanthropological applications of amino acid racemization dating of fossil bones and teeth // Anthropologischer Anzieger. – 1987. – N 45. – P. 1–8.

- Bartstra G.J., Soegondho S., Wijk A.** Ngandong Man: Age and Artifacts // *J. of Human Evolution*. – 1988. – N 17. – P. 325–337.
- Bordes F.** Le Paléolithique dans le monde. – P.: Hachette, 1968. – 255 p.
- Boule M., Breuil H., Licent E., Teilhard de Chardin P.** Le Paléolithique en Chine // *Archives de l'Institut de Le Paléontologie Humaine*. – 1928. – Mémoire 4.
- Brangttingham P.J., Gao X., Madsen D.B., Bettinger R.L., Elston R.G.** The Initial Upper Paleolithic at Shuidonggou, Northwestern China // *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe*. – Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2004. – P. 223–241.
- Chardin T.R. de, Pei Wen-chung.** Le Neolithique de la Chine. – Beijing: Institut de Geobiologie, 1944. – 100 p.
- Derev'anko A.P.** Paleolithic of Northern Asia and the Problem of Ancient Migrations (inform-operative material). – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy, 1990. – 123 p.
- Derevianko A.P., Petrin V.T.** The Levallois of Mongolia // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. – Madison: Prehistory Press, 1993. – P. 1–30.
- Derevianko A.P., Zenin A.N.** The Mousterian to Upper Paleolithic Transition through the Example of the Altai Cave and Open air Site // *Suyanggae and Her Neighbours: The 2nd International Symposium*. – Chungju, 1997. – P. 241–254.
- Gai Pei.** Microlithic Industries in China // *Paleoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the Peoples Republic of China*. – 1985. – P. 225–241.
- Goebel T., Aksenov M.** Accelerator radiocarbon dating of the initial Upper Paleolithic in Southeast Siberia // *Antiquity*. – 1995. – Vol. 69. – P. 349–357.
- Hayashi K.** The Fukui Microblade Technology and the Relationships in North–East Asia and North America // *Arctic Anthropology*. – 1968. – Vol. 5, N 1. – P. 14–32.
- Hou Y.M., Potts R., Yuan B.Y., Zhengtang G., Deino A.L., Wei W., Clark J., Guanmao X., Weiwen H.** Mid-Pleistocene Acheulian-like Stone Technology of the Bose Basin, South China // *Science*. – 2000. – Vol. 287, N 5458. – P. 1622–1626.
- Howell F.C.** A Chronostratigraphy and Taxonomic Framework of the Origins of Modern Humans // *Origins of Anatomically Modern Humans*. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1994. – P. 253–320.
- Keates S.G.** An examination of culture and evolution of Middle Pleistocene Chinese Hominids // *Human Roots. Africa and Asia in the Middle Pleistocene*. – Bristol: Specialist Press Limited, 2001. – P. 159–185.
- Kimura H.** The Microblade Technique in Northern Part of Japan // *The Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America*. – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy, 1990. – P. 83–90.
- Kimura H.** The Origin and Dispersal of the Microblade Technique in North Asia // *The Origin and Dispersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia*. – Sapporo: [S.l.], 1994. – P. 217–229.
- Kotani Y.** Upper Pleistocene and Holocene Environment Conditions in Japan // *Arctic Anthropology*. – 1969. – Vol. 5, N 2. – P. 133–158.
- Kozłowski J.K.** The problem of the so-called Ordos culture in the light of Paleolithic finds from Northern China and Southern Mongolia // *Folia Quaternaria*. – 1971. – Vol. 39. – P. 63–99.
- Lee Yung-Jo, Yun Yong-Hyun.** Microblade Cores from Suyanggae Site // *Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America*. – Novosibirsk: [s.l.], 1992. – P. 135–146.
- Licent E., Teilhard de Chardin P.** Le Paléolithique de la Chine // *L'Anthropologie*. – 1925. – Vol. 35, N 3/4. – P. 201–235.
- Morlan R.** The Preceramic Period of Hokkaido: An Outline // *Arctic Anthropology*. – 1967. – Vol. 4, N 1. – P. 134–152.
- Morlan R.** Wedge – Shaped Core Technology in Northern North America // *Arctic Anthropology*. – 1970. – Vol. 7, N 2. – P. 17–38.
- Morlan R.** The Preceramic Period of Japan: Honshu, Shikoku and Kyushu // *Arctic Anthropology*. – 1971. – Vol. 7, N 1. – P. 18–34.
- Pitulko V.V., Nikolski P.A., Giryu E. Yu., Basilian A.E., Tumskey V.E., Koulakov S.N., Astahov S.N., Pavlova E. Yu., Anisimov M.A.** The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum // *Science*. – 2004. – Vol. 303. – P. 52–56.
- Pope G.G.** Recent advances in Far Eastern Paleoanthropology // *Annual Review of Anthropology*. – 1988. – N 17. – P. 43–77.
- Smith J.W.** The North – east Asian – North – west American Microblade Tradition // *J. of Field Archaeology*. – 1974. – Vol. 1, N 1. – P. 317–364.
- Sun J., Ke X., Sun X., Zhao J., Wei M., Li B.** Locality III stratigraphic profile, Shuidonggou, Ningxia // *Quaternary Loess Plateau*. – Beijing: Sciences, 1991. – P. 195–201.
- Weidenreich F.** Six lectures on *Sinanthropus pekinensis* and related Problems // *Bull. of the Geological Society of China*. – 1939. – N 14. – P. 1–92.
- Weidenreich F.** The skull of *Sinanthropus pekinensis*: A comparative study of a primitive hominid skull // *Paleontologia Sinica*. – 1943. – N.S. D, N 10. – P. 1–484. (S. N 127).
- Weidenreich F.** Giant early man from Java and South China // *Anthropological papers of the American Museum*. – 1945. – N 40. – P. 1–134.
- Weidenreich F.** *Apes, Giants and Man*. – Chicago: University of Chicago Press, 1946. – 122 p.
- Weidenreich F.** The trend of human evolution // *Evolution*. – 1947. – N 1. – P. 221–236.
- Wolpoff M.N., Throne A.G., Smith F.H., Frayer D.W., Pope G.G.** Multiregional Evolution: A World-wide Source from Modern Human Populations // *Origins of Anatomically Modern Humans*. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1994. – P. 176–200.
- Wood B., Turner A.** Out of Africa and into Asia // *Nature*. – 1995. – Vol. 378. – P. 339–340.
- Wu Xinzhi.** On the origin of modern humans in China // *Quaternary International*. – 2004. – N 117. – P. 131–140.
- Yi Seonbok.** On the temporal change of Korea Paleolithic Industry // *World views of the Early and Middle Paleolithic in Japan: A Symposium to commemorate the 80th birthday Celebrations of Professor Chosuke Serizawa*. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1999. – P. 115–122.
- Zhou J., Hu J.** Environment and stratigraphy at the Shuidonggou site // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1988. – N 7. – P. 263–269.

УДК 902.62

И.В. Сапожников, Г.В. Сапожникова

*Институт археологии НАН Украины
Отдел Северо-Западного Причерноморья
ул. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина
E-mail: igors@ilyichevsk.net.od.ua*

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Состояние источниковой базы

История изучения мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья* насчитывает три четверти века с тех пор, как в 1930–1931 гг. на Южном Буге были открыты первые неолитические поселения (Гард и Черноташлыцкая Стация) [Товкайло, 1998]. Благодаря исследованиям многих ученых за это время была накоплена значительная источниковая база, которая позволяет ставить и решать целый ряд проблем, в частности, вопросы хронологии и культурной интерпретации мезолитических и неолитических памятников. Вместе с тем состояние этих источников нельзя признать полностью удовлетворительным. Так, из почти 60 мезолитических стоянок и местонахождений путем стационарных раскопок были исследованы лишь три – Мирное [Станко, 1982], Саратены [Коваленко, Кетрару, 1997] и Зализничное [Смынтына, 2001–2002]. Еще на нескольких стоянках собраны репрезентативные коллекции каменных

изделий (Гребеники, Познанка, Доброжаны, Цыбулевка, Траповка, Абузова Балка и др.). Подчеркнем, что для мезолитических памятников до сих пор нет ни одной корректной абсолютной даты, поскольку единственная дата Мирного (см. таблицу) является явно омоложенной.

Неолитические памятники региона, которых известно ок. 20, изучены гораздо лучше. Из раскопанных назовем Саврань, Гард [Даниленко, 1969; Товкайло, 1998], Гиржево [Станко, 1967а], Гард-3 и 4, Пугач-1 и 2, Великий Остров [Товкайло, 1998, 2003, 2004а; и др.], Майнову Балку [Ларина, Петренко, Сапожников, 1999], а также пункт, где найдена керамика культуры боян, на Новосельском городище в низовьях Дуная [Бруйко, Ярошевич, 2001]. Для этих поселений получено 14 абсолютных дат, которые укладываются в интервал 7,4–5,9 тыс. л.н.

Таким образом, все раскопанные мезолитические памятники находятся между Дунаем и Днестром, а почти все неолитические поселения расположены в бассейне Южного Буга и частично в Буго-Днестровском междуречье (в долинах рек Кучурган и Тилигул).

Хронология мезолитических памятников

На протяжении длительного времени в публикациях материалов мезолитических стоянок Северо-Западного Причерноморья вопросы их хронологии, по сути, не ставились. В 1950-х – начале 1970-х гг. П.И. Борисковский [1953, 1964], Г.Ф. Коробкова [1957], Г.В. Григорьева [1960], В.И. Красковский [1965, 1972,

*Названный регион охватывает территорию от низовий Дуная до устья Днепра. Его северо-западная и северная границы наиболее условны и могут быть проведены приблизительно по линии Леово – Кишинев – Дубоссары – Саврань – Первомайск – Кривой Рог. Северо-Западное Причерноморье включает часть зоны степей (Причерноморская низменность) и лесостепей (Тигечская и частично Подольская возвышенности), рубеж между которыми пролегает приблизительно по линии: устье р. Прута – Тирасполь – Ананьев – Первомайск [Сапожников, 2003, с. 199]. В состав региона входят Одесская и западные районы Николаевской обл. Украины, а также южные районы Молдовы и Молдавского Поднепровья.

Абсолютные даты мезолитических и неолитических памятников Северо-Западного Причерноморья*

Памятник, комплекс	Дата	Шифр	Материал
Мирное	7 200 ± 80	ЛЕ-1647	?
Гиржево	7 050 ± 60	ЛЕ-1703	?
»	7 390 ± 100	Ki-11240	Кость
»	7 280 ± 170	Ki-11241	Керамика
Саврань	6 985 ± 60	Ki-6654	Кость
Саврань (жилище 2)	6 920 ± 50	Ki-6653	»
Гард-3 (кв. 8)	6 930 ± 55	Ki-6655	»
Гард-3 (траншея 1)	6 640 ± 50	Ki-6687	»
Пугач-2 (раскоп 2)	6 895 ± 50	Ki-6656	»
Пугач-2 (ХІХ-51)	6 810 ± 60	Ki-6657	»
Пугач-2 (раскоп 1)	6 560 ± 50	Ki-6679	»
»	6 520 ± 60	Ki-6678	»
Пугач-2	5 920 ± 60	Ki-3030	?
Майнова Балка (жилище)	6 430 ± 140	Ki-11243	Кость
	6 310 ± 150	Ki-11242	»

*В таблице приведены данные из следующих источников: [Станко, Свеженцев, 1988; Котова, Ковалюх, 2002; Товкайло, 2004а]. Четыре даты Киевской радиоуглеродной лаборатории (для Гиржева и Майновой Балки), за которые авторы искренне благодарны Н.Н. Ковалюху и В.А. Манько, публикуются впервые.

1976], В.Н. Станко [1967а, б] и др. чаще всего ограничивались атрибуцией каменных орудий рамками эпохи, иногда подчеркивая “ранний” либо “поздний” характер инвентаря. Правда, уже тогда были найдены верные аналоги ряду наиболее выразительных комплексов, а также сделаны важные наблюдения по стратиграфии и хронологии отдельных памятников (Мирное, Гиржево и др.).

Здесь уместно напомнить, что в то время мезолит считался “переходным периодом” между палеолитом и неолитом. Эти представления базировались на идеях западно-европейских ученых конца XIX – начала XX в., рассматривавших турасскую (азильскую) эпоху в рамках палеолита, а следующую тарденуазскую – как ранний этап неолита* [Мортилье Г., Мортилье А., 1903, с. 18–19]. В 1920-х гг. М.Я. Рудинский заметил, что “мезолит является переходным периодом”, характеризующимся наличием двух форм: первая представлена “эпипалеолитическими культурами”, в которых палеолитические традиции постепенно умирали, а вторая – “пра- и ранними неолитическими культурами” [Рудинский, 1928, с. 73]. Не случайно в общепризнанной тогда периодизации палеолита Украины мезолиту (точнее, эпипалеолиту), разделенному на три уровня, место нашлось [Борисковский, 1953, с. 400], но тарденуазская стадия отсутствовала.

Логичной и прогрессивной для своего времени была схема С.Н. Бибикова, который датировал мезолит 12,2–8 тыс. л.н., выделяя в нем две фазы – азильскую и тарденуазскую [Бібіков, 1971]. Важным было

и замечание А.А. Формозова, что часть гребениковских стоянок Северо-Западного Причерноморья (с трапециями со строгаными спинками) “могут быть даже не позднемезолитическими, а неолитическими” [1977, с. 60].

После установления в 1969 г. (на VIII конгрессе INQUA в Париже) начала голоцена с пребореала было бы логично, используя схему С.Н. Бибикова, перенести и нижнюю хронологическую границу мезолита, определив азильские памятники как финальнопалеолитические. Однако многие исследователи стали “передатировать” комплексы финального палеолита Украины, относя их к раннему голоцену (пребореалу, но иногда и к бореалу) [Колосов, 1971; Станко, 1977, 1980б, 1982, с. 98–100; Черниш, 1975; Телегин, 1985а, б, 1989; и др.]. Именно поэтому к “раннему мезолиту” Северо-Западного Причерноморья были отнесены Анетовка, Михайловка (Белолесье), Царинка и др. [Станко, 1980а; Смольянинова, 1990, с. 90]. Так, В.Н. Станко писал тогда о начале мезолита с дриаса III (определяя рубежи эпохи 10–7 тыс. л.н.) [1967б, с. 19], а позднее он уже уверенно датировал комплексы “раннего мезолита” временем пребореала [1982, с. 100, 102; 1985, с. 35; и др.].

Я.К. и С.К. Козловские считали, что кукурекская культура существовала 9–6 тыс. л.н. Относительно гребениковской они признали недостаток абсолютных дат и датировали лишь ее поздние (по сути, уже неолитические) памятники (Сороки II, сл. 3 и 2) второй половиной VI тыс. до н.э.* По мнению ученых, к гребениковской культуре следует относить такие памятники, как Фатма-Коба (сл. 3) и Шан-Коба (слой

* Г. Обермайер не только переименовал турасскую эпоху в азильскую, но и выделил особую азильско-тарденуазскую эпоху, правда, в рамках позднейшего (верхнего или позднего) палеолита [1913, с. 251–253].

* На основании двух абсолютных дат: 7 515 ± 120 (Bln-588) и 7 420 ± 80 (Bln-587) [Маркевич, 1974, с. 128].

не указан). Они также считали, что эта культура имеет крымское происхождение и является несколько моложе мурзак-кобинской [Kozłowski J.K., Kozłowski S.K., 1975, s. 344–346]. Последний вывод базируется на наблюдении Г.Ф. Коробковой, которая почти за 20 лет до того отнесла Гребеники к “позднему тарденуазу”, определив круг аналогий (Мурзак-Коба, сл. 2, 3 Шан-Кобы, Фатма-Коба, верхний слой Замиль-Кобы и др.) [1957].

Хотя Д.Я. Телегин, как сказано выше, датировал Михайловку концом пребореала, а Царинку – началом бореала, им было сделано важное заключение, что Мирное является более ранним, чем Гиржево. Первая из этих стоянок датировалась серединой–концом бореала, а вторая – началом атлантикума. Вместе с тем ученый допускал (хотя и не обосновал детально) разделение гребениковских памятников на две хронологические группы: раннюю (Скосаревка) и позднюю (Мирное*, Познанка, Гиржево и др.) [Телегин, 1982, с. 97, табл. 6].

Сейчас исследователи вернулись к прежней датировке большинства финальнопалеолитических памятников Украины [Бибикив, Станко, Коен, 1994; Сапожников, 1995, 2004б; Зализняк, 1998; Оленковський, 2000; Горелик, 2001]. Однако необходимость ревизии хронологии тех комплексов, которые действительно должны относиться к раннему мезолиту (ок. 10–9 тыс. л.н.), назрела еще в конце 1980-х гг. По Северо-Западному Причерноморью эта проблема впервые была поднята нами [Сапожников, Сапожникова, 1990].

Вместе с тем для создания детальной периодизации мезолита региона и сегодня не хватает необходимых материалов, в первую очередь абсолютных дат. Исходя из типологии кремневого инвентаря и аналогий с памятниками соседних территорий, мы предложили разделение мезолита Северо-Западного Причерноморья на два этапа: ранний представлен гребениковскими, а поздний – кукрекскими комплексами [Там же]. Такой подход к решению проблемы поддержал И.А. Борзьяк, который определил хронологические рамки мезолита Молдовы приблизительно от 10,5–10,2 до 7,5–7,4 тыс. л.н., разделив его на три этапа. На втором из них (период не указан) в Днестровско-Прутском междуречье сначала существовала гребениковская культура (Гура-Каменчий VI, Саратены), а потом туда проникло кукрекское население, следствием чего являются поселения с “синкретическим” (кукрекско-гребениковским)* кремневым инвентарем. К последним автор отнес Фрумушику и Мирное [Борзьяк, 1997, с. 23–24].

*Д.Я. Телегин интерпретировал большую часть материалов Мирного как гребениковские, но отметил наличие там “хорошо выраженного” кукрекского слоя [1985б, с. 46]. Аналогичную точку зрения позднее высказал А.Н. Сорокин [2002, с. 162]. Мы считаем мезолитический слой памятника гомогенным.

Иные подходы к хронологии мезолита Северо-Западного Причерноморья разделяет Л.Л. Зализняк. Вслед за А.А. Формозовым он считает возможным датировать часть гребениковских памятников неолитом, полагая, что кукрекское население на данной территории было автохтонным, более ранним, чем гребениковское [Зализняк, 1998, с. 181–183].

В ряде статей исследователь уточнил свою позицию, предложив рассматривать гребениковскую культуру как позднее, по сути уже неолитическое, явление, носители которого пришли сюда с Южных Балкан в начале VII тыс. до н.э. (после 8 тыс. л.н.)** [Zaliznyak, 1998, p. 128–129; Зализняк, Манько, 2004, с. 145]. Эти взгляды имеют подоснову в точке зрения Р. Трингхем, считавшей, что в Северо-Западном Причерноморье, где не было условий для возникновения воспроизводящего хозяйства, оно появилось вместе с мигрантами с Южных Балкан*** [Tringham, 1973]; а также А.П. Черныша, по мнению которого, “позднетарденуазское (гребениковское. – И.С., Г.С.) население” оказалось на территории современной Украины в результате “южной миграции” [Черниш, 1975, с. 153].

Еще одну хронологическую схему мезолита региона разработали С.И. Коваленко и В.Б. Цой. Они отнесли анализируемые нами памятники к двум фазам (этапам). В начале первой гребениковские стоянки концентрировались в нижнем Поднестровье (Гиржево и Гребеники), а позднее носители этой культуры продвинулись на нижний Дунай (Мирное) и в Попрутье (Саратены). Во время второй фазы плотность населения в регионе увеличилась, и оно расселилось на северо-восток (в Побужье – Познанка, Скосаревка), северо-запад (север Молдовы) и запад (правобережье Прута) [Коваленко, Цой, 1999]. Согласно данному сценарию, гребениковская культура существовала здесь на протяжении всего мезолита, но в этой схеме не учтен тот

*Данный термин ранее предложил В.Н. Даниленко для характеристики каменных индустрий всего мезолита Северо-Западного Причерноморья и Молдавии [1969, с. 61].

**При таком подходе относящимися к мезолиту (от 10,3 до 8,0 тыс. л.н.) в регионе останутся только пять–семь кукрекских местонахождений, а все гребениковские и “синкретические” комплексы (ок. 50) окажутся неолитическими (начала атлантического времени – см. рисунок), что маловероятно.

***Тезис Р. Трингхем противоречит взглядам Г.Ф. Коробковой и Г.В. Сапожниковой, т.к. отдельные элементы производящей экономики прослежены в регионе с середины позднего палеолита, но в рамках данной статьи мы не можем рассмотреть эту проблему детально (ее обзор см.: [Сапожникова, Сапожников, 2003]).

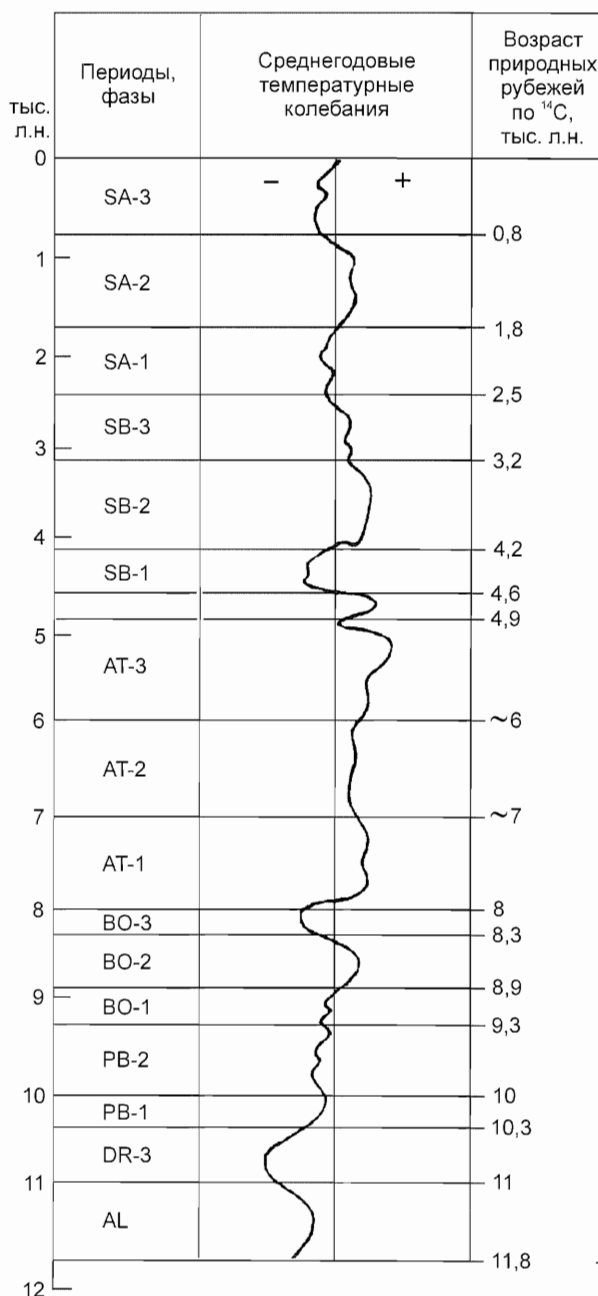
факт, что инвентарь Мирного и Саратен, а также Зализничного и других “синкретических” памятников нельзя признать исключительно гребениковским.

Как видим, относительно хронологии мезолитических памятников региона уже высказано немало точек зрения, часть которых исключают друг друга, хотя и базируются на одних и тех же материалах. Из-за отсутствия абсолютных дат мы вынуждены обратиться к параллелям с хронологическими колонками мезолита соседних регионов, где есть датированные аналоги тарденуазских (гребениковских) и кукрекских памятников.

Для комплексов второго (“классического”) периода мурзак-кобинской культуры Крыма (ряд слоев Ласпи VII и горизонты 1–3 Шпан-Коби) есть даты в интервале 9,15–7,5 тыс. л.н., а начало таш-аирского неолита относится к концу VI тыс. до н.э. (ок. 7,2–7 тыс. л.н.) [Телегин, 1982, с. 46; Yanevich, 1998, р. 156–157; Яневич, 2004, с. 175]. В целом, по данным стратиграфии и ряду хронологических параллелей, комплексы трех первых мезолитических этапов мурзак-кобинской (горно-крымской) культуры датируются от 9,5 до 8,0 тыс. л.н. [Бибииков, Станко, Коев, 1994, с. 182]. Для кукрекских памятников известны серии дат Игреньского поселения на Днепре, которые позволяют отнести его к концу VIII – первой половине VII тыс. до н.э. (9,3–8,5 тыс. л.н.), и стоянки Кукрек – середина VI тыс. до н.э. (ок. 7,5 тыс. л.н.) [Телегин, 2002, с. 58–60].

Итак, тарденуазские комплексы Горного Крыма (где имело место их автохтонное происхождение) появились ранее кукрекских, бытовали на протяжении всего мезолита, а на определенном отрезке времени сосуществовали с кукрекскими. Мы согласны с мнением Г.Ф. Коробковой, Я.К. и С.К. Козловских о значительной близости мурзак-кобинской и гребениковской культур, которые (вместе с донецкой культурой) следует отнести к кругу “тарденуазских индустрий”. Исходя из этого названные гребениковские памятники Северо-Западного Причерноморья могут сопоставляться с ними как в культурном, так и в хронологическом плане.

Для построения хронологической колонки памятников финального палеолита и мезолита региона в нашем распоряжении имеется одна стратиграфо-палинологическая схема, разработанная Г.А. Пашкевич на материалах Михайловки и Мирного [1981, 1982]. Сейчас к ней можно добавить данные по стратиграфии стоянки Старицы, культурный слой которой залегает в нижней части почвенного горизонта А, т.е. выше верхнего слоя Михайловки, но ниже культурного слоя Мирного [Сапожников, 2004а, рис. 4]. Этот факт дает еще одно основание утверждать, что гребениковские памятники (или, как минимум, какая-то часть из них) являются в нашем регионе (как и в Гор-

Хронологический эталон голоцена Северной Евразии
[Хотинский, 1987, рис. 1].

ном Крыму) более ранними, чем “синкретические” комплексы типа Мирного.

Таким образом, какая-то часть гребениковских стоянок может относиться к пребореалу, а литологический горизонт, в котором залегает нижний слой Мирного (по палинологии [Пашкевич, 1981, 1982] и стратиграфии), может быть связан с бореалом [Станко, 1982, с. 101], а точнее, с бореальным оптимумом (BO-2), датированным 8,9–8,3 тыс. л.н. (см. рисунок). Такая датировка Мирного, где в костяном и каменном инвентаре значительную часть составляют

кукрекские элементы, совпадает с датами очень близкого к нему по ряду археологических характеристик Игреньского поселения (где есть даже несколько трапещей, характерных для гребениковских комплексов) (ср.: [Станко, 1982] и [Телегин, 2002]).

Однако пересмотр хронологической колонки мезолита в части отнесения большинства гребениковских памятников региона к пребореалу не дает однозначного ответа на один вопрос: как датировать “чистые кукрекские” комплексы (Траповку, Абузову Балку и др.)? Проблема в том, что эти комплексы на других территориях датируются в довольно широких пределах – от раннего мезолита до неолита включительно. Именно кукрекские памятники (Синюхин Брод, Фрумушику и др.) В.Н. Даниленко рассматривал в рамках раннего (докерамического) неолита, подчеркивая, что “становление неолита в Северо-Западном Причерноморье... имело характер сращивания местных мезолитических культурных форм (т.е. гребениковских. – И.С., Г.С.) с пришлыми приазовско-кукрекскими неолитическими формами развития” [1969, с. 61].

Хронология неолитических памятников

В конце 1960-х гг. В.Н. Даниленко выделил в развитии буго-днестровской культуры (БДК) семь хронологических фаз: докерамическую (вторая половина VII тыс. до н.э.), скибинецкую, соколецкую, печерскую, самчинскую, савранскую и хмельникскую. Две последние датировались первой половиной IV тыс. до н.э. и сопоставлялись с поздним неолитом [Даниленко, 1969, с. 149–157, 216–218; и др.]. На базе этой схемы В.И. Маркевич создал хронологическую колонку днестровского варианта БДК, время существования которого определил от середины VI до конца V тыс. до н.э. [1974, с. 127–141, табл. 2]. С ним в целом согласились Т.С. Пассек и Е.К. Черныш, но они не признали правомерность выделения хмельникской фазы [1970, с. 122–126].

Вскоре Р. Трингхем обосновала разделение БДК на три периода, которые синхронизировала с культурами криш, линейно-ленточной керамики (КЛЛК) и раннетрипольскими памятниками этапов Прекукутень-3 – Триполье А [Tringham, 1971, р. 98, 101, 167–168]. К близкому выводу пришел Д.Я. Телегин, также выделивший три этапа – ранний (досамчинский), средний (самчинский) и поздний (савранский) [1977, с. 89–91]. В том же ключе выполнена и хронологическая колонка БДК Н.Т. Товкайло, последний период которой также синхронизируется с Трипольем А и датируется концом V – началом второй четверти IV тыс. до н.э. [1998; Tovkailo, 1996].

Особое мнение имеет Н.С. Котова, разделившая БДК на два периода: первый – от 7,6 до 7,1 тыс. л.н.

и второй – от 7,1 до 6,5 тыс. л.н. [2002, с. 22–24]. Для этого она использовала даты, полученные Н.Н. Ковалюхом в конце 1990-х гг. [Котова, Ковалюх, 2002, табл. 9]. Чуть позднее 17 дат из той же серии привела Н.Б. Бурдо, подчеркивая, что не видит оснований для того, чтобы говорить о синхронности последней (савранской) фазы БДК с ранним Трипольем [2001–2002, с. 434, 446]. Против этого обоснованно выступил Н.Т. Товкайло, по мнению которого данный вывод противоречит археологическим материалам. Кроме того, он аргументировал разделение памятников выделенного им степного варианта БДК, в целом относящегося к позднему периоду развития культуры (савранской фазе), на три хронологические группы [Товкайло, 2003, с. 187; 2004а].

Исходя из сказанного следует заключить, что даты, определенные по материалам Саврани (см. *таблицу*), являются корректными и говорят о принадлежности поселения к началу савранской фазы БДК. Мы должны признать и корректность трех новых дат для стоянки Гиржево, одна из которых получена по керамике (см. *таблицу*). Все они совпадают с пятью датами Базькова Острова, относящегося к самчинской фазе БДК [Товкайло, 2004а, табл. 1]. Заметим, что керамика со стоянки Гиржево была определена как самчинская В.Н. Даниленко. Кроме того, в инвентаре памятника есть серия трапещей со строгаными спинками, а также двусторонний наконечник, которые обычны для комплексов степного бугского неолита [Товкайло, 2003]. Если добавить к сказанному, что сначала В.И. Бибилова допустила наличие во всех трех горизонтах стоянки Гиржево костей домашних животных [Станко, 1967а, с. 166–168], то датировка большей части материалов памятника временем неолита выглядит логичной.

Конечно, мы не можем исключить полностью возможность присутствия на стоянке Гиржево более ранних (мезолитических) артефактов, но в пользу отнесения ее к неолиту говорит и состав кремневого инвентаря, в котором нет кукрекских форм (соответствующие вкладыши и резцы, а также микроострия) [Там же, рис. 2–8]. Данный показатель весьма характерен, т.к., по Д.Л. Гаскевичу, кукрекские элементы отсутствуют и на других памятниках самчинской фазы БДК [2003, с. 5–6]. Кроме того, трасологические исследования геометрических микролитов со стоянки Гиржево позволили выделить среди них вкладыш серпа для срезания дикорастущих злаков, выполненный на обычной трапещи, и не выявили функциональных особенностей трапещей со строгаными спинками, что свидетельствует в пользу гомогенности данного комплекса [Сапожникова, Сапожников, 1986].

Мы не можем согласиться с Д.Л. Гаскевичем, по мнению которого изготовление трапещей со строга-

ными спинками было возможно лишь при использовании отжимников с медными наконечниками, т.е. в энеолите [Гаскевич, 2002]. Этому противоречат и материалы Старобельского поселения на Северском Донце, датируемого серединой VI тыс. до н.э. [Манько, Телиженко, 2002], хотя возраст крымских комплексов с подобными изделиями вроде бы согласуется с такой оригинальной идеей [Яневич, 2004, с. 175]. Так или иначе, трапеции со строгаными спинками со стоянки Гиржево являются одними из наиболее ранних орудий такого типа в Украине, поскольку бугские памятники Пугач-1, 2, Гард и Гард-3, на которых они также найдены [Товкайло, 1998, 2003; Гаскевич, 2003], датируются более поздним временем (см. *таблицу*).

Но и сказанным аргументы в пользу отнесения стоянки Гиржево к неолиту не исчерпываются. Важно, что аналогичные материалы происходят с памятника Карпово, расположенного в 55 км от Гиржева, в долине речки Свинной. В сборах И.В. Сапожников 1989 г. есть две трапеции со строгаными спинками, а в шурфе, заложенном ранее В.И. Красковским, были найдены фрагменты лепной керамики [Красковский, 1976].

Еще одним косвенным подтверждением возможности “второго пришествия” гребениковцев в Северо-Западное Причерноморье является тот факт, что между тремя фазами классической тарденуазской культуры Западной Европы дважды существовала иная (кампинская) культура, причем две фазы относятся к атлантикуму, а последняя – к неолиту [Leroi-Gourhan et al., 1968, p. 144]. Очень похожая картина прослежена и в развитии горно-крымской культуры. Суть ее состоит в интерстратификации индустрий двух типов – фатма-кобинского (острийный тарденуаз) и шан-кобинского (типичный тарденуаз), каждый из которых повторяется дважды [Бибилов, Станко, Коен, 1994, с. 182]. Таким образом, памятники степного варианта БДК (возможно, и Саврань), с одной стороны, можно рассматривать как составную часть буго-днестровского неолита, а с другой – как неолитическую фацию гребениковской культуры.

Для Майновой Балки – единственного памятника КЛЛК в регионе – получены две даты, которые являются корректными (см. *таблицу*). Они свидетельствуют о том, что “нотная” фаза этой культуры, когда на керамике появляются изображения типа “нотных рядов”, может быть синхронной раннетрипольской культуре [Бурдо, 2001–2002, с. 439], а Майнова Балка – один из наиболее поздних памятников КЛЛК [Ларина, 1999]. Кроме того, наличие в заполнении жилища данного поселения фрагмента типичной керамики БДК [Ларина, Петренко, Сапожников, 1999] подтверждает возможность отнесе-

ния к тому же времени и ряда поздних памятников степного варианта БДК [Товкайло, 2004а]. Такое решение проблемы взаимопроникновения элементов БДК (Майнова Балка, Новые Русешты I) и КЛЛК (Базьков Остров, Сороки-5) выглядит гораздо логичнее, чем искусственное удревнение соответствующих памятников КЛЛК, предложенное Н.С. Котовой [2002, с. 30]. Вопрос о взаимовлиянии БДК и раннетрипольской культуры недавно был детально рассмотрен Н.Т. Товкайло [2004б], и потому мы не будем на нем останавливаться.

О фрагментах керамики второй фазы культуры боян (Джулешты), найденных на Новосельском городище, можно сказать, что по румынским аналогам их можно датировать ок. 6,3–6,2 тыс. л.н. [Mantu, 1995].

Хронологическая колонка памятников

Итак, на современном уровне знаний хронологическую колонку мезолитических и неолитических памятников Северо-Западного Причерноморья можно представить следующим образом.

Мезолит ранний (10,3–9,3 тыс. л.н.; пребореал) – Гребеники, Доброжаны, Барабой IV, Цыбулевка, Познанка, Довжанка, Орловка, Слободка, Скосаревка (?), Васильевка на Чичиклее, Старица, Борисовка, Царичанка и др., а также Казанка в верховьях Ингульца и Пояна Роман (верхний слой) в Румынии. В этой группе памятников гребениковской культуры по технико-типологическим показателям более или менее четко выделяются два хронологических уровня:

нижний – Познанка, Цыбулевка, а также Пояна Роман [Пэунеску, 2001–2002] и Казанка [Борисковский, 1975], в индустриях которых присутствует ряд типов и форм орудий, характерных для местного финального палеолита (грубые микроострия с притупленным краем, концевые скребки на пластинах, призматические нуклеусы и др.) [Красковский, 1972; Телегин, 1982, с. 93–95; Борисковский, 1964; Boriskovski, 1964, 1971; Смольянинова, 1990, с. 66–69];

верхний – Гребеники, Доброжаны и др. – “типичные” гребениковские комплексы без кукрекских форм или с незначительным их количеством (единичные вкладыши кукрекского типа, карандашевидные нуклеусы и др.) [Коробкова, 1957; Григорьева, 1960; Телегин, 1982, табл. 12; Красковский, 1965; Зализняк, 1998, рис. 69, 1–41].

Мезолит поздний (9,3–8,0 тыс. л.н.; бореал) – Мирное, Татарбунары I, Зализничное, Саратены, Приймове, Малые Хатки, Пелагеевка и др., а также Фрумушика на севере Молдовы. На всех представлены т.н. синкретические индустрии, в которых

сочетаются черты гребениковской и кукрекской культур, причем часто трудно сказать, какие из них преобладают [Станко, 1982, с. 17–55; Смынтыха, 2001–2002; Сминтина, Нікітін, 1996; Телегін, 1982, с. 114–115; Коваленко, Кетрару, 1997; Черниш, 1975, с. 100–105; и др.].

Неолит до- или бескерамический (ок. 8–7,6 тыс. л.н.; первая половина АТ-1) – кукрекские памятники Траповка, Абузова Балка, Концеполь, Синюхин Брод, Сагайдак I (верхний слой), Бубинка и др. [Даниленко, 1969, с. 61; Дворянинов, 1976; Телегін, 1982, с. 112–116; Смольянинова, 1989, 1990, с. 62–66; Сапожникова, Коробкова, Сапожников, 1995, с. 101–140; и др.]. Не исключено, что некоторые из названных местонахождений бассейна Буга могут оказаться синхронными более ранним (поздне-мезолитическим) памятникам Днестровско-Прутского междуречья.

Неолит ранний (7,6–7,1 тыс. л.н.; вторая половина АТ-1) – памятники самчинской фазы БДК Гиржево и Карпово [Станко, 1967а; Красковский, 1976] относятся ко второй половине данного периода. Поселения более ранних фаз этой культуры находятся севернее, в средней части Южного Побужья (в Северо-Западном Причерноморье пока неизвестны).

Неолит средний (7,1–6,5 тыс. л.н.; первая половина АТ-2) – памятники савранской фазы БДК, а также двух этапов степного варианта той же культуры: *раннего* – Пугач-1 (горизонт А), Великий Остров и др. и *среднего* – Пугач-1 (горизонт Б) и 2, Гард и Гард-4, Ташлык-2 [Товкайло, 2004а, с. 237].

Неолит поздний (6,5–6 тыс. л.н.; вторая половина АТ-2) – поселение КЛЛК Майнова Балка и пункт, где найдена керамика культуры боян (Джунлешты), на Новосельском городище. По наличию элементов КЛЛК к этому периоду следует отнести памятники третьего этапа степного варианта БДК – Миколину Брояку, Гард-3 и др. [Там же], но такому выводу пока противоречат более ранние даты для Гарда-3 (см. *таблицу*).

Предложенная хронологическая колонка является предварительной, дискуссионной и наверняка будет уточняться, в первую очередь, путем получения корректных абсолютных дат для мезолитических памятников.

Культурная периодизация

Исходя из сказанного выше, мы можем в целом согласиться с В.Н. Даниленко в том, что в мезолите и неолите Северо-Западного Причерноморья на протяжении ок. 4 000 лет (10,3–6,0 тыс. л.н.) сосуществовали две культуры – гребениковская местного

происхождения* и кукрекская, сформировавшаяся в степях Днепровского Надпорожья, Северо-Западного Приазовья и в предгорьях Крымского полуострова [Даниленко, 1969]. В позднем мезолите произошло своеобразное “слияние” их традиций, а на рубеже неолита носители кукрекской культуры вытеснили автохтонов на правобережья Прута и Дуная, а также на средний и верхний Днестр.

В раннем неолите в Среднем Побужье зафиксировано кукрекское население (бугский вариант БДК), но на севере Молдовы подоснову днестровского варианта той же культуры представляют носители гребениковских традиций (Сороки, Старые Биличены-12 и др.) [Маркевич, 1974; Борзьяк, 1997; Коваленко, 2004]. Памятники этого времени в Северо-Западном Причерноморье достоверно пока не атрибутированы, но, скорее всего, они также кукрекские (не исключено, что к ним следует отнести Концеполь, Синюхин Брод) [Даниленко, 1969].

Во второй половине раннего неолита (начиная с самчинской фазы) гребениковское население возвращается в Северо-Западное Причерноморье (Гиржево и Карпово) и в междуречье Днестра и Буга постепенно формируется особый степной вариант буго-днестровской культуры, который получил наибольшее развитие уже во время первой половины следующей (савранской) фазы БДК (Саврань, Пугач-1 и 2, Гард и Гард-4, Великий Остров, Ташлык-2). Подчеркнем, что экономика этого населения была преимущественно присваивающей, а керамика – импортной (культуры криш) [Товкайло, 1998].

Только в позднем неолите в Северо-Западном Причерноморье проникают отдельные группы носителей уже наверняка “иноземных” культур с более развитой воспроизводящей экономикой – КЛЛК (Майнова Балка) и боян (Новосельское городище). В то же время на северо-востоке региона продолжает существовать буго-днестровское население (Миколина Брояка, Гард-3), которое, судя по характеру кремневого инвентаря, могло принять участие в генезисе ранней трипольской культуры [Даниленко, 1969, Товкайло, 2004а, б; Сапожников, Полищук, 1990; и др.].

*Имеется в виду не гипотеза В.Н. Станко о формировании гребениковской культуры на основе традиций, характерных для памятников типа Царинки [1986], которая не была поддержана большинством авторов [Сапожникова, Коробкова, Сапожников, 1995, с. 144; Борзьяк, 1997; Залізник, 1998, с. 183]. Вслед за Я.К. и С.К. Козловскими [Kozłowski J.K., Kozłowski S.K., 1975, p. 344–346] мы склоняемся к возможному генезису этой культуры от шан-кобинских комплексов, представленных в регионе двумя верхними слоями Михайловки [Сапожников, 2004а].

Заключення

Таким образом, гипотезы о том, что носители гребениковской (мезолитической фазы), а также неолитической буго-днестровской культур пришли в Северо-Западное Причерноморье с Южных Балкан [Залізняк, 1999], не нашли подтверждения в ходе анализа конкретных археологических материалов. Более того, в литературе появились новые данные, согласно которым и ранняя трипольская культура лесостепной части Правобережной Украины и Северной Молдовы также не была полностью чужеродной, поскольку в ее генезисе приняло участие местное буго-днестровское неолитическое население. Говоря о взаимодействии в мезо-неолитическое время носителей гребениковских и кукурекских традиций, следует подчеркнуть: исследование этих процессов затруднено тем обстоятельством, что названные общности по археологическим признакам очень близки друг другу, т.к. их культуры сформировались на базе автохтонных финальнопалеолитических комплексов – шан-кобинского (гребениковская) и рогаликско-царинковского (кукурекская).

Список литературы

- Бібіков С.М.** Схема хронологічних співвідношень пам'яток палеоліту і мезоліту // Археологія Української РСР. – Київ: Наук. думка, 1971. – Т. 1: Первісна археологія. – С. 432–433.
- Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю.** Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. – Одесса: Весть, 1994. – 240 с.
- Борзняк И.А.** Мезолит Молдовы: общий обзор // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье, 1997. – Т. 6. – С. 18–24.
- Борисковский П.И.** Палеолит Украины. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 464 с. – (МИА; № 40).
- Борисковский П.И.** Разведка памятников каменного века в Одесской области в 1962 г. // Краткие сообщ. о полевых археол. исслед. Одесского гос. археол. музея 1962 г. – Одесса, 1964. – С. 12–17.
- Борисковский П.И.** Мезолитическая стоянка Казанка близ Кривого Рога // Памятники древнейшей истории Евразии. – М.: Наука, 1975. – С. 55–62.
- Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И.** Городище у с. Новосельское на нижнем Дунае. – Одесса: Гермес, 2001. – 144 с.
- Бурдо Н.Б.** Новые данные для абсолютной датировки неолита и раннего энеолита на территории Украины // Stratum plus. – 2001–2002. – № 2. – С. 431–446.
- Гаскевич Д.Л.** Трапелі зі струганою спинкою: деякі закономірності виникнення та поширення // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Одесса: Друк, 2002. – Т. 3. – С. 73–74.
- Гаскевич Д.Л.** Крем'яний інвентар неолітичних культур України: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Київ, 2003. – 20 с.
- Горелик А.Ф.** Памятники Рогаликско-Передельского района: Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. – Киев; Луганск: РИО ЛИВД, 2001. – 366 с.
- Григорьева Г.В.** Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в Нижнем Поднестровье // Зап. Одесского археол. об-ва. – 1960. – Т. 1. – С. 226–230.
- Даниленко В.Н.** Неолит Украины. – Киев: Наук. думка, 1969. – 258 с.
- Дворянинов С.А.** К проблеме кукурекской культуры: по материалам позднемезолитических стоянок Южного Буга // Тези пленарних і секційних доповідей XV наукової конференції Інституту археології АН УРСР. – Одесса, 1972. – С. 80–82.
- Дворянинов С.А.** Предварительные итоги разведок памятников каменного века в Татарбунарском районе Одесской области // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – 1976. – Вып. 8. – С. 154–157.
- Залізняк Л.** Передісторія України X–V тис. до н.е. – Київ: Бібліотека українця, 1998. – 306 с.
- Залізняк Л.Л.** Первісна історія України. – Київ: Вища шк., 1999. – 264 с.
- Залізняк Л.Л., Манько В.О.** Стоянки біля с. Добрянки на р. Тікич та деякі проблеми неолітизації Середнього Подніпров'я // Кам'яна доба України. – 2004. – Вып. 5. – С. 137–168.
- Коваленко С.** Раскопки мезо-неолитической стоянки Старые Биличены-12 // Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000–2003). – Chişinău, 2004. – Vol. 1. – S. 5–16.
- Коваленко С.И., Кетрару Н.А.** Новые данные о мезолитической стоянке Саратены в Нижнем Попрутье // Vestigii arheologice din Moldova. – Chişinău: [Tipogr. Centrala], 1997. – S. 36–59.
- Коваленко С.И., Цой В.Б.** К вопросу о развитии позднемезолитических индустрий в Карпато-Днестровском регионе // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 257–262.
- Колосов Ю.Г.** Мезоліт // Археологія Української РСР. – Київ: Наук. думка, 1971. – Т. 1: Первісна археологія. – С. 64–77.
- Коробкова Г.Ф.** Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднестровье // КСИИМК. – 1957. – Вып. 67. – С. 59–62.
- Котова Н.С.** Неолитизация Украины. – Луганск: Шлях, 2002. – 268 с.
- Котова Н.С., Ковалюх Н.Н.** Каталог радиоуглеродных дат неолитических памятников Украины // Котова Н.С. Неолитизация Украины. – Луганск: Шлях, 2002. – С. 85–105.
- Красковский В.И.** Тарденуазская стоянка Доброжаны // Краткие сообщ. о полевых археол. исслед. Одесского археол. музея 1963 г. – Одесса, 1965. – С. 6–16.
- Красковский В.И.** Памятники мезолитического времени в долине реки Малый Куяльник // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – 1972. – Вып. 7. – С. 172–179.
- Красковский В.И.** Карпово – новый памятник каменного века в долине р. Свинной // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – 1976. – Вып. 8. – С. 157–161.
- Ларина О.В.** Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона // Stratum plus. – 1999. – № 2. – С. 10–140.
- Ларина О.В., Петренко В.Г., Сапожников И.В.** Культура линейно-ленточной керамики в Днестровско-Бугском

междуречье: по материалам поселения Майнова Балка // Старожитності Степового Причорномор'я та Криму. – Запоріжжя, 1999. – Т. 7. – С. 10–21.

Манько В.А., Телиженко С.А. Мезолит, неолит и энеолит Подончя: каталог радиоуглеродных дат. – Луганск: Шлях, 2002. – 40 с.

Маркевич В.И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1974. – 176 с.

Мортилье Г., Мортилье А. Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека. – СПб.: XX век, 1903. – XX, 576 с.

Обермайер Г. Доисторический человек. – СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1913. – 687 с.

Оленковський М.П. Пізній палеоліт нижньодніпровського регіону у світлі радіовуглецевого датування // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Одеса: Астропринт, 2000. – С. 185–196.

Пассек Т.С., Черныш Е.К. Неолит Северного Причерноморья // МИА. – 1970. – № 166. – С. 117–133.

Пашкевич Г.А. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене и его изменения под влиянием человека // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. – М.: Наука, 1981. – С. 74–86.

Пашкевич Г.А. Палеоботаническая характеристика поселения Мирное // Станко В.Н. Мирное. – Киев: Наук. думка, 1982. – С. 132–138.

Пуунеску А. Многослойная стоянка Лапош (Пояна Роман) в Румынии // Stratum plus. – 2001–2002. – № 1. – С. 415–426.

Рудинський М. До питання про культури “мезолітичної доби” на Україні // Антропология. – 1928. – № 1. – С. 73–94.

Сапожников И.В. Причерноморские степи в позднем палеолите: природно-хозяйственная и культурная специфика // Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. – Одесса; СПб.: [Гортип. Одесского упр. по печати], 1995. – С. 149–176.

Сапожников И.В. Природная обстановка на западе степной зоны Восточной Европы в палеолите // Археологический альманах. – Донецк, 2003. – Вып. 13. – С. 199–217.

Сапожников И.В. Многослойная стоянка Михайловка (Белолесье): проблемы стратиграфии и датировки // Старожитності Степового Причорномор'я та Криму. – Запоріжжя, 2004а. – Т. 11. – С. 299–316.

Сапожников И.В. Хронология и периодизация позднего палеолита Степной Украины // Археологический альманах. – Донецк, 2004б. – Вып. 14.

Сапожников И.В., Полищук Л.Ю. Новые материалы трипольской культуры Буго-Днестровского междуречья // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. – Одесса: Запорожье, 1990. – С. 16–26.

Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. Проблемы раннего мезолита Северного Причерноморья // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. – Херсон, 1990. – Ч. 1. – С. 25–26.

Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. Хозяйство и культура населения Южного По-

бужья в позднем палеолите и мезолите. – Одесса; СПб.: [Гортип. Одесского упр. по печати], 1995. – 199 с.

Сапожникова Г.В., Сапожников И.В. О функциях геометрических микролитов: по материалам стоянки Гиржево // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1986. – С. 36–41.

Сапожникова Г.В., Сапожников И.В. Вклад Г.Ф. Коробковой в изучение каменного века Украины // Петербургская школа трасологии и изучение древних культур Евразии: К юбилею Г.Ф. Коробковой. – СПб.: ИИМК РАН, 2003. – С. 33–40.

Сминтина О.В., Нікітін В.І. Нова гребениківська стоянка на Південному Бузі // Археологія. – 1996. – № 2. – С. 72–79.

Смолянинова С.П. Карта памятников каменного века степного Побужья // Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. – Киев: Наук. думка, 1989. – С. 113–126.

Смолянинова С.П. Палеолит и мезолит степного Побужья. – Киев: Наук. думка, 1990. – 108 с.

Смынтна Е.В. Поселение Зализничное и проблема сложения позднемезолитической культуры в Нижнедунайском регионе // Stratum plus. – 2001–2002. – № 1. – С. 452–463.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья: проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. – М.: Наука, 2002. – 253 с.

Станко В.Н. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья (по материалам стоянки Гиржево) // Зап. Одесского археол. об-ва. – Одесса, 1967а. – Т. 2. – С. 155–168.

Станко В.Н. Мезолит Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1967б. – 28 с.

Станко В.Н. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья // КСИА. – 1977. – Вып. 149. – С. 46–53.

Станко В.Н. Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. – Киев: Наук. думка, 1980а. – С. 5–21.

Станко В.Н. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья // Первобытная археология: поиски и находки. – Киев: Наук. думка, 1980б. – С. 5–21.

Станко В.Н. Мирное: Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1982. – 164 с.

Станко В.Н. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья (по материалам поселения Белолесья) // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1985. – С. 31–45.

Станко В.Н. К проблеме сложения гребениковской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1986. – С. 13–26.

Станко В.Н., Свеженцев Ю.С. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1988. – № 57. – С. 116–120.

Телегін Д.Я. [Рецензія] // Археологія. – 1977. – № 23. – С. 88–91. – Рец. на кн.: Маркевич В.И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1974. – 176 с.

Телегін Д.Я. Мезолітичні пам'ятки України: XI–VI тисячоліття до н.е. – Київ: Наук. думка, 1982. – 243 с.

Телегін Д.Я. Мезолитическая эпоха // Археология Украинской ССР. – Киев: Наук. думка, 1985а. – Т. 1: Первобытная археология. – С. 83–108.

Телегін Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР: карта местонахождений. – Киев: Наук. думка, 1985б. – 184 с.

Телегін Д.Я. Мезолит Юго-Запада СССР: Украина и Молдова // Мезолит СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 106–124.

Телегін Д.Я. Ігренське поселення на Подніпров'ї та проблема житлобудування в мезоліті Східної Європи. – Луганськ: Шлях, 2002. – 92 с.

Товкайло М.Т. Неоліт Степового Побужжя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Київ, 1998. – 17 с.

Товкайло М.Т. Крем'яний інвентар пізньонеолітичних пам'яток Степового Побужжя // Кам'яна доба України. – 2003. – Вип. 2. – С. 187–205.

Товкайло М.Т. До проблем датування буго-дністровського неоліту // Кам'яна доба України. – 2004а. – Вип. 5. – С. 236–246.

Товкайло М.Т. До проблеми взаємин населення буго-дністровської та ранньотрипільської культур // Археологія. – 2004б. – № 1. – С. 30–42.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. – М.: Наука, 1977. – 144 с.

Хотинский Н.А. Радиоуглеродная хронология и корреляция природных и антропогенных рубежей голоцена // Новые данные о геохронологии четвертичного периода. – М.: Наука, 1987. – С. 39–45.

Черниш О.П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. – Київ: Наук. думка, 1975. – 168 с.

Яневич О.О. Таш-аїрська неолітична культура Криму: сучасний стан дослідження // Кам'яна доба України. – 2004. – Вип. 5. – С. 169–190.

Boriskovski P.I. Problemele paleoliticului superior și mezoliticului de pe coasta de Nord-Vest a Marii Negre // Studii și cercetări de istorie veche (și arheologie). – București, 1964. – Т. 15, N 1. – P. 5–17.

Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1975. – 504 s.

Leroi-Gourhan A., Bailloud G., Chavaillon J., Laming-Emperaire A. La Préhistoire. – P.: CNRS, 1968. – 580 p.

Mantu C.-M. Câteva considerații privind cronologia absolută a neo-eneoliticului din România // Studii și cercetări de istorie veche (și arheologie). – București, 1995. – N 46. – P. 3–4.

Tovkailo M. Periodisierung und chronologia des spätneolithikums in den steppen am Südlichen Bug // Eurasia Antiqua. – 1996. – N 2. – S. 9–28.

Tringham R. Hunter, Fishers and Farmers of Eastern Europe: 6 000–3 000 B.C. – L.: Huthinson University Library, 1971. – 240 p.

Tringham R. The Mesolithic of Southeastern Europe // The Mesolithic in Europe. – Warszawa: University Press, 1973. – P. 551–572.

Yanovich A. The Neolithic of the Mountainous Crimea // Baltic-Pontic Studies. – 1998. – Vol. 5. – P. 146–159.

Zaliznyak L. The Late Mesolithic Subbase of the Ukrainian Neolithic // Baltic-Pontic Studies. – 1998. – Vol. 5. – P. 120–145.

Матеріал посту́пав в редакцію 22.01.05 г.

ЭПОХА НЕОЛИТА

УДК 903.9

В.Е. Медведев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru*

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ ЦЕНТРЫ В ДОЛИНЕ АМУРА

Введение

В сибирско-дальневосточной археологии вопросы, касающиеся культовых мест, святилищ (культовых центров), в той или иной степени затрагиваются если не регулярно, то во всяком случае нередко. Интерес к ним особенно четко отражают работы последних двух-трех десятилетий; он обусловлен не только расширением источниковой базы, но и углублением ее интерпретации и анализа. Однако древние, в т.ч. неолитические, культовые места, святилища на Дальнем Востоке и в Сибири специально не изучались. Если не все, то в подавляющем большинстве они были зафиксированы при исследовании различных памятников археологии – поселений, стоянок, жилищ, городищ, могильников и прежде всего объектов наскального искусства – петроглифов, писаниц. Многие специалисты справедливо связывают места расположения писаниц с ритуальными комплексами. Особая роль в их определении в контексте осмысления сути наскального искусства многих регионов Северной Азии – Прибайкалья (включая Ангару), Забайкалья, Приамурья – принадлежит А.П. Окладникову (см., напр.: [1950, 1959, 1966, 1971, 1974; Окладников, Запорожская, 1969, 1970]).

Культовые места, святилища чаще связаны с несколькими культурно-историческими периодами начиная нередко с эпохи неолита, а порой и палеолита, поэтому их следует рассматривать как объекты долговременного функционирования.

Публикации, которые географически охватывают Северную Азию и в чем-то связаны с освещаемой здесь проблемой, отражают важные поисковые результаты, в т.ч. обобщенного характера. В качестве примера можно назвать вышедшие в конце прошлого века монографические работы, посвященные объек-

там культа Восточной Сибири и Верхнего Приамурья [Тиваненко, 1989; Мазин, 1994], в определенной степени территориально и хронологически близким рассматриваемым в данной работе культово-обрядовым центрам на нижнем Амуре.

Наблюдения и материалы многолетних полевых раскопочных работ, обследования различных, в т.ч. петроглифических, памятников, а также литературные данные позволяют сделать вывод о существовании в неолитическое время в долине нижнего Амура не менее четырех культовых центров*. Прежде всего необходимо сказать о широко известных в историко-археологической науке петроглифах Сакачи-Аляна, наиболее на Дальнем Востоке количественно представительных и насыщенных информацией о древнем человеке и его окружении. Эти петроглифы А.П. Окладниковым были названы “древнейшим и главным святилищем аборигенов Нижнего Амура” [1971, с. 110]. Рядом с петроглифами, главным образом на утесе Гася, а также на других рассматриваемых здесь памятниках проводились крупномасштабные раскопки, в ходе которых были получены ценные материалы, свидетельствующие о создании представителями эпохи неолита данного региона культовых центров – неотъемлемых объектов их духовной культуры.

*Автор занимался исследованием памятников, о которых идет речь, в районах сел Сакачи-Алян, Малышева (1968, 1970, 1972, 1973, 1975, 1976, 1979, 1980, 1986–1991 гг.), Вознесенского (1968 г.), Тахта (1968–1969 гг.), на о-ве Сучу (1968, 1972–1975, 1977, 1992–1995, 1997–2002 гг.). Все полевые экспедиционные сезоны, за исключением 1968 г., работал в должности начальника сначала Хабаровского, а затем Амуро-Уссурийского отрядов Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР (с 1990 г. – ИАЭТ СО РАН).

Имеющиеся в настоящее время источники позволяют проникнуть в религиозно-мифологическую суть представлений создателей культовых центров, включающих иконографические памятники – петроглифы, росписи, барельефы на предметах утвари, скульптурные изображения животных, птиц, зооантропоморфных существ, что ранее в известной степени уже было сделано нашими предшественниками при анализе тех же сакачи-альянских петроглифов. Эти материалы дают возможность увидеть предметное воплощение наскальных рисунков – скульптур почитаемых древними людьми зверей, птиц, рыб, рептилий, мифических существ, а также получить представления о тех, кто совершал в культовых местах на берегах Амура, главным образом в IV – первой половине II тыс. до н.э., ритуалы, основанные на религиозно-мифологических традициях.

Ранее автор уже обращался к вопросу о функционировании святилищ неолитических обществ Приамурья. Этот вопрос рассматривался в связи с выявлением на о-ве Сучу возведенного в большом, специально вырытом открытом котловане святилища солнечного культа и находившегося рядом с ним жилища типа полужемлянки, часть которого также являлась святилищем. Было высказано предположение, что владелец жилища-святилища занимался ритуальными действиями не только в нем, но и в святилище солнечного культа [Медведев, 1994, с. 177–178; 2000, с. 57–68; Деревянко, Медведев, 1995, с. 226–227]. В настоящей работе публикуется, в частности, почти вся основная группа находок из этих святилищ, не вошедшая в прежние издания.

В настоящее время не разработаны типология объектов, связанных с культовой практикой, и критерии оценки их ранга. Поэтому в литературе нередко допускается смешение ряда терминов, отражающих статус объекта в зависимости от масштабов его сакрального пространства (например, “культовый центр”, “святилище”, “культовое место”). Считая существующую в настоящее время терминологию довольно условной, автор хотел бы заметить, что объекты, трактуемые как культовые центры, в системе иерархии занимают более высокую ступень по отношению к святилищам и культовым местам. С культовым местом нередко связывают не только памятники, сформировавшиеся с участием человека, но и объекты природы (гора, пещера, роща, перевал и др.). Святилищем порой называют жилище или его часть с имеющимися в нем культовыми реалиями, а также одинокую скалу с рисунками и жертвенником. Под понятием “культовый центр” автор подразумевает совокупность культовых мест (с сохранившимися остатками обрядовых действий человека) или святилищ (среди них наряду с писаными скалами и упомянутыми жилищами могут быть погребения, культовые конструкции, жертвенники в виде различного рода ям, кострища, “клады” и т.п.), четко локализованных в пространстве посе-

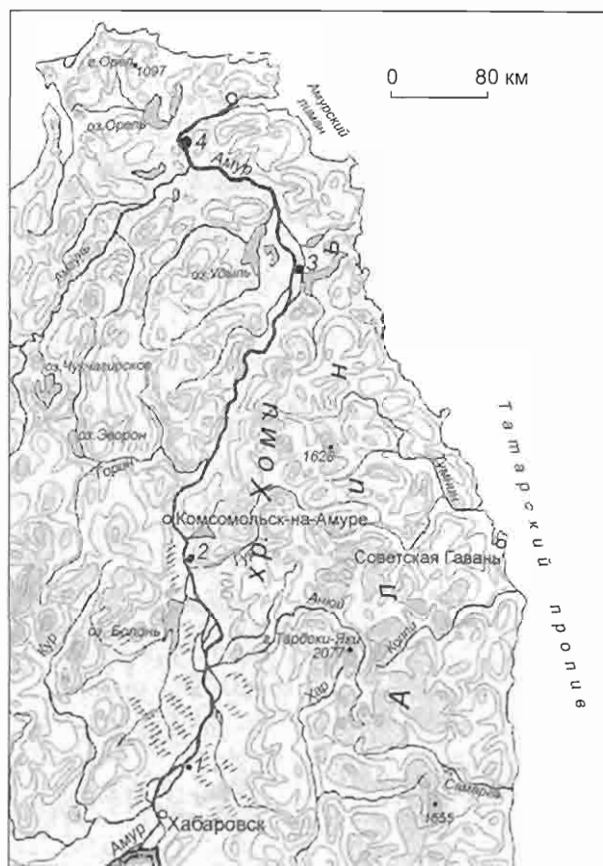

Рис. 1. Карта-схема расположения культовых центров.
1 – Сакачи-Алянско-Гасинский; 2 – Вознесенский;
3 – на о-ве Сучу; 4 – Тахтинский.

ления или группы компактно расположенных поселений. Культовые центры находятся, как правило, на возвышенных местах, иногда рядом с земляными или иными сооружениями в виде рвов и валов (вблизи писаниц-петроглифов или без них), а также других типов памятников – могильников, городищ, стоянок. Определение “центр” ассоциируется со стержневой, объединяющей на протяжении длительного времени ролью входящих в него культовых объектов, созданных и почитаемых, судя по сохранившемуся до нашего времени культовому антуражу, идейно и этнокультурно родственными коллективами людей.

Состояние культовых центров и их антураж

Степень современной археологической изученности юга Дальнего Востока России позволяет считать, что на Амуре, на правом высоком берегу или рядом с ним, в эпоху неолита существовало четыре культовых центра. Эти центры расположены в административных границах Хабаровского края у современных сел Сакачи-Алян, Вознесенское, Мариинское (о-в Сучу) и Тахта (рис. 1).

Культовый центр у села Сакачи-Алян

Этот культовый центр расположен примерно в 80 км от г. Хабаровска ниже по Амуру. Правильнее его называть Сакачи-Алянско-Гасинский, поскольку наряду с петроглифическим памятником в него входят многослойные разновременные поселения, а также камни с петроглифами, находящиеся на примыкающем к нему почти на всем протяжении вытянутого вдоль берега реки участке. Петроглифы выполнены на базальтовых глыбах, хаотично нагроможденных грядами или рассеянных одиночно более чем на 5-километровом отрезке амурского берега от нижней окраины с. Сакачи-Алян до верхней границы находящегося выше по реке с. Малышева.

Сакачи-Алянское петроглифическое местонахождение, являющееся самым крупным среди памятников с наскальными рисунками на Дальнем Востоке, относится к числу многосюжетных. На камнях изображены личины (маски), звери, змеи, антропоморфные существа, птицы, лодки с пловцами, концентрические круги и различного рода лунки (ямки).

Исследование петроглифов, самые ранние из которых (отдельные изображения птиц, животных, парциальных личин) А.П. Окладников связывал с осиповской мезолитической культурой и датировал 12–10 тыс. л.н. [1971, с. 86–88]*, показало, что подавляющее большинство изображений относится к неолитическому времени (IV–II тыс. до н.э.). Установлено также присутствие среди них полисемантических образов, в частности лося–женщины–мужчины (фаллоса)–солнца–змеи, женщины–лося–мужчины (фаллоса)–головы птицы, лодки с гребцами (душами умерших)–лося–четыре солнца и др. [Медведев, 2001а, с. 86–87]. К началу 1980-х гг. в районе Сакачи-Аляна – Малышева выявлено свыше 300 петроглифов. (Кроме этого, на отдельных, в основном береговых, песчаных скалах зафиксирована группа резных средневековых изображений всадников на лошадях, зверей, антропоморфных фигур, лодок с пловцами.)

Довольно высокий, незатопляемый во время паводков амурский берег в зоне рассматриваемых петроглифов (святилище) привлек внимание ранних обитателей Амурского региона неслучайно. Отличающаяся богатством флоры тайга, вплотную подступающая к реке, и в наше время изобилует зверем и дичью. То же самое можно сказать и о различных видах рыб, особенно о имевшихся еще в прошлом веке в этих местах лососевых. Поблизости от верх-

ней оконечности Сакачи-Аляна с Амуром соединяется Малышевская протока, идущая со стороны сравнительно крупного оз. Петропавловского, которое является важнейшим нерестилищем [Атлас..., 1994, с. 55].

Все известные в настоящее время древние сакачи-альянские поселения расположены преимущественно полосой шириной до 20–30 м вдоль кромки второй надпойменной береговой террасы Амура. Почти все участки поселений, которые были раскопаны, одинаковы по характеру культурных отложений. Нижний, наиболее ранний, слой, связанный главным образом с плотными глинами и суглинками на глубине порой до 2,0 м и более, принадлежит осиповской культуре начального неолита. Этот пласт, как правило, с обильным вещественным материалом, хотя его грунт подвергался перемещению людьми более позднего времени, сохранился в основном ненарушенным, чего нельзя сказать о вышележащих слоях. Над осиповским слоем в суглинке, а чаще в рыхлой супеси нередко в неповрежденном состоянии залегали материальные остатки преимущественно малышевской ранне-неолитической (в т.ч. остатки жилищ) и реже вознесенской поздне-неолитической культур. Постоянная заселенность людьми берега реки обусловила значительную перемешанность грунта, залегание находок более позднего времени глубже ранних артефактов. Эта особенность позволяет говорить о существовании на поселениях подземных оснований жилищ раннего железного века (польцевская и урильская культуры), средневековья (чжурчжэньская культура), а также этнографической современности (культура нанайцев), литологически приуроченных соответственно к слоям лесса, лессовидной супеси и дерна.

Из раскопанных не менее чем в пяти пунктах участках поселений (от Малышева до нижней окраины Сакачи-Аляна) наиболее исследованным и, что самое важное, насыщенным различным материалом является поселение на утесе Гася.

Утес Гася, выступающий своей наиболее заметной частью в виде трапеции на 30–40 м от плавного коренного края террасы, возвышается над уровнем Амура на 13–15 м и виден издали как с реки, так и с отдаленных мест на правом берегу (рис. 2). Утес находится примерно в 700 м от Сакачи-Аляна выше по реке. Северо-западная стенка утеса почти отвесная, в периоды подъема ее омывают воды Малышевской протоки, смыкающейся в данном месте с Амуром.

С 1975 по 1990 г. в течение восьми полевых сезонов на центральной части утеса и несколько ниже по течению Амура работы велись в восьми раскопах (А, Б, I–VI) и одной поисковой траншее общей площадью 851 м². Наибольший интерес представля-

*В соответствии с появившимися позже новыми материалами и выдвинутыми положениями указанный период каменного века определяется начальным неолитом и датируется 13–9 тыс. л.н.

Рис. 2. Утес Гася (указан стрелкой). Вид со стороны с. Сакачи-Алян.

ет самый обширный по площади (226 м²) раскоп I, расположенный на отвесной кромке утеса вдоль направленной к Амуру Малышевской протоки. Данный отрезок амурского берега еще до начала раскопок представлялся особо примечательным, поскольку внизу на песке рядом с террасой находится большое количество камней с яркими рисунками, преимущественно неолитическими. Заметим, что поселение на утесе Гася приобрело известность в археологии именно после исследований в раскопе I в 1980 г. Тогда в слое осиповской культуры на глубине 210–222 см была найдена значительная часть крупного раздавленного глиняного сосуда, датированного по ¹⁴C 12 960 ± 120 л.н. (ЛЕ-1781) [Окладников, Медведев, 1983, с. 96–97].

Остатки святилища, его культовые реалии на утесе Гася связаны со сравнительно небольшим участком поселения, где на глубине в основном 120–160 см от современной поверхности находилось три жилища полуземляночного типа. Жилища относятся к малышевской культуре. Два из них (№ 1, 2) сохранились почти полностью. Они подпрямоугольной формы, с закругленными углами, почти одинаковые по площади (37–38 м²). Котлованы их углублены на 30–45 см в суглинок, частично прорезают массив глины с осиповским материалом. Третье жилище вследствие эрозии грунта у края террасы сохранилось лишь частично. В ходе раскопок установлено, что в жилище № 1 почти отсутствовали ямы для опорных столбовых конструкций. В нем не было очага, а изделий из камня и керамики отмечено намного меньше, чем в жилище № 2. Согласно высказанному ранее предположению, это жилище могло иметь специальное назначение [Деревянко, Медведев, 1993, с. 20]. Ха-

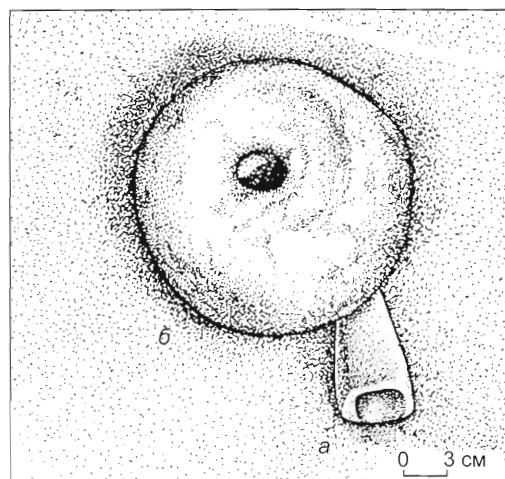

Рис. 3. Каменные палица (а) и скульптурное изображение фаллоса–вульвы (б). Вид в процессе раскопок. Святилище на утесе Гася. Малышевская культура.

рактер расположения жилищ (вплотную друг к другу вдоль края утеса) также дает основания считать, что группа, состоящая из трех углубленных в грунт сооружений, имела не только утилитарное назначение. Сохранившиеся большей частью в непоколебленном состоянии атрибуты культа залегали в жилищах и рядом с ними.

Палица и скульптурное изображение фаллоса–вульвы (рис. 3). Находились между жилищами № 1 и 2. Палица лежала почти горизонтально, перекрывая примерно одну треть скульптурного изделия. Оба предмета изготовлены из серого песчаника в технике пикетажа. Палица уплощенно-округлой формы, диаметром 11,2 см и толщиной 6,6 см. В центре ее имеется биконическое отверстие диаметром 2,4–5,7 см. Скульптурное изображение в виде круглого в сечении конуса длиной 6,6 см. В его основании (диаметр до 3,7 см) выдолблено чашевидное углубление диаметром 2,2 см и глубиной 0,8 см. Любопытно, что по размеру скульптурное изображение полностью соответствует отверстию в палице. Вполне возможно, что некогда эти два изделия составляли единое целое, т.е. скульптурка фаллоса–вульвы вставлялась в отверстие палицы. На расстоянии менее 1,0 м от этих предметов зафиксировано второе песчаниковое скульптурное изображение фаллоса–вульвы. Оно такое же, как и первое, но отличается тем, что углубление на его широком конце достигает 2,3 см, а противоположный конец не заострен (подробное описание названных скульптурных изделий см.: [Медведев, 2001а, с. 82–83]).

Фигурка медведя (рис. 4, 2). Отмечена на полу жилища № 2. Изготовлена из глины. Размеры 3,0×2,9××1,7 см. Показан, скорее всего, медвежонок завален-

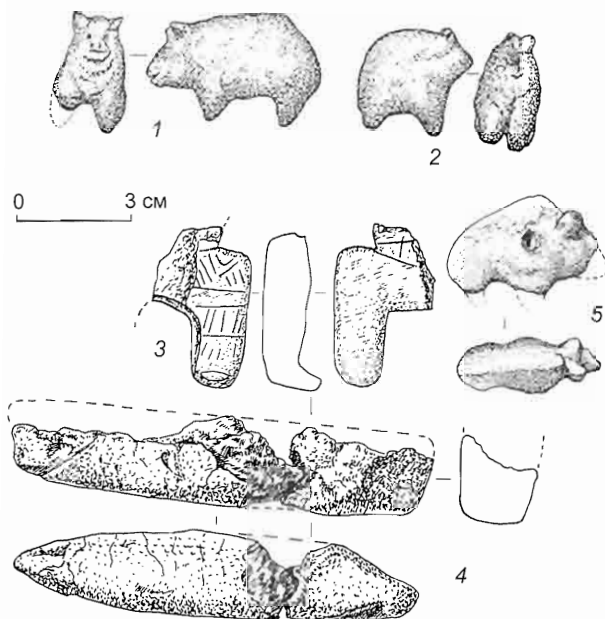

Рис. 4. Глиняные фигурки медведей (1, 2, 5), часть скульптурного изображения человека (3) и модель лодки (4). Святилище в жилище № 2 (1–4) и рядом с жилищем № 3 (5) на утесе Гася. Малышевская культура.

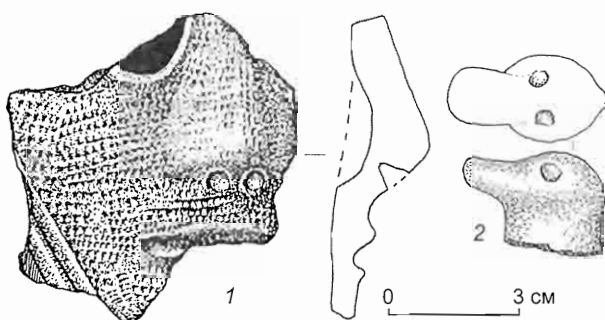

Рис. 5. Фрагмент глиняного сосуда с зооантропоморфным изображением (1) и скульптурное изображение головы тюленя (2). Святилище на утесе Гася. Вознесенская культура.

ных очертаний с чуть выступающей мордой, короткими ушами и ногами, округлый сзади. В данном жилище на полу обнаружены и другие глиняные изделия.

Часть скульптурного изображения человека (рис. 4, 3). Терракотовый обломок представляет собой нижнюю половину (левая нога и часть торса) скульптурки человека (высота 4,3 см, диаметр ноги $1,3 \times 1,1$ см, диаметр торса $2,7 \times 1,3$ см). Вверху на фрагменте имеется девять наклонных нарезок, ниже – две горизонтальные линии, под ними – пять вертикальных нарезок, еще ниже – горизонтальная линия и четыре вертикальные нарезки. Возможно, в такой схематичной манере передан рисунок на обуви и одежде.

Модель лодки (рис. 4, 4). Терракотовое изделие сохранилось неполностью. Оно в форме челнока или остроносой лодки-долбенки со слегка выпуклым дном, вертикальными стенками (бортами) и закругленными углами. Длина предмета 11,1 см, ширина дна 1,8–2,3 см, высота более 2,2 см, ширина (вверху) ок. 2,0 см.

Из других атрибутов, видимо, также связанных со своего рода домашним святилищем в жилище № 2, следует назвать глиняный дисковидный в плане (сегментовидный в сечении) предмет типа пряслица. Изделие диаметром 7,2 см, толщиной 2,5 см, в центре его – биконическое отверстие размерами 0,7–1,4 см. На одной плоскости предмета насечками изображена змеевидная концентрическая спираль, на другой – от центра к краям отходят восемь прочерченных радиальных линий – лучей. Вдоль краев изделия имеются вмятины, оставленные тупым предметом. В центре жилища зафиксирован раздавленный шаровидно-сферический сосуд (высота 13,5 см, диаметр тулова 20,0 см), верхняя орнаментальная зона которого покрыта ярко-малиновой краской и заложена. В жилище обнаружены также 263 фрагмента керамики, из которых 22 (чуть более 8 %) краснолощенных.

Фигурка медведя (рис. 4, 1). Находилась в жилище № 3. Выполнена из обожженной глины в реалистичной манере. Размеры $4,8 \times 3,3 \times 2,1$ см. У фигурки отчетливо моделирована голова с ушами, глазами, полуоткрытой пастью и двумя ноздрями над верхней губой. Передняя и задняя правые ноги у фигурки обломаны.

Фигурка медведя (рис. 4, 5). Отмечена в раскопе II, в 2–3 м к югу от жилища № 3. Залегала в слоистом суглинке на глубине 120 см непосредственно над слоем осиповской культуры. Изготовлена из глины, обожжена. Размеры $4,0 \times 2,6 \times 1,4$ см. Ноги и часть головы обломаны, в центре – отверстие.

Фрагмент сосуда с зооантропоморфным изображением (рис. 5, 1; 6). Обнаружен между жилищами № 2 и 3 в 20–30 см выше уровня верхних границ их котлованов. Черепок в изломе серого и темно-серого цвета. Глиняное тесто тонко отмучено, имеются включения в виде мелких комочков охры оранжевого цвета. Обжиг ровный. Черепок почти сплошь декорирован мелкими (1,0–2,0 мм) ячейками-тиснением, скорее всего, с помощью орнамента – зубчатой качалки. Представлена нижняя часть барельефного антропоморфного изображения с довольно выразительным приплюснутым носом и углублениями-ноздриями в нем, с частью рта и частью правого, вероятно, круглого глаза в виде сегмента, окрашенного красной краской и залощенного. Размеры $7,5 \times 6,8$ см, толщина 0,6–1,4 см. Фрагмент относится к разряду обрядово-культовой керамики и связан с вознесенской культурой, что, кстати, подтвержда-

ется его стратиграфической принадлежностью. Обломок сосуда с барельефным зооантропоморфным изображением на утесе Гася обнаружен в единственном экземпляре. Это может свидетельствовать о кратковременности функционирования святилища в период существования вознесеновской культуры. Данное положение подтверждается также сравнительной малочисленностью на утесе Гася других керамических и каменных изделий вознесеновского времени. К святилищу периода вознесеновской культуры можно отнести также изображение головы тюленя.

Скульптурное изображение головы тюленя, ларги (рис. 5, 2; 7). Найдено над восточным углом котлована жилища № 1. Сделано из обожженной глины, тесто рыхловатое, в изломе ярко-коричневое, с примесью мелкого песка. Размеры 3,3×2,4×2,0 см. Голова тюленя округлая, нос несколько уплощенный. Неглубокими ямочками хорошо обозначены два больших круглых глаза. Местами на фигурке сохранились пятна красной краски, имеются трещинки. Судя по довольно заглаженной нижней поверхности, скульптурка представляет собой самостоятельное изделие; это не фрагмент фигуры ластоногого животного.

Неподалеку от жилищ № 1 и 2 были также обнаружены: фрагмент глиняной головы, возможно, птицы (размеры 4,3×2,3×1,5 см) и скульптурное изображение головы неопределенного зверя из темно-серого песчаника (размеры 6,8×3,9×3,6 см).

Таким образом, святилище (или два святилища – жилищное “домашнее” и околожилищное) на утесе Гася появилось, вероятно, не позже малышевской культуры (V – начало III тыс. до н.э.). Если же учесть, что при исследовании других памятников в пределах рассматриваемого культового центра (например, на нижней окраине Сакачи-Аляна (нижний пункт)) среди материалов осиповской культуры отмечены предметы культового характера (каменная фигурка боровой птицы [Okladnikov, 1981, fig. 49]*, скульптурки зверя и двуконечного фаллоса–женщины) [Медведев, 2001а, с. 78–80], а в осиповском культурном слое в раскопах V и VI на утесе Гася выявлены глиняное скульптурное изображение медведя и каменная фигурка птицы, то создание святилищ, содержащих обрядовые реалии, на утесе и в других местах амурского берега в границах валунов с рисунками можно связать со временем появления наиболее ранних, осиповских, петроглифов.

* По мнению Д.Л. Бродянского, “фигурка полиэikonическая: в разных ракурсах видны птица, рыба, другая птица (сова?) и, возможно, тюлень” [2002, с. 10]. Если в фигурке действительно представлен образ тюленя, то это самое раннее скульптурное изображение ластоногого в Приамурье.

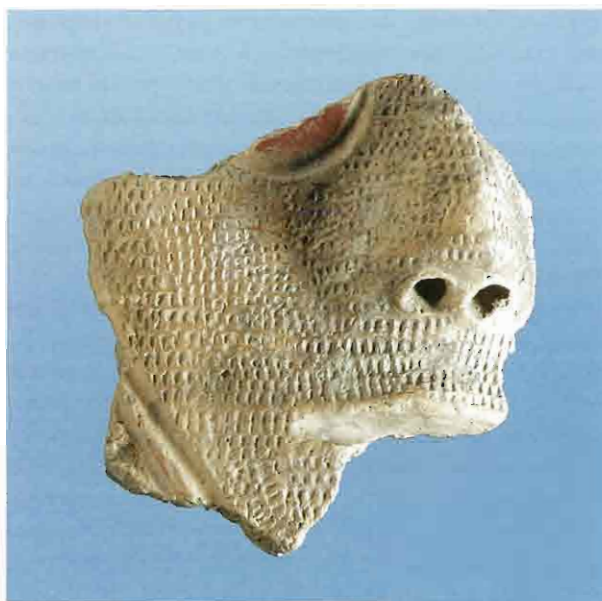

Рис. 6. Фрагмент сосуда. Святилище на утесе Гася.

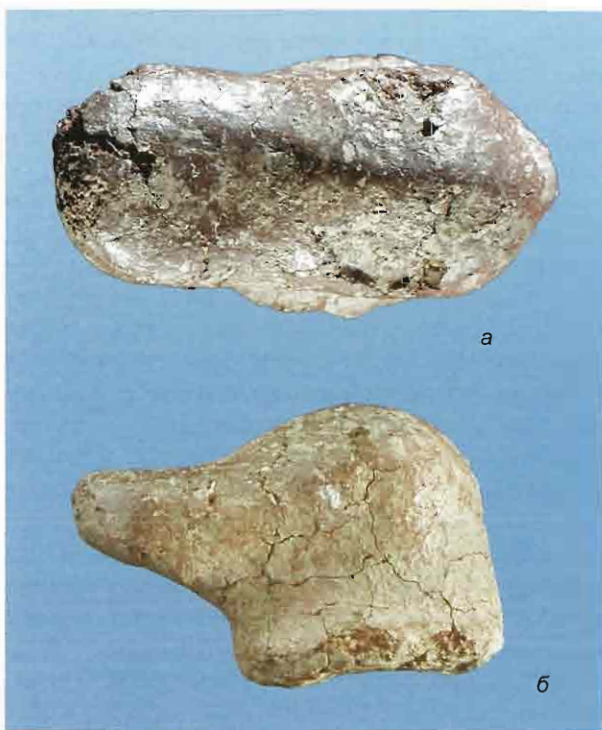

Рис. 7. Скульптурное изображение головы тюленя. Святилище на утесе Гася. а – вид сверху; б – вид сбоку.

Вознесенский культовый центр

Этот культовый объект напрямую ассоциируется с многослойным разновременным поселением, на котором в середине 1960-х гг. была найдена уникальная красноощенная керамика с рельефными зооан-

тропоморфными изображениями (маски-личины), относящаяся, как выяснилось в ходе последующих исследований, к вознесеновской культуре. На памятнике в 1935–1968 гг. несколько раз проводились полевые археологические изыскания под руководством А.П. Окладникова. Их результаты нашли отражение в довольно подробных публикациях [Окладников, 1967, 1972; Деревянко, 1970, с. 75, 77; Окладников, Деревянко, 1973, с. 109–112; Долуханов, 1972].

Поселение расположено в Амурском р-не в 2,0 км от с. Вознесенского выше по Амуру. В 2,5 км от памятника выше по реке, вблизи дельты р. Гур, разделенной на несколько рукавов, находится небольшое нанайское с. Усть-Гур. Древнее поселение приурочено к первой надпойменной террасе Амура высотой 8–10 м над урезом воды. Терраса сложена песчаными и суглинистыми отложениями. Внешние опознавательные признаки в виде жилищных ям-западин на поселении отсутствуют. Протяженность поселения вдоль берега реки составляла ок. 100 м. Более точные его размеры из-за сильного размыва Амуром определить невозможно. Во второй половине прошлого века ширина разрушенной части берега составляла, как указывают местные жители, не менее 50 м. Судя по встречающимся на близлежащих огородах обломкам неолитической керамики и изделиям из камня, поселение занимало обширную территорию.

В ходе раскопок явных жилищных котлованов неолитического времени определить не удалось, хотя их отдельные участки, судя по опубликованным данным, присутствовали. Объясняется это, возможно, активными эрозийными процессами, а также деятельностью людей, живших на месте поселения в период польцевской культуры раннего железа и мохэской культуры раннесредневекового времени. Однако в ходе перекапывания в железном веке была нарушена не вся толща супесей, прослоев песка и суглинка, с которыми связаны вещественные остатки неолита, а тем более материковый суглинистый массив, отстоящий на 1,5–2,8 м от современной поверхности. И тем не менее жилищные котлованы в материке не зафиксированы. Однако в процессе работ в раскопе длиной ок. 50,0 м и шириной преимущественно 1,0–5,0 м (на отдельных участках – 8,0 м), заложенном вдоль обреза берега, зафиксировано большое количество очагов (или, скорее всего, кострищ). Кострища зафиксированы на различной глубине, в т.ч. в 2,0 м от поверхности непосредственно на материке (в отдельных местах в виде сплошных углистых прослоек) [Окладников, 1972, рис. 1, 2]. Отмеченные во время раскопок участки возможных котлованов жилищ могли принадлежать вознесеновской культуре позднего неолита, которые нарушили материальные остатки малышевской культуры, представленной на раскопанной части памятника

столь же многочисленными артефактами, как и названная более поздняя культура*.

Несмотря на то, что Вознесенское поселение сильно разрушено рекой и сохранилось, видимо, лишь частично, найденная обрядовая атрибутика свидетельствует о существовании на его территории в неолитическое время культового центра.

Первыми были найдены на размытой поверхности поселения очень эффектные обломки верхней части сосуда. Принято считать, что на фрагменте на красном крашеном лощеном фоне выполнено рельефное антропоморфное изображение (сердцевидная маска-личина) с большими ярко-красными лощеными глазами в виде стилизованных фигур рыб, выпуклыми бровями, губами и носом. На фрагменте рядом с личиной показаны две пятипалые конечности зверя. Конечности и личина, за исключением глаз, покрыты сплошными рядами мелкочаеистых оттисков. Личина многократно описана, ее изображение опубликовано (см., напр.: [История Сибири, 1968, с. 138; Деревянко, 1970, с. 74; Окладников, 1972, с. 30; Okladnikov, 1981, fig. 19; и др.]). Личина является также частью эмблемы настоящего журнала.

Следует привести дополнительные, ранее не отмеченные данные знаменитого фрагмента сосуда (рис. 8, 1). Его размеры 21,6×18,6 см (восстановлен из различных по размерам обломков). Фрагмент представляет крупное цилиндрическое изделие диаметром ок. 29,0 см. Толщина его стенок 0,8–1,0 см. В изломе черепок темно-серого, бурого цвета. Обжиг ровный, отошители глиняного теста – песок, шамот. Внутренняя поверхность коричневая, с ангобом.

Размеры личины 12,8×12,7 см. Глаза ее непропорционально крупные, круглые, в виде стилизованных большоголовых рыб с короткими, повернутыми вниз хвостами. Над глазами – две соединяющиеся у переносицы надбровные дуги, создающие рельефную фигуру в форме летящей птицы (анфас) с широко распростертыми крыльями. На лбу над птицей показана треугольная фигура – женский символ. Птица, а также выпуклый нос оформлены способом продавливания стенки изнутри. Необходимо отметить, что довольно глубокие ямочки-ноздри направлены не внутрь носа, а в стенку сосуда. Пальцы на конечностях (по пять на каждой), как на лапах тюленей, с соединяющими их перепонками.

С правой стороны к личине примыкает, как бы срастаясь с ней, фигура с округлой головой, запечат-

*При анализе керамического материала Вознесенского поселения выяснилось, что выделенная ранее наряду с малышевской и вознесеновской кондонская культура представлена весьма немногочисленными артефактами. Вычленение самостоятельного кондонского керамического комплекса в материалах рассматриваемого памятника проблематично (подробнее см.: [Медведев, Филатова, 2002, с. 43–56]).

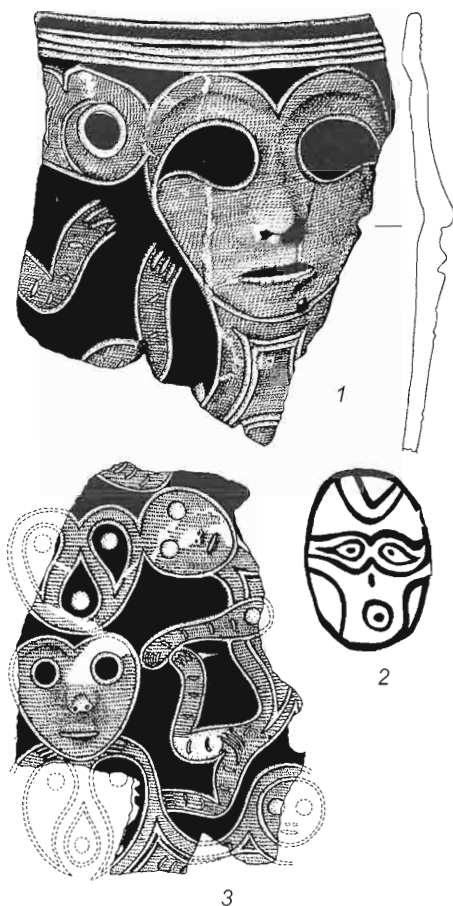

Рис. 8. Полисемантические изображения вознесенновской культуры.

1 – личина: человек (контур личины, нос, рот)–рыба (глаза)–птица (рельеф над глазами)–тюлень (ласты); 2 – личина: человек (контур личины)–рыба (глаза)–птица (над и под глазами)–солнце (рот в виде круга с точкой); 3 – личины: человек (контуры личин сверху и в центре слева, у последней и сверху справа – нос и рот)–тюлень (правые верхняя и нижняя личины, их глаза, а также глаза личины в центре слева, ласты)–рыба (глаза, рот и нос личин верхней и нижней слева)–птица (над глазами личин верхней и средней слева). 1, 3 – части глиняных сосудов из культового центра у с. Вознесенского; 2 – петроглиф у с. Сакачи-Аляя (по: [Окладников, 1971, табл. 98]). Графическая прорисовка Ю.В. Табарева.

ленной в профиль. В центре головы, направленной уплощенным носом с полуоткрытым ртом в сторону венчика сосуда, показан круглый глаз. Поперек головы нанесены две желобчатые полудуги (ухо?) – одна из них как бы огибает глаз, другая находится ниже уровня носа. Эта деталь композиции на черепке сопоставима с головой фаллической фигурки–тюлененка, найденной в святилище жилища № 4 на о-ве Сучу. Ниже подбородка на сравнительно длинной шее двойными желобками выполнена четырехугольная фигура наподобие ромба с вогнутыми сторонами, которая в археологии и этнографии чаще трактуется как изображение небесного светила, солнца [Иванов, 1963, с. 441]. Можно считать, что личина представля-

Рис. 9. Фрагмент сосуда. Первое святилище культового центра у с. Вознесенского. Вознесенновская культура.

ет собой полисемантическое орнито-, ихтио-, зооантропоморфное изображение, т.е. это человек (женщина)–птица–рыба–солнце–(возможно) тюлень.

Остатки культового центра у с. Вознесенского, как показали раскопки, размещались преимущественно в виде двух разнокультурных, изолированных друг от друга, разновременных комплексов или скоплений, которые можно идентифицировать со святилищами.

Первое святилище. Располагалось в восточной, вниз по Амуру, наиболее широкой части раскопа. Обрядовые реалии залежали в слое серой и частично желтой супеси на глубине 0,4–1,3 м на площадке размерами 6,0×4,0 м. В данном месте зафиксированы обломки нескольких краснолощенных сосудов с рельефными полисемантическими личинами, во многом подобными рассмотренной выше. Из многочисленных обломков реставраторами восстановлена значительная часть довольно толстостенного (0,8–0,9 см) тулова (35,7×18,8 см) предположительно цилиндрического сосуда высотой ок. 50 см (рис. 8, 9). Его черепок плотный, темно-серый в изломе. На покрытой красной краской и затем лощенной поверхности *сосуда* с помощью резной, накольчатой и штамповой техник

Рис. 10. Нефритовые кольца. Второе святилище культового центра у с. Вознесенского. Малышевская культура.

искусно созданы весьма причудливые композиции – минимум пять ихтио-, зоо-, орнитоантропоморфных существ, точнее, личин-голов. Три – с раздвоением вверху в форме летящей птицы (одна с круглыми, как у тюленя, и две с круглыми, как у рыбы, глазами) и две – округлой формы (глаза у них тоже круглые). Рядом с круглыми тюленеподобными изображениями и частично на них показаны конечности, судя по всему, лапы с тремя – пятью пальцами, которые соединены перепонками с четкими вдавлениями в форме скобок, обозначающими, вероятно, характерные для тюленя, ларги пятна. Весьма любопытно, что у правого верхнего (плывущего) существа отходящая вниз от туловища конечность раздваивается, превращаясь в две тюленьи, несколько отличающиеся друг от друга лапы. С такими же тремя лапами (одна передняя и две задние), возможно, была и другая, обломанная, половина туловища. На ней от шеи и до нижних конечностей обозначена криволинейно-геометрическая фигура с острыми углами.

Примерно в 9,0 м к востоку от скопления краснолощеной керамики в том же слое серой супеси (глубина 1,20 м от поверхности) обнаружены лежавшие плотно около друг друга **четыре каменных тесла** без следов эксплуатации. Недалеко от тесел отмечен целый сосуд с зауженной, вертикально поставленной горловиной. К этому святилищу, очевидно, относятся залегавшие рядом с крайними северными фрагментами краснолощеной керамики с личинами шлифованный наконечник стрелы и нож с выпуклым лезвием (оба из алевролита), а также вкладыш из белого кремня [Окладников, 1972, с. 10–11, 19]. Все перечисленные артефакты относятся к вознесенской культуре.

Первоначальное место залегания найденной на размытом берегу керамики с зооантропоморфным изображением неизвестно. Можно предположить, что черепки, из которых была восстановлена часть сосуда с названным изображением, относятся к данному святилищу.

Второе святилище. Находилось ориентировочно в 15–20 м к западу от первого, т.е. выше по течению реки. Обрядовая атрибутика располагалась в нем более компактно по сравнению с первым святилищем.

На глубине 2,0 м от поверхности в небольшом углублении, заполненном темной пережженной супесью с большой примесью мелких древесных уголков, найдены десять **нефритовых колечек**, желтовато-белых и прозрачных, диаметром 1,7–2,2 см. Они располагались плотной кучкой (“связка”?) (рис. 10).

В непосредственной близости от колец отмечен глиняный сосуд небольших размеров плохой сохранности. Под сосудом был найден глиняный, хорошо обожженный **бубенец** вполне удовлетворительной сохранности, с камешком внутри. При покачивании бубенец издает звук. Изделие каплевидной формы, в его верхней части сделано отверстие для подвешивания, скорее всего, на одежду шамана (рис. 11, 12). Бубенец высотой 5,7 см, диаметром до 4,6 см, коричневый, местами с темными пятнами. В глиняном тесте есть примеси песка, дресвы. На поверхности изделия полым предметом, вероятно трубчатой косточкой диаметром ок. 3 мм, нанесены ямочки глубиной 2–3 мм (реже 4–5 мм), которые в отдельных местах сдвоены. Углубления нанесены равномерно, при этом один их ряд образован по контуру вертикального среза (28 ямочек). Другие ряды ямок менее ровные, хотя можно отметить, что нанесены они по вертикали. Углубления на бубенце, возможно, обозначают некую систему чисел (календарь?).

Неподалеку от колец и бубенца в основании культурного слоя, фактически на материке, отмечен **наконечник стрелы** треугольно-удлиненной формы с выемчатым основанием, сделанный из кремня янтарно-желтого цвета. Наконечник (длина 5,7 см, ширина основания 1,6 см, толщина 1,0–2,0 мм) изготовлен с редкой тщательностью – филигранно обработан отжимной плоско-стелющейся ретушью (рис. 13, 1).

Условия залегания представленных культово-обрядовых атрибутов, сопутствующая керамика, орнаментированная ямочными и вертикальными вдавлениями и оттисками гребенки, а также облик находок свидетельствуют о принадлежности второго святилища малышевской культуре. Поэтому время начала формирования культового центра в пределах древнего поселения у с. Вознесенского следует связывать с данной культурой. Позже на этом объекте, как уже отмечалось, существовало святилище, созданное носителями вознесенской культуры. Не исключено,

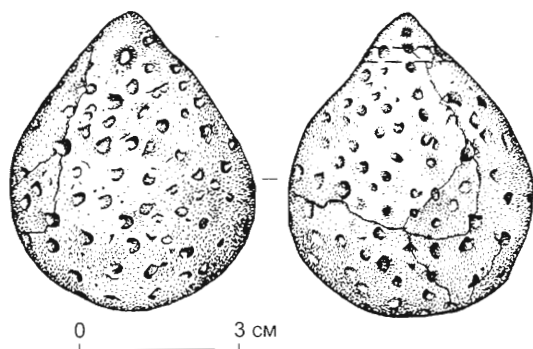

Рис. 11. Глиняный бубенец (погремушка). Второе святилище культового центра у с. Вознесенского. Малышевская культура. Рисунок Ю.В. Табаревой.

Рис. 12. Глиняный бубенец (погремушка). Второе святилище культового центра у с. Вознесенского. а – вид сбоку; б – вид снизу.

что религиозно-культовые традиции этого центра не угасли на Вознесенском поселении и в эпохи раннего железа и средневековья.

Находки зафиксированы также не на поселении, а на соседней с ним территории близ дельты р. Гур; они могли иметь отношение к Вознесенскому культовому центру. Речь идет о двух гладко отшлифованных лабретках из трепела (рис. 14, 1, 2). Обе **лабретки** в виде линзовидных в сечении пластин с расширя-

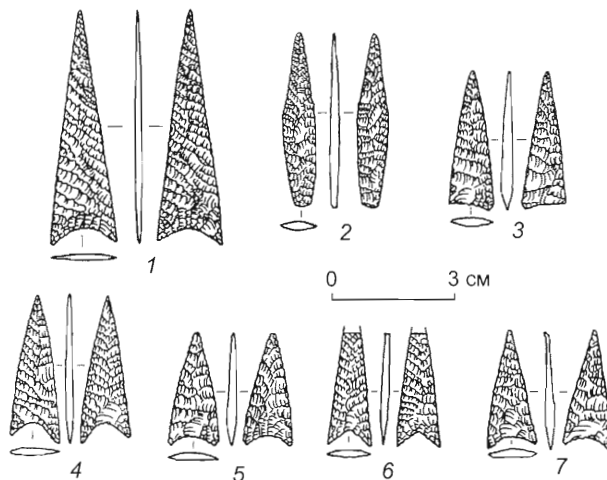

Рис. 13. Каменные наконечники стрел. 1 – второе святилище Вознесенского культового центра; 2, 3 – второе святилище культового центра на о-ве Сучу; 4–7 – Тахтинский культовый центр. 1 – малышевская культура; 2–7 – вознесенская культура.

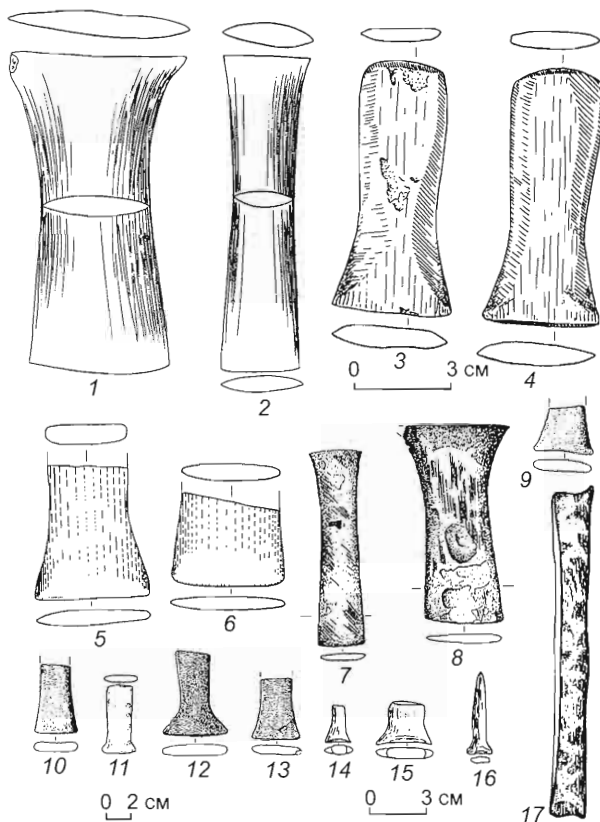

Рис. 14. Лабретки из камня (1–16) и кости (17). 1, 2 – устье р. Гур; 3, 4 – святилище на о-ве Сучу; 5, 6 – жилище № 1 на о-ве Сучу; 7, 8 – поселение Воскресенское; 9–12 – поселение Кольчём-3; 13 – поселение Кольчём-2; 14, 15 – стоянка Жупаново; 16 – стоянка Большой Камень; 17 – поселение Чалука на о-ве Умнак. 1–13 – Приамурье; 14–16 – Камчатка; 17 – Алеутские острова. 7–13 – по: [Шевкомуд, 2004]; 14–16 – по: [Пономаренко, 1985]; 17 – по: [Aigner, 1966].

щимися (у одной больше, у другой меньше) концами. По длине (9,7 см) и толщине (0,5–0,6 см) изделия одинаковые, по ширине – разные: одна у краев 5,5 см и 4,4 см, посередине 3,4 см, другая соответственно 2,6; 2,4 и 1,8 см. Трудно судить о том, к какому типу памятников относятся данные предметы, но то, что их изготовили и эксплуатировали представители малышевской или вознесенской культур, не должно вызывать серьезных сомнений. Изделия из трепела были найдены в святилищах указанных культур на о-ве Сучу [Медведев, 2000, с. 65–67].

Культовый центр на острове Сучу

На о-ве Сучу, где к настоящему времени раскопано большое количество жилищ неолитического времени, культовый центр занимал, видимо, значительную территорию древних поселений. Расположенный посреди Амура, ближе к его правому берегу, в 2,5 км от которого находится с. Мариинское Ульяновского р-на, остров был привлекательным и удобным местом для человека. Как показали раскопки последних лет, наиболее высокая часть острова была заселена не позже 8–9 тыс. л.н. носителями раннеолитической культуры, получившей название мариинской [Медведев, 2001б, с. 271]. Святилища и в целом культовый центр появились на о-ве Сучу не позже периода существования на нем жилищ малышевской культуры. В настоящее время известно о функционировании на острове не менее трех святилищ вознесенской культуры. Первые два святилища размещаются в непосредственной близости друг от друга на мысовидной площадке, заключенной между двумя лощинами рядом с южным краем острова.

Первое святилище. Находилось в жилище типа полуземлянки подпрямоугольной формы (ориентирована углами точно по сторонам света), углубленной в песок на 50–60 см. Его площадь почти 40 м². Жилище и часть его культовой атрибутики уже были охарактеризованы автором, поэтому в данной работе будет освещаться неопубликованный материал. Жилище обладает рядом специфических особенностей. Например, в нем отсутствовал очаг (рядом с юго-восточной стеной отмечены лишь углистое пятно и скопление красной охры). На полу преимущественно в южной и восточной частях жилища найдено большое количество каменных изделий, целых глиняных сосудов, а также культовых предметов. Выявленные в жилищном (“домашнем”) святилище фигурка тюленя–фаллоса–вульвы (рис. 15, 6), два фаллических скульптурных изображения с зооморфной и женской головами, скульптурное изображение головы женщины с прической в виде фаллоса, а также две женские скульптурки с фаллическим туловищем (без го-

лов) уже анализировались [Медведев, 2000, с. 57–60, 68]. В данной статье публикуется одна из последних скульптурок, залегавшая горизонтально, передней частью на восток, на дне вырытой в древности ямы в восточном углу пола жилища-святилища (рис. 16).

Два сосуда. Обнаружены в том же углу жилища-святилища, где находилась скульптурка–фаллос, почти непосредственно над ней. У обоих сосудов частично обломаны края венчиков. Более крупное изделие шаровидно-сферической формы, орнаментировано пунктирно-гребенчатыми оттисками, на фоне которых прочерчены спирали и оттиснуты кружки (см. рис. 15, 1). Другое изделие миниатюрное (высота 3,5 см), находилось внутри первого сосуда. Туловище сосуда декорировано пунктирно-гребенчатым вертикальным зигзагом и косой сеткой, прочерченной сверху (см. рис. 15, 2).

Диск. Уплотненное изделие наподобие пряслица, из глины, диаметром 6,1 см. С одной стороны диск украшен резной свастикой (см. рис. 15, 3; 17).

Навершие палицы (см. рис. 15, 4). Круглой в плане формы, диаметром 11,1 см, с круглым отверстием диаметром ок. 2,0 см. В профиле напоминает сегмент. Изготовлено из серого песчаника в технике пикетажа.

Диск-подвеска (см. рис. 15, 5; 18). Имеет форму очень крупной округлой бусины (диаметр 3,8 см) с отверстием посередине (диаметр 0,5 см). Сделан из дымчато-серого талька-стеатита. Поверхность тщательно зашлифована.

Фигурка совы–медведя (рис. 19, 20). Изготовлена из плоской выровненной плитки сланца (размеры 30,0×14,5×1,0 см). Края по всему периметру зашлифованы. Фигурка представляет собой полисемантическое изображение совы–медведя. Птица показана сидящей. При повороте верхней частью вниз фигурка передает силуэт лежащего медведя с массивной головой, повернутой в противоположную сторону от головы совы. Пасть зверя как бы чуть приоткрыта. Любопытно, что фигурка найдена разбитой на три части; у птицы и медведя были обломаны головы. На поверхности фигурки сохранились следы черной краски.

В святилище были также обнаружены: обломанное **нефритовое кольцо** диаметром 2,0 см с небольшим отверстием у края, ок. 20 сосудов, в т.ч. шесть целых или почти целых миниатюрных (высота 1,5–7,7 см). На внутренней и внешней поверхностях одного сосуда, полностью орнаментированного с помощью штампа, резного фигурного и рельефного валика–“шнура”, имеются остатки черной краски. Найдена также специально изготовленная **керамическая пластина** подпрямоугольной формы (4,8×4,1×0,8 см). В 1,0–1,5 м к северу от жилища-святилища отмечена алевролитовая шлифованная **подвеска** (длина 7,5 м)

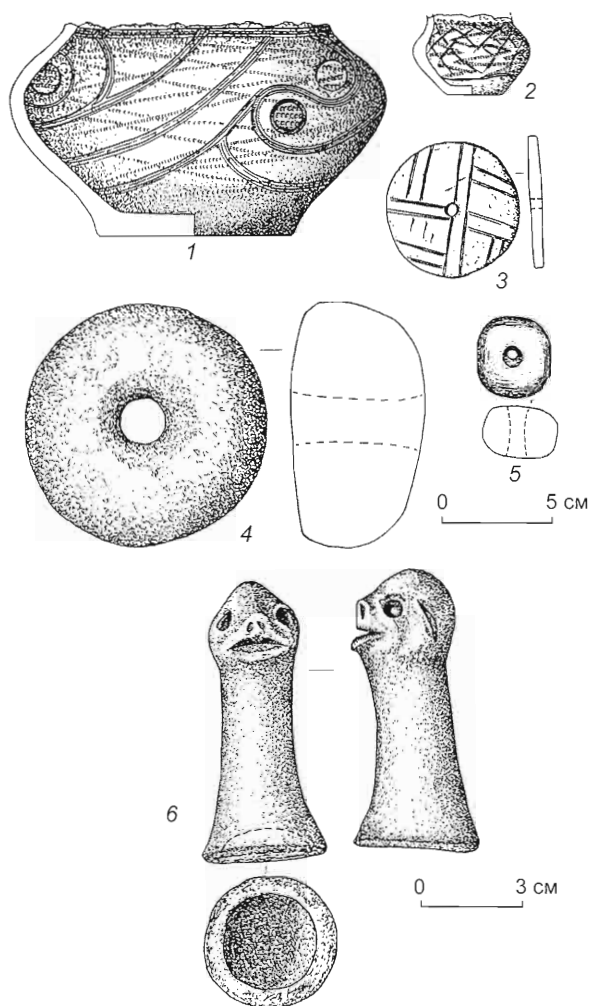

Рис. 15. Глиняные сосуды (1, 2), диск (3), каменные навершие палицы (4) и диск-подвеска (5), фигурка тюленя-фаллоса-вульвы (6). Первое святилище (в жилище № 4) культового центра на о-ве Сучу. Вознесенская культура.

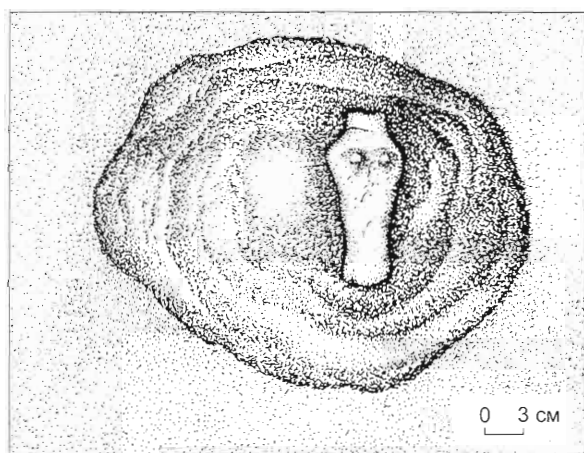

Рис. 16. Женская скульптурка-фаллос из обожженной глины. Яма первого святилища (в жилище № 4) культового центра на о-ве Сучу. Вознесенская культура.

Рис. 17. Диск. Первое святилище (в жилище № 4) культового центра на о-ве Сучу.

Рис. 18. Диск-подвеска. Первое святилище (в жилище № 4) культового центра на о-ве Сучу. а – вид сверху; б – вид сбоку.

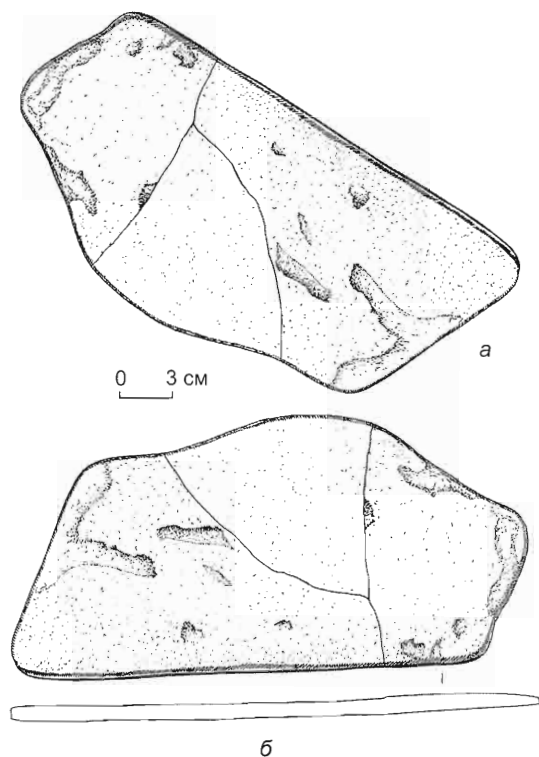

Рис. 19. Плоское скульптурное изображение совы-медведя из сланца. Первое святилище (в жилище № 4) культового центра на о-ве Сучу. Вознесенская культура.
а – изображение совы; б – изображение медведя.

в форме тонкой овально-удлиненной стамески с заточенными концами и отверстием в одном из них. Здесь же находилось глиняное *округло-ромбовидное изделие* типа крупной бусины (диаметр 2,4 см) с отверстием и насечками по ребристому периметру.

Данное святилище в жилище № 4 могло использоваться одним обитателем поселения либо большой группой людей.

Второе святилище (рис. 21). Раскопано в 4,0 м к югу от первого святилища. Оно необычно по своему устройству и антуражу. Основу святилища составляет вырытый в песке на глубину 1,2–1,4 м котлован округло-вытянутой (с востока на запад) формы размерами 10,85×8,50 м. По глубине и форме котлован во многом напоминает углубления – подземные части амурских неолитических жилищ. В его заполнении и на дне обнаружено сравнительно небольшое количество находок, попавших сюда, скорее, случайно. Характерно, что отсутствовали ямы от столбов, которые служат для поддержания кровли и стен жилищ.

На дне котлована зафиксированы вырытые на глубину до 0,4 м четыре подпрямоугольные очажные ямы, заполненные черной вязкой углистой массой с остатками кальцинированных трубчатых косточек мелких млекопитающих и, видимо, птиц. В костри-

Рис. 20. Плоское скульптурное изображение совы-медведя. Первое святилище культового центра на о-ве Сучу.
а – изображение совы; б – изображение медведя.

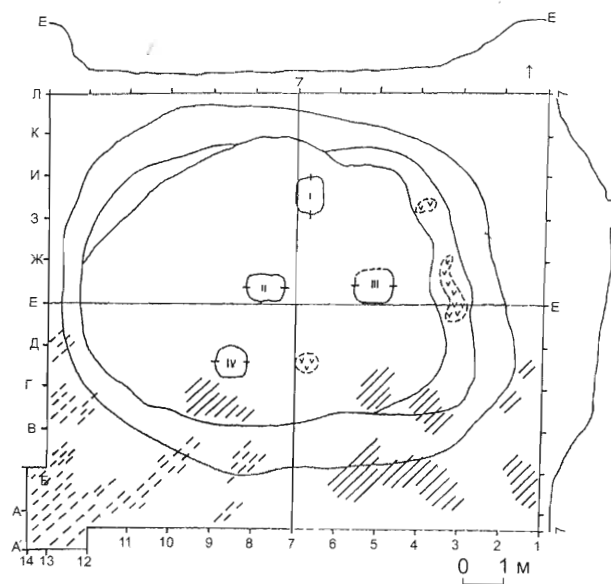

Рис. 21. План и профили котлована второго святилища в раскопе V на о-ве Сучу. I–IV – кострища; правее пунктиром обозначены границы углистых пятен, сплошные линии – места скопления камней и артефактов, пунктирные – артефактов.
Вознесенская культура.

шах попадались плотные обгоревшие оранжевые комочки охры. В котловане, в основном вдоль восточной стены, также выявлены углистые пятна.

Весьма примечательно, что с южной стороны кромка котлована была выложена в виде полудуги кусками камня, часть которых со временем сползла вниз. Подавляющее большинство жертвенных реаллий святилища связано главным образом с этой сакральной по своей сути “полудугой” и прилегающей вплотную к ней с юго-западного обрывистого, заросшего деревьями края острова площадкой. Культовые атрибуты находились среди камней, иногда под камнями и рядом с ними на глубине от 40 до 85 см. Особенно много обнаружено керамики, которая нередко залегала сплошным плотным пластом. Супесь в местах таких скоплений вещественных остатков была заметно темнее окружающего желтого грунта.

Керамика. Вся керамика, собранная в указанном месте вдоль южной и юго-западной границ котлована святилища, не может быть отнесена к разряду утилитарно-бытовой утвари. Она предназначалась для культовых церемоний и поэтому отличается от обычной керамики особым качеством и орнаментальной яркостью. Все сосуды (за исключением одного), а их не менее 15, представлены фрагментами, в т.ч. мелкими. Форму изделий определить трудно, но можно предположить, что сосуды были цилиндрические, шаровидные и др. Фрагменты, как правило, покрыты ярко-красной краской и залощены. На толстостенных, а также неокрашенных черепках с помощью штампово-резной (желобчатой) техники искусно изображены зооантропоморфные и растительные орнаментальные мотивы. Для примера приводится краткое описание пяти характерных фрагментов.

Все черепки из одного теста хорошего качества. В изломе серые и темно-серые, плотные, с примесью мелкого песка. Фрагменты, покрытые краской (рис. 22, 1–3; 23, 1–3), изготовлены аккуратнее обычной кухонной утвари, обе поверхности ангобированы. Цвет изнутри красноватый, толщина черепков 0,6–0,9 см. На всех черепках имеются вдавления в форме колец или сплошных окружностей – “глаз”, представляющих собой элементы зооантропоморфных изображений (личина), лунарно-солярные символы, а также фигуру ромба из круглых ямочек на контурном рисунке рыбы (см. рис. 22, 2; 23, 2). Не заполненное краской пространство, оконтуренное желобками, декорировано легкими рубчатыми (мелковельветовыми) полосками. Отмечены два фрагмента (см. рис. 22, 4, 5; 23, 4, 5) серого и желтовато-серого цвета с обеих сторон и в изломе. Формообразующие желобки на них более узкие. На одном из этих черепков – пышный растительный узор, на другом – когтистая конечность. На обоих обломках сосудов на фоне мелких оттисков-ячеек сделаны кружковые вдавления.

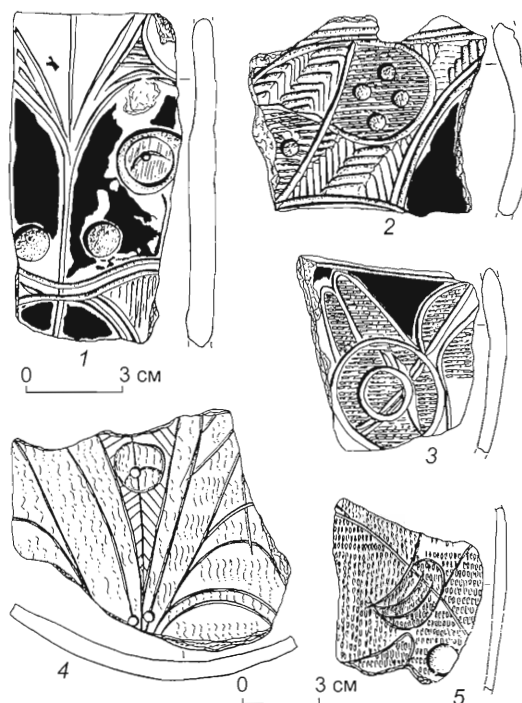

Рис. 22. Керамика. Второе святилище культового центра на о-ве Сучу. Вознесенская культура.

Рис. 23. Керамика. Второе святилище культового центра на о-ве Сучу.

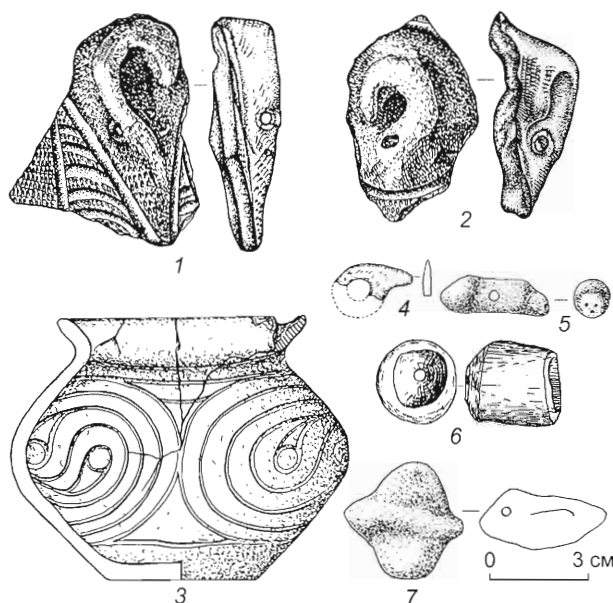

Рис. 24. Фрагменты глиняных сосудов с наклепными ушами-змеями и отверстиями в "мочках" (1, 2), сосуд (3), нефритовая подвеска в виде рыбки (4), глиняные двуконечный фаллос с изображением головы тюленя (5), цилиндрический предмет из талька-стеатита (6) и фигурка птицы из семейства чистиковых (7). Культовый центр на о-ве Сучу.

1-5 – второе святилище; 6, 7 – жилище № 1.

1-5 – вознесенская культура; 6, 7 – малышевская культура.

Обнаружены обломки сосуда с рельефными налпами в форме ушей человека (рис. 24, 1, 2; 25). Края ушных раковин переданы в виде обозначающих их форму змей (размеры ушей-змей (4,5–5,2)×(2,6–2,7) см). Хвосты змей опущены вниз, а головы вверх вылеплены наподобие вопросительного знака. Поверхность змеевидных ушных раковин обозначена мелкоячеистыми оттисками. В мочках ушей-змей имеются круг-

Рис. 25. Фрагменты сосудов с наклепными ушами-змеями.

лые отверстия, предназначенные, надо полагать, для подвешивания серег.

Среди камней стоял целый шаровидно-сферический сосуд (высота 8,1 см), украшенный резными спиральными в сочетании со стилизованными фигурами рыб, головы которых оформлены в виде кольца или круга (см. рис. 24, 3).

Каменные кольца (рис. 26, 1–5). Залегали в основном компактно среди развала керамики на участке в 3,0–4,0 м от каменной "полудуги". Зафиксировано семь изделий (пять из талька-стеатита и два из светлого нефрита) в виде круглых и почти круглых дисков диаметром 1,5–3,1 см с отверстием посередине.

Плоская подвеска в виде рыбки или головастика с отверстием в широкой, частично обломанной части. Сделана из светлого нефрита. Размеры ок. 2,5×1,6×0,2 см (см. рис. 24, 4).

Цилиндрический предмет (см. рис. 24, 6; 27). Отмечен рядом с крашеной керамикой, между кольцами и каменной выкладкой. Вырезан из светло-серого талька-стеатита. Имеет вид полого цилиндра (длина 3,1 см, диаметр 2,6 см) с зашлифованной наружной и внутренней поверхностями. Его полость конусом сужается ко "дну", в котором сделано круглое отверстие (диаметр 0,3 см). Вряд ли можно говорить об утилитарном назначении предмета. Скорее всего, это скульптурное изображение фаллоса-вульвы.

Лабретки (см. рис. 14, 3, 4; 28). Найдены среди крашеной керамики в юго-западном углу раскопа. Вырезаны из светлого трепела, поверхность зашлифована. Линзовидные в сечении подпрямоугольные предметы с резко расширенным одним концом. Одинаковые по размерам (длина 7,8 см, толщина 0,4–0,6 см).

Наконечники стрел (3 экз.). Залегали рядом с нефритовым кольцом и керамикой в основании куль-

Рис. 26. Кольца.

1-5 – второе святилище культового центра на о-ве Сучу; 6 – Тахтинский культовый центр. 1, 3-5 – тальк-стеатит; 2, 6 – нефрит. Вознесенская культура.

Рис. 27. Цилиндрический предмет. Второе святилище культового центра на о-ве Сучу.
а – вид сбоку; б – вид снизу; в – вид сверху.

Рис. 28. Лабретки из трепела. Второе святилище вознесеновской культуры (1, 2) культового центра и жилища № 1 (3, 4) малышевской культуры на о-ве Сучу.

турного слоя. Изготовлены с помощью тонкой отжимной плоской и стелющейся ретуши. В сечении линзовидные. Один иволистый, из красного халцедона (см. рис. 13, 2). Два других треугольно-удлиненной формы, с легкой асимметричной выемкой в основании из светло-серого кремня (см. рис. 13, 3).

В наиболее насыщенном красноощенной керамикой месте святилища найдены также лежавшие компактно *семь вкладышей* из белого камня и *два скребка*. Поблизости от целого сосуда среди камней обнаружены *два кремневых тесла* и *песчаниковое точило*. Все инструменты хорошей сохранности, без изъянов.

Третье святилище. Это наиболее обширное святилище вознесеновской культуры, своего рода сердцевина всего культового центра. Находилось в юго-западной оконечности острова с его наиболее неприступными, крутыми скальными границами. Территория святилища размерами примерно 170×110 м ограничена прорытым поперек острова широким, дугообразным в плане ровом, направленным вершиной дуги вглубь острова. Ров не мог быть преградой в случае нападения неприятеля с северо-западной части острова, поскольку вдоль рва размещаются много-

численные жилищные ямы-западины вознесеновской культуры. Жилища располагаются и дальше в северо-восточном направлении, в т.ч. за вторым более узким ровом, прорытым параллельно первому на расстоянии 115–170 м. Огражденный ровом участок острова с одной стороны ограничен скалой, которая возвышается над водой старицы, бывшей ранее протокой Амура. Ямы-западины жилищ на пространстве между скалой и ровом отсутствуют (см.: [Деревянко и др., 2003, т. 1, рис. 2]). Этот участок острова в отличие от других характеризуется более скудной древесной и травянистой растительностью.

В 1994 г. в южной половине большого рва поперек были прокопаны две траншеи длиной 12,0 м и шириной до 1,5 м каждая. На дне ровов, углубленных в материковую супесь в среднем на 1,5 м, на глубине 2,0 м и более от поверхности зафиксированы остатки кострищ, смешанные с обожженными гальками и керамикой вознесеновской культуры, украшенной гребенчато-пунктирным орнаментом [Медведев, 1995, с. 291].

Можно выдвинуть несколько предположений. Первое: носители вознесеновской культуры (возможно, и более ранние обитатели) относились к скале

как к сакральному месту, на ней они периодически совершали свои кульгово-обрядовые церемонии (любопытно, что у основания скалы были найдены обломки сосудов). Второе: территория в юго-западной оконечности острова могла быть местом упокоения умерших – представителей эпохи неолита. Покойников оставляли “во владении мертвых” на деревьях в т.н. воздушных погребениях, имевших широкое распространение до недавнего времени у многих коренных народов Дальнего Востока и Сибири. Косвенным подтверждением этой версии можно считать отсутствие каких-либо неолитических могильников на острове и во всем Амурском регионе.

Как уже отмечалось, начальную стадию формирования культового центра на о-ве Сучу можно связывать с малышевской культурой. Это предположение основывается прежде всего на материалах раскопок жилища № 1, проводившихся в 1973 г. В округлом в плане жилище размерами 9,5×8,8 м на полу у западной стены были найдены 17 миниатюрных глиняных изделий: четыре двуконечных фаллоса с изображением головы тюленя на одном конце, пять фигурок летящих птиц из семейства чистиковых (см. рис. 24, 5, 7) и шесть сосудилов. Все предметы со сквозными отверстиями залегали компактно. Обнаружены также скульптурные изображения женщины и покрытой красной краской головы медведя–мелкого зверька (гибридный образ), два небольших сосудика (один в виде флакона с семью рядами ямочных вдавлений на тулове, другой – с волнистой рельефной кромкой венчика), пряслице с резной солярной символикой, три кремневых ретушированных подтреугольных наконечника стрел с выемчатым основанием. На полу лежали также две обломанные лабретки из трепела. Обе лабретки плоские (толщина 0,4–0,6 см), линзовидно-подпрямоугольные в сечении, с плавно расширенными концами; их длина 4,1 см и 2,9 см (см. рис. 14, 5, 6; 28, 3, 4). Как видно из описания, “домашнее” святилище находилось у западной стены жилища № 1.

Таким образом, возникшее на о-ве Сучу в малышевское время святилище стало своего рода предтечей сформировавшегося в более поздний, вознесенский, период культового центра, включавшего святилища, созданные в вырытом котловане, и жилище № 1 (“домашнее”), а также сакральное пространство у скалы, или “владения мертвых”.

Тахтинский культовый центр

Расположен на нижней по Амуру (северной) окраине с. Тахта Ульчского р-на. В данном месте к реке примыкает круто обрывающаяся к ней возвышенность высотой до 80 м над уровнем воды. Примерно в 70–90 м от Амура и в 30–40 м над его уровнем крутой склон

возвышенности сглаживается, и здесь образуется площадка наподобие пологой террасы. На ней в 1968 г. экспедицией под руководством А.П. Окладникова было открыто древнее разновременное поселение. В обнажении обрыва выявлена оригинальная, покрытая красной краской и тщательно залощенная керамика. При закладке поисковой траншеи (5,0×1,5 м) у западного (нижнего) края террасы выяснилось, что керамика в большом количестве залегает сразу под дерном в супесчаном грунте.

Спустя год в заложенном рядом с шурфом выше по склону раскопе площадью 112 м² исследованы основания-котлованы двух “жилищ-полуземлянок” полностью (№ 1, 2) и пяти частично (№ 3–7) (Окладников А.П., Медведев В.Е. Отчет о раскопках в поселке Тахта Хабаровского края. 1969. – Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. № 3938. Л. 96–97). В верхних слоях раскопа (дерн, супеси) на глубине до 0,5 м отмечены артефакты раннего железного века (польцевская культура) и керамика, предметы из железа, кости медведя чжурчжэньского средневековья. Жилищами раскопанные комплексы с впущенными в супесчаный грунт на глубину до 1,20 м от поверхности котлованами можно назвать довольно условно. В “жилищах” № 2–7 не было ни одной ямы от столбов, которые обычно служат для поддержания деревянной наземной конструкции. Даже в самом большом жилище № 1, к которому вплотную с восточной и северной сторон подступают остальные миниатюрные по площади “жилища”, зафиксировано пять ям от столбов; они находились в основном снаружи северо-восточного и юго-западного углов. Важно заметить, что ямы не прорезали материковую супесь, а были углублены у стен котлована, видимо, в насыпной грунт.

Основные находки – краснолощенная керамика в виде фрагментов (2,0–12,0 см) – обнаружены главным образом в пределах жилища № 1 (в слоях от дерна до пола найдено 298 подобных черепков) и на прилегающей к нему территории, в основном с юго-западной стороны. В других “жилищах” находок было очень мало, но в них выше пола отмечены довольно большие очаги или кострища с углями и обожженными кусками камня и гальками. В жилище № 1 наряду с очагом (вблизи северо-западного угла) на различной глубине преимущественно в восточной части отмечены многочисленные углисто-кострищные пятна и прослойки.

Значительная, возможно большая, часть памятника с юго-западной стороны разрушена жилыми и хозяйственными постройками (по рассказам их хозяев, в ходе земляных работ были найдены различные предметы, в т.ч. окрашенные красной краской черепки). Ориентировочно протяженность археологического объекта на террасовидной площадке берегового возвышения с севера на юг составляет не менее

30,0 м, с запада на восток – до 10,0–12,0 м. Многое на этом памятнике, несомненно, нетипичном для исследованных поселений Дальневосточного региона, разрушено и безвозвратно утеряно. Тем не менее собранный материал свидетельствует о неординарности существовавшего Тахтинского культового центра.

Керамика. Всего на памятнике выявлены ок. 2 тыс. фрагментов неолитической керамики, а также несколько целых сосудов. Черепки, как правило, покрыты красной краской и не имеют следов использования в быту. Как отмечалось выше, крашенная керамика локализовалась преимущественно в жилище № 1 и рядом с ним. В ходе раскопок установлено, что эти черепки размещались равномерно в заполнении котлована. На полу, в отличие от “стандартных” жилых комплексов, керамики было сравнительно мало (ок. 7 % от общего количества). Объяснить это можно тем, что керамика накапливалась постепенно: разбитые (или целые с жертвенной пищей и напитками) сосуды клали в котлован во время культово-обрядовых действий, когда зажигали костер. Большое количество керамики было оставлено на окружающем котлован пространстве, своего рода открытом алтаре, а также, возможно, в других котлованах культового центра, уничтоженных постройками.

Анализ красной керамики данного памятника заслуживает специальной работы. В настоящей статье приводится лишь краткая характеристика группы типичных, наиболее ярких фрагментов четырех-пяти сосудов. Керамика снаружи, где нет краски, и изнутри коричневая, с оттенками от желтого до темно-коричневого. Черепок по качеству различается на плотный темно-серого в изломе цвета и слегка рыхловатый темно-коричневого и бурого цвета. В тесте всех фрагментов – примеси песка, дресвы, шамота. Орнамент на керамике из плотного теста проработан более тонко.

Фрагмент с изображением двух конечностей (рис. 29, 1). Обломок, вероятно, верхней части сосуда. Размеры 19,0×15,5 см, толщина 0,7–0,9 см. На красном поле прочерченными желобками изображены конечности с тремя-четырьмя когтями, покрытые оттиснутыми гребенчатыми ячейками (0,1×0,1 см). На керамике желобками созданы также фигуры в виде дуги, оттиснуты два правильных круга.

Часть сосуда с наклепным изображением уха человека (рис. 30, 2). Боковина изделия неопределенной формы. Размеры 19,0×18,0 см, толщина стенки 1,0–2,6 см (вместе с наклепом). Ухо человека моделировано довольно реалистично. Несколько расширенный край раковины переходит в зауженную мочку. Боковые поверхности декорированы гребенчатыми оттисками (0,2×0,2 см). Такие же оттиски – на всей верхней части боковины сосуда, покрытой после их нанесения широкими желобками, которые образуют

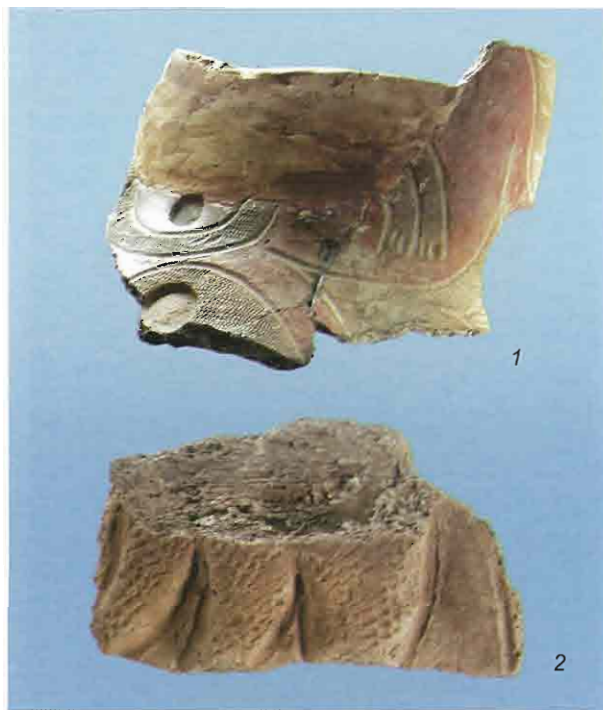

Рис. 29. Керамика. Тахтинский культовый центр. Вознесенская культура.

1 – фрагмент с изображением двух конечностей животного;
2 – фрагмент с наклепными изображениями когтей зверя.

Рис. 30. Керамика. Тахтинский культовый центр. Вознесенская культура.

1 – фрагмент с изображением полоза;
2 – часть сосуда с изображением уха человека.

Рис. 31. Керамика из Тахтинского культового центра. Вознесенская культура.
1 – фрагмент с зооантропоморфным изображением;
2 – фрагмент с налепным изображением клюва совы.

дугообразные фигуры в форме стилизованных рыб. Внизу сосуд был окрашен красной краской (слегка потрескалась, поблекла).

Фрагмент с зооантропоморфным изображением (рис. 31, 1). Размеры 8,3×6,1 см, толщина 0,8–0,9 см. Контур головы округло-овальной формы. Глаза округло-выпуклые со зрачками в виде овальных ямочек. Нос рельефный, круглый, с ямочками-ноздрями, похожими на тюлени. Нижняя часть фигуры обломана, частично покрыта несколько небрежно выполненными подпрямоугольными оттисками (0,2×0,2 см). Допустимо трактовать как изображение головы тюленя.

Черепок с налепным изображением полоза (см. рис. 30, 1). Размеры 8,8×8,9 см, толщина 0,9–1,0 см (со змеей – 1,9 см). Голова рептилии подчеркнута большая, с глубокими овальными глазами-ямочками и приоткрытой пастью. Чешуйчатая кожа показана гребенчатыми оттисками дугообразной формы.

Фрагмент с налепными когтями зверя (см. рис. 29, 2). Размеры 9,3×8,2 см, толщина 1,7–2,7 см. На сосуде, вполне возможно, было наклепано изображение уплощенной лапы или части лапы

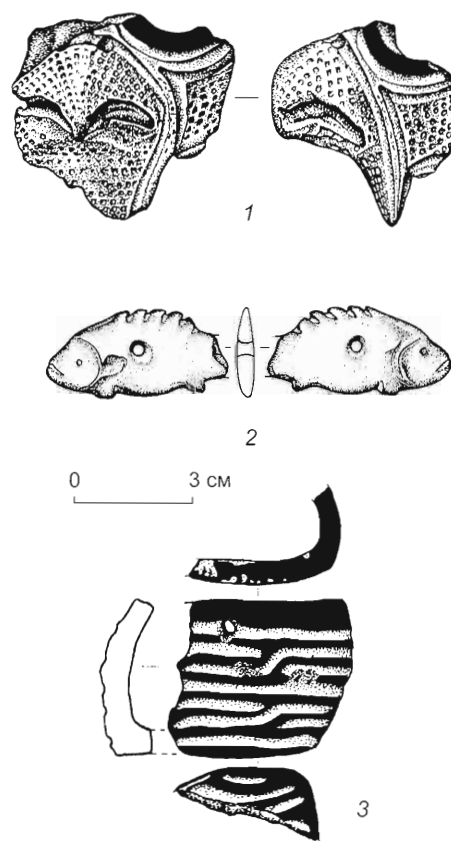

Рис. 32. Фрагмент керамики с изображением клюва совы (1), каменная фигурка рыбы (2) и сосудик (3). Тахтинский культовый центр. Вознесенская культура. Рисунки Ю.В. Табаревой.

крупного хищника (медведя, тигра (?)), от которой сохранились лишь три массивных обломанных когтя длиной до 2,7 см (общая их длина ок. 8,0 см). Поверхность когтей орнаментирована довольно аморфными, овально-ромбовидными оттисками.

Фрагмент с налепным скульптурным изображением клюва совы (см. рис. 31, 2; 32, 1). Размеры черепка 5,9×5,3 см, а искусно показанного клюва совы – 3,7×2,2 см (толщина вместе со стенкой сосуда 3,7 см). На уровне верха клюва были, вероятно, два круглых отверстия – глаза; сохранилась часть одного из них диаметром ок. 2,5 см, оконтуренного красной крашеной каймой. Почти на всей поверхности изделия – гребенчатые оттиски (0,15×0,15 см).

Учитывая многочисленность и разнообразие крашенных фрагментов керамики, можно считать, что на сакральном пространстве на части склона тахтинской возвышенности древние при совершении обрядов использовали, вероятно, не менее 60 своеобразных по форме, нарядно окрашенных сосудов. Полностью не удалось восстановить ни одно глиняное изделие. Это дает повод усомниться в том, что все обломки сосудов остались на месте. Часть разбитой посуды

была либо унесена людьми, отправлявшими обряды, либо “присвоена” их современниками. Не исключено также, что обломки сосудов складывались в других местах – святилищах на разрушенной площади культового центра.

Имеется лишь три частично восстановленных сосуда, по которым в известной мере можно судить о тахтинской церемониальной утвари.

Сосуд № 1 (рис. 33). Точнее, это верхняя часть изделия, скорее всего, с округлым туловом. У него невысокая, вертикально поставленная, цилиндрическая, окрашенная красной краской горловина. Диаметр сосуда не менее 18,0 см, высота обломка ок. 10,0 см. Диаметр венчика 5,6 см. На верхней его поверхности – 18 кружковых вдавлений, на тулове – еще один кружок. В 6,0 см ниже основания горловины, очевидно, имелось круглое отверстие, оконтуренное краснолощеной полосой и тремя желобками. На тулове – двойные желобки, образующие фигуры-дуги, все поле между которыми декорировано ровными рядами мелких ячеек.

Сосуд № 2 (рис. 34). По форме похож на перевернутую вверх дном вазу или скорее бомбу с двумя уплощенными внизу отrostками – “стабилизаторами”. Изделие с зауженным устьем и расширенной верхней половиной, в которой были сделаны круглые отверстия (возможно, четыре). Высота сосуда 36,5 см, диаметр устья 8,8 см, отверстий в тулове – 3,5 см и 6,5 см. Диаметр наибольший сверху 23,5 см, наименьший внизу – 15,3 см, дна – 13,5 см. Длина “стабилизаторов” до 4,7 см, толщина стенок 0,8–1,2 см, дна – 1,2–1,8 см. Края устья, отверстий и дна сосуда покрашены красной краской. На поверхности сосуда – мелкочаечистые гребенчатые оттиски, поверх которых желобками изображены круги и, вероятно, стилизованные фигуры крупноголодых рыб.

Сосуд № 3 (см. рис. 32, 3). Найден рядом с жилищем № 1 (святилищем) на глубине 0,4 м. Миниатюрный (высота 3,9 см), в виде прямоугольной в сечении баночки. На поверхности – семь горизонтальных желобков, образующих элементы меандра. Промежутки между желобками, край венчика, его верхняя поверхность, а также дно краснолощенные (на дне – желобки-полудуги).

Скромно орнаментированной керамики, без следов краски, существенно меньше, чем краснолощеной, которая залегала почти на всей площади раскопа, в т.ч. в жилище № 1, а также в поисковой траншее. В заполнении котлована зафиксированы три целых или почти целых сосуда. Два из них миниатюрные (высота 3,3 и 5,5 см), орнаментированы округлыми вдавлениями и прочерченными ромбами, углами (первый), оттисками гребенки и прочерченными спиралями (второй). Оба сосуда со следами копоти, в одном из них находились древесные угли. Третий со-

Рис. 33. Верхняя часть глиняного сосуда. Тахтинский культовый центр. Вознесенская культура.

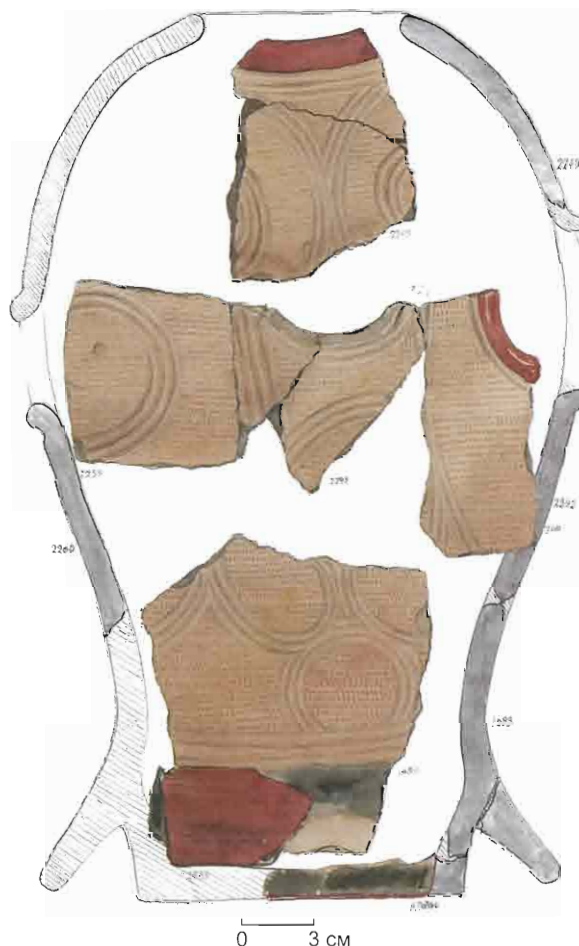

Рис. 34. Глиняный сосуд. Тахтинский культовый центр. Вознесенская культура. Реконструкция сотрудницы Государственного Эрмитажа М. Лебель.

Рис. 35. Каменная фигурка рыбы.
Тахтинский культовый центр.

суд высотой 16,3 см с непропорционально толстыми стенками. Круто отогнутый венчик украшен двумя поясами накольчатых оттисков, тулово – такими же поясами оттисков и вертикальными насечками. В поисковой траншее вместе с краснолощеной керамикой найден целый сосуд типа чаши-пиалы высотой 8,2 см. Стенки его толстые, поверхность украшена гребенчато-пунктирным вертикальным зигзагом.

Важно отметить, что в жилище № 1 (святилище) обнаружены разрозненные черепки, украшенные оттисками гребенки и ямочными вдавлениями, несколько фрагментов – “амурской плетенкой”. Гораздо больше подобной керамики, характерной для малышевской культуры, отмечено в “жилищах” № 2–6 и на межжилищном пространстве. Это дает основание считать, что котлованы “жилищ” № 2–6 были выкопаны носителями малышевской культуры для отправления ритуалов. Если принять во внимание отсутствие в них ям от столбов, то жилыми эти конструкции не были. Жилище № 1 – святилище вознесенновской культуры – возведено рядом и частично на месте уже существовавших святилищ гораздо меньших размеров и значительно менее насыщенных культовой атрибутикой. В пользу данного заключения о более раннем появлении котлованов “жилищ” № 2–6 (“жилище” № 7 раскопом охвачено незначительно и находок в нем почти не было) свидетельствует то, что западный угол последнего был нарушен жилищем № 1 (святилищем).

Фигурка рыбы (см. рис. 32, 2; 35). Найдена на полу жилища № 1 (святилища) в углистой массе вблизи очага. Плоская, шлифованная, сделана из мелкозернистого песчаника серого цвета с бледно-малиновыми прожилками. У рыбы выразительно моделированы голова с круглыми ямочками-глазами, тупым носом, очерченным ртом и плавники, особенно 5-зубчатый спинной. Очевидно, запечатлен представитель лососевых. В центре – отверстие, хвост частично обломан. Размеры 4,5×2,3×0,4 см.

Кольцо (см. рис. 26, 6). Найдено в северо-восточном углу жилища № 1 в серой супеси над углистым скоплением. Сделано из нефрита бледно-желтого цвета. Диаметр 2,2 см, толщина до 0,15 см. Поверхность сильно отшлифована, местами снаружи край острый.

Наконечники стрел (см. рис. 13, 4–7). Пять обработанных полукруглой и стелющейся ретушью наконечников, изготовленных преимущественно из кремня и яшмы коричневых оттенков, обнаружены в заполнении в восточной половине котлована жилища № 1, один – близ юго-восточного угла. Наконечники удлиненно-треугольной формы, с вогнутыми основаниями, размерами (2,2–3,5)×(1,1–1,3)×(0,1–0,2) см. Найден также шлифованный наконечник стрелы из алеволита.

Обнаружены также относящиеся, вероятно, к культовому центру его части вознесенновского времени, две зеленокаменные бусины цилиндрической формы, три ножевидные пластины, два шлифованных тесла, нож, два нуклеуса, точило и пест. Все они отмечены в заполнении котлована жилища № 1, преимущественно в восточной его половине, на глубине 0,5–0,97 м.

Итак, на пологой склоновой площадке, своеобразной естественной (?) террасе возвышенности, подступающей с севера к береговой котловине Амура, где расположено с. Тахта, в период существования малышевской культуры начал формироваться культовый центр. Первые святилища в виде вырытых ям или небольших котлованов, имитирующих жилища, были приурочены, по всей видимости, к природному объекту – возвышенности. Позже носителями вознесенновской культуры количество святилищ было увеличено; они стали более содержательными и похожими на жилые сооружения. Культовый центр, пострадавший в прошлом веке при возведении сельских построек, в древности, как указывалось выше, по площади превосходил раскопанный участок. Этот центр почитало население прилегающей к нему территории.

В эпоху неолита культовые объекты, конечно, имелись в долинах не только Амура, но и его притоков, озер. Как справедливо отметил Д.Л. Бродянский, часть жилища № 3 вознесенновской культуры поселе-

ния Кондон была святилищем. Вполне возможно, что на расположенном посреди оз. Болонь о-ве Ядасиан, освященном нанайскими легендами, которые связаны с шаманским культом [Деревянко, 1970, с. 127], где еще относительно недавно стояла каменная гинандроморфная скульптура, указывающая на культ плодородия, в глубокой древности могло существовать святилище.

Атрибуты культовых центров и их мировоззренческая канва

Люди, создавшие в долине Амура культовые центры, были оседлыми. Их жилища – полуземлянки и землянки образовывали долговременные, порой весьма обширные поселения. Основными хозяйственными занятиями обитателей рассматриваемой территории с самых ранних, начальных этапов неолита являлись рыболовство, главным образом лов проходной лосолевой рыбы, а также охота, собирательство и, видимо, морской зверобойный промысел (в районах устья Амура и местах, не сильно удаленных от западного берега Тихого океана). Хозяйственно-производственный и общественный уклад являлся основой для формирования у жителей Приамурья устойчивых, во многом оригинальных идейно-мировоззренческих представлений.

Святилища, культовые центры возникли в глубокой древности на базе разных форм религии – тотемизма, промыслового культа, шаманизма, связанных в своем развитии между собой. Отличительной чертой тотемизма считаются обряды почитания животных. Промысловый культ – одна из форм почитания животных. Сущность его – в представлениях и магических обрядах, направленных на достижение удачи на промысле [Соколова, 1972, с. 7, 24, 44]. Получила довольно широкое распространение точка зрения относительно происхождения тотемизма в период, когда человек еще не выделял себя из природы, поэтому связывал свое происхождение с животными, своими родственниками [Там же, с. 31]. Древними устраивались сезонные праздники, посвященные почитанию сил природы, ориентированные на идею плодородия людей и животных [Петров, 1934, с. 140–141]. Человек пытался задобрить или умиротворить духа либо бога и предлагал ему пищу, а также украшения, утварь, одежду, оружие [Токарев, 1983, с. 56]. К одной из древнейших форм религии, тесно связанной с производственной деятельностью, с воспроизводством природного мира и человеческого общества, относятся продуцирующие обряды, имеющие органическую связь с обрядами инициации [Кабо, 1987, с. 30–31].

Можно предположить, что перечисленные выше некоторые обрядовые действия, в т.ч. обряды инициации,

основанные на религиозно-мифологических представлениях, в какой-то форме могли происходить в рассматриваемых в данной работе культовых центрах. А.П. Окладников, детально проанализировав петроглифы Сакачи-Аляна, обосновал гипотезу о их связи с инициациями [1971, с. 107–110, 132].

В научной литературе справедливо отмечается, что в сибирской археологии существует проблема выявления культовых мест, святилищ, поскольку для них не создавались архитектурные конструкции, а использовались природные памятники [Мартынова, Мартынов, 1987, с. 190]. Этот вывод иллюстрируют амурские святилища и в целом культовые центры, которые были приурочены к скалам и возвышенностям (Гася, Сучу, Тахта). Однако на территории почти всех культовых центров в долине Амура для совершения, вероятно, определенной части культово-обрядовых церемоний выкапывались не только жилищные (“домашние”) святилища, но и специальные котлованы, похожие на жилищные или сооружались миниатюрные псевдожилища.

В основном, как уже отмечалось, культовые атрибуты святилищ являются отражением того, чем располагал человек. В святилищах культовых центров рассматриваемого региона люди совершали обряды, несомненно, с использованием еды и питья, о чем свидетельствует найденная ритуальная утварь (керамика), а также украшений, орудий труда (оружия). Важное место в культовых центрах в долине Амура, можно сказать, выделяющее их среди подобных неолитических объектов археологии Северной Азии, принадлежит скульптурным художественно-культовым, а также плоским и барельефным изделиям. Отдельные группы обрядовых реалий составляют также предметы вооружения (орудия труда), украшения и другие жертвенные предметы.

Керамика – неотъемлемый, наиболее распространенный и исключительно информативный элемент всех культовых центров Приамурья, особенно Тахтинского, Вознесенского и на о-ве Сучу. В глиняной ритуальной посуде, не имеющей следов бытового использования, носители вознесенской и отчасти малышевской культур доставляли в культовые центры не только пищу, но и, судя по весьма оригинальным узкогорлым емкостям, видимо, напитки, включая алкогольные. Существует точка зрения, что вино у всех древних народов входило в число атрибутов ритуальных церемоний. По всей видимости, влияние алкоголя на состояние человека связывалось с религиозно-мистическими эпизодами обряда [Creel, 1958; Васильев, 2001, с. 76].

Жертвенная, или ритуальная, посуда, обнаруженная в названных культовых центрах, разительно отличается от посуды, которая использовалась в повседневной жизни обитателями поселений неолити-

ческих культур Амурского бассейна. Эта керамика по многим признакам (состав и отмученность глиняного теста, наличие отошителей, орнамента, признаки лощения, ангобирования) более высокого качества, чем бытовая посуда, найденная в жилищах. Сосуды из святилищ, как правило, хотя бы частично окрашены красной краской различных оттенков. Известно, что с древности у многих народов красный цвет, являясь как бы эквивалентом крови, символизировал силу и жизнь вообще*.

Крашенная ритуальная керамика, аналогичная обнаруженной в Нижнем Приамурье, в неолитических памятниках на территории соседних регионов российского Дальнего Востока отсутствует, если не считать отдельных черепков. Проблема появления в Нижнем Приамурье краснолощенных глиняных сосудов порой весьма своеобразных форм пока остается нерешенной. А.П. Окладников назвал найденную в Тахте крашеную керамику близкой к керамике позднего дзёмона Японии. При этом он заметил, что керамика, обнаруженная на неолитическом поселении Нисэкэ на севере о-ва Хоккайдо, сходна с синхронной нижеамурской керамикой; один из сосудов «явно был доставлен или вылеплен выходцем оттуда (с Амура. – В.М.)». А.П. Окладников сделал вывод о взаимовлиянии древних культур тихоокеанско-дальневосточной области [1971, с. 119, 121]. Накопленные к настоящему времени материалы позволяют, по мнению автора, считать, что дзёмонское гончарство в определенной степени способствовало появлению в неолитическое время в Нижнем Приамурье краснолощенной культовой посуды. Это могло произойти в результате прямых контактов носителей вознесенской культуры и представителей финала среднего – начала позднего дзёмона с их высоким керамическим мастерством, завязавшихся ок. 4 тыс. л.н., когда производство чисто ритуальных сосудов почти не отличалось от неритуальных [Иофан, 1974, с. 18].

Ритуальная атрибутика, прежде всего посуда, создателей культовых центров в долине Амура выделяется необычно яркой, «импортной» внешностью. Помимо дзёмонского гончарства, на формирование традиции изготовления краснолощенной обрядовой керамики в эпоху неолита в Нижнем Приамурье могло прямо или опосредованно повлиять гончарное искусство неолитического Китая. Среди разнообразной керамики культуры яншао имеются жертвенные расписные сосуды с округлым туловом и узкой горловиной [Каталог..., 1977, рис. на с. 37; Кашина, 1977, рис. 69, 5, 8], схожие

с сосудом аналогичной формы (№ 1) из Тахтинского культового центра. Это влияние китайской гончарной традиции в форме эпизодического культурного импульса малышевская культура испытала, скорее всего, до того, как познакомилась с дзёмонским гончарством. И оно не отразилось сколько-нибудь серьезно на характере керамического производства амурских племен. Показательно, что удаленные на большое расстояние от Китая памятники богаче многочисленной и разнообразной обрядовой крашеной керамикой (Сучу, Тахта), чем более близкие к нему объекты (Сакачи-Алян, Гася). Есть основания говорить, что на амурское культовое гончарство культура дзёмон в целом повлияла больше, чем культура яншао.

Для совершения магических жертвоприношений неолитические обитатели Нижнего Приамурья использовали выделявшиеся своим совершенством изделия, изготовленные из наиболее ценного сырья. Подобное наблюдалось не только в исследуемом регионе. В Китае для ритуалов и обработки жертвенных продуктов пользовались специально сделанными для этих целей из высококачественного материала орудиями и утварью, которая отличалась от обычных изящной выделкой и роскошным орнаментом [Васильев, 2001, с. 76–77].

Ритуальная керамика неолитических обществ нижнего Амура, хотя традиции ее производства формировались под влиянием древнего гончарства Японии и Китая, которые проявились скорее в технологии, была по своей сути оригинальной. В присущей ей системе орнаментальных композиций воплотились местный колорит и архаика мировоззрения.

Главенствующими объектами поклонения у неолитических обитателей Амура, которые получили отражение в иконографии керамических находок культовых центров, являются рыба, птица, тюлень, а также змея (полоз) и сова. Большинство из этих религиозно-мифологических персонажей полностью или частично представлены на самых ярких и столь же информативно насыщенных личинах и изображениях на сосудах из Вознесенского культового центра. На фигуры рыб (глаза) и птиц (надбровные дуги) на вознесенских личинах первым обратил внимание А.П. Окладников. Он провел сравнительно-типологический анализ названных вознесенских реалий и ряда сакачи-альянских петроглифов и высказал мнение о соответствии петроглифических птиц образам двух мифологических ныряльщиков – создателей мира, двух братьев или сестер [1971, с. 84–85; Okladnikov, 1981, р. 14–15]. Д.Л. Бродянский считает, что на фрагментах вознесенских сосудов изображены мужчина и женщина. Он обращается к нанайской версии легенды о связи петроглифов Сакачи-Альяна с мифическим Стрелком, поразившим два (из трех) солнца для того, чтобы на земле спала жара. По мнению исследовате-

*В ходе анализа краски на фрагменте керамики из Тахтинского культового центра (образец Тах-69: 2293), проведенного в Институте катализа СО РАН методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии, было установлено, что красный цвет – результат оксидных соединений железа.

ля, изображение на керамике иллюстрирует мифы о создании Земли и Стрелке. “Стрелок – личина с продолговатыми глазами, а две женщины, жена и сестра Стрелка, личины с круглыми глазами” [2002, с. 138–140]. Иначе трактует единично показанную на вознесенском сосуде личину Е.А. Окладникова. С ее точки зрения, личина передает женское лицо с характерным V-образным декором в верхней ее части и, возможно, образ Великой матери – прародительницы, полуженщины, полумедведицы (желобковый рисунок конечности на сосуде Е.А. Окладникова воспринимает как лапу медведя) [1995, с. 112–117].

Довольно широкое распространение получило суждение о том, что среди наскальных рисунков Сакачи-Аляна и других местонахождений в Нижнем Приамурье нет изображений рыб. Отчасти это справедливо, поскольку самостоятельные изображения рыб, действительно, отсутствуют. Однако рыба как элемент (обычно два глаза) зафиксирована на значительной группе личин. По форме глаза на одной из сакачи-альянских личин (см. рис. 8, 2) почти ничем не отличаются от глаз на вознесенских ликах. К тому же они сверху и снизу ограничены двумя фигурами летящих птиц (другие сакачи-альянские изображения глаз показаны между фигурами рыб, см.: [Окладников, 1971, табл. 34, 35, 48, 49, 62, 64, 82, 84, 85]). Рыба – важнейший образ, мотив оформления художественно-ритуальных сосудов, обнаруженных почти во всех культовых центрах Амура; ее изображение часто встречается также на бытовой керамике вознесенской культуры в сочетании с криволинейным спиральным узором. Подобный декор особенно распространен на сосудах из Кондонского поселения [Окладников, 1984, табл. 16, 7; 20; 26, 1; 64]. Иногда фигуры рыб показаны в окружении треугольников, а также крупных остроугольных (как на вознесенском изображении женщины–птицы–рыбы–солнца–тюленя) ромбов [Там же, табл. 16, 1; 19; 45; 69, 6]. На одном из кондонских черепков вознесенской культуры желобковой техникой показана личина, элементами которой являются фигуры двух рыб (глаза) и стилизованный ромб, все они с кружковыми вдавлениями. Подобные парциальные личины запечатлены на сосуде, выявленном в жилище поздней фазы малышевской культуры на о-ве Сучу. Они отличаются от кондонской личины тем, что изобразительные элементы на ней обозначены мелкими скобковидными оттисками (рис. 36, 1, 2).

Ромб, в т.ч. переданный четырьмя круглыми вдавлениями, часто изображался на керамических изделиях (см., напр., рис. 22, 2; 23, 2), а также на личинах на скалах Сакачи-Аляна и р. Кии [Окладников, 1971, табл. 52, 132].

Приведенные данные позволяют считать, что полисемантическими личины были не только на сосу-

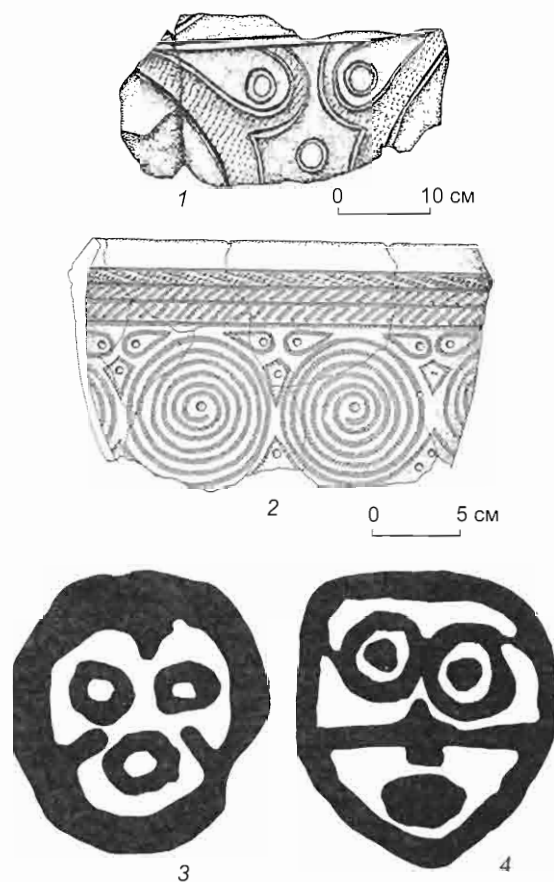

Рис. 36. Керамика с изображениями парциальных масок-личин (1, 2) и петроглифические маски (3, 4). 1 – поселение Кондон, вознесенская культура (по: [Окладников, 1984]); 2 – жилище № 5 поселения на о-ве Сучу, малышевская культура; 3, 4 – Сакачи-Алян, средний неолит (по: [Окладников, 1971]).

дах, но и на петроглифических объектах [Медведев, 2001а, с. 85–91]. Как на керамике, так и на камне, лики – мифические существа, наделявшиеся реалистическими чертами, показывали в абстрактно-символической манере, весьма распространенной в первобытном искусстве.

То, что рыбы – один из ведущих религиозно-мифологических персонажей обитателей нижнего Амура – изображались на ритуальной керамике, а также на скалах, вполне закономерно. Ловля рыбы с постпалеолитического времени была для жителей данного региона жизненно важным занятием. В китайской символике парное изображение рыб воспринимается как знак плодородия, богатства и удачи [Алексеев, 1966, с. 46, 48]. В мифологии многих народов образ рыбы связывался с представлениями о подземном мире зооморфной Вселенной. Согласно данным этнографии, в воззрениях дальневосточных и сибирских народов подобным элементом был образ змеи, ему отводилась также важная роль в шаманской прак-

тике [Лопатин, 1922, с. 363]. Например, у айнов орнамент в виде змей отмечен на шаманских головных уборах, оружии, одежде детей и других предметах. У этого народа змея играет роль покровительницы деторождения [Штернберг, с. 570, 575]. Стилизованные изображения рептилий имеются на многочисленной неолитической, главным образом малышевской и вознесенской, керамике Приамурья. Наиболее реалистично барельефные змеи показаны на контурах налепов в виде ушей человека на керамике из второго святилища культового центра Сучу (см. рис. 24, 1, 2; 25). Небезынтересно, что многие персонажи китайской мифологии представлены с продетыми в уши змеями [Каталог..., 1977, с. 100–102, 120, 124]. У жителей долины Амура среди иконографических рептилий предпочтение отдавалось также полозам (см. рис. 30, 1).

Трудно сказать, какие конкретно птицы показаны на вознесенских керамических и сакачи-альянских наскальных личинах. Можно предположить, что это была сова (филин), клюв которой искусно изображен на сосуде из Тахтинского культового центра (см. рис. 31, 1; 32, 1). В представлениях народов мира образ этого пернатого хищника трактовался по-разному. Неолитические обитатели региона выделяли, вероятно, способность совы охотиться ночью. Не исключено также, что на сакачи-альянских и других петроглифах Приамурья показаны водоплавающие птицы.

Запечатленные на вознесенской и тахтинской ритуально-обрядовой керамике головы и лапы тюленей являются иллюстрацией того, сколь почитаемы были людьми эти животные, которые не только вызывали восхищение способностью прекрасно плавать, нырять, добывать рыбу, но и были источником получения мяса, жира, шкуры. Можно считать, что тюлень являлся объектом промысла и поклонения населения значительной части Нижнего Приамурья со времени по крайней мере раннего неолита. Еще в середине XIX в. тюлени поднимались по Амуру до районов расселения ульчей, а в Амурском лимане охота на них преобладала даже над рыбной ловлей и была связана с различного рода суеверными представлениями [Шренк, 1899, с. 231, 233]. Любопытно, что и в настоящее время лапы тюленей у нивхов являются наиболее лакомой едой (см. напр.: [Таксами, 1975, с. 38]).

Среди зооморфных рельефных изображений на керамике следует отметить также найденный в Тахтинском культовом центре обломок сосуда с частью налепной когтистой лапы, скорее всего, медведя (см. рис. 29, 1), этого едва ли не самого популярного культового зверя у многих народов, особенно коренных сибирско-дальневосточных, еще в эпоху с глубокой древности.

Скульптурные художественно-ритуальные изображения из культовых центров рассматриваемого региона с точки зрения репертуара в основном совпадают с изображениями на керамике. От последних они отличаются лишь большей реалистичностью, при этом многие из скульптур наделены чертами синкретичности или полиобразности. К числу ихтиоморфных относится фигурка рыбы (из лососевых), найденная в Тахтинском культовом центре (см. рис. 32, 2; 35), а к орнитоморфным – обнаруженные в жилищном святилище малышевской культуры на о-ве Сучу фигурки птиц из семейства чистиковых, известных как превосходные пловцы и ныряльщики (см. рис. 24, 7). Почти все фигурки медведей, отмеченные в святилище Сакачи-Алянского-Гасинского культового центра и на о-ве Сучу, изображены без элементов гибридности (см. рис. 4, 1, 2, 5). И лишь фигура медведя из первого святилища культового центра Сучу силуэтно показана совместно с фигурой совы (см. рис. 19, 20).

Иначе выглядят скульптурные изображения тюленей. Все скульптурные изображения этого животного, кроме фигурки головы тюленя с утеса Гася (см. рис. 5, 2; 7), показаны полиобразно: тюлень–фаллос–вульва и тюлень–двуконечный фаллос. Обращает на себя внимание сходство круглых голов и таких же глаз на этих изображениях с головами тюленей на вознесенских личинах (ср.: рис. 8, 1 (вверху слева), 3 (справа); 15, 6; 24, 5).

В этот же ряд художественно-культовых реалий можно включить охарактеризованные ранее автором найденные в культовом центре на о-ве Сучу антропоморфные гинандроморфные скульптурные изображения (см. рис. 16; 24, 5; 27) [Медведев, 2000, рис. 1, 2; 2, 2; 3, 1]. Заслуживают отдельного упоминания каменные скульптурные изображения фаллоса–вульвы вместе с навершием палицы (солярный символ) (см. рис. 3). Из других солярно-лунарных скульптурных изображений следует назвать также зафиксированные в первом святилище на о-ве Сучу аналогичную палицу, диск-подвеску и диск со свастикой (см. рис. 15, 3–5; 17; 18).

Предметы боевого и охотничьего вооружения – жертвенная атрибутика всех культовых центров. К предметам вооружения отнесены наконечники стрел. Все они сделаны очень тщательно из качественных материалов (см. рис. 13). Располагались обычно в местах наибольшего скопления жертвенной атрибутики, в т.ч. среди обломков краснолощеной керамики (второе святилище культового центра на о-ве Сучу, Тахтинский культовый центр). Нельзя оставить без внимания такие ритуальные аксессуары культовых центров, как каменные навершия палиц или булавы. Эти предметы, наделавшиеся порой магическими функциями (например, монголы хранят

их в юртах в качестве символов защиты от злых духов), у многих народов Евразии с древности применялись в боевых действиях и на охоте [Кубарев, 2004, с. 71–73]. Элементами жертвенной составляющей святилищ культовых центров были и другие каменные орудия: вкладыши, тесла, скребки, точила (Сучу), ножи, пластины, тесла, точило, пест (Тахта).

Украшения – довольно распространенные ритуальные предметы культовых центров региона. Прежде всего это кольца, в основном из нефрита, а также талька-стеатита (см. рис. 10, 26). В святилищах они лежали разрозненно или компактно (Вознесенский культовый центр) и являлись, по-видимому, элементами одежды. Во втором святилище на о-ве Сучу отмечена нефритовая рыбообразная фигурка (см. рис. 23, 4). Нефрит ценился людьми с глубокой древности. Согласно древнекитайским источникам, из нефрита изготавливали культовые предметы, связанные с представлениями об охране, помощи, умиловлении богов и духов. Культовые изделия из нефрита приносили в жертву богам, ими украшали участников религиозных церемоний [Каталог..., 1977, с. 136]. Подобное отношение к предметам из нефрита было, очевидно, и у носителей малышевской и вознесенской культур нижнего Амура. В разряд жертвенной атрибутики входят также бусы, отмеченные в Тахтинском культовом центре.

Другие ритуально-обрядовые атрибуты освещаются в следующей части данной работы. Здесь следует назвать лишь глиняную модель лодки, обнаруженную в святилище на утесе Гася (см. рис. 4, 4). Вполне возможно, что представителям неолитического времени Приамурья, основной верой которых был анимизм, лодка представлялась живым существом и к ней относились соответствующим образом. Подобное, как свидетельствуют этнографические источники, характерно для коренных народов Амура и Сахалина – нивхов, нанайцев, ульчей, айнов [Иванов, 1935, с. 67; Таксами, 1975, с. 78]. Например, у нанайцев модели лодочек служили жертвенными предметами [Иванов, 1935, с. 66].

Таким образом, среди разнообразных художественных и иных ритуально-обрядовых реалий святилищ, входящих в культовые центры на интересующей нас территории, основными являются рисунки и барельефы на керамике, скульптурные изображения, а также петроглифы, запечатлевшие синкретические или полиэтонические религиозно-мифологические образы. Объединенные в этих образах такие персонажи, как птицы, рыбы, звери и, конечно, сам неолитический человек, представлялись последнему моделью Вселенной с ее верхним (небесным), средним (земным) и нижним (подземным) мирами. Особое место в ряду проанализированных художественно-культовых атрибутов занимает часть вознесенского

сосуда с синкретическим ликом (женщина–птица–рыба–солнце–тюлень (?)). Это изображение, вероятнее всего, олицетворяет представления древних обитателей Приамурья о Хозяйке неба, воды и земли или Женщине-родоначальнице, прародительнице. Богиня-мать является главным женским божеством в мифологиях большинства народов мира [Мифы..., 1987, с. 178].

К разгадке лабреток

Лабретки, найденные в культовых центрах на о-ве Сучу и близ с. Вознесенского, представляют большой интерес с различных точек зрения. Основные вопросы касаются функционального назначения, времени и обстоятельств появления этих специфических украшений лица в Нижнем Приамурье. (Лабретки, как указывают источники, изготавливали обычно из мягкого светлого камня, а также кости и рога, изредка из древесины; они крепились чаще через проделанные отверстия, обычно парно, в углах рта и на губах, отдельные разновидности лабреток – в носовой перегородке.) Ранее в историко-археологических исследованиях юга Дальнего Востока России лабретки не были объектом специального рассмотрения. Этнографические и особенно археологические лабретки пока изучены довольно мало.

Анализируемые изделия из амурских культовых центров представляют собой линзовидные в сечении подпрямоугольные предметы с расширяющимися концами (один расширен больше другого); их длина до 7,8–9,7 см (см. рис. 14, 1–6). То, что это действительно лабретки, а не какие-либо приспособления производственно-хозяйственного назначения подтверждается результатами трасологического анализа. На предметах не выявлено следов утилитарного использования и контакта с обрабатываемым материалом. Нет также признаков вязки, крепления в “муфтах” или конструкциях другого типа. Артефакты не использовались в качестве катушек для наматывания нитей или волокон, а также качедьков или челноков. На лабретке из святилища в жилище № 1 на о-ве Сучу выявлены следы соприкосновения с жирной поверхностью, с кожей человека. Они появились в древности. Сделанное заключение соответствует нашим данным об амурских лабретках, полученным в ходе сравнительно-типологического анализа подобных изделий*.

Основные районы распространения лабреток этнографической современности – Меланезия и Полинезия, зона расселения индейцев Северной и Южной

*Исследование проведено д-ром ист. наук П.В. Волковым.

Америк, западных эскимосов и алеутов – были названы в специальной работе еще в XIX в. [Dall, 1884]. Э. Тэйлор привел сведения о ношении лабреток аборигенами Бразилии [1939, с. 131]. Есть данные о лабретках коренных обитателей Австралии [Народы..., 1956, с. 49]. Что касается археологических лабреток, то они найдены в основном на памятниках, расположенных гораздо севернее экватора. Их локализация приурочена преимущественно к побережьям и островам Охотского и Берингова морей, включая часть западного побережья Северной Америки. (Есть информация об обнаружении неолитических лабреток из стеатита на Таймыре. Л.П. Хлобыстин датировал их в пределах III тыс. до н.э. [1975, с. 103–104].)

Основные сведения о лабретках, особенно популярных у эскимосов и алеутов до XVIII в., сообщили русские путешественники. Сводкой данных о лабретках является статья С. Кодама и Т. Оба [1958]. Эти авторы, основываясь на материалах работ некоторых исследователей Курильских и Алеутских островов, а также о-ва Хоккайдо (охотская культура), разделяют лабретки на типы: эллипсовидные, в виде ивового листа или лодки, пробкообразные, шляпковидные, в виде пуговиц для манжет, а также описывают способы крепления этих украшений [Там же, с. 275–277]. Указывается, что лабретки для простоты прокалывания отверстий в коже изготавливали не очень крупные (в основном менее 5,0–8,0 см); их носили как мужчины, так и женщины. Авторами неоднократно подчеркивается связь этих украшений с религиозными обычаями. Широко распространенные у алеутов лабретки быстро выходят из моды в начале XIX в. Однако в отдельных отдаленных районах проживания алеутов и эскимосов лабретки использовались еще в первые десятилетия XX в. [Там же, с. 286–289]. Исследователи придерживались существовавшей в период написания ими статьи точки зрения о непричастности лабреток к материальным остаткам каменного века [Там же, с. 284].

Несколько позже при раскопках поселения Чалука на алеутском о-ве Умнак были найдены лабретки шляпообразной формы и в виде пуговиц для манжет, а также прямоугольно-удлиненные украшения. Наиболее ранние из этих лабреток датируются по радиоуглероду ок. 4 тыс. л.н. [Aigner, 1966, p. 59–82].

В 1960–1970-е гг. на Южной Камчатке экспедицией Н.Н. Дикова были выявлены каменные лабретные украшения, датируемые $3\,450 \pm 100$ л.н. (стоянка Авача) и $4\,380 \pm 70$ л.н. (участок III мыса Лопатка) [Дикова, 1983, с. 217]. Относящиеся к II–I тыс. до н.э. лабретки (см. рис. 14, 15) и лабретные шпильки из обсидиана и кремнистого сланца (см. рис. 14, 14) обнаружены на стоянках Жупаново и Большой Камень (Восточная Камчатка) [Пономаренко, 1985, с. 72, табл. 17, 12, 14, 18; с. 88, табл. 19, 14]. Древней-

шие лабретные украшения на Камчатке найдены на стоянке Ушки-1. Они датированы $10\,760 \pm 110$ л.н. и $10\,360 \pm 350$ л.н. [Диков, 1977, с. 244; 1979, рис. 21, 7]. В связи с этим открытием Н.Н. Диков высказал очень важное, на мой взгляд, предположение о том, что обладавшая лабретками этническая общность имеет отношение к древнейшим эскоалеутам [1979, с. 280].

Недавно в данном журнале была опубликована статья Р.С. Васильевского [2002], в которой рассматривались лабретки из некоторых памятников в северной части Тихоокеанского региона. По мнению Р.С. Васильевского, наиболее ранние лабретки в названном регионе найдены на упомянутом выше поселении Чалука. Лабретки из Приамурья и с Камчатки оставлены им без внимания. Р.С. Васильевский лишь отметил дискуссионность вопроса, связанного с этими регионами [Там же, с. 71, 72, 75]. (Но ведь в науке без дискуссий не обойтись.) С автором статьи, когда он касается древнейших ушковских лабреток, в чем-то можно согласиться. Что же касается других лабретных украшений с Камчатки и из Приамурья, то они в полной мере репрезентативны и в большинстве своем не моложе лабреток с поселения Чалука и даже старше их. Так, лабретки из второго святилища культового центра на о-ве Сучу датируются $4\,200 \pm 80$ л.н. (ГИН-8291). Дата лабреток малышевской культуры из святилища жилища № 1 того же центра, если судить по датам для других жилищ малышевской культуры на о-ве Сучу, не менее 5 тыс. л.н.

Довольно подробно камчатские, в основном неолитические, лабретки рассмотрены Т.М. Диковой. Ею эти украшения в зависимости от места ношения подразделяются на два основных типа: лабретки для украшения губ или щек и лабретные шпильки, которые носили в носовой перегородке [1983, с. 213]. По форме исследовательница разделяет лабретки на четыре типа: шпилькообразные с широким прямым концом, шпилькообразные с острым концом, шляпообразные и запонкообразные. Кроме того, Т.М. Дикова выделила тип пуговицеобразных лабреток, найденных в ритуальном жилище на стоянке Ушки-1, назвав их прототипом перечисленных украшений. Разнообразие форм и типов лабреток она объяснила их принадлежностью к различным племенам или родам [Там же, с. 214, 216].

По данным печати, в Японии на памятниках среднего и позднего дзёмона были найдены орнаментированные «глиняные лабретки грибовидной формы». Эта информация нашла отражение и в статье Р.С. Васильевского [2002, с. 76]. Между тем еще в 1988 г. в ходе специального исследования было установлено, что эти изделия являлись амулетами и использовались в церемониях, а отмеченные на них орнаменты соотносятся с детородными органами [Мия Хироаки, 1988, с. 78, 81].

Таким образом, в настоящее время можно говорить о двух основных районах северо-востока Азии, где найдены значительные серии наиболее ранних лабреток. Преобладающая группа рассматриваемых украшений с Камчатки и все лабретки из Нижнего Приамурья датируются в диапазоне III – первая половина II тыс. до н.э., а отдельные образцы (из святилища в жилище № 1 на о-ве Сучу) – рубежом IV–III тыс. до н.э. Для ушковских лабреток имеется дата: более 10 тыс. л.н.

Неолитические лабретки из Амурского региона и с Камчатки заметно близки по возрасту, но очень различаются по форме. Камчатские украшения значительно разнообразнее, хотя среди них нет лабреток амурского типа в виде довольно крупных подпрямоугольных пластин с расширенными концами. Вместе с тем на амурских памятниках пока не зафиксированы материально воплощенные лабретные шпильки.

Следует согласиться с мнением о связи формы лабретки с тем или иным этнокультурным обществом; однотипность или близость форм этих украшений из Приамурья, отражающая этнокультурную стабильность, подтверждает данный тезис. Лабретки каменного века в разных регионах выполняли, вероятно, различные функции. Трудно предположить, что крупные лабретки, найденные в Приамурье поблизости от Вознесенского культового центра, во втором святилище культового центра на о-ве Сучу, на Воскресенском поселении (см. рис. 14, 1–4, 7, 8) и некоторых других памятниках, могли быть украшениями губ или щек – по ширине они не меньше рта человека. Сопоставимая по размерам и в значительной степени по очертаниям с амурскими украшениями прямоугольно-удлиненная лабретка с немного расширенными концами найдена на поселении Чалука (см. рис. 14, 17). Пластинчатые лабретки с расширенными концами, относящиеся к вознесенской культуре, в Нижнем Приамурье обнаружены также И.Я. Шевкомудом на поселениях Кольчём-2, 3 (см. рис. 14, 9–13).

Согласно этнографическим материалам, у алеутов в процессе религиозных церемоний и обрядов было принято прикреплять крупные лабретки к декоративным маскам или идолам. Иногда эти украшения надевали или клали на лицо умершего во время обряда погребения [Кодама, Оба, 1958, с. 272]. Вполне возможно, что для подобных целей предназначались многие лабретки, выявленные в памятниках эпохи неолита в Нижнем Приамурье. Лабретки могли быть составными частями масок – ритуальных шаманских атрибутов.

На камне № 13 в Сакачи-Алянско-Гасинском культовом центре отмечено самое многочисленное скопление петроглифических масок [Окладников, 1971, с. 21–22, табл. 16]. На четырех из них изображены лабретки, при этом на одних – с обеих сторон рта, на

других – носа (см. рис. 36, 3, 4). А.П. Окладников, не располагая во время работ над петроглифами в 1960-е гг. материальными данными о существовании в амурском неолите лабреток, высказал предположение об изображении их на некоторых масках [Там же, с. 22, 79].

В реквизит шаманов – исполнителей обрядовых действий в культовых центрах региона – входили, надо полагать, не только маски, но и другие атрибуты, в т.ч. одежда. К деталям одежды, наверное, относятся найденные почти во всех культовых центрах кольца из нефрита и талька-стеатита. Возможно, элементами одежды шамана являлись десять колец, лежавших компактно во втором святилище Вознесенского культового центра. Они могли быть нашиты на пояс, к которому был подвешен найденный там же глиняный бубенец или погремушка (см. рис. 10–12). По этнографическим материалам известно, что жители, например, Амурского бассейна широко использовали в оформлении шаманского пояса различные бубенчики, колокольчики, подвески.

В заключение несколько слов о семантике или побудительных мотивах появления лабреток. Можно предположить, что эти необычные украшения были созданы людьми, населявшими Крайний северо-восток Азии и Крайний северо-запад Америки, где и сегодня водятся стада клыкастых моржей. Представляется, что эти внушительные животные производили на древнего человека столь сильное впечатление (хотя он довольно рано научился охотиться на них), что он хотел быть похожим на моржей. В этой связи заслуживают внимания неоднократные сообщения русских землепроходцев XVIII в. об эскимосах, у которых, как писали путешественники, помимо своих природных зубов, есть “зубы, из моржовых зубов (лабретки. – В.М.) вырезанные” [Марков, 1976, с. 434].

Появившиеся у обитателей Тихоокеанского Севера лабретки со временем распространились на огромной территории и приобрели в системе украшений местную специфику. Нижнее Приамурье можно отнести к одному из наиболее ранних регионов бытования лабреток.

Заключение

Появление первых культовых центров или святилищ в долине нижнего Амура связано с постпалеолитическим временем – периодом развития осиповской культуры начального неолита (13–9 тыс. л.н.). В этом нас убеждают древнейшие петроглифы Сакачи-Аляна, а также материалы раскопок поселений Гася и Сакачи-Алян (нижний пункт), содержащие предметы культового искусства. Период существования малышевской культуры (преимущественно VI–IV тыс. до н.э.)

УДК 903.27

Н.Б. Ахметгалеева

УК "Курчатовский городской краеведческий музей"

ул. Молодежная, 12, Курчатов, Курская обл., Россия

E-mail: achmetga@mail.ru

ЗООМОРФНАЯ ПОДЕЛКА ИЗ БИВНЯ МАМОНТА СО СТОЯНКИ БЫКИ-7

Стоянка Быки-7 расположена на мысообразном выступе второй (?) надпойменной террасы левобережья р. Сейм, в 3 км к югу от ее современного русла и в 2 км к югу от с. Быки Курчатовского р-на Курской обл. (рис. 1). Исследования данного памятника, ведущиеся с 2000 г., существенно расширили базу научных данных об индустриях, включающих геометрические микролиты, в центре Русской равнины [Ахметгалеева, 2004]. В отличие от известных стоянок охотников на мамонтов [Аникович, 1998], характерных для этого региона, культурные отложения в Быках-7 являются остатками сезонных стойбищ охотников на копытных животных и мелкого пушного зверя.

За 2000–2005 гг. автором вскрыта площадь в 158 м². Верхние горизонты, содержащие культурные остатки, оказались существенно поврежденными во время строительства отстойных сооружений – котлованов Пенского сахарного завода в 1980-х гг. и последующей распашки их днищ. Особо пострадали центральные участки раскопанной площади, на которых полностью уничтожены горизонты современной почвы, лессовидная супесь и верх толщ песка. Культурные слои сильно деформированы кротовинами.

Наиболее полные стратиграфические колонки получены лишь при врезке в валы котлованов за пределами жилого объекта культурного слоя I в 2004–2005 гг. и выглядят следующим образом (сверху вниз):

1. Копаная неоднородная порода, представленная темно-серым гумусированным материалом современной почвы, бурый суглинок. Включает редкие переотложенные культурные остатки. Мощность 0,22–1,52 м;

2а. Гумусовый горизонт современной почвы (чернозем). Мощность 0–0,45 м;

2. Горизонт В современной почвы коричневого цвета. В нижней части изредка встречается расщепленный кремь. Мощность 0,25–0,55 м;

3. Лессовидная тяжелая, плотная на ощупь, слоистая супесь серовато-бурого цвета, нарушенная кротовинами и корнеходами. Мощность 0,33–0,55 м;

3а. Культурный слой Ia. Супесь бурая, близкая по составу и характеру отложениям вышележащего слоя. Выделяется по включениям углито-охристой массы, кремня и костей. На этом уровне отмечаются многочисленные конкреции. Мощность 0,02–0,08 м;

4. Коричневато-бурая супесь с карбонатным псевдомицелием, более песчаная, чем слой 3. На некоторых участках раскопа данный прослой слоится, включает линзы зеленоватого и светло-желтого мелкозернистого песка. Входит в заполнение мерзлотных трещин. Содержит редкие костные остатки и кремни. Мощность 0–0,34 м;

5. Палево-желтый мелкозернистый песок, в нижней части включает линзочки белого крупнозернистого и бурого мелкозернистого песка. Содержит многочисленные кротовины, заполненные гумусированной современной породой, карбонатным зеленовато-бурым суглинком, лессовидной бурой супесью, темно-желтым песком. К верхней толще песка приурочены отложения I культурного слоя. Мощность 0,45–0,60 м;

6. Слоистые супеси и пески бурого и темно-желтого цвета. Верхняя линза бурых супесей является подошвой II культурного слоя, выделяющегося по углито-охристым включениям, многочисленным кремням и фрагментам расколотой кости. При горизонтальной зачистке фиксируется полигональная сетка. Мощность 0,20 м и глубже.

В культурном отношении, а также по каменному и костяному сырью существенных различий между комплексами из разных горизонтов нет. Отличия наблюдаются в степени патинирования кремня, в составе археологических коллекций и в пространственном размещении артефактов.

Даты для стоянки Быки-7 были получены Л.Д. Сулержицким по набору костей лошади и северного оленя: для верхнего горизонта I культурного слоя – $16\,000 \pm 130$ л.н. (ГИН-11755), для нижнего – $17\,000 \pm 90$ л.н. (ГИН-11753). По II слою данных пока нет.

Наиболее изучен I культурный слой. Он является в большей степени геологически преобразованным. Древняя поверхность обитания переработана и в настоящий момент на площади жилого объекта представляет собой прослой песка толщиной 5–15 см с мельчайшими линзочками и включениями бурой супеси. Содержит охристо-углистые включения, кремни и кости. Вне жилого объекта культурный слой резко прерывается. Результаты анализа археологических материалов I культурного слоя показывают, что это остатки сезонного стойбища охотников, на котором производились первичная разделка туш копытных животных и их частичная утилизация [Ахметгалеева, Бурова, 2001–2002]. Соотношение между разными функциональными типами кремневых и костяных орудий позволяет считать, что домашние промыслы были ориентированы на обеспечение жизнедеятельности первобытного коллектива во время обитания на поселении и на заготовку шкур, возможно, для использования в основном лагере. Остеологическая коллекция включает ок. 1 000 определимых костей. Судя по видовому составу и количеству костных остатков, можно сказать, что на протяжении всей истории существования поселения основными объектами охоты древних людей были заяц, песец, северный олень и лошадь. Найдены также кости птиц и разных видов грызунов. Кости мамонта, медведя и волка представлены в минимальном количестве.

За годы исследований собрано более 100 костяных предметов со следами обработки, из которых 50 – готовые изделия и их фрагменты. В основном они свидетельствуют о хозяйственной стороне жизнедеятельности древних обитателей. Среди орудий более 50 % относятся к категории острий. Из предметов неутилитарного назначения известны пронизки из трубчатых костей мелких животных, орнаментированные стержневидные изделия, фрагменты ребер с насечками или нарезками.

Из бивня мамонта выполнены только два предмета. Это совок и зооморфная поделка, которой и посвящена данная работа. Бивень как таковой в остеологической коллекции отсутствует. Большая степень выветренности костных остатков мамонта, как и их редкость, позволяют предположить использование костей, а

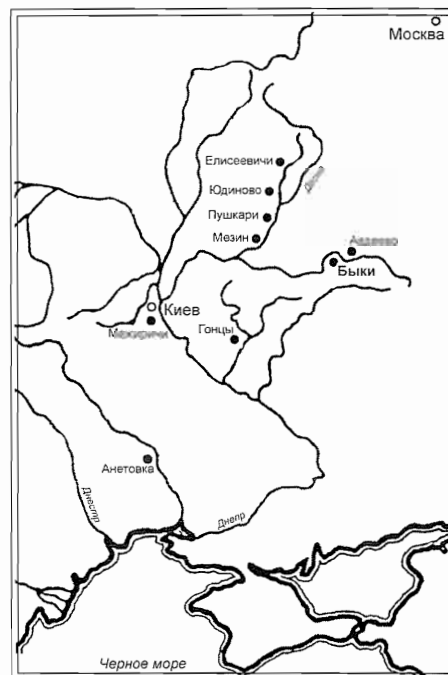

Рис. 1. Месторасположение комплекса Быки среди других верхнепалеолитических стоянок.

соответственно, и бивней с мест естественных захоронений.

Обнаружение в 2004 г. на стоянке Быки-7 первого сюжетного произведения древнейшего искусства – большого кольца из бивня мамонта со скульптурным навершием в виде головы лошади – безусловно, имеет важное значение. Его изучение позволяет глубже проникнуть в духовный мир обитателей сезонных стоянок. Уникальной является не только форма изделия, но и контекст залегания, обращающий внимание на особенности археологической стратиграфии памятника.

Археологический контекст находки

В 2004 г. было завершено вскрытие остатков жилища, относящегося к I культурному слою стоянки; они представляют собой округлую площадку с 25 ямами по периметру и двумя зольниками в центральной части (рис. 2). Главной особенностью планиграфического размещения как кремневых, так и костяных изделий на стоянке Быки-7 является их концентрация в ямах.

Поделка была обнаружена во фрагментированном состоянии. Два основных фрагмента залегали в яме 22А (рис. 2, 3) в южной части жилого объекта. Данный участок характеризуется наличием мерзлотных клиньев, деформирующих, а в некоторых случаях прорезающих искусственные ямы.

показал отсутствие в данном грунте элементарного культурного заполнителя (охристо-углистых включений) и крупных песчаных зерен, выявленных при промывании песка из культурного заполнения ям. Единственными находками являются два фрагмента зооморфной поделки. Основная часть изделия располагалась вертикально вдоль стенки ямы на вершием вниз, почти касаясь песка с культурным заполнителем (отметки –70...–83 см). Второй, отслоившийся по естественному кольцевому слою бивня фрагмент лежал горизонтально на уровне центра основной части (отметка –80 см). Он отслоился от противоположной наверху стороны, что имеет огромное значение для понимания условий консервации изделия.

Таким образом, можно констатировать следующее. Перекрывающий поделку из бивня мамонта песок отличается от остального культурного заполнения ямы. Как это могло получиться? Может быть только два варианта.

1. Перекрывающий находку грунт сформировался позже в результате природных процессов. В этом случае наличие двух фрагментов одного изделия, залегающих разрозненно, объясняется перемещением их во время консервации. Не исключено и более позднее, по сравнению с основным содержимым, попадание в яму поделки. Вертикальное положение фрагмента изделия при таком варианте не может считаться преднамеренным. Иначе поделка была бы частично погружена в песок с культурным заполнителем.

2. Расслоившиеся фрагменты изделия были преднамеренно засыпаны грунтом, выкопанным на территории вне стоянки, что объясняет отсутствие элементарного культурного заполнителя. Основная часть предмета при этом должна была быть воткнута в принесенный песок. Данный вариант представляется наиболее вероятным.

В любом случае изделие оказалось фрагментированным до окончательной консервации. Нет достаточных оснований утверждать, что зооморфная поделка была оставлена людьми в специально подготовленном и оберегаемом месте.

Стратиграфическое расположение находки не позволяет уверенно связывать ее с основным содержимым ямы. Тем не менее в целях выяснения возможной взаимосвязи между поделкой и ямой необходимо охарактеризовать заполнение. В центральной части зафиксирована углистая тарелкообразная линза (рис. 3, А, 2) диаметром ок. 42 см (отметки –72...–83 см). В ней залежали обломок ребра, зуб северного оленя, зуб зайца, одно ребро копытного животного с поперечными нарезками, другое со следами скобления, фрагмент игольника, острие из обломка трубчатой кости мелкого животного, использовавшееся для прокалывания кожи, мотыга из

метаподии лошади. Кремневая коллекция состояла из трех нуклеусов, лежавших рядом друг с другом в центральной части ямы, шести отщепов (один со следами резания кожи), скребка по коже, пластины, которой резали кожу, и трех микролитов (два со следами резания мяса и вытянутый треугольник со следами прокалывания кожи). Находки в остальной части заполнения ямы были перекрыты песком с включениями углистой массы и охры. Найдены 41 чешуйка, четыре отщепа, четыре пластины, из которых одна с ретушью, а другая использовалась при скоблении кожи и резании мяса, резец со следами резания кожи и резец, выполнявший функции скребка-ножа по шкуре, резцовый отщеп, скол (подправка нуклеуса) со следами скобления кожи. Среди костных остатков две лопатки и тазовая кость, два позвонка мелкого животного (заяц?) и мелкие обломки.

Анализируя содержимое ямы, можно сделать вывод, что оно связано в основном с обработкой кожи. Каких-либо видимых существенных отличий, выделяющих эту яму среди других аналогичных, нет. Иначе говоря, археологическими методами доказать или опровергнуть взаимосвязь содержимого ямы и поделки из бивня мамонта невозможно.

Теперь перейдем к не менее интересному аспекту контекста этой находки. В 2002 г. в культурном слое на отметке –66 см около северного борта ямы 12 был найден фрагмент бивня мамонта (см. рис. 2). Как выяснилось позднее, это третья и самая маленькая сохранившаяся часть поделки (см. рис. 3, В). Содержимое ямы 12 разнообразно и отличается в функциональном плане от заполнения ямы 22А. Набор кремневых изделий вполне соответствует составу костных остатков и свидетельствует в основном о складировании предметов, оставшихся после первичной разделки охотничьей добычи, а также связанных с последующей обработкой костей.

Пожалуй, единственное отличие участка жилища с ямами 12 и 22А – это насыщенность перекрывающими друг друга ямами и сформировавшимся культурным слоем, что косвенно указывает на активное использование жилого объекта в последний период его существования.

Таким образом, наличие третьего отслоившегося фрагмента поделки, найденного на расстоянии ок. 3 м от основной части, подтверждает деформацию изделия до полной консервации.

Характер коллекций каждого объекта и в целом поселения, степень изношенности орудий, фрагментарность предметов неутилитарного характера позволяют предполагать, что это преднамеренно оставленные изделия, срок использования которых закончен. Расслоение зооморфной поделки, выполненной из старого бивня, вполне могло повлечь за собой ее оставление.

Рис. 4. Зооморфная поделка. Фото Е. Гири.

Тафономические особенности

При извлечении из слоя тонкого фрагмента изделия стало очевидно, что кость сильно размягчена и нуждается в срочной консервации. Второй массивный фрагмент был извлечен монолитом до полной расчистки нижней части. Своевременная консервация спасла изделие от сильного расслоения.

Была отмечена серия повреждений разного характера и происхождения. Наиболее опасными оказались не столько трещины, идущие по естественной структуре бивня, сколько протяженные трещины в наиболее толстых местах изделия, появившиеся из-за потери влаги, и микротрещины, продолжающие линии преднамеренного резания бивня.

Деформацию поверхности изделия вызвали известковые натёки. Наиболее существенно повреждена поверхность навершия, на которой после снятия корки остались следы изъеденности (рис. 4). Важным тафономическим показателем является то, что самый маленький фрагмент изделия, обнаруженный возле ямы 12, был разорван известковым образованием максимальной толщиной в 1 см по естественной структуре. Данный фрагмент, таким образом, расслоился еще до вскрытия, а во время изымания из слоя раскрошился, и небольшая часть его была утеряна. На изделии фиксируются и отпечатки корней. В большей степени повреждена его центральная часть.

Верхняя поверхность (в данном случае имеется в виду положение предмета в слое) всех трех фрагментов полностью покрыта черным пигментом. Происхождение его следует связывать с выпавшими солями марганца. Непреднамеренность окраски изделия очевидна, т.к. при сложении трех фрагментов пигментированные поверхности не совпадают. Это также свидетельствует о консервации фрагментов в слое уже по отдельности.

Есть основания полагать, что не хватает еще одной части зооморфной поделки, связанной с участком изображения морды лошади, на котором просматривается естественная структура бивня в виде тонких линий, пересекающихся друг с другом под острым углом и создающих ромбовидный рисунок (см. рис. 4). Подобная, не заглаженная в отличие от остальных мест, поверхность наблюдается на необработанных участках, открытых в результате расслоения по естественной структуре.

Техника изготовления и основные характеристики поделки

Изделие представляет собой крупное уплощенное кольцо со скульптурным навершием в виде головы лошади (см. рис. 4). Длина поделки 12,25 см, толщина 1 см. Максимальная ширина скульптурного навершия 5,6 см. Внешний диаметр кольца 8,5 см, ширина от 1,8 до 2,1 см, размеры отверстия 4,3×4,0 см.

Материалы стоянки не позволяют оценить технику первичного расщепления бивня мамонта. Тем не менее характер первого найденного изделия (совка), вырезанного из тонкой пластины, получившейся при естественном расслоении бивня по его конусовидной структуре, позволяет выдвинуть ряд предположений. Древний мастер, использовавший старые бивни, мог знать свойства высыхающего сырья и применять комбинацию расслоения и продольного разламывания бивня мамонта.

Заготовкой для поделки могла послужить массивная пластина или продольный пластинчатый скол длиной не менее 13 см и толщиной 2 см. Судя по очертаниям конусов роста, заготовка была извлечена из достаточно толстой, но все же переходной части от центра к кончику бивня, т.к. на уплощенной поверхности изделия отразились конусы роста по типу «конус в конусе». Поверхностный слой (цемент) не сохранился.

Следы резания и строгания, сформировавших основу изделия, полностью уничтожены последующей шлифовкой и полировкой. Следы выскабливания можно увидеть в нижней части кольца. На поверхности предмета, в основном на ребре кольца, по краю отверстия и на изображении гривы лошади, сохранились множественные царапины. Некоторые участки полностью заглажены мягким абразивом.

Наиболее яркой художественной деталью поделки является тщательно прочерченная с обеих сторон грива лошади. При ее формировании применялась целая серия технологических приемов – прорезание паза, подрезание краев его стенок углом продольного лезвия кремневого орудия, выскабливание, придающее окончательный вид. С обеих сторон гривы, ближе к основанию, нанесены тонкие поперечные линии, вы-

Рис. 5. Скульптурное навершие. Фото Е. Гири.

полненные в технике пиления. На одной поверхности их шесть, на другой ок. 16 (рис. 5), точно сосчитать невозможно ввиду присутствия множества технологических следов от пиления.

Голова лошади выполнена схематически, глаза, ноздри не прорисованы. Создание проекций недостающей детали показало, что отсутствующий фрагмент мог выступать в среднем только на 3 мм вперед, повторяя в основе форму той части изделия, от которой отслоился. Изучение художественных особенностей обеих поверхностей предмета, а точнее, степени их различий, позволяет говорить о том, что вряд ли недостающая деталь могла иметь какие-то существенные элементы оформления. Перпендикулярно к нижней части “гривы” на обеих поверхностях прорезаны по три линии, возможно ограничивающие изображение головы животного. Они сделаны несколькими режущими движениями, создающими определенную глубину рельефа. На одной из поверхностей еле различима линия, ограничивающая окружность кольца. Есть основания полагать, что некоторые нарезки не сохранились.

Отверстие вырезано (рис. 6). Судя по тому, что внутренняя поверхность кольца чуть выпуклая, можно предположить подправку с обеих сторон. С каждой из них приблизительно ок. 50 коротких надпилов на расстоянии от 1 до 4 мм друг от друга. Из-за поврежденности изделия точно сосчитать их невозможно.

Оценивая в целом изготовление данной поделки, можно отметить, что она выполнена с помощью известных по костяной индустрии стоянок Быки технологических приемов. Традиционными элементами, которые встречались и на других изделиях, можно считать короткие поперечные надпилы.

Назначение поделки

Форма зооморфной поделки и контекст находки не позволяют точно определить ее назначение. На ребре

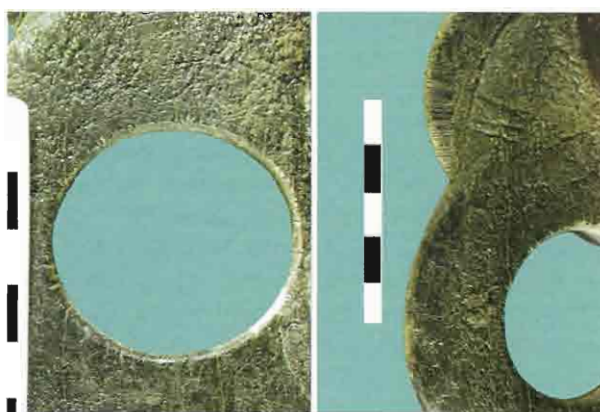

Рис. 6. Отверстие и следы заполировки на зооморфной поделке. Фото Е. Гири.

изделия (в нижней части “гривы” и на примыкающем к ней участке кольца) сохранилась полоса заполировки (см. рис. 6). Заполировка жирная, проникающая, осветляющая, создающая желтоватый оттенок на поверхности бивня, что свидетельствует о контакте предмета с кожей, в данном случае – о проведении ребром изделия по коже (телу человека?). Однако следы износа не раскрывают назначение предмета, можно лишь предположить применение его в ритуально-магических целях, т.к. расположение контактной зоны исключает его утилитарный характер.

В отличие от многих западно-европейских изображений лошади с прорисованными деталями (глазами, ноздрями и т.п.) это несколько схематично, однако высокое мастерство костореза не оставляет сомнений в преднамеренной схематизации реалистического изображения, что наталкивает на мысль о символичности образа, хотя доподлинный его смысл, по-видимому, уже утерян. Тем не менее стоит отметить некоторые факты, заставляющие задуматься.

Не всегда на палеолитических стоянках анималистические художественные образы соответствуют большой доли костей изображенных животных в остеологических коллекциях. Анализ фаунистических

материалов на стоянке Быки-7 свидетельствует о том, что древние охотники хорошо знали лошадь.

Не углубляясь в описание вариаций изображения этого животного в первобытном искусстве и их интерпретации, ограничусь двумя основными [Фролов, 1994, с. 203–205]. А. Леруа-Гуран трактовал звериные фигуры как символы пола: бизон – женского, лошадь – мужского. Б.А. Фролов обратил внимание на сроки беременности у этих животных; у самок бизонов – 10 лунных месяцев, как у женщин, а у лошадей – равен годовому обращению солнца. “Этот срок был хорошо известен палеолитическим охотникам, ибо заключал один полный цикл чередования сезонов, соответственно которым строился ритм охотничьих (мужских) промыслов общины” [Там же, с. 204].

Как возможную вариацию солярного знака можно рассматривать кольцо с ритмичными надпилами по внутреннему кругу.

Наиболее близок в технологическом плане к рассматриваемой поделке зооморфный полиэikonический амулет с однокультурной стоянки Быки-1 [Чубур, 2001, с. 85]. Трактовка выраженного в изделии образа затруднена тем, что оно, по всей видимости, неоднократно подправлялось. Как схожие элементы следует отметить выбор заготовки, набор технологических приемов формообразования, выделение гривы лошади (?), обозначение формы морды животного при отсутствии детализации.

Обращает внимание контекст зооморфного амулета со стоянки Быки-1: предмет был вонзен в пол жилища ближе к его периметру [Там же, с. 39, 85]. Данный факт вновь возвращает к вопросу: является ли преднамеренным вертикальное положение зооморфной поделки со стоянки Быки-7? Напомним, археологическими методами доказать или опровергнуть это не представляется возможным. Сходятся месторасположение зооморфных поделок в периферийной части, размещение “головы животного” вниз, единичность подобного изделия в каждом жилом объекте. Вполне возможно, что эти поделки на обеих стоянках оставлены преднамеренно. Несмотря на различия форм предметов, не исключено их сходное предназначение, связанное с ритуалами первобытных охотников.

Если учесть сезонность стоянки, то предложенная Б.А. Фроловым интерпретация образа лошади вполне реальна. Косвенным подтверждением этого могут служить данные функционально-планиграфического анализа, свидетельствующие о завершенности определенного цикла охотничьей деятельности на жилом объекте стоянки Быки-7. Хотя, конечно же, делать какие-то окончательные выводы в области первобытной мифологии нецелесообразно.

Известным российским исследователем древнего искусства З.А. Абрамовой был проведен подробный

анализ образа лошади в палеолитическом искусстве малых форм [Абрамова, 2001]. Она отметила, что он достаточно распространен. На стоянках Западной и Центральной Европы преобладают гравюры с изображением лошади. “На стоянках на Русской равнине, напротив, представлены только скульптуры: на раннем этапе (Сунгирь, бивень) и на среднем (Костенки-4, Костенки-1, мергель и Авдеево, бивень)” [Там же, с. 6].

Что касается позднего этапа верхнего палеолита Европы, то скульптурные изображения лошади, как и наверхия из бивня, известны только в мадлене Франции, а также представлены единичной находкой из Оберкасселя (Германия) – наверхием костяного стержня. На стоянках бассейна Десны, относящихся к этому периоду, сюжетные произведения искусства – явление редкое [Абрамова, 1995, с. 20].

Таким образом, крупное кольцо из бивня мамонта с наверхием в виде головы лошади можно считать уникальным и оригинальным произведением искусства малых форм поздней поры верхнего палеолита Русской равнины. А своеобразие данной зооморфной поделки со стоянки Быки-7 с необычным для данного региона микролитичным кремневым инвентарем вполне соответствует специфике этого памятника.

Список литературы

Абрамова З.А. Особенности сюжетного искусства в палеолитических памятниках верхней Десны // Деснинские древности: Сб. материалов Межгосударственной науч. конф. “История и археология Подесенья”, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск: Брянск. гос. обл. ист.-краевед. музей, 1995. – С. 18–20.

Абрамова З.А. Об одном забытом открытии П.И. Борисковского // Каменный век Старого Света (к 90-летию П.И. Борисковского). – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – С. 5–7.

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. – М.: Науч. мир, 1998. – С. 35–66.

Ахметгалеева Н.Б. Кремневый комплекс стоянки Быки-7 // Проблемы каменного века Русской равнины. – М.: Науч. мир, 2004. – С. 285–298.

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д. Особенности обработки кости и анализ остеологического материала верхнепалеолитической стоянки Быки-7 (предварительное сообщение) // STRATUMplus. – СПб.: Кишинев; Одесса, 2001–2002. – № 1. – С. 538–551.

Фролов Б.А. Палеолитическое искусство и мифология // Художественная культура первобытного общества: Хрестоматия. – СПб.: Славия, 1994. – С. 201–206.

Чубур А.А. Быки: Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. – Брянск: Брянск сегодня, 2001. – 132 с.

Материал поступил в редколлегию 23.05.05 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

О.С. Советова

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: archaeology@kemsu.ru

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ВОЕННОГО ДЕЛА ПЛЕМЕН ТАГАРСКОЙ ЭПОХИ

Все возрастающий интерес к военному искусству племен раннего железного века, гунно-сарматской и более поздних эпох [Кубарев, 2003, 2004; Соловьев, 2003, с. 52–123; Худяков, 2004; и др.] вполне объясним. В последние годы источниковая база заметно пополнилась за счет введения в научный оборот многочисленных новых материалов, особенно изобразительных серий, включающих наскальные рисунки, существенно расширяющих интерпретационные возможности вещественных источников. Если предмет (в нашем случае оружие) можно подержать в руках, почувствовать его вес, изучить форму, *вообразить*, каким образом он использовался в военных целях, то изображения позволяют *увидеть* это оружие “в действии”. На основе анализа изображений мы можем с той или иной степенью полноты оценить состояние военного искусства в конкретную историческую эпоху. На скалах в достаточном количестве представлены сцены поединков отдельных участников боя, групповых сражений пеших и конных воинов и, как считают некоторые исследователи, даже лыжников [Дэвлет, Со Хо Чж., 2003; Соловьев, 2003, с. 79]. Мы видим, не только какие виды оружия применялись в бою, но и каким образом велось само сражение.

Вместе с тем использование петроглифов в качестве исторического источника требует критического подхода в их оценке. Даже глаз неискушенного человека может подметить в наскальной батальной сцене множество условностей: нередко встречающиеся противоестественные позы сражающихся воинов, набор оружия, с которым они участвуют в бою, своеобразное композиционное размещение участников

битвы, а также нарушение пропорций изображенных фигур и предметов, их сопровождающих, разноразмерность отдельных персонажей, их нагота и многое другое. Прежде всего мы должны учитывать условность самого наскального искусства. Невозможно игнорировать тот факт, что древние мастера не ставили перед собой глобальных задач фиксации каких-то конкретных битв (по типу древневосточных или римских исторических рельефов); судя по всему, в них могли быть отражены лишь отголоски реальных событий, вплетенные в темы устных героико-эпических сказаний. Хотя художник воплощал на скалах главным образом предметы своей эпохи (в данном случае оружие), не исключено, что отдельные персонажи могли быть вооружены, например, дубинами, популярными у богатырей и героев, но не столь востребованными в существовавшей практике (при наличии более эффективного оружия).

Представляется немаловажным и то, что часто историческая периодизация не совпадает с периодами развития искусства. Говоря о петроглифах тагарской эпохи, следует отметить, что отголоски тагарского стиля существовали еще довольно продолжительное время, активно участвуя в формировании новой изобразительной традиции, которая будет господствовать на протяжении следующей исторической эпохи (таштыкской). Переходный период включает историю не только собственно тагарцев, но и других племен, обитавших здесь или вторгавшихся в Минусинскую котловину на рубеже эпох. Появившаяся на рубеже эр изобразительная традиция была создана при активном участии новых групп населения, контактировавших с местными племенами (“тагаро-таштыкский

Рис. 1. Батальные сцены.

1, 4, 7 – Суханиха; 2, 5 – Тепсей; 3 – Усть-Туба (по: [Blednova et al., 1995]); 6, 8 – Абакано-Перевоз (по: [Русакова, 1998]).
2, 4, 7 – фрагменты композиций.

пласт”) [Савинов, 1995а; Миклашевич, 2004; Панкова, 2004; Советова, 2004]. В наскальном искусстве этого времени четко различаются по меньшей мере три самостоятельных направления. Одно из них представлено рисунками еще, по сути, тагарскими, но уже отражающими трансформацию тагарского стиля, его упрощение (такие рисунки встречаются на большинстве известных среднеенисейских писаниц и плитах оград тагарских курганов). Другое направление демонстрируют геометрические фигуры, спирали, концентрические круги и иные рисунки, впервые зафиксированные на каменных плитах тесинского могильника Есино III [Савинов, 1995б]. По аналогии выделяется серия подобных изображений на скалах и курганных камнях. И еще один своеобразный пласт рисунков, отражающих процесс смены тагарской изобразительной традиции таштыкской, наиболее выразительно демонстрируют петроглифы таких памятников, как Кунинская, Полосатая и Кавказская писаницы [Леонтьев, Боковенко, 1985], Абакано-Перевоз [Русакова, 2001, с. 11–12], горы Кедро-

вой [Семенов и др., 2000], а также Четвертый Сундук в долине р. Белый Июс [Ларичев, 2003].

Поэтому при анализе батальных композиций следует с определенной долей осторожности называть воинов тагарцами, как это делают, например, А.И. Соловьев, говоря о петроглифах Суханихи [2003, с. 74–75, рис. 58, а], или В.Е. Ларичев, анализируя рисунки на горе Четвертый Сундук [2003]. Вовсе не факт, что там изображены именно тагарцы, поскольку рассматриваемые сцены относятся уже к переходной эпохе, времени бурных контактов тагарского и пришлого населения. Требуется обоснования и отнесение А.И. Соловьевым изображения лодки на Шалаболинской писанице [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 70] не только к военной тематике, но и вообще к раннему железному веку. Так, ведя речь о военном деле тагарцев, он, фактически не обосновывая датировку рисунков, делает рискованные выводы: “В военных акциях широко использовались речные флотилии, позволявшие быстро перебрасывать войско к месту побоища. Вдоль бортов лодок, чтобы помешать неприятельской атаке на abordаж, закрепляли вертикально торчащие прутья. Основным оружием речных сражений оставались лук и стрелы, а при сближении с речными силами противника – копье и чекан” [Соловьев, 2003, с. 82, рис. 89]. Очевидно, об этом же изображении, без ссылок и без выявления каких-либо датирующих признаков (но в общем контексте о тагарских петроглифах), говорит и Ю.С. Худяков: “В редких случаях воины... действуют копьем-багром с лодки” [Худяков, 2004, с. 319]. Не всегда авторы публикаций с достаточной осторожностью подходят к описанию и оценке материала. Так, Ю.С. Худяков пишет: “У силуэтных антропоморфных фигур изображены головные уборы или прически, оружие, детали костюма” [Там же, с. 318]. Но художники тагарской эпохи, в отличие от мастеров последующих эпох, практически не изображали деталей костюма. Только в позднетагарское время появляются своеобразные “юбки” (возможно, так выглядят удлиненные, сильно приталенные куртки). Поэтому сомнительно, что “по стилистическим особенностям... костюма со временем можно будет выделить отдельные этнические группы в составе населения тагарской культуры” [Там же].

Конечно, некоторые непонятные детали изображений вполне могут ввести исследователя в заблуждение и привести к необоснованным выводам. Так, например, среди рисунков писаницы Абакано-Перевоз [Русакова, 1998, рис. 1, в] есть сцена с несколькими антропоморфными персонажами, фигуры которых как бы обвиты овальной линией, объединяющей их в единое целое (рис. 1, в). Заманчиво было бы видеть здесь использование аркана, столь популярного у многих древних народов. Но как доказать, что это именно ар-

кан, а, например, не цепь, которой некоторые народы древности приковывали друг к другу воинов, чтобы у тех не возникал соблазн покинуть поле боя? А может быть, это веревка, связывающая пленников?

Также достаточно трудно однозначно ответить на вопрос, что передает та или иная сцена: момент боя или военную пляску? Позы многих участников подобных композиций (например, с противоестественно согнутыми в коленях ногами) (рис. 1, 2; 2, 9; 3, 10) заставляют усомниться в том, что такие сцены следует рассматривать как изображение реального боя. Возможно, художник хотел передать какое-то особое состояние человека, например экстаз боя [Советова, 2004, с. 302–303], а может быть, некий ритуал, включающий военные пляски или иные действия. Военные пляски были широко распространены у многих древних народов. Например, у персов существовал особый танец, отличающийся тем, что танцующий то сгибал колени и приседал, то вновь выпрямлялся во весь рост (Ксенофонт. Анабазис, VI: 1, 10). У греков (спартанцев) была пляска, выполнявшая функцию особой игры, в которой отрабатывались приемы, необходимые в сражении как при атаке, так и при обороне (пирриха) [Любкер, 2001, с. 180 и след.]. Уже по этим примерам понятна вся сложность интерпретации изобразительного материала.

Тем не менее при всей своей условности надежно датированные петроглифы являются ценным историческим источником. Реалистично выполненные сцены, участниками которых являются воины с оружием разного типа, позволяют реконструировать ряд характерных черт военной практики древнего населения Минусинского края, поскольку человек изображал лишь то, что хорошо знал. Мифологическому мышлению, как известно, технические фантазии несвойственны, оно оперирует реальными образами утилитарного характера. Древний человек вполне мог представить себе и изобразить какое-нибудь мифическое чудовище, т.к. он знал, что это явление иного уровня бытия, но придумывать несуществующие предметы и явления человеческого быта ему было несвойственно. Древние не изобретали, не конструировали прошлое, если хотели запечатлеть события минувших лет, а переносили в него то, что видели вокруг себя в своей повседневной жизни. Так, например, греки всегда рисовали гомеровских героев в доспехах своего времени, а средневековые мастера изображали воинов Александра Македонского в рыцарских доспехах крестоносцев. Только в Новое время был открыт принцип исторического изображения и художники стали стремиться к точному воспроизведению материальной среды интересующей их эпохи [Туманс, 2002, с. 171].

Наскальные рисунки дают возможность не только получить представление о наборе вооружения, при-

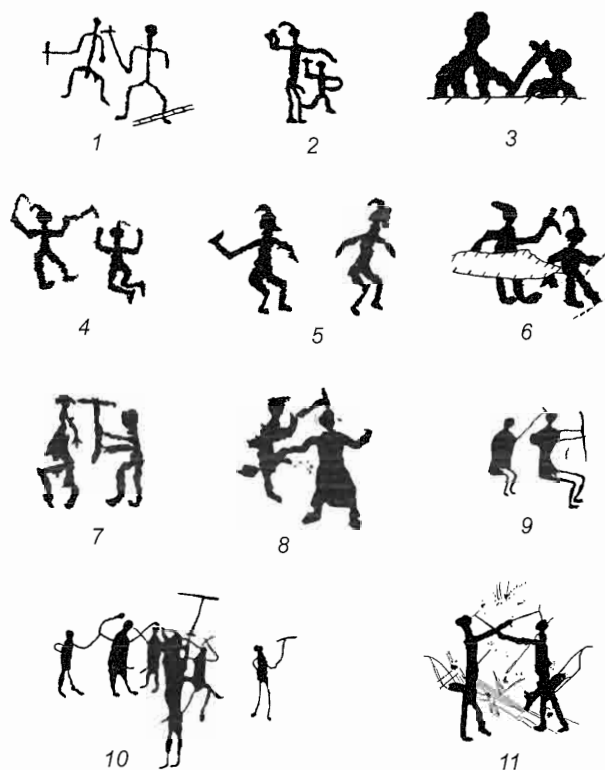

Рис. 2. Варианты направления ударов, наносимых противнику чеканом.

1, 3, 7 – Абакано-Перевоз (по: [Русакова, 1998]); 2, 6 – Тепсей; 4, 5 – Куя; 8 – Мугур-Саргол (по: [Дэвлет, 1980]); 9 – Ханын-хад (по: [Новгородова, 1978]); 10 – Ешкиольмес (по: [Марьяшев, Горячев, 2002]); 11 – Сагыр (по: [Самашев, 1992]).

менявшегося для военных целей [Советова, 1987а], но и выявить некоторые особенности ведения боевых действий племенами, обитавшими в Минусинской котловине в тагарское и посттагарское время. Для тагарских петроглифов изображения антропоморфных фигур с оружием вполне обычны, а для тагаро-таштыкского пласта характерно еще большее усиление этой темы, что свидетельствует, очевидно, об участившихся военных столкновениях. Судя по наскальным рисункам, пришлое население могло приносить с собой новые виды оружия и перенимать лучшее у автохтонов. Так, среди петроглифов тагарской эпохи изображения щитов встречаются крайне редко, причем форма их исключительно округлая (Усть-Туба IV) [Blednova et al., 1995, pl. 66, ба. 1, ба. 2]. На тесинском же этапе появляются прямоугольные щиты, высотой в три четверти человеческого роста (Суханиха) (см. рис. 1, 4).

Кроме того, на скалах запечатлены и такие виды оружия, которые пока археологами на данной территории не обнаружены, например, копы, булавы, клевцы (см. рис. 1, 1, 4, 5; 3, 1, 10). Возможно, пока, т.к. палицы-булавы, найденные на различных

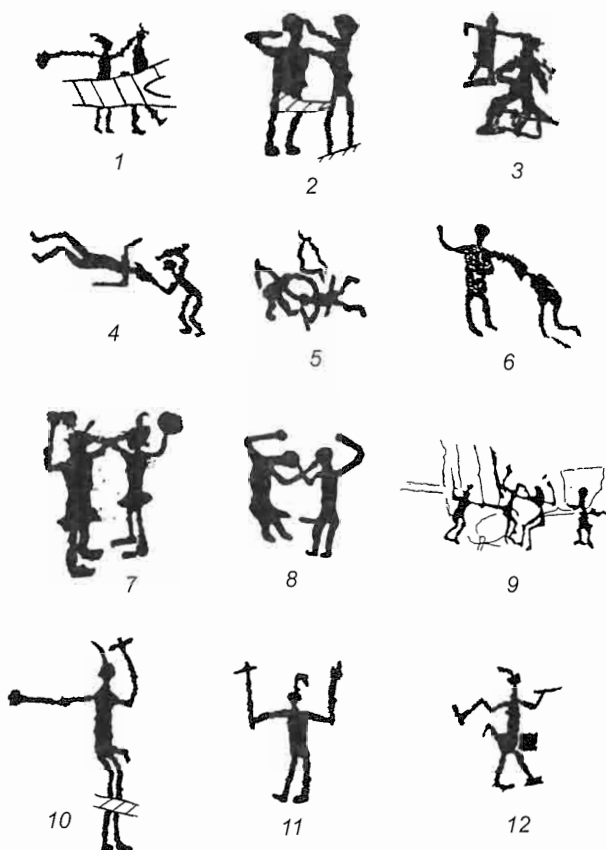

Рис. 3. Использование приема захвата волос противника во время поединка и одновременное применение разных видов оружия.

1, 2, 6, – Абакано-Перевоз (по: [Русакова, 1998]); 3 – Большое Озеро VI (Красноярский край, Шарыповский р-н, кург. 283 (по: [Семенов и др., 2003])); 4, 12 – Куна; 5 – Суханиха (фрагмент композиции); 7 – Алтай (по: [Кубарев, 2003]); 8, 9 – Ешкиольмес (по: [Марьяшев, Горячев, 2002]); 10, 11 – Тепсей (11 – по: [Blednova et al., 1995]).

археологических памятниках Алтая [Кубарев, 1987, с. 155–160], широко представлены в петроглифах эпохи бронзы и скифского времени [Кубарев, 2003, с. 24, табл. III].

Оговоримся, что древний мастер, скорее всего, не ставил перед собой задачу детальной передачи экипировки воина. Как мы уже отмечали, и все наскальное искусство в целом, и батальные сцены в частности, отражали некие мифологизированные или ставшие эпическими ситуации, в которые лишь по мере необходимости вводились реалии эпохи. Так, например, стремительно мчащиеся всадники в одном случае изображены без оружия (Потрошиловская писаница), а в других (Тепсей, Туран) – с чеканами в руках (в момент атаки) или копьями (судя по сообщениям А.В. Адрианова, один из подобных рисунков был выбит и на ныне разрушенной Лынищенской писанице – см.: Адрианов А.В. Писаницы Енисейской губернии: Отчет за 1904 г. – Архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 2,

д. 12, с. 20)*. Очевидно, более важным в петроглифах оказывался некий изобразительный “стандарт”, хорошо понятный всем посвященным. Сложившиеся схемы вполне передавали смысл происходящего (нередко лучники, например, изображены в позе, когда лишь одна рука держит лук, а вторая расположена в области талии, тем не менее понятно, что лучник стреляет из лука (см. рис. 1, 3, 4)). Кроме того, многие композиции, возможно, создавались по принципу “мультипликации”, передающей последовательные действия одного героя и отражающие смысл устных повествований о мифологических событиях или эпических деяниях последнего [Раевский, 1981, с. 49; Михайлов, 1995, с. 17]. Однако нельзя исключать и того, что оружие в древности могло быть изображено тонкими резными линиями – такие примеры хорошо известны [Mariyashev, 1994, fig. 149, 150; Самашев, 1992, рис. 174, 1; и др.] (см. рис. 2, 11), – со временем исчезнувшими под воздействием внешней среды.

На писаницах Минусинской котловины мы не встречаем примеров построения войск, здесь нет также сцен боя между противостоящими рядами воинов, каковые имеются, например, среди петроглифов Алтая [Кубарев, 2003, табл. V, 1]. Да и вообще не так много композиций, в которых было бы задействовано большое количество участников сражения**. Преимущественно мы имеем дело с воплощением поединков отдельных воинов.

Самыми распространенными являются сцены сражения двух (реже трех) воинов (см. рис. 1, 3, 5, 6, 8; 2, 1, 3–9, 11; 3, 1–8). В эпосе неоднократно описывается ситуация, когда исход битвы решает поединок героев. Причем эти поединки оформлены как настоящий ритуал: прежде чем начать единоборство, герои обмениваются репликами, угрожают друг другу, перечисляют своих предков; они могут по уговору прекратить бой и даже обменяться подарками (Гомер. Илиада, VI: 119–236). Один из героев гомеровской “Илиады” говорит:

Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженье пылающем первым сражаться.
(XII: 315–316)

Уже высказывалось предположение, что в петроглифах отражены подобные схватки богатырей-силачей (или предводителей отрядов) на поле боя [Кубарев, 2003, с. 28]. Битвы того времени часто пред-

*Аналогичные сцены со стремительно мчащимися всадниками, выстроенными в ряд, широко представлены в древнем изобразительном искусстве [Герцман, 1995, ил. 7, а; Ратье, 1994, с. 57–59].

**Например, среди петроглифов Казахстана имеются сцены, отражающие массовую потасовку [Марьяшев, Горячев, 2002, рис. 167].

ставляли собой неорганизованную свалку, в которой, руководствуясь воинской этикой, знать и герои старались выбрать себе достойного противника и вступить с ним в поединок. Мы не можем поэтапно проследить развитие событий, т.к. многие наскальные рисунки передают уже момент кульминации боя: нанесение смертельного удара, вымалывание у победителя пощады (побежденный стоит на коленях), бегство одного из противников, ранение или смерть (?). Судя по петроглифам, основной удар наносился, как правило, чеканом (клевцом) или булавой. Нередко встречаются и сцены поединков лучников (часто с налучьями и/или колчанами). Изображались также воины с мечами (кинжалами), изредка с копьями и, возможно, топорами. Ввиду специфики материала, на котором выполнены рисунки (камень), и техники их исполнения (выбивка), часть изображенного оружия определить невозможно. Бывают непонятными и некоторые предметы: на Тепсее [Советова, 1995, рис. 5, 2] и Абакано-Перевозе [Русакова, 1998, рис. 1, В] рядом с воинами практически в одном и том же месте композиций четко прорисована прямая или изогнутая линия, круто загнутая в верхней части (см. рис. 1, 5, 6). Изредка встречается также отдельное изображение лука (без лучника) над сражающимися или около них (Суханиха) (см. рис. 1, 4). И еще один, на наш взгляд, существенный момент, который нельзя не учитывать при анализе подобных сцен: если мы имеем дело с сюжетами, связанными с мифологическим или эпическим подтекстом, не следует понимать изображенное буквально. Это касается прежде всего набора оружия у отдельных воинов и некоторых способов ведения боя. Довольно представительна серия рисунков, на которых в одной руке персонажа чекан, в другой – булава (Тепсей, Усть-Туба и др.) (см. рис. 3, 10, 11). Можно предположить, что таким образом изображался воин, готовый к бою: булавой противника оглушали, а добивали чеканом. Высказывалось и другое мнение: это могли быть персонажи высокого ранга. Некоторые исследователи считают антропоморфные фигуры с оружием в обеих руках изображениями божества, известного еще с эпохи бронзы. По мнению А.И. Соловьева, в последующее время такие рисунки становятся стандартом для изображения военных предводителей эпохи средневековья и могут быть связаны с военными плясками [2003, с. 82]. Как бы там ни было, можно говорить о том, что подобным образом выделялся человек, имеющий определенный статус (а уж кем он был: эпическим героем или командиром/предводителем, – следует выяснять отдельно). Другой пример: на Тепсее в сцене сражения низкорослых воинов с великанами [Советова, 1987б] у одной из центральных фигур в каждой руке находится по чекану с непропорционально удлиненными рукоятками. Этими чеканами воин обеими руками од-

новременно (!) наносит удары двум противникам-великанам (см. рис. 1, 2). Данный персонаж, в отличие от других в рассматриваемой композиции, где пары сражающихся обращены лицом друг к другу, выбит анфас, “не смотрит” на своих врагов. Кроме того, его ноги изображены неестественно согнутыми в коленях, что дополнительно указывает на нереалистичность происходящего, иносказательность [Советова, 2004].

Что касается набора вооружения, использовавшегося в бою тагарскими воинами, то, судя по петроглифам, самыми популярными видами оружия ближнего боя были чеканы и клевцы (последние в Минусинской котловине археологами пока не обнаружены). Использовались они как пешими, так и конными воинами. В наскальных рисунках мы можем видеть разные моменты боя: когда воин только заносит руку с оружием и когда он непосредственно наносит удар (см. рис. 2). Антропологические материалы свидетельствуют о том, что чеканами удар наносился по голове (судя по пробоинам в черепах), петроглифы же расширяют наши представления об использовании этого вида оружия. Если наскальные рисунки Алтая, Тувы, Казахстана и других районов нередко передают момент нанесения удара чеканом именно по голове [Дэвлет, 1980, табл. 66, 307; Самашев, 1992, рис. 174, 1, 2; Кубарев, 2003, табл. III, 14; Mar’jasev et al., 1998, taf. 50, 102; и др.] (см. рис. 2, 7–11), то на среднеенисейских петроглифах отражены также случаи нанесения удара в шею, область сердца, живот (Тепсей, Абакано-Перевоз) [Русакова, 1998, рис. 2, А] (см. рис. 2, 1–6). Очевидно, это было грозное оружие, поскольку часто встречаются сцены, где рядом с воинами, вооруженными чеканами, находятся фигуры побежденных противников: на коленях с поднятыми вверх руками, убегающих или раненых/убитых; причем убитые могли изображаться лежащими или перевернутыми вверх ногами (см. рис. 2, 4–6). На Усть-Тубе есть рисунок, на котором запечатлены два противостоящих воина: один с луком в руках и мечом (?) на поясе, у другого в правой руке занесенный для удара чекан, в левой – округлый щит, а к поясу приторочен лук (или налучье) (см. рис. 1, 3). Эта сцена в какой-то степени демонстрирует военные возможности тагарских воинов, их способность переходить от дистанционного (стрельба из лука) к ближнему (использование чекана) бою.

Другим популярным видом оружия, использовавшимся в ближнем бою, были палицы (булавы) [Советова, 1987а, с. 57–58]. Судя по петроглифам, палицей (как и чеканом) чаще всего наносили удар по голове, причем характерно, что при этом нередко противника стремились ухватить за волосы [Кубарев, 2003, табл. IV, 4; Mar’jasev et al., 1998, taf. 46–97] (см. рис. 3, 1–9). Такой прием практи-

ковался многими народами, что нашло отражение и в изобразительном искусстве. Пожалуй, самым ранним памятником, запечатлевшим подобный образец, можно считать египетскую стелу Нармера, относящуюся к концу IV тыс. до н.э. На ней изображен правитель-победитель, одной рукой ухвативший противника за волосы, а другой занесший булаву для нанесения ему удара по голове [Харенберг, 2000, с. 26]. И в более позднее время на Востоке использовался этот прием: он отражен на рельефе с изображением фараона Рамсеса III, побеждающего врагов в бою (1198–1166 гг.; гробница Рамсеса III в Мединет-Абу близ Фив) [Там же, с. 56], а также на оттиске цилиндрической печати VI–IV вв. до н.э. (Париж, Национальная библиотека) в сцене противоборства мидийцев с врагами, где один из воинов занес чекан для нанесения удара противнику, ухватившему его за волосы или за выступающую часть головного убора [Там же, с. 90]. На многих греческих памятниках VIII–I вв. до н.э. в сценах поединков герои часто запечатлены применяющими подобный прием: Геракл, убивающий кентавра Несса (протоаттическая амфора, 600/580 г. до н.э. [Мифы..., 1987, с. 281]) и гиганта Алкионея (метопа храма в Пестуме, VI в. до н.э. [Тахо-Годи, 1989, ил. 238], а также изображение на восточном фризе Пергамского алтаря [Мифы..., 1987, с. 60]) или сражающийся с амазонками (античное блюдо [Туманс, 2002, с. 62, рис. 5]); Персей, убивающий Медузу (метопа храма в Селиунте, VI в. до н.э. [Полевой, 1984, ил. 77]); Орест, убивающий Эгисфа (ропись краснофигурной амфоры Евфимида, VI в. до н.э. [Мифы..., 1988, с. 261]). Так же изображаются многие другие античные персонажи [Там же, с. 295; Словарь античности, 1989, с. 350]. Все эти сцены отличает то, что в руках героев находится занесенный для удара меч, которым они готовятся отсечь противнику голову (либо уже отсекли). Изображенные же на наскальных рисунках воины наносят удары чеканом, булавой (Алтай) [Кубарев, 2003, табл. IV, 4]* или дубиной (?) (Абакано-Перевоз, Куня, Суханиха), но не мечом! Как мы отмечали, часто противник изображен повергнутым на землю, а также стоящим на коленях или лежащим, когда над ним занесено какое-то оружие (дубина или булава) (см. рис. 3, 4–6). В бою при захвате волос добивались болевого синдрома, что позволяло нейтрализовать противника или вывести его из равновесия и нанести решающий удар. Анализ петроглифов не дает основания говорить о существовании у тагарских племен обычая отделения голов поверженных в сражении вра-

гов – важного трофея у многих народов древности*. Головы насаживали на копья для устрашения врагов и воодушевления собственных воинов или изготовляли из них специальные чаши, символизировавшие воинскую доблесть их владельцев**. У Геродота читаем: “Военные обычаи у них таковы: скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а не принесший не получает” (История, IV: 64).

Очевидно, в наскальных композициях подобные сцены отражали момент торжества победы, были символом триумфа героя, как и в изобразительном искусстве народов Древнего Востока и античных государств. Это, по-видимому, различные варианты выражения одной идеи – победы. Существовали и иные, но весьма близкие по смыслу иконографические типы, например, изображение царя-победителя или бога, одной ногой наступившего на противника (жертву), занесшего для удара палицу и сжимающего в другой руке лук [Гаврилин, 2000, табл. II, 1–4]. Такие варианты особенно широко были распространены в египетском и финикийском искусстве и, по мнению ряда ученых, отражали именно идею победы [Там же, с. 155, табл. II, 4]. У многих народов побежденные изображались в разнообразных позах – коленапреклоненными, лежащими на спине и приподнимающимися, сидящими на земле, наклонившись вперед, ползущими с опорой на вытянутые руки [Борисковская, 2000, с. 199, 200; Трейстер, 1994, рис. 7; Пугаченкова, 1978, рис. 5; и др.]. В рассматриваемых петроглифах мы видим несколько основных вариантов изображения момента поражения: когда побежденный показан стоящим на коленях перед победителем (Абакано-Перевоз, Куня), лежащим на спине (Суханиха, Куня), а также убегающим (Абакано-Перевоз, Куня) (рис. 2, 4–6; 3, 3, 5). По мнению древних, отказавшийся от сражения и обратившийся в бегство тем самым признает себя побежденным. Так, в “Илиаде” Гектор потерпел поражение еще до того, как был убит, – в страхе обратившись в бегство при наступле-

*В ассирийских документах, например, большое внимание уделяется восторженным описаниям актов террора: снятию кожи с вражеских военачальников, уничтожению или насильственной депортации населения с завоеванных территорий. Сохранились изображения, на которых видны груды тел, насаженных на колья, запечатлены ассирийские воины, подносящие своему царю головы убитых врагов (см., например, рельеф из дворца Синаххериба в Ниневии VII в. до н.э. (Британский музей) [Энглим и др., 2004, с. 190]).

**У пазырыкцев, соседей тагарцев, скорее всего, также существовал такой обычай, т.к., например, в курганном могильнике Уландрык рядом с останками воина покоится череп убитого им врага [Соловьев, 2003, с. 60].

*Примечание: в данной сцене оба противника ухватили друг друга за волосы и одновременно наносят удары булавами.

нии Ахилла (XXII, 136–137). В петроглифах убитый воин нередко изображался вниз головой (см. рис. 1, 7, 8). По Д.Г. Савинову, “обратное, негативное, в данном случае – перевернутое изображение – это символ отрицания, смерти” [1976, с. 63].

Таким образом, сцены, которые мы называем батальными, скорее всего, иллюстрируют древние мифологические или эпические предания, связанные с деяниями конкретных героев (или столкновения представителей разных племен), о чем свидетельствуют, помимо указанных важных признаков (разновеликость фигур, нагота отдельных персонажей, часто неестественные позы и др.), и набор вооружения (в особенности сочетание разных видов оружия в поднятых руках одного персонажа), и “кадры”, отражающие этапы деяний: преследование противника, сам поединок, торжество победы.

Вместе с тем петроглифы являются важным источником по истории военного дела, и при критическом подходе к этому источнику можно получить важную информацию, которую вещественные материалы часто дать неспособны.

Список литературы

- Борисковская С.П.** Геракл и Антей: Об одном малоизвестном лекифе из Ольвии // *Алетейя*: Сб. ст. памяти Юрия Викторовича Андреева. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 198–201.
- Гаврилин К.Н.** К вопросу об этрусско-финикийских взаимосвязях в архаический период // *Алетейя*: Сб. ст. памяти Юрия Владимировича Андреева. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 151–157.
- Геродот.** История: В 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. – 2-е изд. – М.: Наука, 1972. – 600 с.
- Герцман Е.В.** Музыка Древней Греции и Рима. – СПб.: Алетейя, 1995. – 336 с.
- Гомер.** Илиада. – М.: Худ. лит., 1967. – 526 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы Мугур-Саргола. – М.: Наука, 1980. – 269 с.
- Дэвлет М.А., Со Хо Чж.** Изображения лыжников в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии // *Археология Южной Сибири*. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 59–63.
- Ксенофонт.** Анабазис / Пер. М.И. Максимовой; Под ред. И.И. Толстого. – 2-е изд. – М.: Наука, 1994. – 299 с.
- Кубарев В.Д.** О назначении зооморфных наверший из курганов Пазырыка и Уландрыка // *Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология*. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 169–173.
- Кубарев В.Д.** Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // *Древности Алтая*: Межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2003. – № 11. – С. 23–35.
- Кубарев В.Д.** Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2004. – № 3 (19). – С. 65–81.
- Ларичев В.Е.** Тагарский героический эпос в образах наскального искусства Северной Хакасии // *Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 200–235.
- Леонтьев Н.В., Боковенко Н.А.** Кавказская писаница на Тубе // *КСИА*. – 1985. – № 184. – С. 82–88.
- Любкер Ф.** Реальный словарь классических древностей / Пер. с нем. В. Модестова и др.: В 3 т. – М.: ОЛМА-пресс, 2001 (по русскому изданию 1885 г.). – Т. 3. – 575 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.** Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: Фонд “XXI век”, 2002. – 264 с.
- Миклашевич Е.А.** “Племя единорога” на Енисее (сяньбийские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф.* Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 320–325.
- Мифы народов мира.** – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – 671 с.
- Мифы народов мира.** – М.: Сов. энцикл., 1988. – Т. 2. – 719 с.
- Михайлов Ю.И.** Семантика образов и композиций в таштыкской изобразительной традиции (опыт анализа тепсейских плакеток) // *Древнее искусство Азии: Петроглифы*. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1995. – С. 17–21.
- Новгородова Э.А.** Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // *СА*. – 1978. – № 4. – С. 192–206.
- Панкова С.В.** К проблеме истоков таштыкского стиля // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф.* Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 325–329.
- Полевой В.М.** Искусство Греции: Иллюстрации. – М.: Сов. художник, 1984. – 407 с.
- Пугаченкова Г.А.** Зодчество античной Бактрии – традиции и связи // *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока*. – М.: Изд-во вост. лит., 1978. – С. 217–225.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.** Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. – 188 с.
- Раевский Д.С.** Куль-Обинские лучники // *СА*. – 1981. – № 3. – С. 44–51.
- Ратге А.** Терракотовый фриз из Мурло (сиена): архитектура и идеология // *Этруски и Средиземноморье: Материалы коллоквиума*. Москва, 9–11 апреля 1990 г. – М.: Гос. Музей изобр. иск.; Гос. Эрмитаж, 1994. – С. 53–62.
- Русакова И.Д.** Батальные композиции на писанице Абакано-Перевоз // *Вестн. САИПИ*. – Кемерово, 1998. – Вып. 1. – С. 21–24.
- Русакова И.Д.** Петроглифический комплекс “Бояры – Абакано-Перевоз” в Хакасии и его место в природно-историческом ландшафте: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2001. – 19 с.
- Савинов Д.Г.** К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // *Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху*. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1976. – С. 57–72.

- Савинов Д.Г.** О происхождении таштыкского стиля // Древнее искусство Азии: Петроглифы. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1995а. – С. 6–10.
- Савинов Д.Г.** Тесинские “лабиринты” (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии: Петроглифы. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1995б. – С. 22–32.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
- Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В.** Петроглифы горы Кедровой. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – 66 с., 33 табл.
- Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В.** Изображения на плитах тагарских курганов. – СПб.: ИИМК РАН, 2003. – 121 с.
- Словарь античности.** – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
- Советова О.С.** К вопросу о вооружении тагарцев (по материалам среднеенисейских петроглифов) // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1987а. – С. 52–61.
- Советова О.С.** Сюжет с великанами на скалах Тепсея // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987б. – С. 173–176.
- Советова О.С.** Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии: Петроглифы. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1995. – С. 33–54.
- Советова О.С.** Изобразительные стандарты – эпические “метафоры”? // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 300–304.
- Соловьев А.И.** Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 224 с., ил.
- Тахо-Годи А.А.** Греческая мифология. – М.: Искусство, 1989. – 304 с., ил.
- Трейстер М.Ю.** Сарматская школа художественной гравюры: (К открытию сервиза из Косики) // Вестн. древней истории. – 1994. – № 1. – С. 172–203.
- Туманс Х.** Рождение Афины: Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). – СПб.: Гуманитарная Академия, 2002. – 543 с.
- Харенберг Б.** Хроника человечества. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 1223 с.
- Худяков Ю.С.** Стилистические особенности изображения воинов на петроглифах раннего железного века и хунно-сарматского времени в Минусинской котловине // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 317–319.
- Энглим С., Джестис Ф. Дж., Райс Р.С., Раш С.М., Серрати Дж.** Войны и сражения древнего мира. – М.: Эксмо, 2004. – 270 с.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P.** Sibirie du Sud 2: Tepsej I–V, Ust-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). – P.: De Boccard, 1995. – 151 p., 93 pl. – (Repertoire des petroglyphes d’Asie Centrale; Fasc. 2).
- Mariyashev A.N.** Petroglyphs of South Kazakhstan and Semirechye. – Almaty, 1994. – 56 p., 90 taf.
- Mar’jasev A.N., Gorjacev F.F., Potapov S.A.** Kazakhstan I: Choi de petroglyphes du Semirech’e (Felsbilder im Siebenstromland). – P.: De Boccard, 1998. – 51 p. – (Repertoire des petroglyphes d’Asie Centrale; Fasc. 5).

Материал поступил в редколлегию 7.04.05 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903

В.А. Зах, Н.Е. Рябогина

Институт проблем освоения Севера СО РАН

а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия

E-mail: vzach@ipdn.ru; sekretar1@ipdn.ru

ЛАНДШАФТЫ И ЧЕЛОВЕК В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ТОБОЛО-ИШИМЬЯ*

Введение

Природная среда во многом определяла жизнеобеспечение древнего и средневекового населения, обуславливая выбор мест поселения и тип хозяйства, направление миграционных потоков, влияя на демографическую и социальную структуры общества, этнокультурные связи. Трудно представить восстановление целостной картины прошлого человечества без палеоэкологических реконструкций, которые стали возможны благодаря развитию таких научных дисциплин, объединивших методы палеоэкологических и археологических исследований, как археологическое почвоведение, палеонтология и палинология.

Культурные отложения древних поселений как объект палинологических исследований до последнего времени рассматривались сравнительно редко. Климатические шкалы голоцена построены преимущественно по палинологическим данным торфяных или озерных отложений с выделением крупных, продолжительностью 1 000 и более лет, климатических периодов. При такой величине палеогеографического шага природные события меньшего хронологического диапазона ускользают из поля зрения исследователя и зачастую не удается связать изменения природной среды с развитием этнокультурных процессов [Спиридонова, 1991]. Появилась потребность в детализации палеоклиматических построений с разрешающей способностью в 100 лет, что позволило бы выявить частые и кратковременные изменения ландшафтно-климатических условий и определить степь

их влияния на жизнь древнего населения. С этой точки зрения весьма перспективен спорово-пыльцевой анализ культурных слоев археологических памятников. В настоящее время палинологические исследования отложений различного генезиса широко используются для изучения среды обитания древнего населения и истории его расселения. Применяются они и при относительном датировании древних поселков, определении начала возделывания сельскохозяйственных культур и степени воздействия человека на природу [Березина, Лисс, 2000]. Наиболее полные палеоклиматические реконструкции на основе спорово-пыльцевого анализа культурных слоев выполнены для умеренной полосы европейской части России. Для отдельных районов этой территории Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской [Спиридонова, 1992; Алешинская, Спиридонова, 1998, 2001] выявлены региональные климатические колебания, но все они хорошо увязываются с крупными глобальными перестройками климата Северной Евразии в целом, что, несомненно, подтверждает правомерность полученных выводов.

В Западной Сибири палинологические исследования культурных слоев археологических памятников до сих пор проводились крайне редко. Как правило, их результаты сложно сопоставить с фоновыми климато-стратиграфическими схемами для данной территории, основанными на изучении озерно-болотных и аллювиальных разрезов в лесотундровой и таежных зонах. Долгое время основным источником палинологических материалов в южных районах Западно-Сибирской равнины, где главным образом сконцентрированы археологические объекты, служили ограниченно распространенные здесь торфяники. Все исследованные в лесостепной и степной зонах разре-

*Работа выполнена при поддержке СО РАН и РАН, проект "Этнокультурное взаимодействие в Евразии".

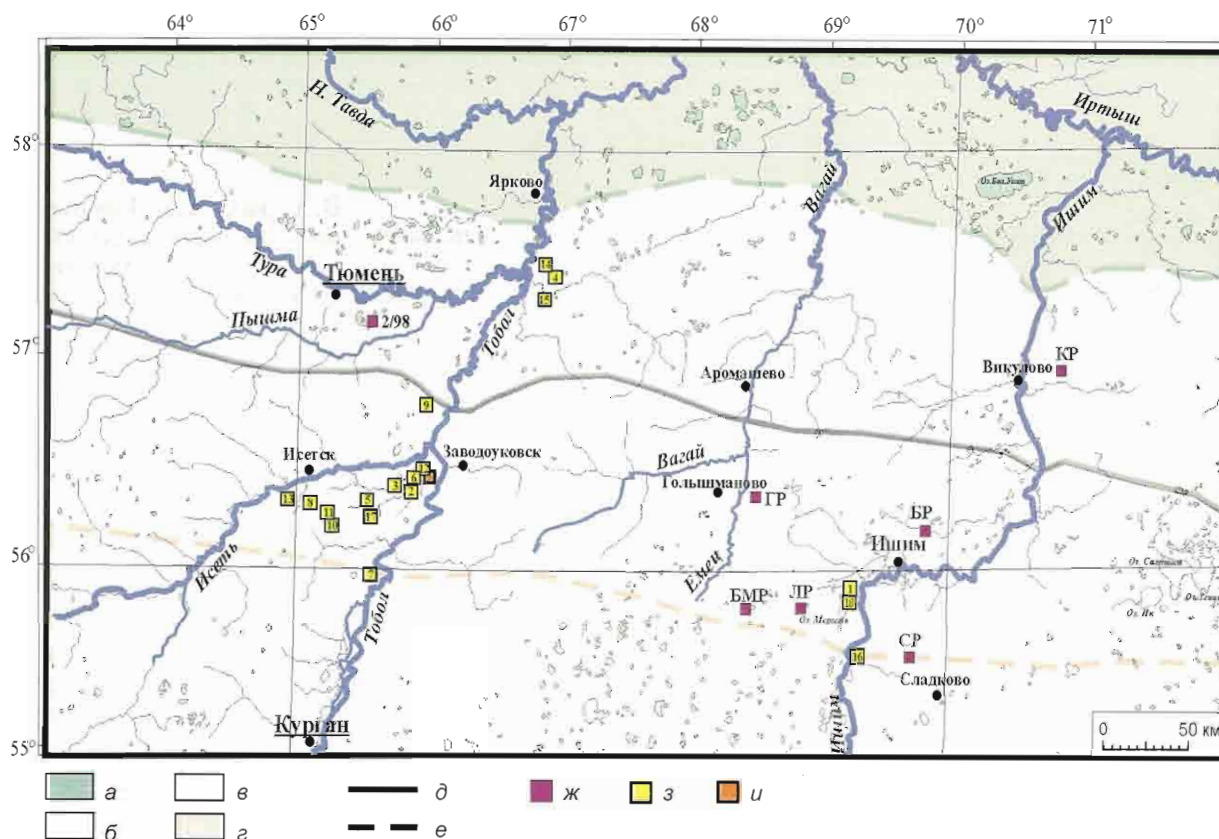

Рис. 1. Расположение разрезов, обеспеченных палинологическими данными, в лесостепном и подтаежном Тоболо-Ишимье.

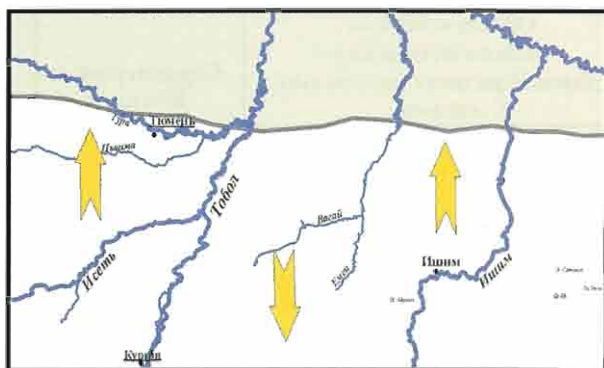
a–г – современные физико-географические зоны и подзоны: *a* – южная тайга, *б* – подтайга, *в* – северная лесостепь, *г* – типичная лесостепь; *д* – границы зон; *е* – границы подзон; *жс* – разрезы озерно-болотных отложений: 2/98 – Андреевский 2/98, ГР – Гладиловский Рям, ЛР – Локтинский Рям, СР – Станичный Рям, БМР – Большой Мелехинский Рям, БР – Бокаревский Рям, КР – Калининский Рям; *з* – разрезы современных почв с культурными отложениями: 1 – Мерген-3, 6, 2 – Бузан-3, 3 – Остров-2, 4 – Юртобор-3, 21, 5 – Нижнеингальский-3, 6 – Щетково-2, 7 – Чистослебяжский, 8 – Хрипуновский, 9 – Черемуховый Куст, 10 – Коловский, 11 – Коловский-2, 4, 12 – Старолыбаевский-4, 13 – Рафайловский, 14 – Карагай-Аул-1, 15 – Вак-Кур, 16 – Ласточкино Гнездо, 17 – Нижнеингальский-1, 18 – Катенька; *и* – разрез Л 1/95 с погребенными почвами.

зы, по данным которых можно судить об изменениях растительности и климата на юге Западной Сибири, приурочены к южным и юго-восточным районам. Опорным здесь для позднего плейстоцена является разрез у д. Нижний Сузун на Оби [Орлова, 1990; Левина, Орлова, 1993]. Разрезы голоцена известны на оз. Чаны в Западно-Барабинском районе, Каякском и Суминском займищах в Восточно-Барабинском районе, болотах Гладком и Толмачевско-Криводановском в Новосибирском Приобье [Фирсов и др., 1982; Климанов и др., 1987; Орлова, 1990; Букреева, Полещук, 1970; Букреева и др., 1995]. Результаты детальных палинологических исследований и данные радиоуглеродного датирования разрезов Озерки, оз. Пашенного и болота Мохового в северных и северо-восточных районах Казахстана, а также разреза Красноярка на р. Алей в Алтайском крае позволяют считать их опорными для южной части Западной Сибири и Казахстана [Гнибиденко и др., 2000; Волкова и др.,

2002; Кременецкий и др., 1994]. До последнего времени в юго-западной части равнины – лесостепном и подтаежном Тоболо-Ишимье – подобные разрезы отсутствовали.

Фактический материал

Восполнить пробел и реконструировать ландшафтно-климатические изменения в Тоболо-Ишимье позволили стратиграфические и палинологические данные из четырех озерно-болотных и 22 почвенных разрезов (рис. 1) [Рябогина и др., 2000, 2001; Рябогина, Семочкина, 2001; Рябогина, Орлова, 2002; Матвеева и др., 2003; Иванов, Рябогина, 2003]. Исследованные почвы включают не только естественно сформировавшиеся отложения, но и культурные слои разного времени. Палинотрагические материалы обеспечены надежными хронологическими привязками по дан-

Условные обозначения на рис. 3–12:
 растительность подтаежного типа
 растительность северной лесостепи
 растительность типичной лесостепи
 растительность южной лесостепи
 границы зон
 границы подзон

Рис. 3. Финал бореального периода (ВО 3).

фа не более 4 670 лет), а наиболее древними являются мезолитические поселения, схема отражает колебания климата только приблизительно за последние 8,5 тыс. лет. Наибольшее же количество информации о природной обстановке получено для суббореального и субатлантического периодов, что по археологической шкале соответствует эпохе раннего металла, бронзовому, раннему железному векам и средневековью. Для этого времени реконструирована ландшафтно-климатическая динамика с шагом в первые сотни лет (фазы). К сожалению, для более ранних периодов голоцена подобной детальности достигнуть не удалось из-за ограниченного количества данных.

Результаты

Полученные нами материалы позволили разделить голоценовые осадки Тоболо-Ишимья на 10 палиноклиматических зон (рис. 2), отвечающих климатическим процессам, приведшим к существенной перестройке палеорастительности и смене ландшафтного облика территории. Установлено, что граница леса и степи в этом районе не оставалась стабильной, ее миграция происходила на уровне природных подзон (например, северная, типичная, южная лесостепи) и была наиболее масштабной в среднесуббореальное потепление и иссушение. В схеме удалось выделить фазы, проявившиеся в изменениях состава спорово-пыльцевых спектров голоценовых отложений как отзыв на кратковременные (первые сотни лет) изменения тепло- и влагообеспеченности. Они не приводили к масштабным сменам палеогеографической обстановки, но существенно влияли на локальные особенности растительного покрова или гидрологического

режима водоемов. Выделение фаз и сопоставление их с хронологией и периодизацией древних культур значительно расширяют возможность археологических исследований.

Информация о природных условиях **финала бореального и рубежа бореального и атлантического периодов** (палиноклиматическая зона I, 8 500–7 700 л.н.), т.е. мезолита и раннего неолита, получена в результате исследования культурных слоев этого времени и почвенных отложений, не содержащих археологических материалов. Растительный покров в рассматриваемом районе характеризовался обилием освещенных мелколиственных лесов (березовых, возможно, с осиной) часто с примесью ольхи, а в северных районах Притоболья – вяза и редко сосны. Вероятно, ландшафты, сопоставимые с северным вариантом лесостепи, были распространены значительно шире, заходили на территорию современной подтайги на севере и южной лесостепи на юге (рис. 3). Луговые и лесные участки в ландшафтах составляли приблизительно равные доли. Интересно практически полное отсутствие сосны, хотя березовые леса произрастали в Притоболье и Приишимье крупными массивами, а степненные злаково-полынные сообщества встречались редко и только в Южном Притоболье. Вероятно, в этот период климат был более влажным и теплым по сравнению с современным.

Оптимум бореального потепления, очевидно, совпал и с увеличением увлажнения: распространение лесов из березы и ели на юг, исчезновение кустарниковой березы прослеживаются по отложениям этого периода в серии разрезов Западной Сибири [Волкова и др., 2002; Волкова, Михайлова, 2002] и в подтаежном Зауралье [Панова и др., 1996]. Однако в южных и юго-восточных районах [Орлова, 1990; Левина, Орлова, 1993; Кременецкий и др., 1994] бореальное потепление сопровождалось более сухими, чем в настоящее время, условиями и распространением злаково-полынно-маревых степных ассоциаций. Только в палиноспектрах финала бореального периода (8 300 л.н.) [Левина, Орлова, 1993] отмечается появление пыльцы вяза. Умеренное увлажнение в это время фиксируется и по палеопочвенным данным Волго-Уральского региона [Иванов, Васильев, 1995]. Таким образом, зарождение широтной зональности в бореальном периоде голоцена происходило при разном режиме увлажнения в северных и южных областях. Природная обстановка в Южном Зауралье, вероятно, формировалась под влиянием атлантических воздушных масс, поэтому отличалась повышенным уровнем влажности и развивалась синхронно с ситуацией в северных гумидных районах.

Поселения мезолитического времени в Тоболо-Ишимье единичны [Стоянов и др., 1977; Крижевская, 1991; Зах, 1999; Волков, Дрябина, 2001]. Характер-

ной чертой каменных комплексов большинства памятников является развитая пластинчатая индустрия и практически полное отсутствие геометрических микролитов. Последние распространены на более южных территориях, а также западнее, на поселениях, примыкающих к восточному склону Урала, и в бассейне р. Конды. Отсутствие в Тоболо-Ишимье геометрических микролитов свидетельствует о развитии мезолитической индустрии на основе автохтонной позднепалеолитической [Петрин, 1986]. Судя по всему, рассматриваемая территория осталась в стороне от путей, по которым на север и северо-восток (р. Конда) продвинулось мигрирующее из южных областей население с навыками изготовления геометрических микролитов.

Изменения в растительном покрове, произошедшие в **атлантический период** голоцена (7 700–5 000 л.н.), реконструированы по спорово-пыльцевым данным гумусированных почвенных отложений и культурных слоев неолитического времени.

С **началом атлантического периода** (палиноклиматическая зона II, 7 700–6 300 л.н.) совпадают этапы понижения уровня воды в Тоболе и озерах Ишимской равнины. В это время поймы покрывались ивовыми зарослями. Стало очень тепло, расширились площади, занятые лугово-степными ассоциациями, и сократилась доля березовых лесов в ландшафте. Возможно, лесостепная растительность распространилась далее на север (рис. 4), что проявилось в большей доле открытых участков, однако резкого остепнения не произошло, преобладало луговое разнотравье. Состав древостоя изменился незначительно: по-прежнему в основном березовые леса, но с меньшей примесью ольхи и сосны.

С этим временем мы связываем продвижение из южных и юго-западных регионов населения, принесшего с собой навыки керамического производства. Причиной миграции могли стать неблагоприятные климатические условия – сильная аридизация, фиксируемая по колебаниям уровня Каспийского моря. Достаточно низкий уровень (–50 м от у.м.) отмечается в период мангышлакской регрессии, пик которой приходится на середину VII тыс. до н.э. [Матюшин, 1996, с. 202, рис. 14, 14а]. Не исключено, что именно этот климатический кризис послужил толчком для начала оттока части населения из Прикаспийского и Приаральского регионов в более благоприятные лесостепные районы Волго-Уралья и Западной Сибири. Наиболее вероятные пути миграции на север – долины рек Тобола, Ишима, Урала и Исети. О продвижении по Тургайскому прогибу на север могут свидетельствовать комплексы керамики с отступающе-прочерченным орнаментом, близкой боборыкинской (В.Н. Логвин [2002] относит их к раннеэнеолитическому времени – середине V – середине

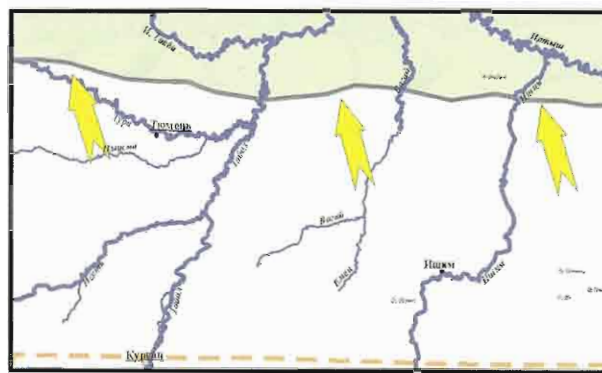

Рис. 4. Начало атлантического периода (АТ 1).

IV тыс. до н.э.). По данным радиоуглеродного анализа боборыкинские комплексы из лесостепного и южно-таежного Притоболья датируются в пределах начала VIII – середины VI тыс. до н.э. (Юртобор-3 – $9\,025 \pm 70$ л.н. (СОАН-5311) и $7\,701 \pm 120$ л.н. (УПИ-559); Ташково-1 – $7\,440 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1534)) по некалиброванной шкале [Матвеев и др., 1991; Пошехонова, 2004; Тимофеев, Зайцева, 1996].

Позднее, в **середине атлантического периода** (палиноклиматическая зона III, 6 300–5 300 л.н.), обстановка меняется, прежде всего за счет увеличения увлажнения.

Около 6 300–6 100 л.н. было умеренно тепло. Для этого времени отмечаются признаки увеличения увлажнения и подтопления поймы; даже в центральных, ранее сухих, частях долин появились осоково-гидрофитные сообщества. Повышенные уровни рельефа – терраса и гривы – были заняты луговой растительностью, преимущественно разнотравно-злаковой; сухо- и солевывосливые представители трав редки. В целом на большей части Тоболо-Ишимья была распространена северная лесостепь, в поймах – с обилием лесов, отмечено продвижение подтаежных лесов на юг. В древостое доминировала береза, участие сосны по-прежнему невелико.

Такой, вероятно, была среда обитания носителей козловской, полуденковской и кокуйской культурных традиций [Ковалева, 1989; Панфилов, 1993]. Их поселения, как правило, тяготеют к берегам стариц или озерных котловин. В геоморфологическом отношении они приурочены к различным уровням долин – высокой пойме, гривам в поймах, выступам первых надпойменных террас, реже ко второй террасе, – что позволяет предположить существенные колебания палеогидрологического режима водоемов на этом отрезке атлантического периода. Хозяйство населения Тоболо-Ишимья оставалось присваивающим, вероятно базировавшимся на охоте; немалую роль играло рыболовство.

Для периода около 6 100–5 300 л.н. отмечаются уже более теплые условия, постепенное уменьше-

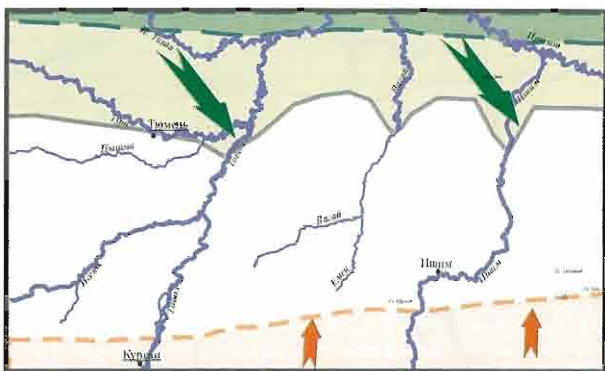

Рис. 5. Середина атлантического периода (АТ 2).

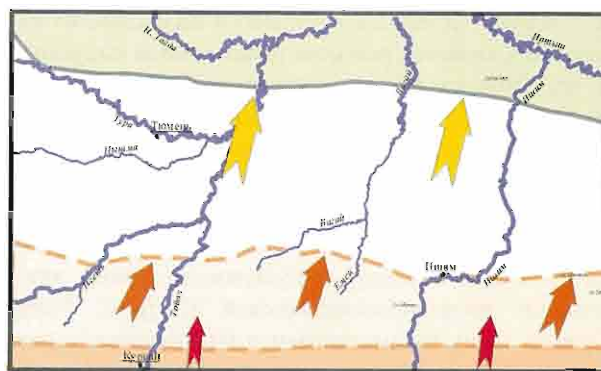

Рис. 6. Финал атлантического периода (АТ 3).

ние увлажнения. Тем не менее влагообеспеченность оставалась чуть выше современной. Постепенно в южных пределах широкой северолесостепной полосы сформировалась неблагоприятная обстановка для развития лесов; луговые сообщества стали более остепненными: в долине Тобола преобладала разнотравно-злаковая растительность, постепенно увеличивалось участие ксерофитов. Леса были по-прежнему в основном березовые с редкой примесью ольхи, сосна практически отсутствовала. Ландшафтные условия изменились незначительно, но, вероятно, в это время на территории Тобола-Ишимья появились растительные сообщества, характерные для подзоны типичной лесостепи, ранее распространенные южнее (рис. 5). Одновременное развитие березовых лесов с одной стороны северной лесостепи и наступление ландшафтов типичной лесостепи с другой стороны, вероятно, связано с устойчивым влиянием как атлантических, так среднеазиатских воздушных масс.

К этому времени относятся полуденковские, сосновоостровские и кокуйские (в т.ч. имеющие радиоуглеродные даты) комплексы [Викторова, 1968]. Каких-либо существенных изменений в геоморфологическом расположении поселений по сравнению с предыдущим периодом не отмечается. В Притоболье локализуется гребенчатая орнаментальная традиция, в Приишимье – гребенчато-ямочная. Оформление этих традиций свидетельствует о прекращении влияния населения южных территорий и окончательном сложении аборигенных культур [Косарев, 1974; Зах, 2004].

В финале атлантического периода (палино-климатическая зона IV, 5 300–5 000 л.н.) начал проявляться дефицит увлажнения. В целом условия можно охарактеризовать как умеренно-теплые. Понижился уровень водоемов, берега стариц и озер заросли ивой. Расширились лугово-степные участки. Для пойм и низких террасовых уровней ксерофитизация лугов не отмечена, здесь больше лесов. Но для высоких террас и водоразделов характерны

остепненные злаково-полынные ассоциации. Леса были преимущественно березовые с крайне редкой примесью сосны, исчезла ольха.

Приблизительно ок. 5 100–5 000 л.н. произошло остепнение ландшафтов, вызванное нарастающим воздействием умеренно-сухого и теплого климата. Крупные леса сохранились только в долинах, на равнинах они были колочного типа. В древостое доминировала береза, возможно, с редкой примесью ольхи, ивы и калины. Уровень воды в озерах и реках понизился, озера зарастали. На лугах в поймах были распространены разнотравно-злаковые ассоциации, на террасах, гривах и водораздельных участках – сильно остепненные, с полыньей. Таким образом, растительность, характерная для типичной или южной лесостепи, заметно продвинулась к северу, а подзона северной лесостепи сузилась (рис. 6).

Культуры этого времени – шапульская в Притоболье (радиоуглеродные даты погребений: Бузан-3 – 5 140 ± 60 л.н. (СОАН-3537), Чепкуль-21 – 5 245 ± 75 (СОАН-4257), 5 315 ± 55 (СОАН-4258), 5 200 ± 55 л.н. (СОАН-4256) [Матвеев и др., 1997; Зах, 2002]) и екатерининская в Приишимье, – скорее всего, стали той основой, на которой сформировались культуры предков современных угро-самодийских народов Западной Сибири [Зах, 2001]. Поселки располагались на останках среди заболоченных пойм и на низких террасах водоемов. В охотничье-рыболовном хозяйстве постепенно возрастала роль сетевого рыболовства, о чем свидетельствует распространение по берегам рек и особенно озер культурных слоев с многочисленными глиняными грузилами характерной биконической формы.

Приблизительно с этого времени палинологические данные отражают проявления антропогенного воздействия на растительный покров в окрестностях поселений: сокращается количество пыльцы березы – основной лесобразующей породы в то время, – что свидетельствует о вырубке деревьев; редко отмечается присутствие сорняков, сопутствующих выпастыванию и расселяющихся у жилья.

Указанное продвижение растительных формаций, характерных для южной лесостепи, на север может быть соотнесено с появлением в керамических комплексах Тоболо-Ишимья некоторых элементов орнаментации южных, терсекской и ботайской, культур [Зайберт, Мартынюк, 1984; Калиева, Логвин, 1997]. В этот же период произошло распространение гребенчато-ямочной орнаментальной традиции на значительной территории Западной Сибири [Зах, 2004].

Рассматривая в целом данные о природных условиях атлантического периода в Тоболо-Ишимье, нетрудно заметить, что они не подтверждают традиционные представления о господстве теплых и оптимально влажных условий в это время и о стабильности южной границы леса [Нейштадт, 1957; Хотинский, 1977]. Большая часть периода характеризуется здесь теплым и сухим климатом, на усиление континентальности которого указывают продвижение лесостепи на север, распространение остепненных лугов и появление подзоны типичной (средней) лесостепи. Вероятно, природные условия были оптимально увлажненными только на севере Западной Сибири [Волкова, Белова, 1980; Волкова и др., 2002]. В южных же районах Западной Сибири и Восточной Европы потепление и увеличение испаряемости вызвало дефицит увлажнения и привело к становлению степей и пустынь. В Северном Казахстане для большей части атлантического периода (8 000–5 600 л.н.) реконструирована сухостепная растительность, а отложения финала атлантического – середины суббореального периода (5 500–4 000 л.н.) в разрезах вообще отсутствуют, т.к. торфонакопление прекратилось [Кременецкий и др., 1994]. Для временных рубежей 7 200 и 5 000 л.н. в современной зоне степей (Оренбургская и Самарская обл.) отмечены процессы опустынивания и появление сообществ с господством маревых, полыней и эфедры, однако для времени ок. 6 600 л.н. реконструирована совершенно иная ситуация – распространение разнотравных степей с островками леса [Спиридонова, Лаврушин, 1997]. Некоторое уменьшение континентальности в середине атлантического периода зафиксировано в Северном Казахстане, где ок. 6 300–6 200 л.н. сосна распространилась до южной границы ее современного ареала, но не смогла сформировать сплошных боров и вытеснить березу, а существовала в виде редкой примеси [Кременецкий и др., 1994]. Таким образом, изменение ландшафтно-климатических условий в Южном Зауралье происходило синхронно с таковым в южных аридных районах и, вероятно, связано с воздействием среднеазиатских воздушных масс, тогда как центральная и северная части Западной Сибири находились под влиянием атлантических атмосферных потоков.

Природные условия **суббореального периода** голоцена (5 000–2 500 л.н.) восстановлены по пали-

нологическим материалам из гумусированных слоев почв, в т.ч. содержащих культурные остатки бронзового века и эпохи раннего металла, а также из торфяно-сапропелиевых болотных осадков.

Начало суббореального периода (палиноклиматическая зона V, 5 000–4 500 л.н.) связано с умеренным похолоданием. Уровень увлажнения увеличился и, вероятно, был близким современному. Поэтому в долинах и на низких террасах восстановились березовые леса, часто с ольхой. В составе лугово-степных сообществ сократилось количество ксерофитов, преобладали злаки и астрово-бобовое разнотравье. В целом ландшафты лесостепного типа по-прежнему занимали территорию, выходящую за границы их ареала в настоящее время, захватывали часть современной зоны подтайги. Отмечается продвижение на юг бореальных лесных компонентов (кедра, сосны, ели). Кратковременные изменения климатических условий слабо проявились в спектрах почв, но прослеживаются в озерно-болотных отложениях. Так, ок. 5 000–4 800 л.н. фиксируются начало похолодания и недостаток увлажнения; ландшафты в Туринско-Тобольском междуречье сопоставимы с современными: преобладали леса подтаежного типа, южнее развитие лесов пока не происходило, открытые участки были заняты преимущественно злаково-полынно-разнотравными сообществами. Позднее, ок. 4 700 л.н., стало теплее и суше. Следствием этого явилось расширение площади лугов, причем при нарастании дефицита увлажнения в составе луговой растительности увеличивалась доля полыни. Тем не менее на протяжении 4 700–4 500 л.н. в общем облике ландшафта леса играли значительную роль, но постепенно сокращалось участие бореальных компонентов, чаще преобладали березовые лесные массивы с небольшой примесью других пород. Таким образом, в начале суббореала изменения ландшафтно-климатических условий проявились в расширении подзоны северной лесостепи на юг и растительный покров был сходен с современным в подзоне северной лесостепи и подтайги (рис. 7).

В Тоболо-Ишимье в это время продолжали проживать носители гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Контакты с южными культурами привели к появлению металлических изделий, которые еще чрезвычайно редки; в орудийных наборах доминируют изделия из камня. Одной из наиболее массовых категорий инвентаря на памятниках этого времени по-прежнему являются глиняные грузила, что, безусловно, свидетельствует о главенствующей роли рыболовства в хозяйстве. Судя по наличию наконечников стрел и дротиков, немаловажное значение имела и охота. Поселения эпохи раннего металла приурочены в большинстве случаев к останцам в пойме, достаточно активно осваивались пространства пер-

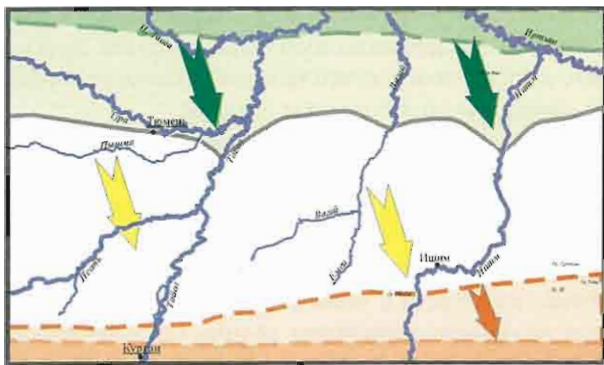

Рис. 7. Начало суббореального периода (SB 1).

вой надпойменной террасы, менее активно – участки высокой поймы.

Теплый и наиболее сухой климат в Тоболо-Ишимье отмечен в *середине суббореального периода* (палиноклиматическая зона VI, 4 500–3 200 л.н.). Климатические условия не были однородными, выделяются фазы незначительного увлажнения (4 300–4 100 и 3 700–3 450 л.н.) и фазы теплого сухого климата (4 500–4 300 л.н., 4 100–3 900, 3 900–3 700 и 3 450–3 200 л.н.). Последние проявились интенсивней и были определяющими в формировании облика растительного покрова. На протяжении этого времени обмелели водоемы, постепенно исчезли леса, ареал сосны сместился далеко на север, основной фон ландшафтов стали составлять остепненные луга и луговые степи. Более или менее благоприятные условия обитания сохранялись лишь в долинах рек или вокруг озер; на высоких террасах и водораздельных участках лесов почти не было, летом луга выгорали и, возможно, заменялись сухостепными сообществами. Интересно, что, когда в Южном Приишимье потепление привело к ксерофитизации травянистого покрова и деградации березовых лесов на водоразделах, в Притоболье значительной сухости еще не было – здесь активно развивались березовые леса, только ареал сосновых лесов сместился к северу. Приблизительно с 4 100 л.н. началось заметное смещение границ природных зон на север. Наиболее значительным оно было в интервале 3 400–3 200 л.н., когда большую часть района исследования заняла лесостепная растительность типичного и южного облика, а северная лесостепь, вероятно, распространилась на ареал современной подтайги (рис. 8). Однако, несмотря на продолжающуюся сухость, уже ок. 3 400 л.н. на территориях, примыкающих к Уралу, началось постепенное похолодание, вызванное влиянием атлантических воздушных масс, но на восточные районы Зауралья оно распространилось позднее – только в финале суббореального периода.

В это время довольно быстро происходила переориентация хозяйства местного населения с при-

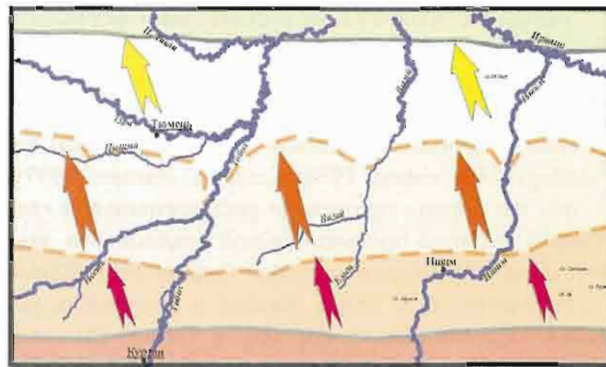

Рис. 8. Середина суббореального периода (SB 2).

сваивающих отраслей (охота, рыболовство, собирательство) на производящие (скотоводство, реже земледелие). Изменилась, видимо, и демографическая ситуация. Увеличение размеров поселений и плотности расположения однокультурных археологических памятников бронзового века отражают реальный рост численности населения. Эта эпоха характеризуется резким усилением культурного взаимодействия местных и проживавших на сопредельных территориях коллективов, а также глобальной миграцией носителей южных культур на север и восток, вплоть до бассейна Енисея. Не позднее чем в первой трети II тыс. до н.э. началось переселение на лесостепные территории из степей, по-видимому, достаточно многочисленных европеоидных, скорее всего ираноязычных, групп населения.

Ранний этап бронзового века на территории Тоболо-Ишимья связан с носителями ташковской культуры, проживавшими здесь в начале II тыс. до н.э. Их поселения обычно располагались на первой надпойменной террасе и в пойме [Ковалева, 1997; Ковалева и др., 2000]. По-видимому, хозяйство ташковцев было ориентировано прежде всего на охоту и рыболовство, хотя не исключено и развитие коневодства [Матвеева и др., 2003]. Более чем вероятно, что ташковские комплексы генетически восходят к культурам эпохи раннего металла с гребенчато-ямочной керамикой. Природные условия в этот период характеризуются потеплением, хотя уровень увлажнения изменился незначительно по сравнению с предыдущим временем. Обмелели преимущественно бессточные водоемы – озера и старицы, уровень воды в Тоболе оставался достаточно высоким. В растительном покрове Притоболья дефицит увлажнения не проявлялся, но в Приишимье потепление сказалось на увеличении испаряемости, вследствие чего сократилась доля березовых лесов и началось остепнение открытых участков.

Около 4 100–3 900 л.н., когда сухой климат был уже повсеместно, в Притоболье также распространились луга остепненного типа, а леса постепенно исчезли. В это же время началось вторжение с юга

носителей алакульской культуры [Матвеев, 1998]. Ташковцы, скорее всего, частично были ассимилированы алакульцами, что привело к появлению в Притоболье комплексов, близких коптяковским [Стефанов, Корочкова, 2000], а частично мигрировали на север и восток в Приишимье.

Поселения алакульской культуры приурочены, как правило, к надпойменной террасе и высокой пойме. Повышенные участки долины были малопривлекательны для алакульского населения, занимавшегося придомным скотоводством. На высоких террасах трава быстро выгорала и отсутствовали источники для водопоя скота. Постепенно нарастала аридизация, дефицит увлажнения особенно отчетливо проявился в Приишимье ок. 3 900–3 700 л.н.: доля березовых лесов в ландшафте сократилась, а лесостепь продвинулась на территорию современной подтайги. Однако существенное остепнение травянистого покрова отмечается редко и преимущественно для высоких террас, в целом преобладали злаково-разнотравные ассоциации. Алакульское население существовало в ландшафтной обстановке, сходной со средней, в меньшей степени – с северной лесостепью. В палиноспектрах алакульских культурных слоев представлено много сорняков как рудеральной (крапива, марь белая, лебеда), так и пасквальной (подорожник, клевер, спорыш) группы, что свидетельствует о сильном преобразовании растительного покрова вокруг поселения ввиду большого скопления людей и животных, активной хозяйственной деятельности.

Около середины II тыс. до н.э. в Тоболо-Ишимье появились поселения носителей федоровской культуры. Они располагались на очень низких участках речных долин, в настоящее время иногда затопляемых. Использование федоровцами колодцев говорит о дефиците воды и, вероятно, значительном обмелении рек и озер. Хозяйство базировалось на скотоводстве с доминированием крупного рогатого скота [Зах, 1995]. Изменения в растительном покрове связаны с очень теплым и умеренно-сухим климатом. Повсеместно распространились злаково-бобово-полынные ассоциации, часто с маревыми. Началась деградация придолинных березовых лесов, однако в их составе редко, но встречались сосна, ольха и даже липа. Лесные формации – березовые колки на высоких террасах – сохранялись небольшими участками, вокруг усыхавших озер сформировались густые заросли ивы.

В результате взаимовлияния пришлого и местного населения сложился пахомовско-ордынский пласт культур в лесостепной части Западной Сибири, что в дальнейшем привело к появлению сузгунских и бархатовских комплексов [Корочкова, 1987; Зах, 1997]. При сохранении ведущей роли скотоводства постепенно увеличивалось значение охоты. Отпечатки зерен ячменя и пшеницы на позднебронзовой керамике

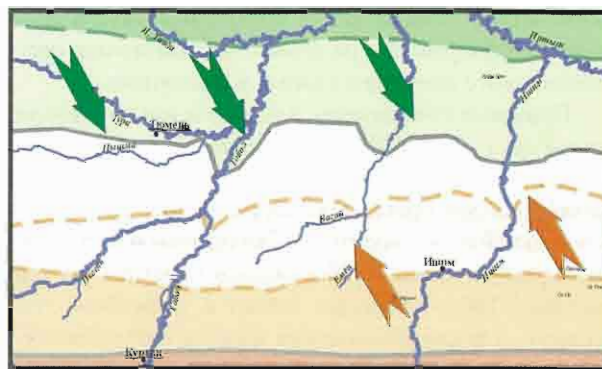

Рис. 9. Финал суббореального периода (SB 3).

[Матвеев, 1998] свидетельствуют о развитии земледелия, однако в спорово-пыльцевых спектрах этого времени пыльца культурных злаков не встречена.

Население Тоболо-Ишимья в интервале 3 400–3 200 л.н. проживало на открытых пространствах, занятых степными злаково-разнотравно-полынными сообществами; возможно, в южной части территории существовали настоящие степи. В целом же ландшафт этого времени сопоставим с южным вариантом лесостепи. Редкие березовые леса колочного типа сохранялись в долинах; изредка вдоль рек, возможно, селилась сосна.

Финал суббореального периода (палиноклиматическая зона VII, 3 200–2 500 л.н.) включает преимущественно фазы умеренно прохладного и в целом недостаточно влажного климата. Повсеместное похолодание отмечается ок. 3 100–2 800 и 2 700–2 500 л.н., между этими периодами фиксируется кратковременное потепление – 2 800–2 700 л.н. Вероятно, уровень увлажнения был ниже современного, только ок. 2 700 л.н. влагообеспеченность территории Южного Зауралья увеличилась. Наиболее значительные изменения в растительности происходили на севере Притоболья, где постепенно восстановились леса, в т.ч. с участием сосны. В южных районах Притоболья и в Приишимье дефицит увлажнения сохранился, поэтому развитие лесов и мезофитизация лугов были ограничены долинами, в ландшафтах по-прежнему доминировали остепненные луга. Таким образом, начавшееся похолодание изменило соотношение испаряемости и осадков только в северо-западных районах, где коэффициент увлажнения, вероятно, превысил 1, что и вызвало развитие лесов. На юге и особенно юго-востоке Тоболо-Ишимья испаряемость по-прежнему значительно превышала уровень осадков, поэтому кардинально ландшафтная ситуация с середины суббореального периода здесь не изменилась. В целом уже началось смещение к югу ландшафтов подтаежного типа и северной лесостепи, но положение границ южной и типичной лесостепи колебалось незначительно (рис. 9). Причиной столь разнонаправленного изменения природных условий в Тоболо-Ишимье явилось усиление

воздействия атлантических воздушных масс в северо-западных районах на фоне сохранявшегося среднеазиатского влияния в южных и восточных.

Признаки гумидизации климата и начало похолодания ок. 3 100–2 800 л.н. в северных районах Притоболья, вероятно, объясняют постепенные изменения хозяйственной ориентации пахомовского населения, а в дальнейшем – носителей бархатовской и сузгунской культур. Финал суббореального времени на территории Тоболо-Ишимья связан с развитием этих культур, а также гамаюнских и других комплексов с крестово-печатной орнаментацией посуды [Матвеев, Бурлина, 1990; Галкин, 1991; Полеводов, 2003; Потемкина и др., 1995; Матвеев, Горелов, 1993]. При явном преобладании скотоводства, с увеличением доли лошади в стаде, формировался комплексный, многоотраслевой тип хозяйства, сочетавший производящие и присваивающие отрасли. Поселения располагались на участках высокой поймы; на позднем этапе возникли укрепленные городища на высоких террасах, что было обусловлено появлением в лесостепи таежных групп населения и, вероятно, не всегда мирным развитием отношений мигрантов и аборигенов.

Палинологические данные свидетельствуют о сохранении доминанты лугово-степных участков в ландшафте, при этом отмечается некоторое увеличение доли лесов, преимущественно березовых, а в северных районах – и сосновых. Повсеместно происходила мезофитизация травянистого покрова в поймах. Вероятно, эти изменения связаны с похолоданием, хотя по-прежнему было сухо, что сдерживало активное восстановление лесов в южных районах. Однако понижение температур и, как следствие, уменьшение испаряемости в северных пределах Тоболо-Ишимья привели к повышению уровня увлажнения.

Незначительные периоды потепления на общем фоне похолодания и увлажнения на севере, в т.ч., вероятно, в таежном Приобье, не смогли повлиять на начавшийся отток северного населения на юг. В Притоболье по восточным склонам Урала и правобережным притокам Тобола пришли носители гамаюнской культуры, делавшие посуду с волнисто-прокатанной, гребенчатой и крестово-печатной орнаментацией [Борзунов, 1992]. В Приишимье группы таежного населения продвигались в основном по долинам Оби, Иртыша и Ишима. Их хозяйство базировалось на охоте и рыболовстве. В результате взаимодействия пришельцев с местным населением в Тоболо-Ишимье сложились симбиозные иткульская и красноозерская культуры [Романова, Сухина, 1974; Абрамова, Стефанов, 1985], памятники которых располагаются на первой и второй надпойменных террасах. В ландшафтах, окружавших иткульские поселения, заметно увеличилась доля лесов: на юге – березовых с примесью ольхи, в северных районах Притоболья – сосно-

во-березовых. При возведении городищ в Нижнем Притоболье (современная подтайга) приходилось вырубать и выжигать крупные участки леса. Поселения были долговременными, что подтверждается постоянным присутствием пыльцы сорняков рудеральной и пасквальной групп в культурном слое. Взаимовлияние местных и пришлых культур и смена ландшафта привели к изменению хозяйственного уклада. Наряду со скотоводством (при заметной роли лошади) возросло значение охоты и рыболовства. В южных районах Тоболо-Ишимья, в слоях, не содержащих культурных остатков, эпизодически встречается пыльца культурных злаков (обычно овса, реже ячменя, ржи и пшеницы), что позволяет предположить становление земледелия в интервале 2 900–2 500 л.н. Однако четко связать культивирование растений с какой-либо культурной традицией пока сложно. Таким образом, смена крупных археологических эпох (бронзового века ранним железным) совпадает с серьезной поэтапной перестройкой ландшафтно-климатической обстановки в Тоболо-Ишимье.

Реконструированные для Южного Зауралья природные изменения в суббореальное время находят много аналогий в других регионах. Так, этап похолодания и увеличения увлажнения в начале суббореального периода выявлен и на территории Русской равнины [Хотинский, 1977; Спиридонова, Лаврушин, 1997], изменения в составе таежных лесов и продвижение тундровых ландшафтов на юг зафиксированы в северной и центральной частях Западной Сибири [Волкова и др., 2002]. Признаки похолодания в Южном Зауралье наиболее заметно проявились в западной части района исследования. Исходя из этого можно предположить влияние атлантических циклонов, путь прохождения которых стал отклоняться к югу и затронул Притоболье. В Приишимье и Васюганье [Глебов и др., 1996] в начале суббореального периода сохранялся теплый сухой климат. На территории Северного Казахстана раннесуббореальное похолодание также не проявилось. Иссущение, начавшееся в финале атлантического периода, продолжалось и большую часть суббореального времени, а в конце II – начале I тыс. до н.э. отмечается экологический кризис [Иванов, 1989; Кременецкий и др., 1994; Иванов, Чернянский, 1996]. На всей территории степей Евразии ок. 4 700 л.н. начался процесс аридизации, который в сибирско-казахстанских степях оказался очень продолжительным и был резко выражен [Иванов, Луковская, 1998]. Реконструированное в Тоболо-Ишимье смещение природных зон к северу в среднесуббореальном ксеротерме подтверждают и палеопочвенные данные по югу Западной Сибири, Северному и Центральному Казахстану: почвы суббореального периода характеризуются чертами, свидетельствующими о большей аридности и конти-

нентальности климатических условий [Рысков, Демкин, 1997]; происхождение второго погребенного гумусового горизонта под современными лесными почвами подтайги также связывают с суббореальным временем [Гаджиев, 1982]. Это указывает на смещение природных зон почти на 250 км к северу [Рысков, Демкин, 1997]. Аналогичные изменения прослежены и на Русской равнине: на месте современной подзоны широколиственных лесов господствовали лесостепь и степь, а там, где сейчас степи, были полупустыни. Особенно активно процесс опустынивания проявился в Северном Прикаспии, где установлена регрессия многих болотных массивов [Спиридонова, Лаврушин, 1997], однако аридизация здесь была менее продолжительной, чем в Тоболо-Ишимье. В целом для середины суббореального периода, вероятно, было характерно ослабление влияния западных атлантических воздушных масс и массивное вторжение континентальных среднеазиатских. Таким образом, перечисленные свидетельства ксеротермичного характера ландшафтов суббореального времени опровергают ранее распространенное мнение о стабильности рубежей природных зон в южных районах Сибири и прохладно-влажном климате всего этого периода [Нейштадт, 1957; Хотинский, 1977].

Окончательное восстановление лесов в Южном Тоболо-Ишимье произошло в **субатлантическом периоде** голоцена, исследованном по палиноспектрам из торфов и почв, в т.ч. с культурными слоями раннего железного века.

В *начале субатлантического периода* (палинотематическая зона VIII, 2 500–1 900 л.н.) отмечено чередование кратковременных, но ярко выраженных микроплюдялов и микроаридов. Установить их климатические характеристики и возраст удалось только по данным торфяников. В интервале ок. 2 600–2 500 л.н. увеличился уровень увлажнения, по-прежнему было умеренно прохладно, особенно в северных районах Тоболо-Ишимья. Индикатором увлажнения является распространение березовых лесов в лесостепи, хотя, вероятно, ландшафты сохраняли более остепненный облик по сравнению с современными. Постепенное уменьшение увлажнения, приведшее к зарастанию озер и снижению влажности на болотах, отмечено для интервала ок. 2 500–2 300 л.н. В Тоболо-Ишимье развивались леса: на юге – преимущественно березовые, на севере – с участием сосны и редкой примесью ели. В спектрах, относящихся ко времени ок. 2 300–2 100 л.н., выявлено резкое увеличение доли пыльца полыни, злаков, бобовых, изредка эфедры, что позволяет предположить потепление и недостаток увлажнения, которые в большинстве районов Тоболо-Ишимья обусловили новую стадию развития остепненных лугов. Прекратилось активное продвижение

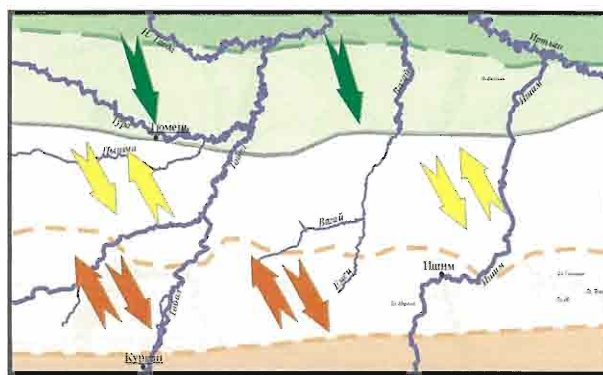

Рис. 10. Начало субатлантического периода (SA 1).

лесов на юг, в древостое Притоболья стало меньше сосны. Только для финала этого интервала отмечается увеличение доли кедра, что, вероятно, можно рассматривать как свидетельство начала очередного похолодания и развития хвойных лесов в Притоболье. Позднее, приблизительно 2 100–1 900 л.н., стало прохладнее, увеличилось увлажнение. В составе лесов Притоболья были сосна, береза, кедр, ель и широколиственные породы (липа, реже вяз), в лугово-степных ассоциациях сократилась доля полыней и маревых, их место заняло мезоксерофитное разнотравье. В Приишимье похолодание наступило позднее, здесь было значительно суше, хотя возможны кратковременные подъемы уровня увлажнения, особенно в финале интервала. Таким образом, в начале суббореального периода в Южном Зауралье господствовали ландшафты северной лесостепи (рис. 10), в более засушливое время, 2 500–2 100 л.н., при увеличении доли лугово-степных участков значительного остепнения растительности, как в середине суббореального периода, не происходило.

Начальный этап раннего железного века представлен байтовской культурой, носители которой расселились на всей лесостепной территории Тоболо-Ишимья [Матвеева, 1989, 1994]. Это население, вероятно, сосуществовало с т.н. лесными байтовцами, обитавшими в подтаежных районах [Зах, Зиминая, 2001]. Культура лесостепных и “лесных” байтовцев сформировалась на основе бархатовской культуры эпохи поздней бронзы при участии пришлого северного населения – носителей гамаюнской культуры [Зах В.А., Зах Е.М., 1993]. Ряд исследователей считает, что, продвинувшись в лесостепь по долинам рек, гамаюны не смогли серьезно повлиять на культуру местного населения [Аношко, 2003]. Однако, видимо, в процессе этого движения в результате взаимодействия местных, позднебархатовских, и мигрировавших, гамаюньских, групп в южной тайге и северной лесостепи сформировалась симбиотная иткульская культура с явно выраженным в ее составе северным компонентом [Зиминая, 2004].

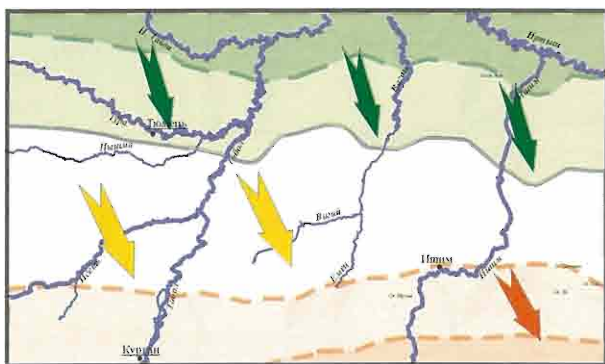

Рис. 11. Середина субатлантического периода (SA 2).

Основным видом хозяйства у байтовцев было скотоводство [Матвеева и др., 2003]. В это время в Тоболо-Ишимье возросла численность населения, началась активная эксплуатация участков второй надпойменной террасы в качестве пастбищ. Рост увлажнения привел к увеличению доли березовых лесов, расширению лесостепи северного типа, обусловил большее разнообразие местообитаний и повышение биологической продуктивности травянистых сообществ на высоких террасах и в междуречьях.

На смену байтовцам пришли носители саргатской культуры. По мнению Н.П. Матвеевой [1993, 1994], саргатское население отчасти ассимилировалось, а отчасти оттеснило на север байтовцев. Период V в. до н.э. – II в. н.э. характеризуется самой высокой плотностью заселения Тоболо-Ишимья. Городища и поселения возводились на всех (за исключением третьей) надпойменных террасах. Хозяйство саргатцев базировалось на скотоводстве, охота и рыболовство имели вспомогательное значение. Исследователи отмечают комплексность и многоукладность экономики носителей саргатской культуры, преобладание в разное время кочевого, полукочевого, оседлого или полuosедлого типов хозяйства вследствие адаптации населения к меняющимся природным условиям [Матвеева и др., 2003]. Палинологические материалы саргатских культурных слоев свидетельствуют об обилии сорняков сегетального и пасквального типов, пыльца культурных злаков не обнаружена.

Для ранних этапов начала субатлантического периода фиксируются незначительное потепление и дефицит увлажнения, которые способствовали увеличению доли лугов, но резкой ксерофитизации травянистого покрова не было. По результатам исследования торфяников, более детально характеризующим кратковременные климатические изменения, выявлено, что приблизительно ок. 2 500–2 300 л.н. сохранялся прохладный климат, но стало суше, особенно в Приишимье. Повышение температуры до близкого современному уровню и дефицит

увлажнения фиксируются для интервала ок. 2 300–2 100 л.н., в восточной части Тоболо-Ишимья отмечаются остепнение и деградация березовых лесов. Затем вновь увеличилось увлажнение и похолодало, из северных районов продвинулись леса, в т.ч. сосновые. Вероятно, в более южных районах Западной Сибири и Урала иссушение было гораздо более сильным и в IV в. до н.э. вызвало экологический кризис и миграции с территории Южного Урала. Процесс аридизации, повлекший за собой волну перемещений сарматов на север и запад, пришелся на II в. до н.э., наиболее сильным он был в Приишимье, где по палинологическим данным прослеживается остепнение [Матвеева, Рябогина, 2003].

В середине субатлантического периода (палиноклиматическая зона IX, 1 900–1 000 л.н.) ландшафтный облик Притоболья и Приишимья определялся умеренно прохладными и более влажными условиями, хотя ок. 1 900–1 700 л.н. было еще достаточно сухо, особенно в Приишимье, где по-прежнему доминировали злаково-полынные луга. В наиболее влажных и прохладных условиях в интервале 1 700–1 400 л.н. даже в южных районах сократилась доля остепненных лугов, активно развивались леса, преимущественно березовые, но началось и продвижение сосновых ленточных боров на юг вдоль Тобола, Исети и Ишима (рис. 11). К этому же времени относится распространение сосновых боров в Северном Казахстане [Кременецкий и др., 1994]. Снижение увлажнения отмечается ок. 1 400–1 100 л.н., а кратковременное потепление ок. 1 100–1 000 л.н., вероятно, можно рассматривать как малый климатический оптимум – в это время вновь увеличилась доля лугов в ландшафтах, однако кардинальных изменений в растительном покрове (деградации лесов, резкого остепнения) не произошло.

В последнее тысячелетие голоцена, в финале субатлантического периода (палиноклиматическая зона X, 1 100 л.н.), климатические условия незначительно отличались от современных. Однако по изменениям в составе палинологических материалов из торфяных отложений выявлена определенная динамика. Приблизительно ок. 1 000–700 л.н. облесенность в подтайге и северной лесостепи уже сопоставима с современной. В составе лесов стала преобладать береза. Отмечается повышенное участие бореальных компонентов: в Притоболье – кедр и ели, в Приишимье – сосны, ели и липы, в южных районах Приишимья увеличилась доля остепненных лугов с полынью и злаками. Эти изменения, вероятно, можно рассматривать как следствие более прохладных и сухих условий, чем раньше. В интервале 700–500 л.н. они сменились умеренно прохладными, причем отмечается явная дифференциация увлажнения в северных и южных районах. Хорошая влаго-

обеспеченность в Северном Приишимье проявилась в составе лесов, в которых увеличилась доля ели и пихты. В Северном Притоболье развивались сосново-березовые леса с кедром и елью, луговые участки сократились. Совершенно иная ситуация прослеживается для южных районов, где происходила ксерофитизация травянистого покрова, леса были преимущественно березовые, с очень редкой примесью ели и ольхи. Позднее, ок. 500–300 л.н., повсеместно стало теплее и суше, резкой дифференциации увлажнения на юге и севере уже не было. Последние 300 лет характеризуются умеренно-теплыми условиями, постепенным возрастанием уровня увлажнения. Большую часть территории Тоболо-Ишимья занимала подзона северной лесостепи с сочетанием лугов и березовых лесов (рис. 12). Для приречных районов Притоболья характерны березово-сосновые леса и сосновые боры. На севере региона были распространены подтаежные леса с примесью темнохвойных, в то время как на юге сохранились остепненные луга.

Середина и финал субатлантического времени связаны с расселением в Тоболо-Ишимье носителей молчановской, бакальской и юдинской культур. Молчановская культура, существовавшая с VII–VIII вв. до начала II тыс. н.э., представлена городищами на мысах, дюнах или у края надпойменных террас. Формирование комплексов молчановского типа явилось следствием распада общности обских угров и выделения в последней четверти I тыс. н.э. в Туринско-Тавдинском районе предков древних манси. Хозяйство населения было, видимо, многоотраслевым, базировавшимся на скотоводстве и охоте, прямых свидетельств земледелия нет [Археология СССР..., 1987].

Памятники бакальской культуры (IX–XIV вв. н.э.) локализуются по среднему и нижнему течению Исети. Оставившее их население вело полукочевой образ жизни, основу хозяйства составляло скотоводство с преобладанием лошади в составе стада. Определенное значение имели охота, рыболовство и, возможно, земледелие. Угорская бакальская культура в XII–XIV вв. н.э. начала подвергаться воздействию культуры тюркских народов.

К сожалению, из культурных слоев эпохи средневековья пробы для палинологического исследования в Южном Зауралье пока не отбирались, ландшафтно-климатические реконструкции выполнены по материалам из верхних гумусированных почвенных слоев и торфяников. Начало средневековья связано со значительным похолоданием и увеличением увлажнения. Поэтому приблизительно с 1 700 л.н. началось активное развитие сосновых ленточных боров вдоль Тобола и Ишима, но в южных районах ему предшествовало массовое расселение березы, роль березовых лесов в ландшафтах Притоболья, воз-

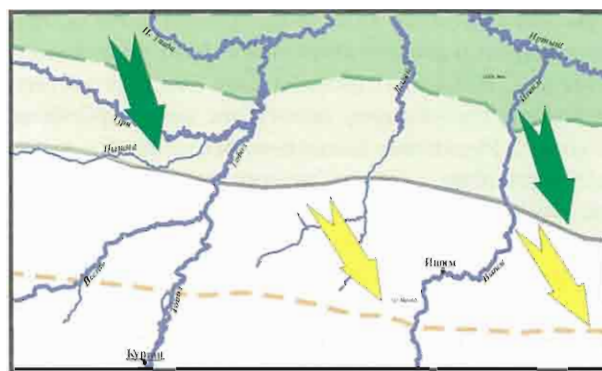

Рис. 12. Финал субатлантического периода (SA 3).

можно, была даже больше, чем в настоящее время. Этим, вероятно, и объясняются увеличение значения охоты, рыболовства и появление в Южном Зауралье таежных групп населения. Максимальное продвижение сосновых боров на юг, видимо, произошло в т.н. малый ледниковый период (500–1 000 л.н.), выделенный только по палинологическим данным из торфяных слоев. На протяжении 1 700 лет были и умеренно-теплые условия (1 000–1 100 л.н.), и достаточно сухие (300–500 л.н.). Однако в целом в последнее тысячелетие климатические условия незначительно отличались от современных, расположение границ природных зон, подзон и общий ландшафтный облик в финале субатлантического периода практически не менялись.

Сопоставление реконструированных ландшафтно-климатических условий в Тоболо-Ишимье с палеоэкологическими схемами сопредельных районов позволяет считать, что на рубеже суббореального и субатлантического периодов увеличение увлажнения происходило и в Северном Казахстане – ок. 2 900–2 800 л.н. [Кременецкий и др., 1994] и 2 700 л.н. [Иванов, Луковская, 1998], и на территории Прикаспия – 2 600 (2 700)–2 400 л.н. [Иванов, Васильев, 1995]. В южных районах Западной Сибири с раннесубатлантическим временем связано изменение свойств почв: темно-каштановые солонцеватые почвы эволюционировали в черноземы южные, что свидетельствует о менее континентальном климате и начале смещения природных зон к югу [Рысков, Демкин, 1997; Иванов, Луковская, 1998]. В то же время в сопредельных с Тоболо-Ишимьем таежных районах начало субатлантического периода (ок. 2 500 л.н.) охарактеризовано в целом как этап потепления (разрез Аксурка [Волкова и др., 2002]). Приблизительно ок. 2 500–2 100 л.н. в Южном Зауралье отмечаются дефицит увлажнения и потепление, однако в этом районе кардинально ландшафтные условия не изменились – продолжалось постепенное восстановление лесов. Совершенно иная ситуация складывалась в южных районах, где непродолжительное (300 лет) ис-

сушение достигало катастрофического размаха. Резко аридный и континентальный климат прослеживается ок. 2 300 л.н. в строении почв Северного Казахстана (растрескивание, увеличение доли карбонатов и солей). Ухудшение экологических условий и деградация пастбищ – одна из причин миграций сарматов на запад, в Поволжье, и в лесостепное Зауралье, где иссушение было умеренным [Рысков, Демкин, 1997; Таиров, 2003]. В северо-казахстанских торфяниках ок. 2 500–2 000 л.н. фиксируется замедление торфообразования, в палинологических материалах отсутствует пыльца широколиственных пород, сокращается доля древесных [Кременецкий и др., 1994]. В степях Южного Урала после сравнительно гумидного этапа ок. 2 700–2 500 л.н. отмечается новое усиление засушливости 2 400–1 900 л.н., однако оно было не столь резким и масштабным, как в суббореале [Демкин и др., 1999]. В Барабе ок. 2 400 л.н. (оз. Чаны) выделен прохладно-влажный интервал, а 2 350–1 730 л.н. (Каякское займище) проявилось потепление [Левина, Орлова 1993]. Синхронно с реконструированным в Тоболо-Ишимье возрастанием увлажнения ок. 1 900–1 700 л.н. в Северном Казахстане отмечаются увеличение скорости торфообразования и рост содержания пыльцы сосны в спектрах. Уменьшение континентальности климата и похолодание приблизительно с 1 700 л.н. привели к распространению монодоминантных сосновых боров на террасах Тобола и Убагана, а уже 1 500 л.н. сосновые боры появились в юго-восточной части Казахского мелкосопочника [Кременецкий и др., 1994].

Выделенные для голоцена Южного Зауралья крупные природные изменения отчетливо проявляются и на сопредельных территориях. Однако кратковременные (100–300 лет) изменения ландшафтно-климатических условий, вероятно, имеют местное значение и характерны преимущественно для территории Тоболо-Ишимья, т.к. они не прослеживаются с той же интенсивностью и в одно и то же время в соседних районах.

Сопоставление данных о природных изменениях (на уровне палиооклиматических зон) и процессов, протекавших в обществах, на наш взгляд, достаточно отчетливо устанавливает зависимость хозяйственного уклада, направления культурных связей и миграций древних коллективов от палеоклиматических условий. Так, аридизация климата и остепнение пространств юга Западной Сибири, и в частности Тоболо-Ишимья, активизировали приток скотоводческого населения с юго-запада и продвижение его в таежные районы и на восток, а гумидизация климата и облесение лесостепных территорий способствовали проникновению таежных охотников и рыболовов на юг, что нашло отражение в материальной и духовной культуре аборигенного населения.

Список литературы

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Природная среда в эпоху бронзы: лесная зона Европейской России: Отчет лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. 1998. – Архив Института археологии РАН.

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Особенности природной среды Волго-Окского междуречья в железном веке и средневековье: Отчет лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. 2001. – Архив Института археологии РАН.

Аношко О.М. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железного века в Притоболье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 259–263.

Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – 512 с.

Березина Н.А., Лисс О.Л. О необходимости палинологических исследований при изучении проблемы взаимоотношения человека с окружающей средой // Болота и люди: (материалы Междунар. семинара “Болота и археология” 1–9 сентября 1998 г.). – М.: Институт наследия, 2000. – С. 136–144.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. – 188 с.

Букреева Г.Ф., Архипов С.А., Волков В.С., Орлова Л.А. Климат Западной Сибири: в прошлом и будущем // Геология и геофизика. – 1995. – Т. 36, № 11. – С. 3–22.

Букреева Г.Ф., Полещук В.П. Барабинская степь // История развития растительности внеледниковой зоны Западно-Сибирской низменности в позднелипленовое и четвертичное время. – М.: Наука, 1970. – С. 128–164.

Викторова В.Д. Сосновый остров – стоянка эпохи бронзы Среднего Зауралья // СА. – 1968. – № 4. – С. 161–173.

Волков Е.Н., Дрябина Л.А. Культурно-хронологические комплексы памятника Остров-2 в Ингальской долине // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 26–36.

Волкова В.С., Белова В.А. О роли широколиственных пород в растительности голоцена Сибири // Палеопалинология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 112–117.

Волкова В.С., Гнибиденко З.Н., Горячева А.А. Климатическая ритмика голоцена центральной части Западно-Сибирской равнины (палинология, магнетизм) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Вып. 1. – С. 48–57.

Волкова В.С., Михайлова И.В. Эволюция геологических процессов, природная среда и климат в голоцене на территории Сибири (по данным палинологии) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. –

Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Вып. 1. – С. 58–70.

Гаджиев И.М. Эволюция почв южной тайги Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – 279 с.

Галкин В.Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южнотаежном Тоболо-Иртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 21 с.

Гнибиденко З.Н., Волкова В.С., Орлова Л.А. Климато-магнитохронология и магнетизм голоценовых отложений Верхнего Приобья // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 110–115.

Глебов Ф.З., Карпенко Л.В., Климанов В.А., Миндеева Т.В. Палеоэкологический анализ торфяного разреза на водоразделе Оби и Васюгана // Сибирский экологический журнал. – 1996. – № 6. – С. 497–504.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Песочина Л.С. Палеоэкология восточно-европейских степей в скифо-сарматское время // Скифы северного Причерноморья. – М.: Наука, 1999. – С. 45–47.

Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // КСИА. – 1984. – Вып. 177. – С. 81–90.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1995. – 96 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Зах В.А. Археологические исследования в Приишимье в 1997 году // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1999. – Вып. 2. – С. 146–150.

Зах В.А. Отступающе-гребенчато-ямочная орнаментальная традиция в неолите Западной Сибири // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 37–46.

Зах В.А. Шапукульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатым орнаментом из Нижнего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2002. – Вып. 4. – С. 25–36.

Зах В.А. Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2004. – Вып. 5. – С. 4–12.

Зах В.А., Зах Е.М. О культурно-исторической ситуации в Нижнем Притоболье на рубеже бронзового и раннего железного веков // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург: УрО РАН; Урал. гос. ун-т, 1993. – С. 61–62.

Зах В.А., Зимина О.Ю. Памятники Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2001. – Вып. 3. – С. 138–149.

Зимина О.Ю. Исследование памятников переходного времени от бронзы к железу в Нижнем Притоболье в 2001–2003 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2004. – Вып. 5. – С. 201–203.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменений климатических условий в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 68–75.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М.: Интеллект, 1995. – 264 с.

Иванов И.В., Луковская Т.С. Динамика природных условий, почвообразования и взаимодействия природы и общества в степях Евразии, некоторые вопросы палеогеографии голоцена // Экология и почвы: Избранные лекции I–VII школ (1991–1997 гг.). – Пушкино: ИФХиБПП, 1998. – Т. 1. – С. 283–302.

Иванов С.Н., Рябогина Н.Е. Материалы палинологического исследования торфяника Станичный Рям // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. – 2003. – Вып. 4. – С. 62–68.

Иванов И.В., Чернянский С.С. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение. – 1996. – № 9. – С. 1045–1055.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: Изд-во Ин-та археологии АН РК, 1997. – 180 с.

Климанов В.А., Левина Т.П., Орлова Л.А., Панычев В.А. Изменение климата на территории Барабинской равнины в субатлантическом периоде голоцена по данным изучения торфяника Суминского займища // Региональная геохронология Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 143–149.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. – 80 с.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково-2. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. – 132 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское Озеро-13. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 160 с.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 26 с.

Косарев М.Ф. К проблеме западносибирской культурной общности // СА. – 1974. – № 3. – С. 3–13.

Кременецкий К.В., Тарасов П.Е., Черкинский А.Е. История островных боров Казахстана в голоцене // Ботанический журнал. – 1994. – Т. 79, № 3. – С. 13–30.

Крижевская Л.Я. Мезолитическое поселение Ташково-4 и некоторые общие вопросы мезолита Урала // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – Вып. 20. – С. 30–45.

Левина Т.П., Орлова Л.А. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1993. – Т. 34, № 3. – С. 38–55.

Логвин В.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита – энеолита: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 40 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

Матвеев А.В., Бурлина Т.В. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 99–114.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово-1. – Препр. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. – 76 с.

Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1997. – Вып. 1. – С. 156–158.

Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А., Панфилов А.Н., Петренко Ю.В. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. – Барнаул, 1991. – С. 28–31.

Матвеев Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1989. – С. 77–103.

Матвеев Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеев Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Матвеев Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. – Новосибирск: Наука, 2003. – Гл. 3. – С. 117–136.

Матвеев Н.П., Рябогина Н.Е. Реконструкция природных условий Зауралья в раннем железном веке (по палинологическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 30–35.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала: Предуралье. – М.: Ин-т этногр. и археол. РАН, 1996. – 302 с.

Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 403 с.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы (стратиграфия и геохронология). – Новосибирск: Наука, 1990. – 128 с.

Панова Н.К., Маковский В.И., Хижняк В.А. Динамика растительности предлесостепного Зауралья в голоцене // Лесообразовательный процесс на Урале и в Зауралье. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – С. 94–101.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка-1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). – Препр. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. – 80 с.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 143 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: ПАИМС, 1995. – 208 с.

Пошехонова О.Е. Особенности керамического производства у неолитического населения Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2004. – Вып. 5. – С. 20–26.

Романова М.В., Сухина Л.В. Городища № 5 и 7 раннего железного века на Андреевском озере // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 43–46.

Рысков Я.Г., Демкин В.А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов). – Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 165 с.

Рябогина Н.Е., Матвеев Н.П., Орлова Л.А. Новые данные о природной среде Зауралья в древности // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2000. – Вып. 3. – С. 205–212.

Рябогина Н.Е., Орлова Л.А. Позднеголоценовый торфяник Гладиловский Рям как индикатор изменения палеоэкологических условий Ишимской равнины // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2002. – Вып. 4. – С. 203–214.

Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г. Палинологические исследования на археологических объектах лесостепного Зауралья // Материалы I Междунар. семинара “Пыльца как индикатор состояния окружающей среды и палеоэкологические реконструкции”. – СПб.: ВНИГРИ, 2001. – С. 168–172.

Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И. Динамика растительности на границе подтаежной и лесостепной зон Зауралья в среднем и позднем голоцене (по материалам спорово-пыльцевого анализа торфяника Андреевского) // Современные проблемы популяционной, исторической и прикладной экологии. – Екатеринбург: Екатеринбург, 2001. – Вып. 2: Материалы конф. молодых ученых ИЭРиЖ УрО РАН. – С. 211–215.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. – М.: Наука, 1991. – 221 с.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова Волго-Уральских степей в голоцене: Отчет лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. 1992. – Архив Института археологии РАН.

Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А. Корреляция геолого-палеоэкологических событий голоцена арктической, бореальной и аридной зон Восточной Европы // Четвертичная геология и палеогеография России. – М.: ГЕОС, 1997. – С. 151–171.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 108 с.

Стоянов В.Е., Крижевская Л.Я., Старков В.Ф. Мезолитическая стоянка Сухрино-1 на Исети // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1977. – С. 72–84.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. – Челябинск: Рифей, 2003. – 68 с.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Проблемы абсолютной хронологии // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 330–348.

Фирсов Л.В., Волкова В.С., Левина Т.П., Николаева И.В., Орлова Л.А., Паныхев В.А., Волков И.А. Стратиграфия, геохронология и стандартная спорово-пыльцевая диаграмма голоценового торфяника Болото Гладкое в Новосибирске (Правые Чемы) // Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Сибири: К XI Конгрессу INQUA в СССР. Москва, 1982 г. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 96–107.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – С. 94–106.

Материал поступил в редколлегию 02.02.05 г.

УДК 553.435:549.2 (470.5)

**В.В. Зайков¹, А.М. Юминов¹, А.Ю. Дунаев¹,
Г.Б. Зданович², С.А. Григорьев³**

¹Институт минералогии УрО РАН,
Ильменский заповедник, Миасс, Челябинская обл., 456317, Россия
E-mail: zaykov@ilmeny.ac.ru

²Челябинский государственный университет
ул. Братьев Кашириных, 129, Челябинск, 454021, Россия
E-mail: center_arkaim@mail.ru

³Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия
E-mail: stgrig@mail.ru

ГЕОЛОГО-МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ МЕДНЫХ РУДНИКОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ*

Введение

Открытие на Южном Урале протогородской цивилизации бронзового века инициировало геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала [Зданович, 1995]. Большое внимание было уделено изучению минерально-сырьевой базы древних обществ, сравнительному минерало-геохимическому исследованию руд, шлаков и металлических изделий. Полученные материалы не только дополнили сведения о древнем горном деле и металлургии региона [Иессен, 1948; Черных, 1970; Черных, Кузьминых, 1989; Григорьев, 2000; Zaykov et al., 2002], но и позволили выработать новый методический прием сопоставления руд и шлаков по индикаторным минералам – хромшпинелидам и турмалину.

В статье подведен итог геолого-минералогических исследований древних рудников, расположенных в степной зоне на восточном склоне Южного Урала. Полевые методы включали составление карт и

планов карьеров; проходку и документацию горных выработок, которыми вскрывались отвалы и рудные тела; отбор проб из коренных пород и рыхлых отложений. Был проанализирован состав медных и бронзовых изделий из поселений и погребений, датированных в интервале XX–X вв. до н.э. Химический, рентгеноспектральный, рентгеноструктурный, рентгенофлуоресцентный анализы, оптическая и электронная микроскопия выполнены в лабораториях Института минералогии УрО РАН (Миасс), Музея естественной истории (Лондон), Фрайбергской горной академии (Фрайберг). При составлении картосхем рудников использованы материалы К.Д. Субботина (Ишкининский рудник).

Исследования проводились по теме Института минералогии УрО РАН “Геоархеология и археологическая минералогия Урала (01.2.00303810)”, научным программам Челябинского государственного университета, Музея-заповедника “Аркаим”, Института истории и археологии УрО РАН.

Сырьевая база древней металлургии меди на Южном Урале

В бронзовом веке в Уральском регионе сложились три горно-металлургических центра [Черных, 1970; Фирсов, Мартынова, 1995; Черных, 2002]: Каргалин-

*Исследования выполнены при финансовом содействии РГНФ (проект № 05-01-85112а/у) и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ РИ-112/001/081). Авторы благодарны Д.Г. Здановичу, А.Д. Таирову, Т.С. Малютиной за предоставленные для изучения образцы, И.Ю. Мелекесцевой за участие в полевых работах, А.В. Рочеву и Е.И. Чуринову за выполнение аналитических работ.

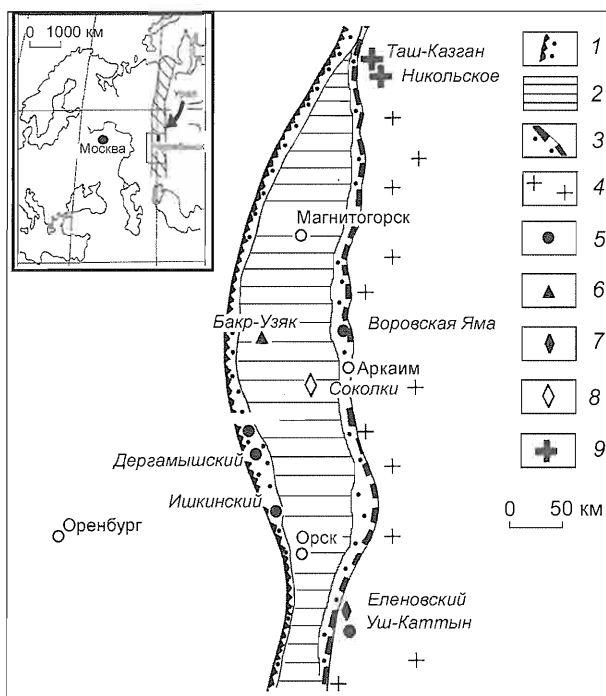

Рис. 1. Схема расположения древних медных рудников в степной зоне Южного Урала.

1 – Главный Уральский разлом; 2 – Магнитогорская палеоостроводужная система (S-C); 3 – Восточно-Уральский разлом; 4 – Восточно-Уральское поднятие; 5–9 – типы разрабатываемых месторождений: 5 – зоны окисления вкрапленных сульфидных руд в метасоматически измененных породах ультраосновного и основного состава; 6 – зоны окисления медно-колчеданных руд вулканогенно-осадочного происхождения; 7 – зоны окисления прожилково-вкрапленных руд в гранитоидных массивах; 8 – зоны окисления прожилково-вкрапленного медно-цеолитового оруденения в базальтовых лавах; 9 – зоны окисления сульфидно-кварцевых и сульфидно-карбонатно-кварцевых жил и штоков в гранитоидных массивах и палеоостроводужных вулканах.

ский со знаменитыми месторождениями медистых песчаников, Среднеуральский с малахитовыми залежами и Восточно-Уральский, который и является предметом исследования. Источниками сырья в нем были многочисленные малые месторождения продуктов окисления сульфидных руд с преобладанием карбонатов меди – малахита и азурита. Исторически сложилось, что многие месторождения из-за удаленности от металлургических центров не разрабатывались в Новое время (XVIII–XX вв.), и древние карьеры достаточно хорошо сохранились. Исключением являются рудные поля с колчеданными залежами, на которых сформированы промплощадки, кардинально нарушившие первичный ландшафт.

Основными меденосными геологическими структурами Южного Урала являются (с запада на восток, рис. 1):

1) Главный Уральский разлом, представленный тектоническими пластинами ультраосновных, вул-

каногенных и осадочных пород раннего и среднего палеозоя;

2) Магнитогорская палеоостроводужная система, сложенная подводными и наземными вулканическими сооружениями девонского и карбонового возраста;

3) Восточно-Уральский разлом, представленный тектоническими пластинами и останцами вулканических сооружений;

4) Восточно-Уральское поднятие с крупными гранитоидными массивами позднего палеозоя.

Среди многочисленных меднорудных объектов различного происхождения [Зайков и др., 1999] основное значение в древности имели пять типов.

1. *Зоны окисления вкрапленных сульфидных руд в метасоматически измененных породах ультраосновного и основного состава.* Минерализация представлена прожилками и пленками малахита и азурита, имеющими сетчатое распределение. Мощность таких зон от нескольких до первых десятков метров. К этому типу относятся рудники в сложных тектонических зонах: Главном Уральском разломе (Ишкинский, Держамышский, Ивановский), руды которых характеризуются повышенными концентрациями мышьяка, а также в разломах, ограничивающих с востока Магнитогорский синклиниорий (Воровская Яма, Уш-Каттын).

2. *Зоны окисления медно-колчеданных руд вулканогенно-осадочного происхождения.* Основным компонентом таких рудных тел являются бурые железняки с гнездами карбонатов меди, возникшие во время формирования коры выветривания. Рудные залежи имеют плащеобразную или линзовидную форму, мощность – первые десятки метров. В их подошве обычно располагаются первичные сульфидные руды. По древним рудникам этого типа были открыты многие медно-колчеданные месторождения в Учалинском, Сибайском и Баймакском рудных районах, поэтому они не сохранились. Исключением являлся рудник Бакр-Узяк [Черных, 1970], отработка которого шла в последнее десятилетие.

3. *Зоны окисления прожилково-вкрапленных руд в гранитоидных массивах (медно-порфировый тип).* Первичные руды представлены сульфидами меди. Форма рудных тел изометричная или неправильная, поперечник в сотни метров – первые километры. К этому типу близки зоны окисления прожилково-вкрапленных сульфидных руд в турмалинсодержащих породах вблизи контактов гранитоидных массивов. Типичный пример – месторождение Еленовка в Оренбургской обл.

4. *Зоны окисления прожилково-вкрапленного медно-цеолитового оруденения в базальтовых лавах.* Примером является рудник Соколки на правом берегу р. Урала в 15 км южнее пос. Кизильского, представленный небольшими карьерами.

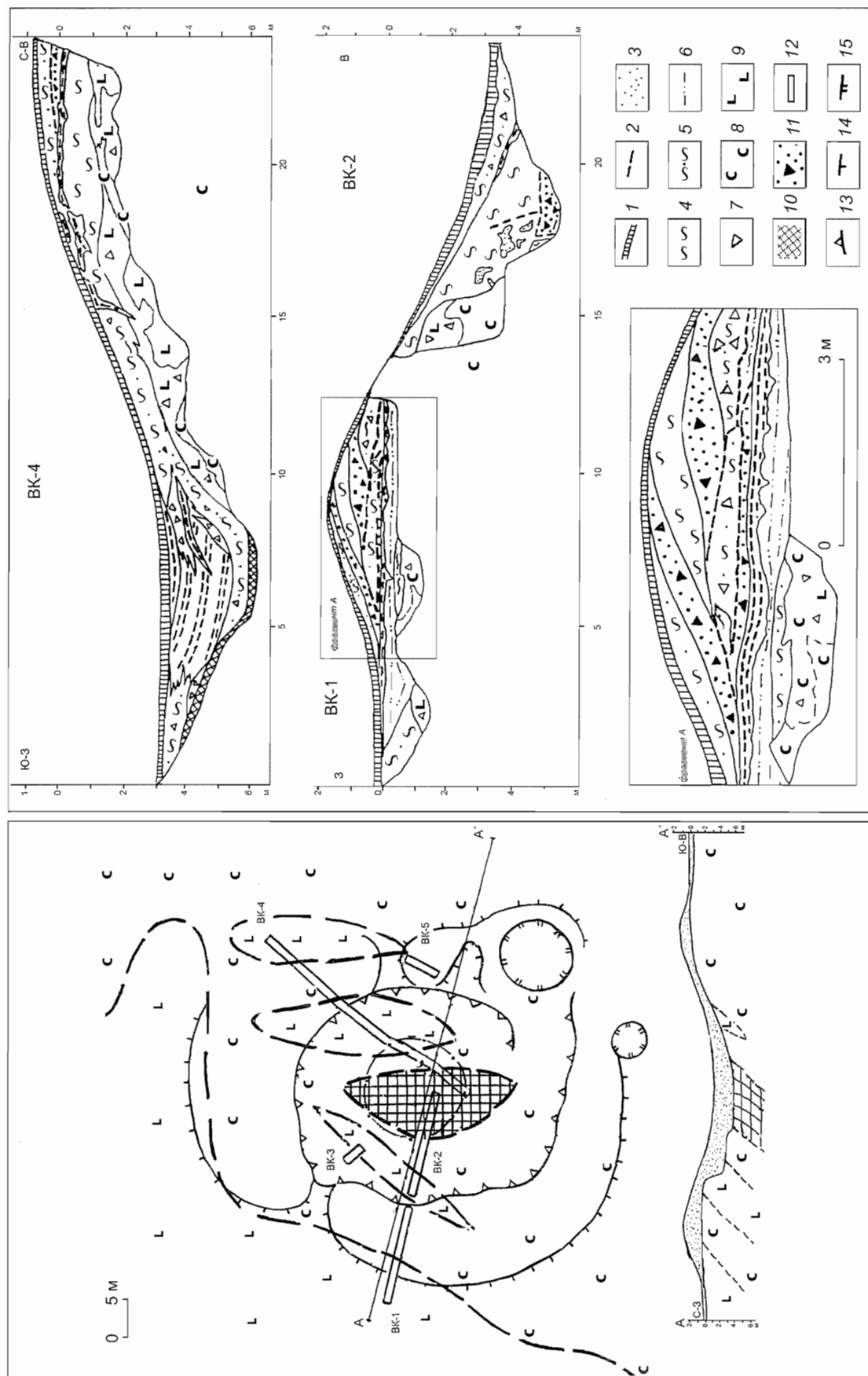

Рис. 2. Схема геологического строения (I) и разрез рудника (II) Воровская Яма.

1 – современный почвенно-растительный слой; *2* – простой потребенный почв; *3* – наносы; *4* – глины; *5* – суплики; *6* – супесь; *7* – дресва и щебень; *8* – серпентиниты; *9* – базальты; *10* – рудингиты с примазками медных руд; *11* – щебень рудингитов; *12* – канавы; *13* – контуры карьера; *14* – контуры отвалов; *15* – контуры жилищных ям.

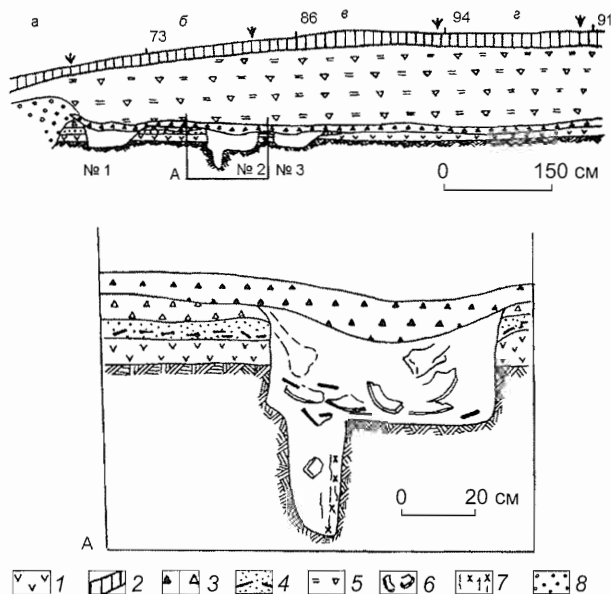

Рис. 3. Схема строения северо-восточного участка траншеи ВК-4.

1 – погребенная почва (темно-серый гумусированный суглинок); 2 – современный дерновый слой; 3 – отработанная порода (нонтронитовые глины с обломками родингитов); 4 – культурный слой (темно-серый золистый грунт с обломками костей домашних животных); 5 – отработанная порода (суглинок зеленовато-серый с обломками базальтов); 6 – развалы сосудов и фрагменты керамики; 7 – заполнение ямок и углублений (серый гумусированный суглинок с вкраплениями древесного угля); 8 – темный суглинок с обломками серпентинитов.

5. Зоны окисления сульфидно-кварцевых и сульфидно-карбонатно-кварцевых жил и штокверков, сопровождающих гранитоидные массивы и палеостроводужные вулканы. Такие пункты минерализации невелики по параметрам, но очень многочисленны. Как правило, кроме меди, эти жилы содержат золото, серебро, вольфрам, молибден и другие металлы. Важным обстоятельством является присутствие в жилах арсенопирита. К такому типу рудников относятся Никольское и Таш-Казган.

Несмотря на высокую степень изученности региона в отношении медного оруденения, сохранились возможности выявления ранее неизвестных археологам рудников. В качестве примера можно привести работы, в результате которых в ультраосновных породах были открыты рудники Воровская Яма [Зайков, Зданович, Юминов, 1996; 2000], Дергамышский и Ивановский [Юминов, Зайков, 2002б]. Кроме того, привлечены данные по Ишкининским карьерам, которые ранее были известны только геологам [Юминов, Зайков, 2002а], а также описана минералогия Еленовского рудника со специфическими медно-турмалиновыми рудами [Бушмакин, Зайков, 1998]. Резервом для открытий являются рудоносные площади с незначи-

тельными проявлениями медных руд, по которым получен значительный поисковый материал, но он не проработан в геоархеологическом отношении.

Рудник Воровская Яма. Он выявлен В.В. Зайковым, Г.Б. Здановичем и А.М. Юминовым в 1995 г. в холмистой местности на левобережье р. Зингейка [1996]. Название выемке, в которой прятали украденный скот и которая оказалась древним карьером, дали местные жители. Оруденение приурочено к тектонической пластине, сложенной серпентинитами, талькитами, эпидозитами, базальтами и кремнистыми породами. Руды представлены апосерпентинитовыми скарноидами – породами, состоящими из граната и пироксена с вкраплениями и прожилками малахита.

Древний карьер овальной формы (рис. 2) имеет диаметр 30–40 м и глубину 3–5 м. В его центре находится ок. 2 м наносов, так что первичная глубина была, по-видимому, 6–7 м. Карьер окружен прерывистым отвалом шириной 5–15 м и высотой 0,8–1,5 м. Наиболее полный разрез состоит из трех горизонтов, разделенных слоями погребенных почв. Нижний горизонт мощностью 5–10 см сложен зеленовато-желтыми нонтронитовыми глинами с редкой дресвой медных руд. Средний состоит из песчано-глинистой массы, обогащенной дресвой и плитчатыми обломками базальтов и серпентинитов, а также обломками родингитов, пропитанных малахитом. Слой имеет линзовидную форму и мощность 70 см. Верхний горизонт состоит из нескольких эшелонированных тел различного цвета и состава. В слоях, обогащенных нонтронитовой глиной, имеются фрагменты медных руд. В тяжелой фракции содержатся зерна магнетита, граната, хромшпинелидов, гематита и амфибола.

У восточной выемки северного отвала карьера был обнаружен культурный слой протяженностью ок. 8 м [Зайков, Зданович, Юминов, 2000]. Он состоял из двух горизонтов, каждый из которых, в свою очередь, перекрывался отработанной породой (рис. 3). Нижний содержал золу и кости домашних животных, верхний – остатки строительных конструкций и ямки с фрагментами сосудов алакульско-срубного типа (рис. 4). Поскольку в подъемных материалах, собранных на бортах древнего карьера, представлена посуда синташтинско-петровского облика, можно предположить, что основные этапы функционирования рудника связаны со временем средней и поздней бронзы.

В дне карьера обнажаются рудоносные породы в виде линзы мощностью до 8 м, длиной 25 м.

Рудное тело имеет следующее строение (сверху вниз):

А – зона кластических окисленных руд в коре выветривания, мощность 1–3 м;

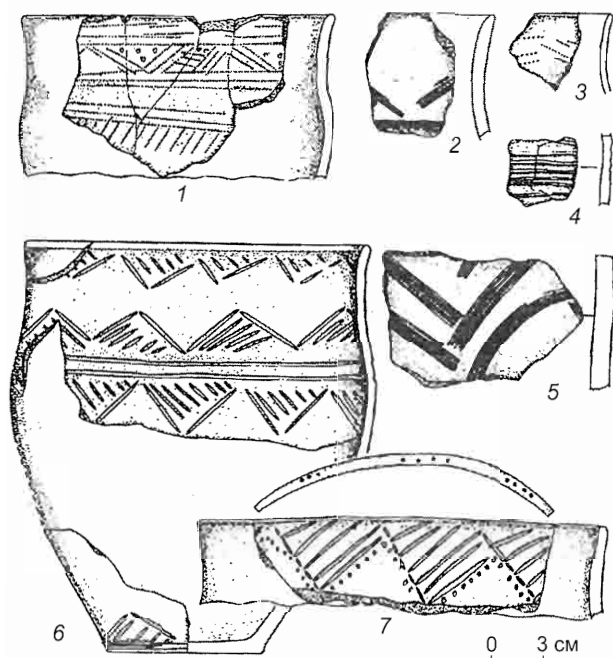

Рис. 4. Фрагменты керамики с рудника Воровская Яма.

Б – зона дезинтегрированных окисленных руд (элювиальная часть рудного тела), мощность 2–4 м;

В – зона окисленной руды родингитовой линзы (*in situ*), предполагаемая мощность 3–5 м;

Г – зона первичных руд – сульфидная минерализация в скарноидах.

В древние времена рудные обломки, очевидно, извлекались из рыхлых пород с применением простых инструментов. По строению отвала и присутствию в нем нескольких слоев погребенной почвы мы предполагаем четыре стадии эксплуатации месторождения. Они были разделены перерывами в десятки лет, в течение которых формировались почвы мощностью 5–10 см.

Согласно произведенным расчетам [Зайков, Зданович, Юминов, 2000], из добытой руды (приблизительно 6 000 т) при содержании меди 2% и коэффициенте извлечения 10% могло быть получено приблизительно 10 т меди.

Дергамышский и Ивановский рудники. Они расположены на одном рудном поле в осевой части Главного Уральского разлома. Дергамышское месторождение было открыто в конце 20-х гг. XX в., Ивановское – полвека назад. Обзор выполненных исследований дан в публикации Зайкова с соавторами [2001].

Дергамышское месторождение сложено тектоническими пластинами серпентинитов, базальтов и вулканогенно-осадочных пород силура и девона (рис. 5).

Рудоносная зона включает одно рудное тело, залегающее на контакте серпентинитовой и пи-

роксенитовой пластин. Его форма линзовидная, мощность варьирует от 6,5 до 40 м в раздуже, поперечник 150–200 м. Внутри залежи наблюдаются линзы и отдельные блоки тальк-хлоритовых пород. По вещественному составу выделены два типа руд: 1) сплошные халькопирит-марказитовые и халькопирит-пиритовые; 2) обломочные пирит-марказитовые.

Главные рудные минералы – пирит, марказит, халькопирит; второстепенные – пирротин, магнетит, ильменит, хромит, минералы группы линнеита, сфалерит, кубанит; редкие – золото, валлериит, кобальтин, арсенопирит, никелин [Зайков и др., 2001].

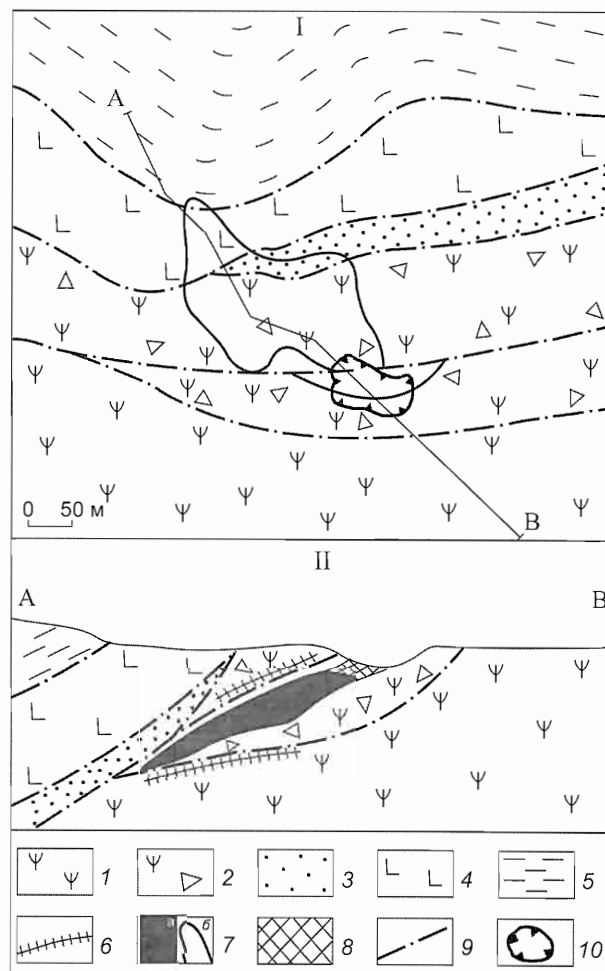

Рис. 5. Геологическая картосхема (I) и разрез (II) Дергамышского месторождения.

1 – серпентиниты (O_2-S_1 ?); 2 – брекчированные серпентиниты с зонами тальк-карбонатных метасоматитов и силлами диабазов и габбро; 3 – сакмарская свита (?) (Ssk): вулканомиктовые и полимиктовые песчаники с прослоями кремней и пластинами серпентинитов; 4 – баймак-бурибайская толща (D₁b-br): базальты с линзами углеродистых алевролитов; 5 – мукасовский горизонт (D): силициты; 6 – габбро, габбро-диабазы; 7 – руда: а – рудное тело, б – его проекция на поверхность; 8 – зона окисления рудного тела; 9 – тектонические нарушения; 10 – контуры древних выработок.

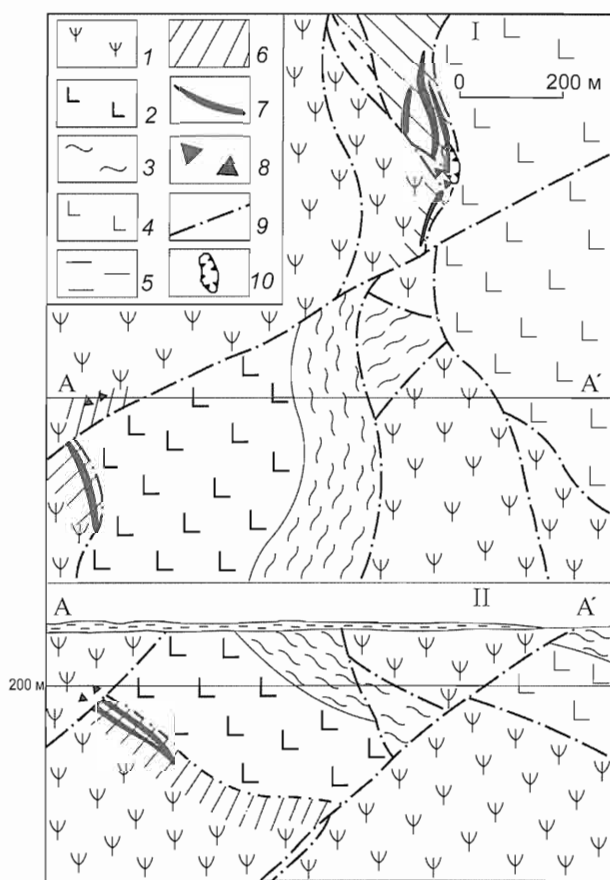

Рис. 6. Геологическая картосхема (I) и разрез (II) Ивановского месторождения.

1 – серпентиниты (O_2-S_1 ?); 2, 3 – сакмарская свита (?) (Ssk): 2 – базальты, 3 – осадочные отложения; 4 – баймак-бурибайская толща (D_1b-br): базальты, диабазы; 5 – четвертичные отложения (Q_{IV}); 6 – зоны различных метасоматитов: тальковых и тальк-карбонатных по серпентинитам, хлоритовых, кварц-хлоритовых, карбонат-кварц-хлоритовых по габброидам и пироксенитам; 7 – рудные тела; 8 – рудные брекчии (7, 8 – внесмаштабные знаки); 9 – тектонические нарушения; 10 – контуры древней выработки.

Дергамышский рудник представлен карьером на южном фланге залежи массивных сульфидных руд. Карьер имеет близкую к треугольной форму, поперечник 70–80 м, глубину 10–12 м. Он окружен прерывистым отвалом, наиболее выраженным в западной и восточной частях, где имеет высоту ок. 3 м при крутизне склонов 15–25°. На дне карьера находится отвал опаловых пород в виде гряды высотой 1–2 м. Опалиты белые, желтоватые, оранжевые, красные со стекляннным блеском. Эти породы не встречены на других медных рудниках Урала, но они известны в Центральном Казахстане (Акбастау и Кусмурун), где характерны для золотоносных зон окисления сульфидных руд в аридных условиях.

Медная минерализация (малахит и хризоколла) проявлена в северном и восточном бортах в щебне серпентинитов. Сульфидов на поверхности не обна-

ружено, но участками отмечена интенсивная лимонитизация. В первичных рудах установлены высокие концентрации золота в кровле рудного тела (3–5 г/т), что представляет практический интерес. Медная минерализация выражена халькопиритом, цементирующим марказит-пиритовый агрегат.

Ивановское месторождение приурочено к тектоническим контактам пластин серпентинитов и базальтоидов (рис. 6). На месторождении выявлены две рудоносные зоны, в которых находятся линзы сульфидных руд. Восточная часть рудного поля представлена крупным блоком базальтов, диабазов и габбро, в центральной развиты серпентиниты, а в западной наблюдается ансамбль мелких блоков вулканогенных, осадочных и ультрамафитовых пород. Первая рудоносная зона приурочена к контакту восточного блока с серпентинитами и имеет восточное падение, вторая располагается в западной части в сходной позиции, в подошве базальтового блока.

Руды, залегающие в метасоматитах по серпентинитам и габброидам, имеют пирит-халькопирит-пирротинный и халькопирит-пирротинный состав, по основным эффузивам – пирротин-халькопирит-пиритовый. Различают сплошные и прожилково-вкрапленные руды.

Древний Ивановский рудник представлен остатками слабо выраженного в рельефе карьера глубиной 1–2 м в восточной части рудной зоны. Длина выработки по днищу 50 м, ширина бортов 3–8 м. С востока она примыкает к склону, с запада ограничена отвалом высотой 1–3 м и шириной 5–15 м. Разрабатывалась зона хлоритизированных базальтов с примазками и корками малахита, имеющая мощность 3–6 м и восточное падение. Она параллельна халькопирит-пирротинному рудному телу среди тальк-карбонатных метасоматитов, располагаясь “стратиграфически” выше на 10–15 м.

Ишкининский рудник. Ишкининское кобальт-медно-колчеданное месторождение было открыто в 1927 г. Обзор поисково-оценочных и научно-исследовательских работ дан в монографии И.Ю. Мелекесцевой, В.В. Зайкова [2003]. Одно из последних исследований – горно-геологические реконструкции, связанные с разработкой Ишкининского рудника в бронзовом веке [Юминов, Зайков, 2002a].

Месторождение приурочено к кровле серпентинитовой пластины и сопровождается карбонатными и тальк-карбонатными апосерпентинитовыми метасоматитами. На месторождении выявлены три рудоносные зоны (восточная, центральная и западная), в которых пройдены древние рудники (рис. 7). Руды представлены тремя минеральными типами: пирит-пирротинным, халькопирит-пирит-пирротинным и сульфоарсенидно-сульфидным. Основной объем руд сформировался гидротермально-метасоматичес-

ким путем по ультрабазитам и содержит вкрапления хромшпинелидов.

На Ишкининском руднике восемь древних карьеров, из которых извлекалась медная руда. Впервые такие горные выработки на месторождении были отмечены в 1940–1942 гг. геологом К.Д. Субботиным. В шурфах, вскрывающих древние карьеры, им были обнаружены обломки керамических изделий с “веревочным” орнаментом, характерным для начала бронзового века.

Наиболее крупный карьер врезан в северный склон сопки и окружен с востока, юга и запада склонами, сложенными серпентинитами и тальк-карбонатными породами. Выработка имеет грушевидную форму и вытянута в меридиональном направлении согласно с ориентировкой восточной рудной зоны. Длина карьера 120 м, максимальная ширина ок. 40, глубина 5–15 м. На днище поперек выработки фиксируются три оплывших со временем отвала, которые отсыпались друг на друга по мере отработки карьера, высота самого большого из них более 5 м.

Верхняя часть северного отвала была вскрыта траншеей. Отвал сложен дресвяно-щебнистым материалом, слои которого залегают кулисообразно (рис. 8). Разрез отвальных отложений включает три горизонта, различающиеся как по минералогическим особенностям слагающего материала, так и по величине обломков. Горизонты, как правило, разделены погребенными почвами, что свидетельствует о перерыве в разработке. К археологическим находкам следует отнести кости домашних животных. Кроме того, в слоях обнаружены псевдоморфозы лимонита по древесине. Возможно, это фрагменты крепления, деревянные клинья или рукояти орудий.

В нижнем горизонте на глубине 2–2,5 м на глинисто-щебнистом слое базальтов обнаружена линза, сложенная кусками медной руды. Размер рудных обломков варьирует от 1–3 до 10–15 см в поперечнике. Подобное скопление можно реконструировать как рудный склад (№ 1), т.е. специально отведенное место для складирования наиболее ценного сырья после добычи и предварительного обогащения. Видимая мощность линзы 0,6 м, протяженность 4 м. В составе руды преобладают гетит (50–60 %), азурит (20–30 %) и малахит (10–20 %). Некоторые разности представлены азурамалахитом. Минеральный и рентгенофазовый анализы выявили присутствие куприта, хризоколлы, самородной меди, магнетита, хромита, кальцита, арагонита, слюдистых и других минералов, характерных для зон окисления колчеданных месторождений. Руда отличается высоким содержанием меди (табл. 1). В ней обнаружено присутствие железа, хрома, цинка и мышьяка. Последний элемент особенно важен, т.к. при выплавке

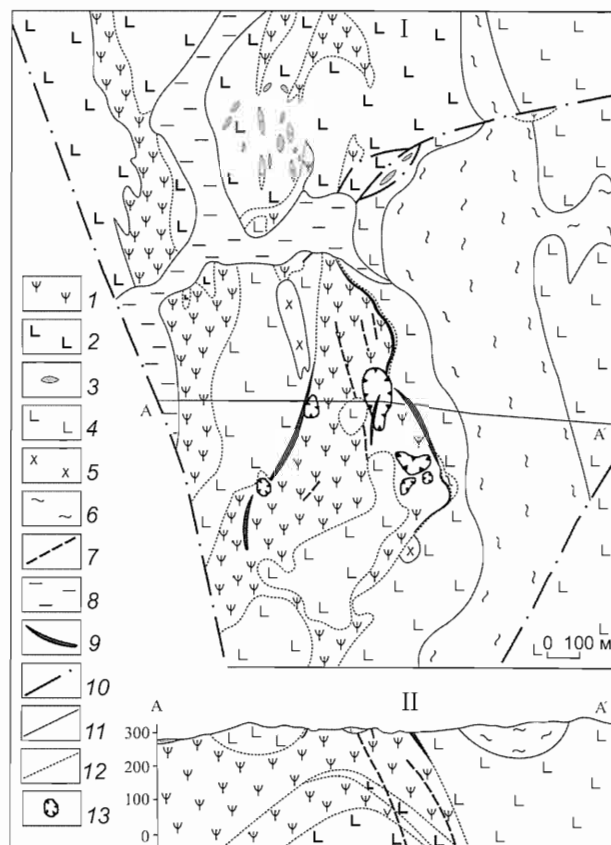

Рис. 7. Геологическая картосхема (I) и разрез (II) Ишкининского месторождения.

1 – аподунитовые и апогарицбургитовые серпентиниты (O_2-S_1 ?) с зонами тальк-карбонатных метасоматитов; 2 – сакмарская свита (S_{sk}): базальты и силициты с силлами и дайками диабазов и базальтоидов ($v\mu S_1$); 3 – известняки; 4, 5 – баймак-бурбайская толща (D_{b-br}): 4 – базальты, андезитобазальты, вулканомиктовая олистограма с андезитобазальтовыми дайками, 5 – диориты, габбро-диориты ($\delta, v\delta D_1$) с дайками базальтоидов ($v\mu D_1$); 6 – ишкининская толща (D_{ish}): силициты и вулканомиктово-кремнистая олистограма; 7 – худолазовский комплекс (?) (vC_1): дайки габбро-пегматитов; 8 – четвертичные отложения (Q_{iv}); 9 – рудоносные зоны; 10 – тектонические нарушения; 11, 12 – геологические границы: 11 – стратиграфических подразделений и интрузивных тел, 12 – серпентинитовых пластин; 13 – контуры древних выработок.

позволяет получать природно-легированную мышьяковую бронзу.

Рудный склад перекрыт пустой породой. Малая мощность этого слоя, низкая сортировка щебнистого материала и присутствие в нем большого количества глин позволяют предположить, что данный склад в целях сокрытия по той или иной причине был специально присыпан древними горняками. Впоследствии над ним сформировался слой почвы мощностью 3–5 см.

В среднем горизонте был также обнаружен рудный склад (№ 2). Он расположен в центральной части траншеи на глубине 0,75–1,0 м в виде субгоризонталь-

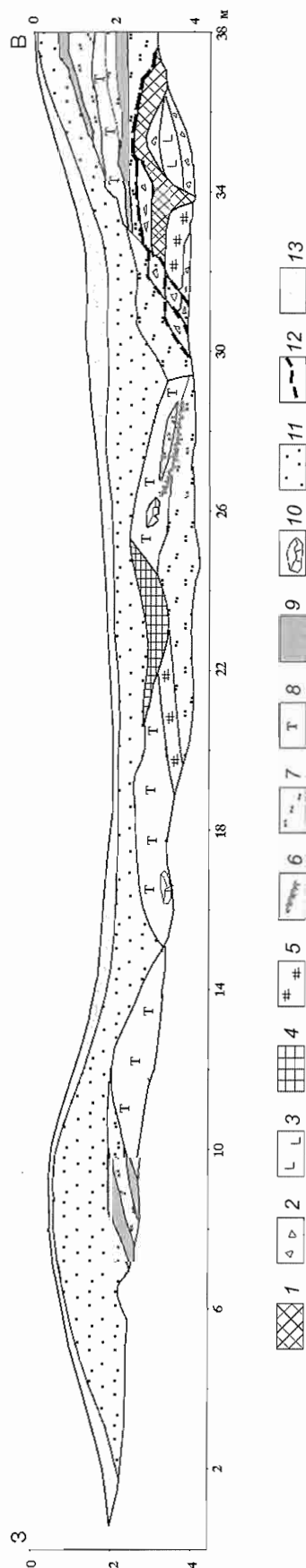

Рис. 8. Схема строения отвала № 2 Большого древнего карьера Ишминского месторождения.

1–3 – нижний горизонт: 1 – бурый железняк, 2 – склад талькового сырья, 3 – щебень серпентинитов, 4–10 – средний горизонт: 4 – рудный склад с “медной зеленью”, 5 – бурый железняк, 6 – склад талькового сырья, 7 – глинисто-щебнистый материал серпентинитов, 8 – щебень тальк-карбонатных пород, 9 – зольники, 10 – места нахождения навалов; 11 – верхний горизонт: темно-коричневый суглинок с щебнем выветрелых серпентинитов; 12, 13 – почвы: 12 – погребенные, 13 – современные.

ной линзы длиной 4,5 и максимальной мощностью 0,75 м. Породы представлены выветрелыми оталькованными и ожелезненными до бурых железняков серпентинитами, содержащими тонкие вкрапления, пленки и маломощные прожилки “медной зелени”. Содержание меди и мышьяка в руде в 2–3 раза ниже, чем в руде из склада № 1.

На руднике производилась попутная добыча талькового сырья, о чем свидетельствуют линзы тальковых “глин”, которые предварительно очищались от примесей и складировались в определенном месте. Подобное сырье могло быть использовано в качестве добавок при изготовлении керамики.

В четвертом карьере западной рудной зоны разведочным шурфом на глубине 20 м вскрыта древняя выработка в сульфидизированных породах. Этот факт имеет большое значение, поскольку обсуждается вопрос о возможности использования сульфидных руд в бронзовом веке. По данным С.А. Григорьева [2000, 2003], в металлургических шлаках на поселениях бронзового века присутствуют фрагменты сульфидов, что может свидетельствовать о применении сульфидного сырья либо о примеси такового в окисленных рудах. Данный карьер также был вскрыт траншеей, однако видимой медной минерализации не было отмечено. В отвале встречены обломки бурого железняка и карбонатизированных пород, что позволяет высказать предположение о добыче золотых руд. Среди серпентинитов в подобном карьере на южном фланге западной рудной зоны были обнаружены единичные пленки золота.

Еленовский рудник. Он расположен на правом берегу р. Кiemбай, в 3 км восточнее одноименного поселка в Домбаровском р-не Оренбургской обл. Рудник был обнаружен местным жителем А.С. Новиченко в 1918 г. и в 1937 г. изучался И.Л. Рудницким. В настоящее время древний карьер имеет размеры 30×40 м, глубину 5–6 м.

Месторождение принадлежит к довольно редкому молибденит-халькопирит-турмалиновому типу и приурочено к среднедевонской риолит-базальтовой толще. На месторождении выявлены пять линзовидных тел, сложенных кварц-хлорит-турмалиновыми породами и базальтами с прожилково-вкрапленной сульфидной минерализацией.

Главное рудное тело плиткообразной формы расщепляется на несколько частей на флангах. Оно имеет крутое падение на восток, протяженность по вертикали ок. 120, по простиранию 100–130 м, мощность 5–45 м. Для рудного тела характерно полосчатое строение, которое выражается в чередовании (по 0,5–1 м) сульфидизированных пород кварцево-турмалинового, турмалинового, карбонат-хлорит-турмалинового состава. Максимальные содержания меди в этих породах соответственно 6,8; 11,8; 3,9 %. Суль-

Таблица 1. Результаты пробирного и рентгенофлуоресцентного анализа медных руд Ишкининского рудника, добываемых в древности

Тип руд	Содержание, %									
	Пробирный анализ					Рентгенофлуоресцентный анализ				
	Cu	Zn	S	Au	Ag	Fe	As	Cr	Pb	Ni
Азурмалахит (склад № 1)	7,95	0,03	0,06	–	–	14,17	1,01	1,95	–	0,06
“Медная зелень” (склад № 2)	2,57	0,05	0,09	–	–	16,77	0,58	1,20	0,21	0,20
Бурый железняк	0,46	0,07	0,06	–	–	57,59	0,60	2,30	0,21	0,18

фидная минерализация висячем боку представлена главным образом халькопиритом, а в лежачем – пиритом.

Зона окисления распространена до глубины 15 м. Ее отличительной особенностью является малое количество гидроокисей железа, карбонаты меди представлены малахитом в виде очень тонких прожилков. Содержание меди 0,01–2,25 %. Зона вторичного сульфидного обогащения распространена в интервале 15–19 м; для нее характерны халькозин, борнит и ковеллин. Содержание меди 6,58–10,35 %.

Среди первичных руд имеются жилки, гнезда и скопления размером до 5×10 см, сложенные сульфидными агрегатами: халькопиритом, пиритом, молибденитом. Содержание меди 0,7–11,8 %, молибдена – 0,01–0,44 %. Второстепенные рудные минералы представлены сфалеритом, магнетитом, ильменитом, галенитом, рутилом, самородным золотом и серебром. Максимальное содержание золота 10 г/т.

В западном и восточном бортах карьера (рис. 9) развиты кварц-турмалиновые породы с пленками и прожилками малахита. В центре древней выработки проходит полоса кварц-турмалиновых сланцев, интенсивно обогащенных малахитом. Они, вероятно, были объектом разработки в бронзовом веке. Вблизи карьера обнаружены многочисленные следы металлургической деятельности в виде скоплений шлаков, капель меди, тиглей. Е.Е. Кузьмина [1962] отмечала, что эксплуатация Еленовского рудника началась в глубокой древности, достигла расцвета в алакульский период и была прекращена в позднеалакульскую эпоху.

Состав изделий из меди и бронзы

К настоящему времени собран значительный материал по составу изделий, выявленных в исторических памятниках Южного Урала. Анализы выполнены спектральным методом в Институте археологии РАН (лаборатория естественно-научных методов, Москва), часть – в Институте минералогии УрО РАН (Миасс)

и Институте геологии и геохимии (Екатеринбург) на микрозондовых анализаторах.

На основании изучения химического состава изделий из меди и медных сплавов установлены следующие типы металлов [Зайкова, 2000]: меди – чистая (As, Sn, Ag < 0,1 % мас.), мышьяковистая (As – 0,1–

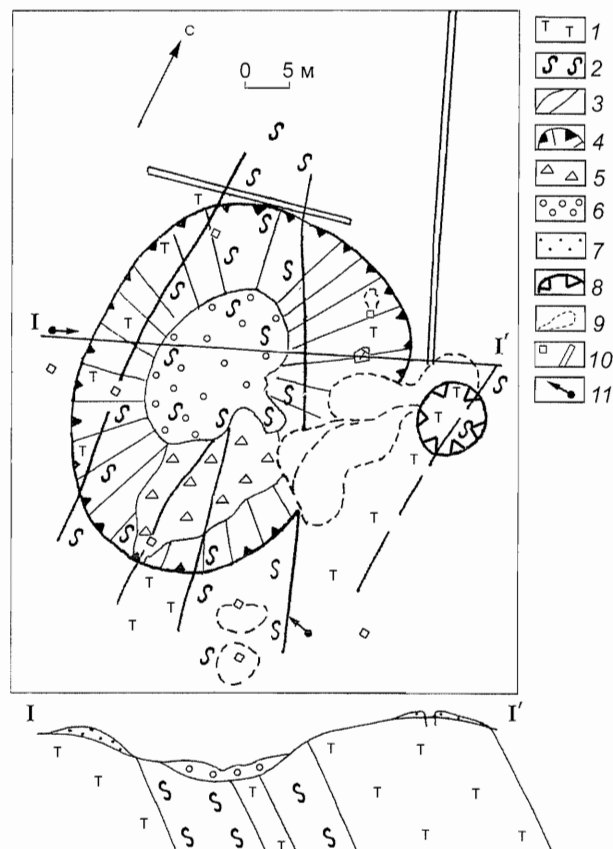

Рис. 9. Схема строения древнего Еленовского медного рудника.

1 – хлорит-турмалиновые породы с сетчатыми жилками малахита; 2 – кварц-альбит-хлоритовые сланцы с примазками малахита; 3 – геологические границы; 4 – верхняя кромка карьера; 5 – склон карьера, покрытый щебнем; 6 – дно карьера; 7 – древние отвалы; 8 – провал разведочной шахты; 9 – отвалы разведочной шахты и шурфов; 10 – разведочные шурфы и каналы; 11 – устья разведочных скважин.

Таблица 2. Химический состав турмалина, % (мас.)

Компонент	Руда Еленовского месторождения	Руда, использовавшаяся на поселении Аркаим
SiO ₂	36,33	35,87
TiO ₂	0,30	0,46
Al ₂ O ₃	31,84	31,09
MgO	6,57	6,43
FeO	9,25	10,79
MnO	0,08	0,05
CaO	0,88	0,71
Na ₂ O	1,88	2,32

Примечание. Анализы выполнены А.В. Рочевым на рентгеновском микроанализаторе JCXA-733. Ускоряющее напряжение 15 кВ. Эталоны: авгит, ильменит, скаполит. Приведено среднее по трем анализам. Кристаллохимические формулы катионной части турмалина (без бора): Еленовское – (Na_{0,60}Ca_{0,16})_{0,76}(Mg_{1,62}Fe_{1,28}Ti_{0,04})_{2,94}Al_{6,20}Si_{6,00}; Аркаим – (Na_{0,75}Ca_{0,13})_{0,88}(Mg_{1,60}Fe_{1,51}Ti_{0,06})_{3,17}Al_{6,13}Si_{6,00}.

1,0 % мас.), серебристая (Ag – 0,1–1,0 % мас.); бронзы – мышьяковая (As – 1–4 % мас.), оловянная (Sn – 1–7 % мас.), никелевая (Ni – 1,0–5,0 % мас.). Такое разделение принято исходя из предположения, что примеси до 1 % являются естественными в руде, а более 1 % – возможно, искусственными. Классификация учитывает мнение металлургов, согласно которому к сплавам относятся металлы с содержанием сопутствующих компонентов более 1 % [Сучков, 1967].

Аркаим. Исследования состава металлических изделий из раскопа Аркаима и Большекараганского могильника показали, что большинство из них сделано из чистой меди. Примеси составляют менее 0,5 %. Несколько экземпляров шильев и ножей сделаны из мышьяковой бронзы (As – 1,1–2,8 %) и мышьяковистой меди (As – 0,13–0,88 %), а один предмет – из никелевой бронзы (Ni – 1,10 %). При этом включения корольков меди в шлаке представлены никелистой бронзой, мельхиором, чистой медью. Исходя из данных по составу шлаков и обломков руды можно предположить, что для медеплавильного производства в Аркаиме использовались малахитсодержащие серпентиниты, бурые железняки (зона окисления колчеданных месторождений) и хлорит-турмалиновые породы [Бушмакин, Зайков, 1998].

Синташта. В Институте археологии РАН (Москва) проанализирована коллекция из 70 металлических изделий с целью определения геохимических типов металла. Обработка результатов проведена Е.В. Зай-

ковой в 1995 г. Почти половина предметов (48 %) изготовлена из бронзы, в подавляющем большинстве мышьяковой, остальные – из мышьяковистой (34 %) и чистой меди. Присутствуют единичные изделия из оловянной бронзы, в основном представленные украшениями [Зайкова, 2000]. Это свидетельствует о преобладании среди использованных руд мышьяк содержащих разностей либо о легировании меди мышьяковыми минералами. Что касается оловянной бронзы, из которой сделаны украшения, то ее источником являются другие горно-металлургические центры, вероятнее всего Алтайский. Кроме оловянной присадки, металл этих изделий характеризуется резко повышенным (примерно в 100 раз) содержанием Pb и пониженным – Fe и Ni.

Куйсак. Два предмета с поселения, по данным микрозондового анализа, сделаны из чистой меди, а один нож – из оловянной бронзы (Sn – 4,49–6,11 %). Включения в шлаках – чистая медь.

Таким образом, на изученных объектах представлены преимущественно изделия из чистой и мышьяковистой меди, а также из мышьяковой бронзы, предметы из оловосодержащей бронзы редки и, видимо, являлись импортными.

Минералы – индикаторы минерального сырья для древней металлургии

Турмалин. Интерес к этому сложному боросиликату определился тем, что близ металлургических печей Аркаима были найдены обломки турмалинсодержащих руд, а подобные разности характерны для Еленовского рудника. Сравнительный анализ показал большое сходство образцов из Аркаима и Еленовки по облику, набору минералов и строению [Бушмакин, Зайков, 1998]. Турмалин в обоих случаях имеет практически идентичные химический состав и физические свойства и относится к ряду шерл-дравит с преобладанием дравитовой составляющей (табл. 2).

Валовый состав руд из Аркаима и Еленовского месторождения был исследован рентгенофлуоресцентным методом. Анализ показал, что концентрация меди в турмалинсодержащих рудах значительна и достигает 14 %. Это согласуется с большим количеством мельчайших выделений малахита, видимых под микроскопом в шлифах и полировках. На геохимических диаграммах фигуративные точки составов образцов из Аркаима находятся в поле составов еленовского материала. Для доказательства того, что турмалинсодержащие руды использовались древними металлургами, привлечен анализ химического состава шлаков.

В печах Аркаима металлургический процесс протекал при температуре 1 300–1 400 °С [Григорьев,

Русанов, 1995]. В таких условиях происходит термическое разрушение турмалина: при 950–960 °С выделяется бор в виде B_2O_3 , а при 1 100–1 350 °С минерал плавится [Минералы, 1981]. Освобождающийся при разложении минерала борный ангидрид благодаря своей высокой активности образует нерастворимые в меди соединения с другими элементами, переходящие в шлак [Сучков, 1967]. Поэтому, обнаружив бор в шлаке, можно уверенно говорить о присутствии в шихте боросодержащего компонента (в данном случае турмалина), концентрация которого в шихте может достигать десятков процентов, а ожидаемое количество бора в шлаке – десятые доли процента.

Для определения бора был выбран достаточно чувствительный приближенно-количественный спектральный анализ. Исследования выполнены с использованием специальных безборных углей Л.Н. Мариевой в лаборатории Уральской горно-геологической академии (Екатеринбург). Оказалось, что более половины проб шлака содержат бор в количестве сотые-десятые доли процента. Это может быть основанием для предположения о широком применении медных руд с турмалином.

Медные руды, использовавшиеся жителями Аркаима, имели, очевидно, различное происхождение, и только часть из них могла доставляться из Еленовки. Об этом месторождении, несмотря на результаты исследований, приходится говорить как о наиболее вероятном поставщике сырья, поскольку имеется возможность добычи подобных руд и в других местах. Например, обнажения турмалиносодержащих пород известны на Айдырлинском медно-колчеданном месторождении, расположенном в 60 км к югу от Аркаима, в подрудных серицит-кварцевых метасоматитах и зонах прокварцевания с сульфидами меди. Сведений о существовании древних выработок в пределах этой площади в настоящее время не имеется.

Тот факт, что жители Аркаима использовали редко встречающуюся боросодержащую медную руду, сомнений не вызывает. Не исключено ее использование

и другими обитателями “Страны городов”. Для доказательства этого необходимо выявить наличие бора в шлаках с поселений бронзового века на данной территории. Возможно также присутствие бора в металле, получаемом из боросодержащей шихты, т.к. данный элемент, хотя и в очень малом количестве (0,06 %), растворяется в меди [Самсонов и др., 1960].

Хромшпинелиды. К ним относится группа минералов со структурой шпинели и непостоянным химическим составом.

Нами изучен состав хромшпинелидов в шлаках трех археологических памятников Южного Урала: Аркаима, Синташты и Аландского. Целью исследований было определение типоморфных свойств хромшпинелидов в шлаках с поселений синташтинской культуры и сопоставление их с аналогами в рудах Ишкининского, Ивановского и Дергамышского месторождений [Григорьев, Дунаев, Зайков, 2005].

Хромшпинелиды шлаков. Изученные шлаки темно-серые, с неровным изломом, сложены главным образом пироксенами, оливином, медными корольками, хромшпинелидами и магнетитом. Структура микролитовая гипидиоморфно-зернистая, неравномерно-зернистая. Для пироксенов и магнетитов отмечены переходы от “нормальных” зерен к причудливым скелетным формам, которые приурочены к периферическим зонам кристаллов. Текстура массивная, однородная, в случаях наличия обломков серпентинитов – такситовая.

Во всех изученных шлаках хромиты эвгедральные и субгедральные, редко округлые, размер зерен 0,1–1 мм, часто встречаются силикатные включения. Магнетитовая кайма устанавливается во многих зернах шпинелей, ее толщина не превышает 75 мкм. В большинстве случаев кайма имеет простое строение, внутренние границы с хромшпинелидом ровные.

Хромшпинелиды из медных руд. Сульфидные апосерпентинитовые руды Ишкининского месторождения повсеместно содержат вкрапления эвгедральных и субгедральных хромшпинелидов октаэдрическо-

Таблица 3. Результаты микронзондового анализа хромшпинелидов из шлаков с поселений Аркаим, Синташта и Аландское

Номер аншлафа	Поселение	Кол-во анализов	Содержание, % (мас.)							
			MgO	Al ₂ O ₃	TiO ₂	V ₂ O ₃	Cr ₂ O ₃	MnO	FeO*	SiO ₂
Гр-750	Аркаим	2	11,99	13,00	0,21	–	55,11	–	20,52	–
656	»	12	8,31	13,27	0,07	–	51,34	0,32	26,33	0,11
726	»	8	7,66	13,32	–	–	52,06	–	26,49	0,78
Гр-4	Синташта	11	7,28	10,35	0,24	0,13	51,33	0,29	31,28	–
Гр-286	»	8	8,06	12,26	0,14	0,06	52,78	0,18	27,02	–
В11-51	Аландское	12	11,80	12,96	0,15	–	53,08	0,30	21,82	–

Примечание. Приведены средние значения. FeO* = Fe₂O₃ + FeO.

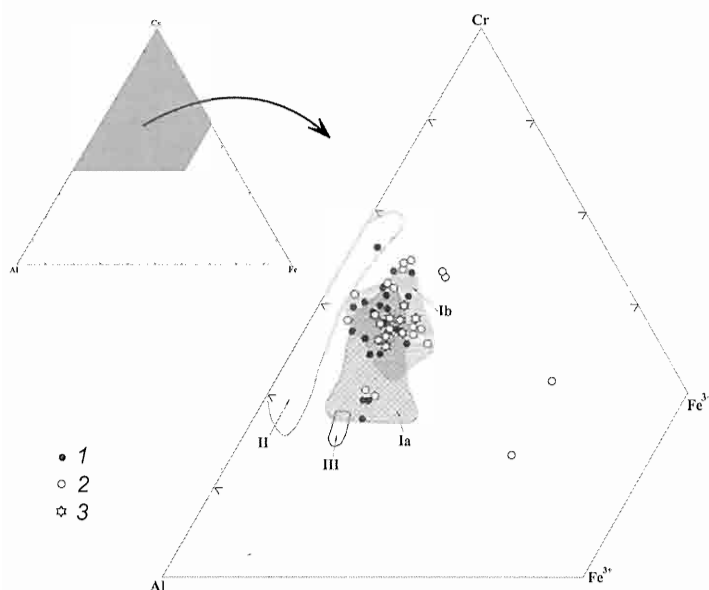

Рис. 10. Диаграмма составов хромшпинелидов из шлаков с поселений.

1 — Аркаим; 2 — Синташта; 3 — Аландское.

Поля составов хромитов: Ia — из колчеданных руд Ишкининского месторождения; Ib — из окисленных руд того же месторождения; II — из колчеданных руд Ивановского месторождения; III — из колчеданных руд Дергамышского месторождения.

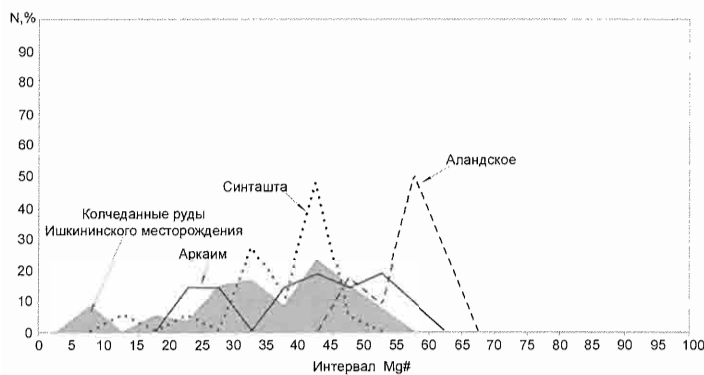
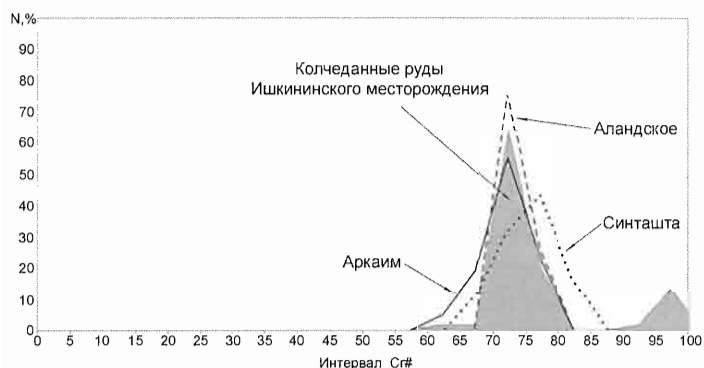

Рис. 11. Гистограммы распределений Cr# и Mg# для хромитов из шлаков с поселений Синташта (19 анализов), Аркаим (22 анализа), Аландское (12 анализов) и из колчеданных руд Ишкининского месторождения (62 анализа).

N — частота встречаемости.

го габитуса с преобладающими размерами 0,5–1,0 мм. Содержание зерен от 1 до 4 % объема. Для них характерны магнетитовая и хроммагнетитовая каймы толщиной десятки микрон и округлые включения силикатного материала расплавной природы. В малахитосодержащих рудах из зоны окисления хромшпинелиды аналогичны.

Хромшпинелиды Ивановского месторождения близки по морфологии и размерам, но практически не содержат силикатных включений и для них не свойственны магнетитовые каймы. В рудах Дергамышского гидротермально-осадочного месторождения включения хромшпинелидов единичны, они имеют размеры 0,1–0,3 мм.

Особенности химического состава хромшпинелидов. Для корректности сравнения анализировались только центральные части зерен, в удалении от магнетитовых и хроммагнетитовых кайм [Мелекесцева и др., 2001; Дунаев, Чуринов, 2003]. Результаты микрозондовых исследований приведены в табл. 3.

Сопоставлен состав хромшпинелидов трех охарактеризованных месторождений и хромитов из исследуемых шлаков. Установлено практически полное сходство хромитов из шлаков с хромшпинелидами колчеданных и окисленных руд Ишкининского месторождения (рис. 10). Хромиты Ивановского месторождения отличаются более низким содержанием трехвалентного железа. Хромшпинелиды Дергамышского месторождения относительно глинозemiстые по сравнению с хромитами из шлаков, однако в нашем распоряжении были результаты только пяти анализов.

Таким образом, можно выделить один объект для более детального сравнения — Ишкининское месторождение. Дополнительно были построены гистограммы распределений хромистости ($Cr\# = Cr \cdot 100 / (Cr + Al)$) и магнезиальности ($Mg\# = Mg \cdot 100 / (Mg + Fe^{2+})$) хромитов из шлаков трех поселений и руд этого месторождения (рис. 11). Значения Cr# хромшпинелидов из шлаков и руд Ишкининского месторождения практически полностью совпадают. По параметру Mg# наблюдается широкий диапазон колебаний, однако он находится в общих пределах, исключая Аландское поселение. Для хромитов из шлаков с этого памятника характерны более магнезиальные разности.

На основании геологических и минералогическо-геохимических данных можно сделать вывод, что важным источником медных руд для металлургов Синташты и Аркаима было Ишкининское месторождение. Во-первых, близка морфология зерен хромшпинелидов из шлаков с этих поселений и руд месторождения: типичными являются эвгедральные кристаллы с магнетитовыми и хроммагнетитовыми каймами, характерны округлые силикатные включения расплавной природы. Во-вторых, хромшпинелиды из шлаков и руд имеют близкий состав и относятся в большинстве случаев к субферриально-мохромитам, алюмохромитам и хромитам. В-третьих, судя по остаткам карьеров, на Ишкининском месторождении добыча апосерпентинитовых руд имела значительный масштаб. На Дергамышском и Ивановском месторождениях такие руды в зоне окисления менее характерны и объем выработок был на порядок меньше. Что касается Аландского поселения, в шлаках с которого хромшпинелиды более магнезиальные, то, вероятно, здесь использовали руды другого месторождения. Это поселение располагается вблизи крупных гипербазитовых массивов, на которых проводилась интенсивная разработка никеленосных кор выветривания, и следы древних рудников могли быть уничтожены.

Заключение

1. Древние рудники по добыче меди на Южном Урале были приурочены к зонам окисления различных типов медной минерализации: а) никельсодержащих прожилково-вкрапленных и массивных руд в глубоких ультраосновных породах (серпентинитах); б) цинксодержащих колчеданных залежей в вулканических породах; в) прожилково-вкрапленных руд в гранатсодержащих и турмалиносодержащих породах, сульфидно-кварцевых и карбонатных жил. Руду добывали открытым способом, карьеры были пройдены до уровня грунтовых вод и имели глубину ок. 10 м. Общее количество добытой в изученных рудниках меди оценивается в несколько сотен тонн.

2. Результаты минералогическо-геохимических и петрографических исследований руд, шлаков, металлов с археологических объектов дают важную и в ряде случаев принципиально новую информацию. Такие возможности открыты в связи с совершенствованием аппаратурной базы, применением рентгеноспектрального анализа (микронзонда) при изучении металлических изделий. Установлено, что на изученных объектах представлены преимущественно изделия из чистой и мышьяковистой меди, мышьяковой бронзы. Предметы из оловосодержащей бронзы редки и, по-видимому, являлись импортными. Это подтверж-

дается детальным анализом подобных изделий из Синташты, в металле которых значительно выше (примерно в 100 раз) содержание свинца, больше сурьмы и меньше железа и никеля.

Исследование типоморфных свойств индикаторных минералов – турмалина и хромшпинелидов – дает важную информацию при определении источников сырья для древней металлургии. Усовершенствование предложенного метода возможно за счет более детальной характеристики морфологии и размеров зерен, выявления микрогеохимической зональности, исследования силикатных включений в хромитах.

4. Необходимо продолжить поиски древних рудников по добыче медных и золотых руд. В числе первоочередных площадей можно назвать Айдырлинское рудное поле, где известно одноименное медно-колчеданное месторождение. Этот район примыкает к Аландскому поселению, на котором выявлены признаки медно-металлургического производства.

Список литературы

- Бушмакин А.Ф., Зайков В.В. Еленовское медно-турмалиновое месторождение – вероятный источник руды для медеплавильного производства Аркаима // Уральский минералогический сборник. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 1998. – № 7. – С. 223–232.
- Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: Рифей, 2000. – С. 444–531.
- Григорьев С.А. Исследование хромшпинелидов и проблема рудной базы синташтинской металлургии // Изв. Челябинского научного центра. – 2003. – Вып. 3. – С. 56–60.
- Григорьев С.А., Дунаев А.Ю., Зайков В.В. Хромшпинелиды как индикатор источника медных руд для древней металлургии // Докл. РАН. – 2005. – Т. 400, № 2. – С. 234–238.
- Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: ТО “Каменный пояс”, 1995. – С. 147–158.
- Дунаев А.Ю., Чуринов Е.И. Аксессуары хромшпинелиды из ультраосновных пород Ишкининского кобальт-медно-колчеданного месторождения (Южный Урал) // Металлогения древних и современных океанов. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2003. – С. 183–188.
- Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 1999. – № 9. – С. 186–205.
- Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М. Медный рудник бронзового века “Воровская яма” на Южном Урале //

Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конференции. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – С. 157–162.

Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М. Воровская яма – новый рудник бронзового века // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2000. – С. 112–130.

Зайков В.В., Масленников В.В., Зайкова Е.В., Херрингтон Р. Рудно-формационный и рудно-фациальный анализ колчеданных месторождений Уральско-го палеоокеана. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2001. – С. 315 с.

Зайкова Е.В. Геохимические типы меди и бронз в металлических изделиях поселения Синташта // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2000. – С. 104–111.

Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – С. 21–43.

Иессен А.А. О древней добыче золота на Урале // 200 лет золотой промышленности Урала. – Свердловск: Изд-во Ур. фил. АН СССР, 1948. – С. 5–34.

Кузьмина Е.Е. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // КСИА. – 1962. – Вып. 88. – С. 84–92.

Мелекесцева И.Ю., Зайков В.В. Руды Ишкининского кобальт-медно-колчеданного месторождения. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2003. – 122 с.

Мелекесцева И.Ю., Зайков В.В., Тесалина С.Г., Оже Т. Хромшпинелиды в сульфидных рудах в ультрамафитах Главного Уральского разлома // Уральский минералогический сборник. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2001. – № 11. – С. 180–189.

Минералы: Справочник. – М.: Наука, 1981. – Т. 3, вып. 2. – 614 с.

Самсонов Г.В., Марковский Л.Я., Жигач А.Ф., Вальяшко М.Г. Бор, его соединения и сплавы. – Киев: Изд-во АН УССР, 1960. – 590 с.

Сучков Д.И. Медь и ее сплавы. – М.: Metallurgizdat, 1967. – 248 с.

Фирсов В.Я., Мартынова В.Н. Медь Урала. – Екатеринбург: Ур. гос. техн. ун-т; Ур. гос. пед. ин-т, 1995. – 296 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Черных Е.Н. Древнейшее горно-металлургическое производство на границе Европы и Азии: Каргалинский центр // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 11. – С. 88–106.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Юминов А.М., Зайков В.В. Горные разработки в бронзовом веке на Ишкининском медном руднике // Уральский минералогический сборник. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2002а. – № 12. – С. 220–228.

Юминов А.М., Зайков В.В. Освоение меднорудных месторождений среди офиолитов Южного Урала в бронзовом веке // Металлогения древних и современных океанов: Формирование и освоение месторождений в офиолитовых зонах. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2002б. – С. 232–238.

Zaykov V.V., Yuminov A.M., Bushmakina A.Ph., Zaykova E.V., Tairov A.D., Zdanovich G.B. Ancient Copper Mines and Products from Base and Noble Metals in the Southern Urals // J. of Indo-European Studies Monograph Series 46: Complex Societies of Central Eurasia from 3rd to the 1st millennium BC. – Wash., 2002. – Vol. 2. – P. 417–442.

Материал поступил в редколлегию 18.10.04 г.

УДК 903.5

С.Г. Росляков

Дворец творчества детей и учащейся молодежи "Юниор"
 ул. Кирова, 44а, Новосибирск, 630102, Россия
 E-mail: serggorg@sibnet.ru

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК САНАТОРНЫЙ-1 И ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Период развитого средневековья в истории юга Западной Сибири является наиболее важным этапом в формировании современных коренных народов, проживающих на этой территории. В начале II тыс. н.э. в Новосибирском Приобье происходит смена населения. Исчезает существовавшая здесь в течение тысячелетия культура лесных угро-самодийских племен, регион входит в обширный ареал тюркского этноса.

Большое значение для исследования проблем културогенеза имеют погребальные памятники. В последнее десятилетие на правом берегу Оби в районе г. Новосибирска полностью исследованы два курганных могильника, относящихся к предмонгольскому времени: Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 [Новиков, 1998; Росляков, 2001]. Особый интерес представляет могильник Санаторный-1 (рис. 1). В результате работ отряда юных археологов Дворца творчества детей и учащейся молодежи "Юниор" г. Новосибирска под моим руководством на могильнике исследовано 27 курганов. Под насыпями на уровне почвы и в почве выявлено 151 погребение взрослых и детей. С учетом особенностей инвентарного комплекса и результатов радиоуглеродного датирования, проведенного в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН Л.А. Орловой, время функционирования могильника Санаторный-1 может быть ограничено XI – серединой XIII в.

Културная принадлежность памятников первой половины II тыс. н.э. на юге Западной Сибири исследователями в настоящее время определяется по-разному. Могильники X–XII вв. в лесостепном Приобье, включая Новосибирское Приобье и Кузнецкую котловину, ряд археологов относит к локальным вариантам сrostкинской культуры или сrostкинской куль-

турной общности [Могильников, 2002б; Неверов, Горбунов, 2001]. По археологическим материалам лесостепного Алтая XIII–XIV вв. выделена кармацкая культура [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 143]. По мнению Д.Г. Савинова, собственно сrostкинских памятников второй половины XI–XII в. на Северном Алтае не известно [1994, с. 155]. Носители сrostкинской культуры в основной своей массе покинули эту территорию. На Северный Алтай пришла новая группа населения, културные традиции которой отличны от сrostкинских. Значительная часть носителей сrostкинской культуры продвинулась вниз по Оби на север лесостепного Приобья. А.А. Адамовым памятники Новосибирского Приобья X–XIV вв. отнесены к сrostкинской культуре [2000]. В материалах средневековых курганов могильника Быстровка-1 А.П. Бородовский усматривает черты култур как кимако-кыпчаков, так и печенегов [Бородовский, Троицкая, 1998]. А.В. Новиков на основе погребально-поминальных комплексов Ташара-Карьер-2 и Осинки выделил осинкинский тип памятников [Новиков, 1998, с. 51]. Л.М. Плетнева считает, что сrostкинская культура закончила свое существование в XI в. [1997, с. 123]. Ее наследие на территории Томского Приобья вошло в новую культуру, басандайскую, ареал которой охватывает Нижнее и, возможно, Среднее Притомье, а также Новосибирское Приобье. Поминально-погребальные комплексы начала II тыс. н.э. в Кузнецкой котловине, по мнению А.М. Илюшина, представляют локальный вариант этой культуры. Материалы развитого средневековья с территории всего Верхнего Приобья он интерпретирует как относящиеся к единой басандайской этнокултурной общности [Илюшин, 1998].

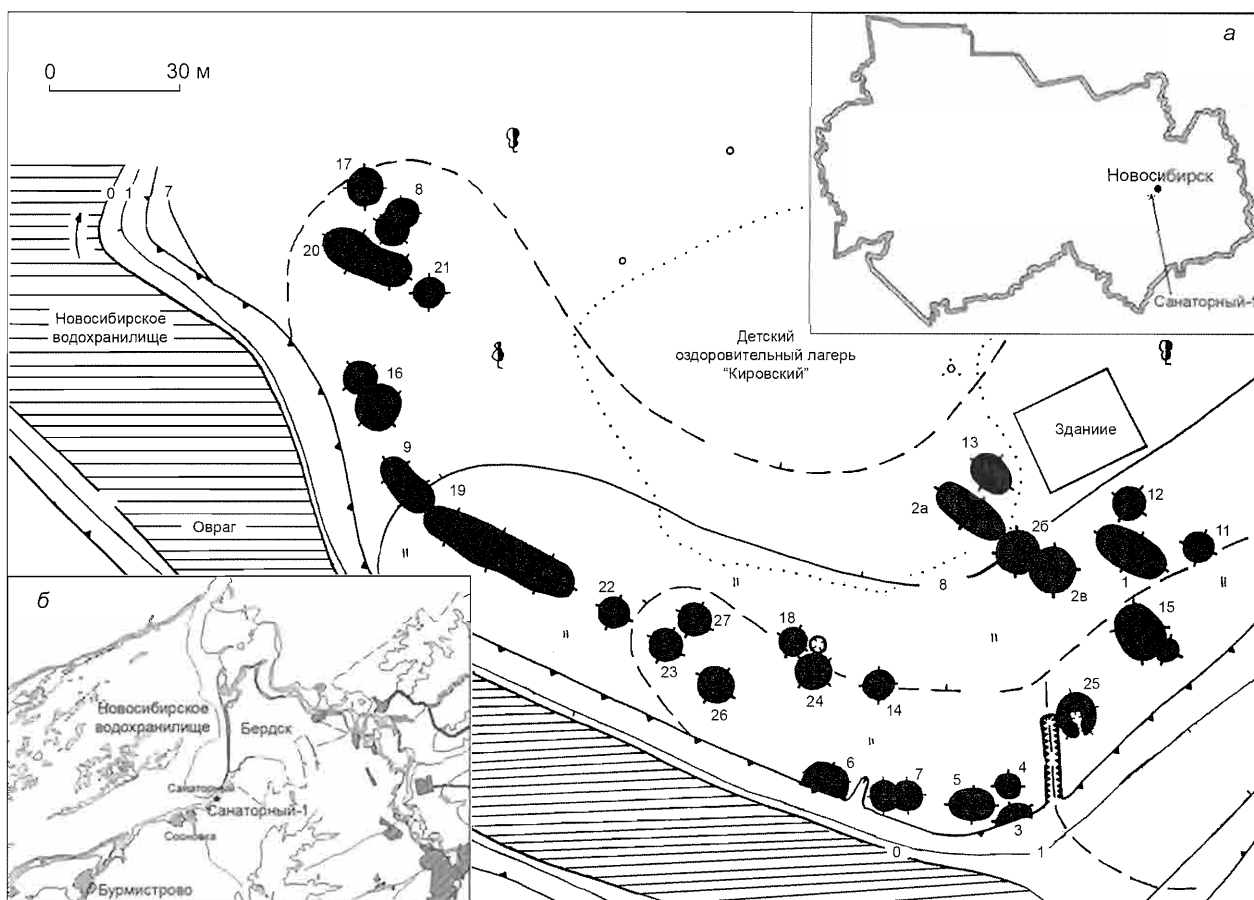

Рис. 1. План курганного могильника Санаторный-1.

На врезках показано расположение памятника в Новосибирской обл. (а) и Искитимском р-не НСО (б).

В отношении памятников Новосибирского Приобья первой половины II тыс. н.э. наиболее развернуто представлена точка зрения А.А. Адамова [2000, 2002]. Согласно предложенной им периодизации сrostкинской культуры Новосибирского Приобья, она появляется здесь в середине X в. [Адамов, 2002, с. 12] и без значительных изменений существует до XIV в., а возможно и до XVII в. [Там же, с. 16]. В ее ареал включены Новосибирское, Барнаульское, Томское Приобье и Кузнецкая котловина [Адамов, 2000, с. 82]. По моему мнению, со сrostкинской культурой на территории Новосибирского Приобья можно связывать погребальные комплексы конца I – начала II тыс. н.э. (три кургана могильника Ордынское-1, два Быстровки-1, курган Старый Шарал, погребения Крохалевки-13, могильник Березовый Остров-1). Об этом свидетельствует высокая степень сходства погребального обряда, керамики, предметного комплекса с таковыми на сrostкинских памятниках I тыс. н.э. Появление сrostкинцев в южно-таежной подзоне Западной Сибири относится к началу II тыс. н.э. К условно сrostкинским можно причислить Еловский и Усть-Киндинский могильники в Томском Приобье.

На это указывают некоторые особенности погребального обряда и инвентарного комплекса [Матющенко, Старцева, 1970; Чиндина, 1992]. К востоку от Новосибирского Приобья на территории Кузнецкой котловины сrostкинские традиции отмечены в материалах могильников начала II тыс. н.э. Калтышино-1, Шанда и Беково [Илюшин, 1993, с. 26–37; Савинов, 1997].

Со следующим периодом существования сrostкинской культуры на территории Новосибирского Приобья (XII – первая половина XIII в.), по мнению А.А. Адамова, связаны могильники Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2. С его точки зрения, абсолютная культурная преемственность прослеживается в погребальном обряде и керамическом комплексе. Качественные изменения в инвентаре, особенно в составе украшений, не свидетельствуют о смене населения на верхней Оби в XII в. [2002, с. 13].

Как показал сравнительный анализ погребальных комплексов Санаторного-1 и других могильников Новосибирского Приобья, о культурном единстве здесь можно говорить только в связи с памятником Ташара-Карьер-2. Достаточно близок им по погребальному обряду могильник Басандайка в Томском

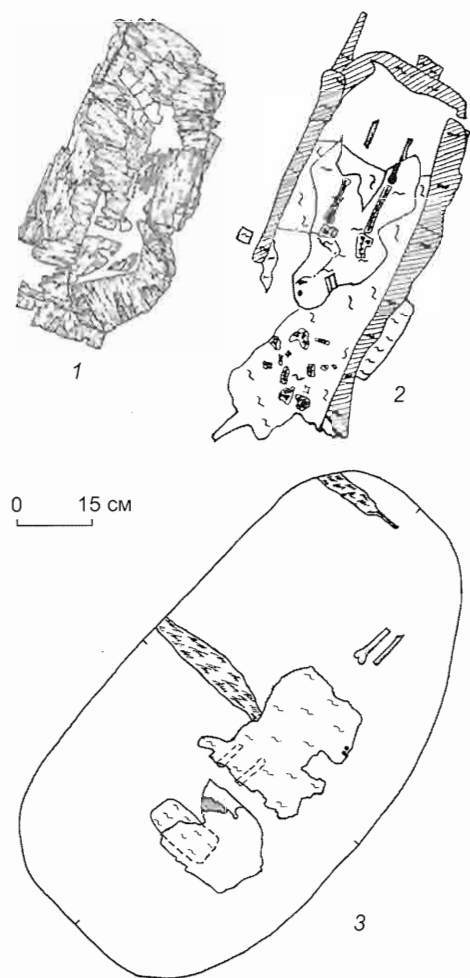

Рис. 2. Детские погребения.

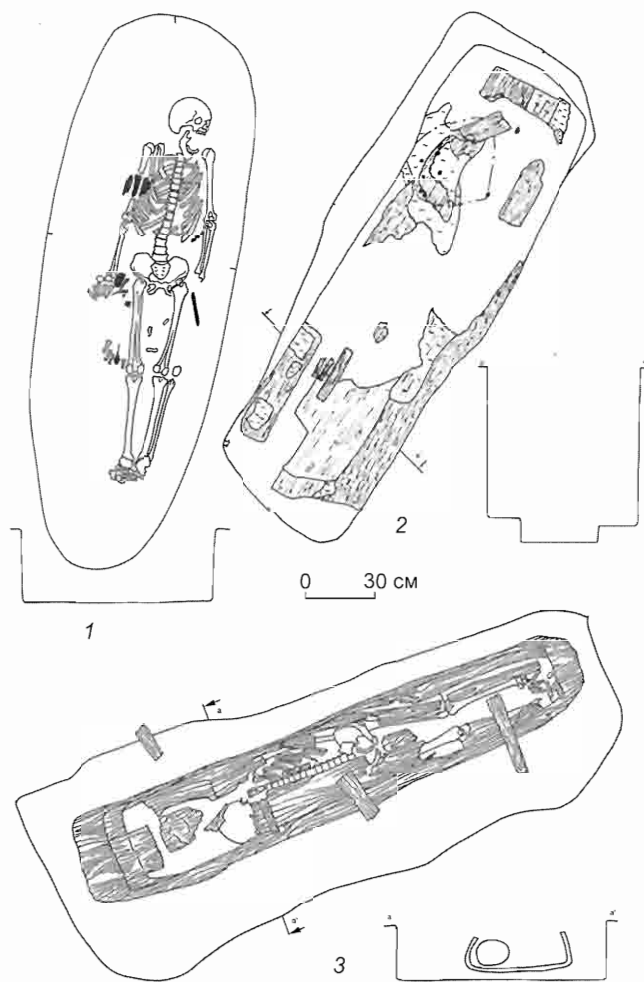

Рис. 3. Погребения взрослых.

Приобье. При сравнении материалов этих памятников и погребений X–XI вв. в Верхнем Приобье наблюдаются как значительное сходство, так и существенные различия. И если сходство обусловлено участием в этнокультурном процессе в первой трети II тыс. н.э. на территории Новосибирского Приобья носителей сrostкинской культуры, то отличия связаны с другими культурными традициями. С сrostкинскими погребальными обычаями можно соотнести преимущественно одиночные захоронения, помещение умерших в простую яму, северо-восточную ориентировку, использование берестяных “саванов” (рис. 2, 1) и подстилок (рис. 2, 3), колод (рис. 3, 2, 3), деревянных настилов и перекрытий могил, помещение в могилу коня (рис. 4), надмогильные сооружения [Савинов, 1994, с. 91, 96, 99], деревянные срубы или рамы на уровне почвы (рис. 5), вертикальные столбы рядом с погребениями. Также для погребальной практики сrostкинской культуры характерно совершение действий, свидетельствами которых являются кострища, разрозненные кости животных и разбитые сосуды, скопления черепов и отдельные черепа лоша-

дей на погребенной почве. Встречается на сrostкинских погребальных памятниках расположение под одной насыпью до пяти могил, размещенных в один ряд параллельно друг другу [Там же, с. 91]. Многие из приведенных выше черт характерны и для культуры кимаков [Могильников, 2002а, с. 67–82; Савинов, 1994, с. 80–83].

К культурным традициям, не относящимся к традиционному сrostкинскому, на могильнике Санаторный-1 имеют отношение ориентировка погребенного, отличная от северо-восточной с отклонениями (см. рис. 2, 2; 3, 3; 4, 3, 5), размещение погребения в яме с уступами (см. рис. 3, 2), с подбоем (см. рис. 4, 5), помещение умершего в дощатый гроб, колоду с продольным перекрытием (см. рис. 3, 2), в берестяной короб с берестяной крышкой или без нее, но обернутый в берестяное полотно (см. рис. 2, 1), использование в качестве опоры для тела поперечных (иногда обожженных) плашек (см. рис. 2, 3). Кроме того, к особенностям погребальной практики, выявленным на могильнике, относятся разнообразие вариантов захоронения с человеком коня (см. рис. 4, 1–3, 5),

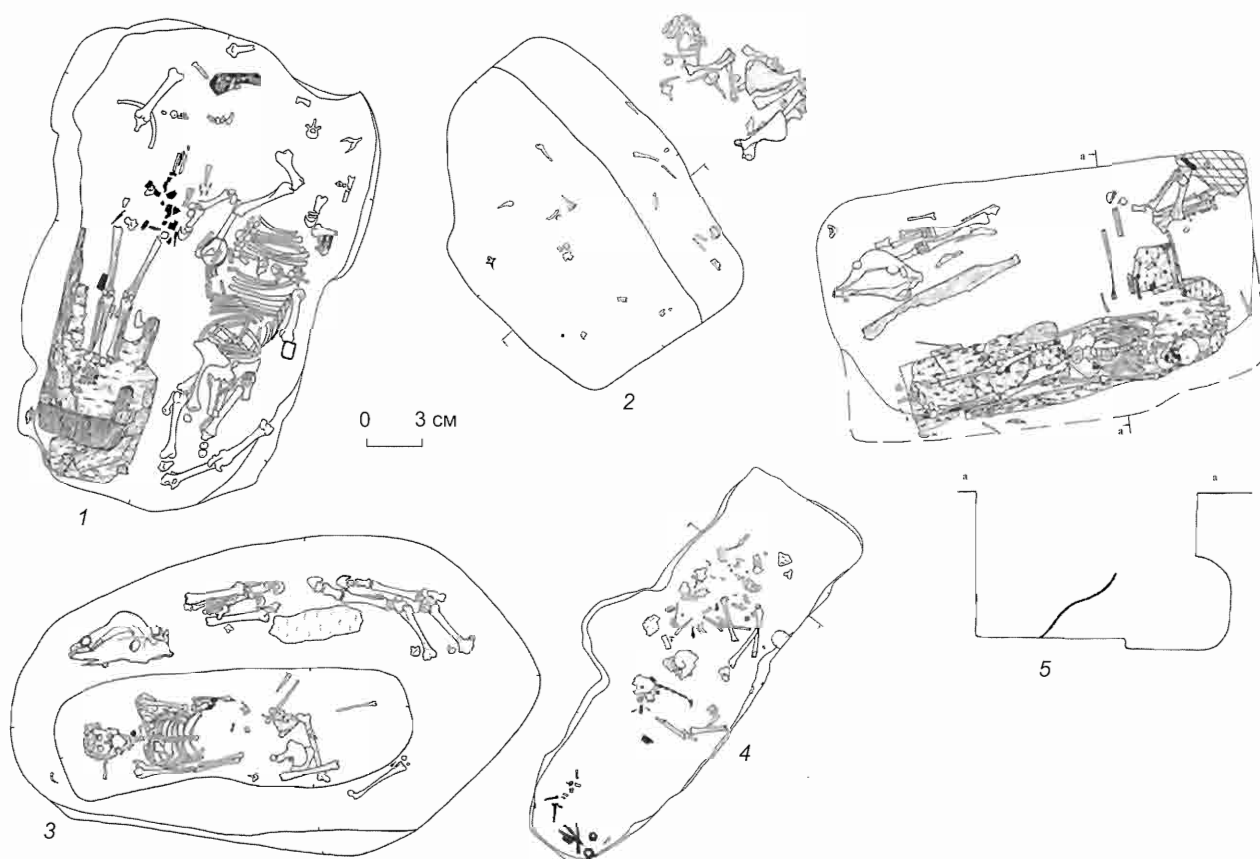

Рис. 4. Погребения с конем и конской упряжью.

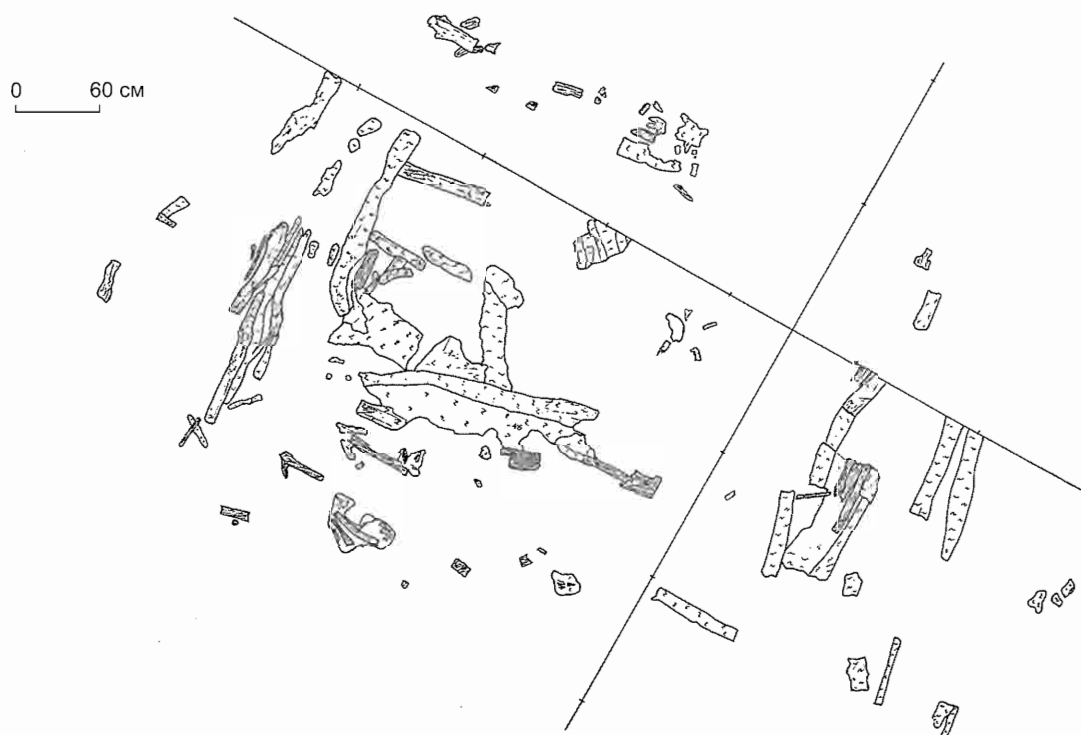

Рис. 5. Остатки деревянной рамы в кург. 19.

Рис. 6. Раскоп кург. 20. Фото С.Г. Рослякова.

размещение предметов конской упряжи в погребении и рядом с могилой на уровне почвы (см. рис. 4, 4), отсутствие в могилах следов погребальной пищи в виде костей животных и керамических сосудов. Яркой особенностью могильника Санаторный-1 являются вытянутые, “длинные” курганы с несколькими погребениями (до 27), расположенными в один ряд относительно параллельно друг другу поперек длинной оси насыпи (рис. 6).

Такие черты погребальной практики, как помещение умершего в колоду, устройство в могильной яме уступов, подбоя, размещение в погребении в ногах или под насыпью, вне погребения человека или коня деталей конской упряжи, находят аналогии в погребальных обычаях кимаков северо-западных предгорий Алтая, Верхнего и Среднего Прииртышья [Археологические памятники..., 1987, с. 115–243; Арсланова, 1968; Могильников, 2002а, с. 67–81; Савинов, 1994, с. 80–83]. Создание “длинных” курганов в качестве семейных усыпальниц также характерно для кимаков. Наибольшее количество погребенных под одной насыпью у кимаков – 11, как взрослых, так и детей. Могильные ямы расположены параллельно друг другу, поперек насыпи. Зафиксированы захоронения на древней дневной поверхности [Арсланова, 1987, с. 51–63]. Сооружение могильных ям с уступами вдоль одной или двух продольных стен, использование колод в качестве дополнительных внутримогильных конструкций отмечены у половцев [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 250].

Отдельно необходимо остановиться на сопогребении человека и коня. На могильнике Санаторный-1

представлены разные варианты данного типа захоронения. Для культур I тыс. н.э. Новосибирского и Томского Приобья погребения с конем нетипичны и редки. Однако такие захоронения в различных вариантах характеризуют археологическую культуру кимаков Прииртышья и сrostкинскую Западного, Северного Алтая, Барабы и Кузбасса [Савинов, 1994, с. 78–100]. Наиболее разнообразны они в погребальном обряде кимаков Верхнего Прииртышья. Здесь встречены сопогребения человека и целого коня, захоронения человека со шкурой (“чучелом”) коня, погребение коня в отдельной яме, размещение конского снаряжения в ногах умершего. На некоторых могильниках представлено несколько вариантов сопогребения человека и коня [Там же, с. 80–82]. На рубеже I и II тыс. н.э. ситуация меняется. В Казахстане, Средней Азии, Барабе и на Северном Алтае захоронения в сопровождении коня, относящиеся к этому времени, не зафиксированы. Так, в Верхнем Прииртышье и на Северном Алтае в погребениях находят только отдельные кости коня (череп, ребро, голень) и детали конской упряжи [Арсланова, 1968, с. 111; Ефремов, 2002, с. 103]. Стремя и удила обнаружены на погребенной почве в кургане могильника Осинцево IV в Барабе [Бараба..., 1988, с. 98]. Скопления предметов конской упряжи в насыпи курганов и размещение ее деталей в могиле отмечены в погребальном обряде кочевого населения Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996, с. 102, 136]. Эта традиция сохраняется и в XIII–XIV вв. [Там же, с. 137].

Иная ситуация складывается в начале II тыс. н.э. к северу от Алтая. В Кузнецкой котловине на памят-

никах XI–XII вв. преобладают погребения коня в отдельной яме [Илюшин, 1993, с. 30; Илюшин, Сулейменов, 1998, с. 79–106]. На Томи зафиксированы захоронения человека с целым конем в одной могиле [Матющенко, Старцева, 1970; Чиндина, 1992]. В погребениях XII–XIV вв. в Притомье встречены исключительно черепа и кости конечностей коня, а также конская упряжь, которую клали в ногах покойного [Плетнева Л.М., 1997, с. 75–76, 126]. В Новосибирском Приобье на всем протяжении X–XIV вв. существовал обычай захоронения как с целым конем в отдельной яме (Березовый Остров, Ельцовское-1, Ташара-Карьер-2), так и с “чучелом” (шкурой) коня в одной могиле (Быстровка-1, Высокий Борок и Ельцовское-1) [Адамов, 2000, с. 17–24].

Как сказано выше, наибольшая вариабельность погребений с конем отмечена у населения конца I тыс. н.э. Верхнего Прииртышья и сопредельных территорий. В.А. Могильников полагает, что западно-алтайские и верхнеиртышские захоронения с “чучелом” коня принадлежат огузам, а с конем и без коня – кимакам или кимако-кыпчакам [2002а, 123–125]. С.М. Ахинжанов считает погребения с конем и шкурой коня кимакскими [1987, с. 244]. А.П. Бородовский связывает захоронения с шкурой коня Быстровки-1 с печенегами [Бородовский, Троицкая, 1998, с. 79]. На могильнике Санаторный-1 выделяется одно погребение с “чучелом” коня (см. рис. 4, 3). Захоронение женщины совершено в неглубокой яме, вырытой в дне большой ямы, в которой размещались голова и конечности коня. Погребенная и уложенное на левый бок слева от нее “чучело” были ориентированы головой на запад. Подобные погребения конца IX–XI в. в восточно-европейских степях разными исследователями определяются как печенежско-торческие (огузские) [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 248; Степи Евразии..., 1981, с. 218; Федоров-Давыдов, 1966, с. 134, 141]. Восточную ориентировку погребенных, сопребение человека и целого коня, иногда ориентированных в противоположные стороны, захоронение коня в отдельной яме традиционно связывают с половцами [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 250–251; Степи Евразии..., 1981, с. 218; Федоров-Давыдов, 1966, с. 145–147].

Значительный интерес вызывает сочетание на могильнике Санаторный-1 погребения с конем и такого элемента погребальной постройки, как подбой. Захоронения в подбое в последнее время выявлены на ряде памятников развитого средневековья на юге Западной Сибири [Кузнецов, 2001; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 126]. На сопредельных территориях до сих пор единичные случаи были известны на могильнике Бичикту-Бом в Горном Алтае и в курганах кипчаков Ждановского могильника XI–XII вв. в Павлодарском Прииртышье [Берс, Худяков, 1994, с. 64;

Степи Евразии..., 1981, с. 192]. У западных кипчаков – половцев подобные захоронения появляются в золотоордынское время, после прихода в Поволжье монголов и других племен с востока [Федоров-Давыдов, 1966, с. 160]. В предшествующую эпоху сочетание подбоя и сопроводительного захоронения коня или его “чучела” известно в погребальных памятниках кимаков Верхнего Прииртышья, тюрок Тянь-Шаня, реже встречается в погребениях тюркского времени в Кулунде [Археологические памятники..., 1987, с. 245; Могильников, 2002а, с. 76; Савинов, 1994, с. 82–83, 100; Табалдиев, 1996, с. 19–20]. Подобные захоронения обнаружены на тюркских памятниках Центральной Азии: в Горном Алтае, Монголии, Хакасии [Овчинникова, 1984, с. 215–216]. Больше всего их известно в Туве периода уйгурского владычества [Там же, с. 220]. Большинство исследователей связывают устройство подбоев в погребениях тюрок с влиянием уйгуров. По мнению Д.Г. Савинова и В.А. Могильникова, уйгуры могли принимать участие в формировании культур кимаков и населения Кулунды конца I тыс. н.э. [Могильников, 1988, с. 66; Савинов, 1994, с. 100]. Иную точку зрения высказал С.М. Ахинжанов. Он связал этот обряд “с выходцами из глубин Центральной Азии, где наряду с тюркоязычными обитали и монголоязычные этносы” [Ахинжанов, 1987, с. 246]. Однако, как отмечает К.Ш. Табалдиев, для Тянь-Шаня захоронения в подбоях были характерны и в предтюркскую эпоху [1996, с. 24].

Так или иначе, в погребальной практике населения, оставившего могильник Санаторный-1, присутствуют ярко выраженные черты культуры кимаков или иной группы кочевников Казахстана, связанной с кимаками.

Из предметов, найденных на могильнике Санаторный-1, к сrostкинскому комплексу можно отнести деталь бронзовой застежки, позолоченные бляшки и бляху-оправу с растительным орнаментом (рис. 7, 2, 3, 7). Однако двусоставные бронзовые застежки были широко распространены у населения степи и лесостепи с IX по XII в., особенно у кимаков [Адамов, 2000, рис. 34; Могильников, 2002а, с. 133; Чиндина, 1992, рис. 2]. Крыловидные бляхи и бляшки с растительным орнаментом более характерны для кимакского предметного комплекса [Могильников, 2002а, рис. 48, 218; Савинов, 1994, табл. XI, XII]. Дальнейшим развитием кимакской традиции можно считать найденные на могильнике Санаторный-1 железные застежку, парные сердцевидные поясные бляшки на шпильках и листовидные пластины с зубцами (рис. 7, 4, 5, 8) [Алехин, 1998, рис. 1; Могильников, 2002а, рис. 106]. Гораздо больше сrostкинских предметов, в основном украшений и деталей поясной гарнитуры, в материалах Басандайки [Басандайка, 1947, табл. 30,

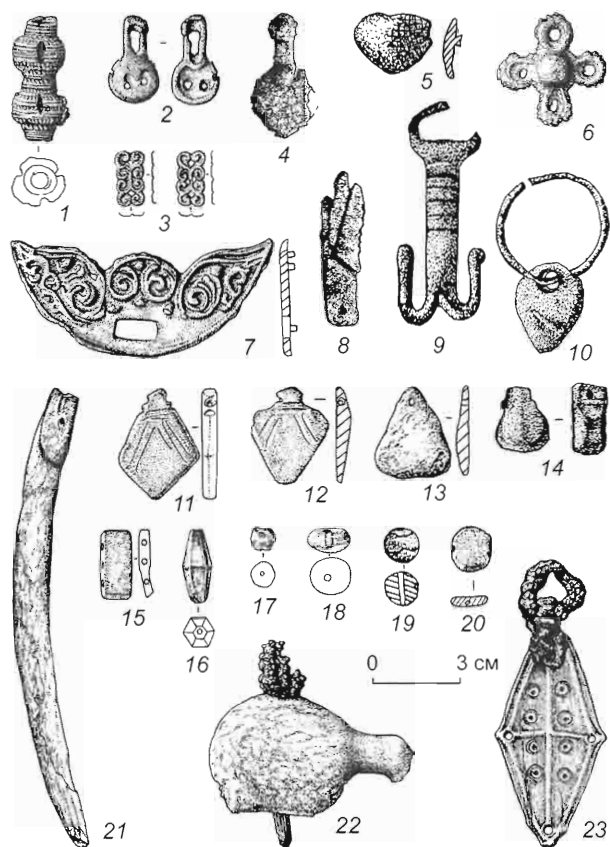

Рис. 7. Находки из погребений.

1 – пронизка; 2, 4 – застёжки; 3, 5 – бляшки; 6, 7 – бляхи; 8 – пластина с зубцами; 9 – крюк для крепления голенища сапог; 10–14, 23 – подвески; 15–20 – бусины; 21 – кочедык; 22 – навершие рукояти плети.

1, 2, 6, 7, 9 – бронза; 3 – серебро с позолотой; 4, 5, 8 – железо; 10 – серебро, лазурит; 11, 12, 15 – лазурит; 13 – створка раковины; 14 – янтарь; 16, 17 – сердолик; 18 – хрусталь; 19, 20 – стекло; 21 – рог; 22, 23 – рог, железо.

39, 50 и др.]. На могильниках Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 представлен комплекс украшений, включающий лазуритовые подвески, сердоликовые и стеклянные бусы, височные кольца с дисками из стекла и лазурита, перламутровые подвески и подвески из веточек коралла, украшения из янтаря, бронзовые подвески (рис. 7, 10–20) [Новиков, 1998, с. 51]. Наиболее полный аналог данного набора предметов известен в материалах Басандайки [Басандайка, 1947, табл. 40, 48, 49 и др.]. Достаточно близкие параллели обнаруживаются в инвентаре могильника Осинки и других, пока единичных погребений Алтая первой трети II тыс. н.э. (Бичикту-Бом и Малый Гонбинский Кордон-1) [Берс, Худяков, 1994, рис. 3–5; Кунгуров, 1993, рис. 1, 2; Савинов, Терехин, 1972, с. 47]. Подобный комплекс украшений хорошо известен по материалам погребений кочевников южно-русских степей [Артамонова, 1963, рис. 59–71; Плетьева С.А., 1973, табл. 12]. Наиболее яркой составляющей этого комплекса явля-

Рис. 8. Фрагмент зеркала.

ются лазуритовые подвески. В Западной Сибири они представлены на ряде памятников правобережья Оби, а также Горного Алтая [Басандайка, 1947, табл. 48, 59, 62 и др.; Берс, Худяков, 1994, рис. 3; Кунгуров, 1993, рис. 2; Новиков, 1998, с. 51; Савинов, Терехин, 1972, с. 47]. В Восточной Европе лазуритовые подвески найдены в погребениях кочевников X–XII вв. от Прикаспия до Киевщины, а также в Крыму [Макарова, 1962, рис. 2]. Кроме того, они обнаружены в слое городища Саркел – Белая Вежа в Поволжье [Там же]. Большинство из этих памятников связано с торко-печенегами и половцами. Среди восточно-европейских древностей предмонгольского периода имеются также аналоги бронзового зеркала с дугообразным орнаментом, крыловидной и четырехлепестковой ажурной блях, навершия плети (рис. 7, 6, 7, 22; 8) [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 3, 8, 12, 13]. Зеркало на могильнике Санаторный-1 обнаружено в погребении женщины, похороненной в соответствии с печенежско-огузской традицией захоронения с конем. С культурой половцев (кыпчаков) памятник связывают крюки для крепления длинных голенищ сапог (см. рис. 7, 9) [Адамов, 2000, с. 59, 84].

Обнаруженные на могильнике Санаторный-1 следы обожжения трупов перед захоронением или во время него, разведения костра в могильной яме, угли в ее заполнении зафиксированы также на Басандайском курганном могильнике XI–XIII вв. в Притомье и ряде погребальных памятников Кузнецкой котловины [Бояршинова, 1947, рис. 157–159; Илюшин, 1999, с. 55–56, 63; Илюшин, Сулейменов, 1998, с. 79–106]. А.М. Илюшин связывает данную традицию с верхнеобской культурой [Илюшин, 1999, с. 74]. Действительно, наряду с полным трупосожжением, на памятниках этой культуры в Новосибирском и Том-

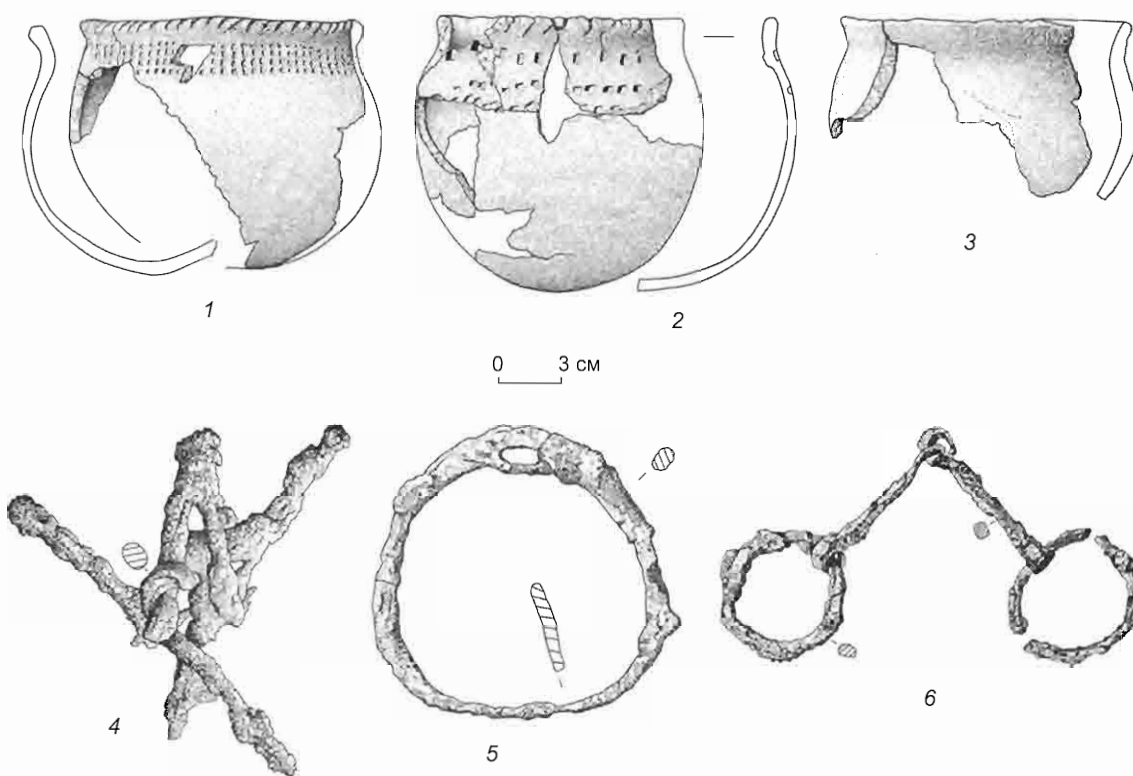

Рис. 9. Керамика (1–3) и детали конской упряжи (4–6).

ском Приобье известны случаи частичного сожжения [Гаман, 1994, с. 237, 240, 242; Троицкая, Новиков, 1998, с. 23]. Также проявлением верхнеобского влияния на культуру населения Новосибирского Приобья и сопредельных территорий начала II тыс. н.э. можно считать некоторые особенности керамики с могильников и поселений (рис. 9, 1–3). По мнению А.А. Адамова, сосуды X–XII вв. из Новосибирского Приобья по всем своим показателям аналогичны сrostкинским, а сходство с керамикой верхнеобской культуры наблюдается лишь в орнаментации, и то в малой степени, что свидетельствует о крайне незначительном участии верхнеобцев в формировании культуры населения региона в начале II тыс. н.э. [2000, с. 77, 80]. Однако плоскодонные сосуды, характерные для сrostкинской культуры, встречены в Новосибирском Приобье только на могильнике Быстровка-1 рубежа тысячелетий и на поселении Ордынское-5. Основная же масса сосудов с памятников первой половины II тыс. н.э. на этой территории имеет круглое дно [Там же, с. 30]. Учитывая данный факт, а также схожесть некоторых элементов и мотивов орнамента на керамике верхнеобской культуры и посуде начала II тыс. н.э., большую степень орнаментированности последней в сравнении со сrostкинской, можно констатировать значительное воздействие керамической традиции верхнеобцев на таковую населения Новосибирского Приобья эпохи развитого средневековья. Ее

влияние обнаруживается и в басандайской культуре, о чем свидетельствуют сосуды с памятников Томского Приобья [Плетнева Л.М., 1997]. В Кузнецкой котловине, Нижнем Притомье, по мнению А.С. Васютина, это влияние было определяющим [2003, с. 186]. Предметный комплекс памятников Новосибирского Приобья начала II тыс. н.э. аналогов в верхнеобской или иных культурах населения таежной зоны Западной Сибири почти не имеет. Исключение составляют крыловидная бляха с личиной из погребения могильника Березовый Остров-1 [Адамов, 2000, рис. 44] и пронизка с шаровидными вздутиями с могильника Санаторный-1 (см. рис. 7, 1). Больше аналогов изделий, происходящих из таежной зоны Западной Сибири, в материалах могильников Томского Приобья [Басандайка, 1947, с. 69, 72; Плетнева Л.М., 1997, рис. 46, 97, 163; Чиндина, 1992, рис. 2].

Санаторный-1 представляет культурные традиции населения Новосибирского Приобья предмонгольского времени. Однако здесь присутствуют отдельные черты, не характерные для культур лесостепной полосы Западной Сибири и сопредельных территорий первой трети II тыс. н.э., но широко представленные в материалах могильников на юге Западной Сибири, в Казахстане, а также памятников Восточной Европы последующего периода. В первую очередь, это ориентация погребенных головой на запад с отклонениями к югу и северу (см. рис. 3, 3; 4, 3). Наряду с

веро-восточной, она встречается на памятниках XIII–XIV вв. Новосибирского и Томского Приобья и является основной в лесостепном Алтае и Барабе. Начиная с середины XIII в. западная ориентация становится преобладающей в захоронениях кочевников Южного Приуралья и Поволжья [Иванов, Кригер, 1988, с. 45, 47; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 274]. В Центральной Барабе она, наряду с восточной, распространена со сrostкинских времен [Бараба..., 1988, с. 104] и, по мнению исследователей, является местной потчевашской погребальной традицией [Бараба..., 1988, с. 86]. В Средней Азии и Казахстане северная, северо-западная, реже западная ориентации становятся преобладающими с начала II тыс. н.э. [Степи Евразии..., 1981, с. 193]. Еще два элемента связаны с оформлением могильных ям. Помимо могильника Санаторный-1 оборудование дна ямы поперечными плашками (см. рис. 2, 3) и стен досками зафиксировано только в погребениях монгольского времени в Томском Приобье и лесостепном Алтае [Плетнева Л.М., 1997, с. 73; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 126].

В целом особенности погребального комплекса могильника Санаторный-1 свидетельствуют о том, что он не принадлежит к числу сrostкинских. Степень сходства с Басандайским и могильником в устье Малой Киргизки в Томском Приобье позволяет отнести его, а также аналогичный памятник Ташара-Карьер-2 к басандайской культуре, впервые выделенной В.А. Могильниковым на основе материалов погребений Еловского и Басандайского некрополей [1980, с. 245–246]. Как материальная культура населения Томского Приобья XI–XIV вв. она была наполнена содержанием в работах Л.М. Плетневой [1993, 1997], которая высказала предположение о расширении ее ареала за счет Новосибирского Приобья и Среднего Притомья. Позднее А.М. Илюшиным и А.С. Васютиным к басандайской культуре были отнесены памятники Среднего Притомья и Кузнецкой котловины [Васютин, 2003; Илюшин, 1998; Плетнева Л.М., 1997, с. 123].

По моему мнению, в формировании басандайской культуры участвовало несколько культурных компонентов. Основную роль играли носители сrostкинских традиций, продвинувшиеся на территорию Новосибирского Приобья на рубеже I и II тыс. н.э. В Томском Приобье мигранты появились в начале II тыс. н.э. Вторым компонентом были кимаки либо культурно близкие им представители “кимако-кыпчакского этносоциального объединения” (кыпчаки?), которые принесли в Верхнее Приобье комплекс украшений, получивших достаточно широкое распространение в XI–XII вв. в восточно-европейских степях. С ними можно связать осинкинский тип памятников. Третьим компонентом в сложении новой куль-

туры в Новосибирском, Томском Приобье и особенно в Кузнецкой котловине были носители верхнеобских традиций. Баланс основных компонентов, а также участие иных, менее выраженных, например огузских, определили своеобразие локальных вариантов басандайской культуры на разных территориях. Погребальные комплексы Новосибирского Приобья отличает преимущественно северо-восточная ориентация умерших и разнообразие захоронений человека с конем. В Томском Приобье господствует южная ориентация. Достаточно своеобразны погребальные памятники Кузнецкой котловины. Их деление на две культурно отличные группы свидетельствует о формировании новой культуры на базе двух устойчивых равнозначных традиций [Илюшин, 1998, с. 94]. На территории лесостепного Алтая отсутствует явное верхнеобское влияние, при этом наряду со сrostкинским вычленяются несколько южных – тюркских (могильник Осинки) и, возможно, монгольских (могильник Телеуцкий Взвоз-1) – компонентов. Внутри локальных вариантов каждый памятник имеет признаки, свидетельствующие об определенных узкогрупповых культурных особенностях оставившего его населения. Так, Санаторный-1 на фоне других схожих с ним по погребальному обряду могильников Новосибирского и Томского Приобья имеет яркие отличительные черты: разнообразие сопребения человека и коня, отсутствие в могилах или непосредственно рядом с ними следов погребальной пищи – костей животных и посуды.

Многокомпонентность этнической группы, оставившей могильник Санаторный-1, подтверждается и данными антропологии. Серия черепов из могильников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 была проанализирована в диссертационной работе Д.В. Позднякова. По его мнению, мужская группа из могильника Санаторный-1 “по своим характеристикам занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными популяциями и обнаруживает значительное сходство с представителями сrostкинской культуры Барнаульско-Бийского Приобья” [Поздняков, 2004, с. 130]. В женской серии антрополог выделяет два различных морфологических типа. Первый сближается с западно-сибирской, второй – с восточно-средиземноморской расой. Последний тип в эпоху средневековья был достаточно широко представлен на территории Южного Приаралья, Южного Туркменистана, Согда, Северного Таджикистана [Там же, 2004, с. 93]. Здесь необходимо вспомнить об афганском происхождении лазурита, разработки которого велись на границе Таджикистана и Афганистана. При сравнении краниологических коллекций памятников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 отмечается их схожесть. По антропологическому типу население, оставившее эти могильники, близ-

ко носителям сроткинской культуры Верхнего Приобья. В обеих сериях фиксируется и “ощутимая примесь морфологического комплекса, характерного для таежных популяций Западной Сибири”, причем доля этой примеси на могильнике Ташара-Карьер-2, расположенном на границе с таежной зоной, выше [Там же]. Сходные антропологические данные получены и по материалам Басандайки, а также Астраханцевского курганного могильника [Плетнева Л.М., 1997, с. 129]. Причем, по мнению Д.В. Позднякова, таежный компонент в морфологическом типе населения, оставившего могильник Басандайка, выражен максимально [2004, с. 148].

Материалы памятников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 в Новосибирском Приобье отражают определенный этап в становлении новой культуры. Дальнейшее ее развитие связано с монгольским временем и представлено на таких памятниках, как Высокий Борок, Ельцовское-1, Седова Заимка и др. в Новосибирском Приобье, Астраханцевский могильник в Томском Приобье. На могильниках XIII–XIV вв. отсутствуют “длинные” курганы с несколькими параллельными друг другу могилами. Под одной насыпью располагается одно, реже два или три погребения. Из ритуальных действий исчезает трупобожжение. В качестве внутримогильных конструкций чаще используют дощатые гробы и колоды. Ориентация погребенных становится менее устойчивой. Сохраняется сопогребение человека и коня, но чаще в могилы помещают только конскую упряжь. В Новосибирском Приобье в погребениях отсутствует глиняная посуда. Инвентарь становится более унифицированным. Развитие керамики происходит на базе сформировавшейся культурной традиции.

Таким образом, относительно памятников начала II тыс. н.э. в Верхнем Приобье можно говорить лишь о культурно-генетических тенденциях, процессе складывания новых археологических культур и этнокультурных общностей, формирующихся в чистом виде к XIII в. Памятники Новосибирского Приобья первой половины II тыс. н.э. делятся на три группы, отражающие разные этапы сложения и развития новой культуры: 1-й – проникновение на данную территорию носителей сроткинской культуры, 2-й – интеграция сроткинских, кимакских (кыпчакских) и верхнеобских традиций, 3-й – расцвет. Памятники XI–XIV вв. в Новосибирском и Томском Приобье, а также в Кузнецкой котловине относятся к басандайской культуре.

Список литературы

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2000. – 256 с.

Адамов А.А. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири” (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 12–16.

Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII–X вв. (по материалам Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 12–20.

Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–IX вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 98–111.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири: (История и археология). – Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. – С. 50–69.

Артамонова О.А. Могильник Саркел – Белая Вежа // МИА. – 1963. – № 109. – С. 9–215.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / С.М. Ахинжанов, А.С. Ермолаева, А.Г. Максимова, З.С. Самашев, Ж.К. Таймагамбетов, Ю.И. Трифонов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – 280 с.

Ахинжанов С.М. Этнокультурная принадлежность памятников средневековых кочевников Прииртышья // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 243–246.

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р.Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1947. – 219 с. – (Тр. Том. гос. ун-та и Том. гос. пед. ин-та; Т. 98).

Берс Е.М., Худяков Ю.С. Погребение у с. Бичикту-Бом // Археология Горного Алтая: Сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 61–73.

Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Средневековые курганы с квадратными рвами из Новосибирского Приобья // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 73–81.

Бояршинова З.Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах // Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1947. – С. 151–165. – (Тр. Том. гос. ун-та и Том. гос. пед. ин-та; Т. 98).

Васютин А.С. Культурно-хронологические особенности курганных могильников Среднего и Нижнего Приобья в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н.э. // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2003. – С. 181–187.

Гамаан А.Д. Томское и Нарымское Приобье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – С. 234–245.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV вв.). – Уфа: Гилем, 1998. – 336 с.

- Ефремов С.А.** Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 5. – С. 99–109.
- Иванов В.А., Кригер В.А.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 96 с.
- Илюшин А.М.** Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – 116 с.
- Илюшин А.М.** Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. – С. 91–94.
- Илюшин А.М.** Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок могильника Торопово-1). – Кемерово: Изд-во Кузб. гос. техн. ун-та, 1999. – 208 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.** Курганный комплекс Мухоманово-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск: Изд-во Кузб. гос. техн. ун-та, 1998. – 286 с.
- Кузнецов Н.А.** Курганы с подбоем в Кузнецкой котловине // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 42–44.
- Кунгуров А.Л.** Два погребения с могильника 1 МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – Ч. 2. – С. 220–225.
- Макарова Т.И.** Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // АСГЭ. – 1962. – № 6. – С. 85–91.
- Матюшенко В.И., Старцева Л.М.** Еловский курганный могильник эпохи железа // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – Вып. 5. – С. 152–174.
- Могильников В.А.** Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 242–248.
- Могильников В.А.** Особенности культуры населения тюркского времени Кулундинской степи // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1988. – Вып. 1: Досоветский период. – С. 64–66.
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002а. – 362 с.
- Могильников В.А.** Своеобразие локальных регионов сrostкинской общности в связи с проблематикой этногенеза тюркоязычных народов Западной Сибири // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири” (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2002б. – С. 74–77.
- Неверов С.В., Горбунов В.В.** Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 176–178.
- Новиков А.В.** Могильник начала II тыс. н.э. близ с. Ташара // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 1998. – С. 50–51.
- Овчинникова В.Б.** Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый восток: История и филология (проблема источниковедения). – М.: Наука, 1984. – С. 215–223.
- Плетнева Л.М.** О басандайской культуре // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – С. 42–43.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 350 с.
- Плетнева С.А.** Древности черных клобуков. – М.: Наука, 1973. – 96 с.
- Поздняков Д.В.** Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 333 с.
- Росляков С.Г.** Культурная характеристика погребальных памятников Новосибирского Приобья в начале II тыс. н.э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 188–190.
- Савинов Д.Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 216 с.
- Савинов Д.Г.** Могильник Калтышино-1: (Новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 77–99.
- Савинов Д., Теренин В.** Алтайские находки // Декоративное искусство СССР. – 1972. – № 10. – С. 46–47.
- Степи Евразии в эпоху средневековья / А.К. Амброз, В.Б. Ковалевская, И.Л. Кызласов, Л.Р. Кызласов, Н.А. Мажитов, В.А. Могильников, С.А. Плетнева, А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов.** – М.: Наука, 1981. – 304 с.
- Табалдиев К.Ш.** Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.** Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 276 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966. – 270 с.
- Чиндина Л.А.** Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): Материалы Всерос. конф. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1992. – С. 128–132.

УДК 903.2

А.В. Бауло¹, М.Л. Истомин², Н.В. Федорова³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru

²пос. Шурышкары, Шурышкарский р-н, Ямало-Ненецкий АО, Россия

³Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И.С. Шемановского, г. Салехард
Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ: НОВЫЕ НАХОДКИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Введение

В последние годы на севере Западной Сибири найдено немало разнообразных художественных бронзовых изделий эпохи средневековья. К сожалению, далеко не все они опубликованы: можно упомянуть неизвестные широкому кругу исследователей блестящие коллекции бронз в музеях пос. Аксарка Приуральского р-на и пос. Мужы Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО. Вместе с тем максимально полная публикация находок необходима для решения принципиальных вопросов: создания типологии бронзовых артефактов, определения места и времени их производства, путей распространения и, в конечном счете, уровня развития культуры в регионе в эпоху средневековья. Задачей статьи является введение в научный оборот бронзовых изделий, найденных в 2002–2004 гг. на территории западной части Ямало-Ненецкого АО. Авторы отдают себе отчет в том, что вещи происходят из случайных сборов, а не являются атрибутами археологических памятников со всеми вытекающими отсюда последствиями – невозможностью датировки по комплексу сопутствующих артефактов, трудностями в определении назначения предметов и т.д.

Вещи из этнографических сборов

1. Антропоморфная личина. Пос. Зеленый Яр (р. Полуи). Здесь на чердаке одного из домов в священном

сундучке хантов находилась фигура семейного духа-покровителя в одежде из куска пестрой ситцевой ткани; на ее шее были завязаны красная и зеленая ленты, а также привязана двухкопеечная монета выпуска 1955 г. [Бауло, 2004, с. 92, рис. 3]. Лицо божества было обозначено бронзовой антропоморфной личиной эпохи средневековья.

Личина плоская, овальная, причем овал несимметричный. Размеры 8,7×7 см (рис. 1). Внизу личины остатки металла в литнике, имитирующие шею антропоморфного персонажа. Отлита из белой бронзы, заливка металла производилась снизу, от “шеи”. Можно предположить, что эта отливка была первой или одной из первых в данной форме – грани деталей изображения очень четкие. На обороте фиксируется “песчанистая” структура формы. Изделие согнуто по длинной оси овала, так что посередине этой оси прослеживается заметное ребро. Личина представляет собой изображение человеческого лица в фас. Резко очерченные брови нависают над круглыми, близко посаженными глазами, переданными кольцевыми желобками. Нос показан прямым валиком. Рот маленький в виде углубленной узкой восьмерки, внутри петель которой слабо заметны выпуклые кружки. По краю личины изображены две зооморфные фигуры, соприкасающиесяверху раскрытыми пастьми. Их тела орнаментированы такими же кольцевыми желобками, как глаза; длинные хвосты, украшенные овальными углублениями, соприкасаются у “подбородка” личины. На оборотной стороне изделия негатив изоб-

ражения носа. На уровне надбровных дуг личины с двух сторон отверстия для крепления.

Впервые антропоморфные фигуры, фланкированные изображениями двух животных с раскрытыми пастьми, которыми они соприкасаются над головой фигуры, появляются в III–IV вв. [Зыков, Федорова, 2001, с. 102, 106]. Ранее они не известны. Зато в различных вариантах встречаются во второй половине I тыс. н.э.: фигура с изображениями двух животных по бокам, найденная в Савинском кургане [Финно-угры..., 1987, с. 326, табл. LXXVIII, 60], изображение воина в шлеме и поясе, фланкированного двумя зверями, из сборов Б.И. Василенко в районе пос. Кушеват [Сокровища Приобья, 1996, с. 54], бронзовая пластина в виде личины с изображениями двух животных по бокам с р. Сыня [Тыликова, Бауло, 2001, с. 129, рис. 1]. Иногда эта композиция принимает форму круга: сильно стилизованные изображения животных, раскрытые пасти которых смыкаются в верхней части композиции, образуют окружность, а антропоморфная личина находится в центре (могильник Барсовский I) [Зыков и др., 1994, с. 83, рис. 72]. Изображения животных с открытыми, соприкасающимися пастьми, стоящих вертикально или наклонно, иногда опирающихся на какой-нибудь стержень или некую стилизованную фигуру, встречаются на рукоятках биметаллических кресал [Там же, с. 89–90]. В целом можно отметить, что сюжет “антропоморфная фигура или личина, фланкированная двумя животными”, появившись не ранее III–IV вв., исчезает к концу I – началу II тыс. Вариант, представленный находкой из Зеленого Яра, скорее всего, относится к VIII–IX вв.

2. Изображение рыбы, XI–XII вв. (рис. 2). Пос. Нимвожгорт (р. Сыня). Размеры 16,7×3 см. Являлось подвеской к основе фигуры хантыйского поселкового духа-покровителя, которая представляла собой большую литую русскую медную бляху XVIII в. со сценой охоты [Бауло, 2004, с. 92, рис. 4].

Фигурка рыбы выпуклая с внешней стороны и вогнутая с внутренней, отлита из белой бронзы. Литейная форма двусторонняя, в нижней части ее дефект – возможно, трещина, в которую затек металл, образовав с внутренней стороны нечто вроде шва (с внешней стороны не фиксируется). Залив металла производился с головы фигурки, там в литейном шве сохранился его остаток. Обе стороны отливки гладкие, внешняя после отливки, скорее всего, полировалась. Остатки металла в литейных швах не зачищены.

Рыба изображена в проекции сверху (нос слегка приподнят), по контуру обведена углублением. Конкретный прототип не угадывается. Глаза переданы кольцевыми желобками. Немного ниже их начинается и идет до самого хвоста линия выпуклых прямоугольников по центру фигурки, от которых в обе стороны отходят короткие углубления, расположенные

Рис. 1. Антропоморфная личина.

Рис. 2. Изображение рыбы.

Рис. 3. Фигурки птиц.

“елочкой”, – изображение позвоночника с ребрами. Хвост оформлен легкими гранями и треугольной выемкой на конце. В голове фигурки просверлено позднее отверстие для кожного шнура.

Наиболее близким аналогом является бронзовая рыбка из пос. Оволингорт на р. Сыня [Бауло, 2002, с. 153, рис. 11]. “Позвоночник с ребрами” у нашей находки выполнен так же, как у бронзовой литой фигурки ящеровидного существа с р. Сыня [Тыликова, Бауло, 2001, с. 129, рис. 5].

3. Три фигурки птиц*. Пос. Усть-Войкары (р. Войкар). В одной из семей, проживающих в поселке, хра-

нится женский мешок для швейных принадлежностей (*тутчан*), к нынешней хозяйке он перешел по наследству от матери – Е.П. Лонгортовой, которая родилась в 1922 г. в пос. Евригорт (верховья р. Сыня). На мешке в числе других находятся четыре средневековые подвески: одна лапчатая и три фигурки птиц (рис. 3). Две из них практически одинаковые, их размеры 4×4,2 см. Отлиты в двусторонней объемной форме с сердечником, поверхность полированная. Овальные глаза обведены глубоким желобком. Крылья украшены полоской “жемчужин”. Вдоль нижнего края фигурок расположен ряд полукруглых фестонов. Лапки каплевидной формы. На спине фигурок отверстие для подвешивания. Оригинальной чертой является наличие в нижней части петель в виде широкой дуги.

Подобная фигурка птицы “с территории быв. Тобольской губернии” опубликована В.Н. Чернецовым [1957, табл. XVIII, 7], еще две использовались пимскими хантами в оформлении нагрудного украшения из бисера, которое хранится в фондах этнографического музея г. Лянтор [Хантыйский этнографический музей..., 1997].

Третья подвеска на мешке – стилизованное изображение птицы размером 2,5×2,5 см. Фигурка отлита в двусторонней форме с сердечником, полированная. Орнаментирована косыми валиками. Подобные “уточки” XIII–XIV вв. встречаются в Западной Сибири достаточно часто [Зыков и др., 1994, с. 97, № 144; Бауло, 2002, с. 153; и др.].

4. Рукоятка ножа с навершием в виде фигуры пушного зверька (рис. 4)*. Пос. Усть-Войкары. По словам жительницы поселка Е.К. Ребась, ее отец нашел около пос. Шурышкар четыре бронзовые рукоятки, две меньших размеров утеряны, две большие он подарил своим дочерям, одна из них проживала в пос. Ханты-Мужи, после ее смерти след рукоятки также пропал. Длина сохранившейся рукоятки ножа 14,5 см, ширина втулки 3,3 см, длина фигурки зверька 6,6 см. Изделие овальное в сечении, отлито в объемной форме с сердечником, поверхность полированная. Нижняя часть украшена зигзагом, кантом из выпуклых прямоугольников. Выше – примерно на 4,5 см – свободное от орнамента поле, ограниченное сверху кантом из овальных “перлов” между двумя выпуклыми линиями. Навершие рукоятки выполнено в виде трех лепестков: два гладкие, с боков оформлены косыми валиками, на третьем, среднем, цепочка из шести выпуклых кружков. На лепестках, на основании, украшенном круглыми “перлами”, стоит фигура пушного зверька с длинным широким хвостом. Вся она покрыта рядами “перлов” и валиков.

* Впервые о данной находке рассказала канд. ист. наук Е.А. Пивнева на научной конференции в ИЭА РАН в декабре 2003 г.

* Благодарим канд. иск. Г.Е. Солдатову за указание на данные артефакты.

Бронзовые рукоятки с навершиями в виде животных широко представлены на памятниках севера Западной Сибири, самые ранние из них относятся к первой половине I тыс. н.э. [Сокровища Приобья, 1996, с. 51]. Изредка они встречаются даже на западных склонах Урала [Оборин, Чагин, 1988, с. 79]. Прототипом для таких наверший служили сюжеты “пушной зверь, грызущий голову травоядного” или “хищная птица, клюющая голову травоядного”, украшающие рукоятки костяных ложек из коллекции Усть-Полюя [Мошинская, 1953, с. 97–98]. В конце I – начале II тыс. н.э. их изготовление становится массовым, хотя, возможно, к данному периоду просто относится большее количество известных и раскопанных археологических комплексов. Рукоятки этого времени [Арне, 2002, с. 95; Зыков и др., 1994, с. 91, 104; Сокровища Приобья, 1996, с. 51, 59–63; Древние бронзы..., 2000, № 20; Тыликова, Бауло, 2001, с. 132, рис. 13, 14; Бауло, 2002, с. 153, рис. 12; и др.] более декоративны. “Голова травоядного” не изображается, хотя поза хищной птицы или пушного зверя сохраняется, но теперь фигура обрамляется орнаментальными лепесткообразными элементами разной длины. Рукоятки с зооморфными навершиями не встречаются после XII–XIII вв.

5. Круглая бляшка с изображениями пяти медведей (рис. 5). Пос. Зеленый Яр. Недалеко от поселка находится святое место, где установлены священные нарты двух хантыйских семей. Здесь же устроен помост, на котором стоят сундуки, скорее всего ранее хранившиеся на чердаке одного из домов в Зеленом Яре, а после смерти хозяев увезенные на святилище. В одном из сундуков лежала небольшая фигура духа-покровителя, его лицо было обозначено бронзовой бляшкой, обшитой куском красной ткани.

Бляшка диаметром 5,6 см отлита из медного сплава или меди в двусторонней форме. Фиксируются следы литейного брака – недоливы металла. Внешняя сторона бляхи полированная, по краю орнамент, имитирующий полукруглые фестоны или “перлы”. В центре выпуклая полусфера, обведенная псевдовитым кантом. Вокруг нее чередующиеся изображения пяти медвежьих голов, расположенных носами к центру, и пяти четырехпалых лап (?), направленных от центра (?). Головы с круглыми ушами, круглыми выпуклыми глазами, широкими носами. У одного изображения намечены ноздри. Обратная сторона бляхи не обработана после отливки – видны негативы изображений, находящихся на внешней стороне. По краям отлиты парные петли треугольной формы. Фиксируется залощенность от трения по меху или коже.

Похожие композиции с изображениями медвежьих голов, уложенных на лапы, встречаются на эполе-тообразных застегках и круглых бляхах с рубежа эр – первых веков нашей эры, например на застегке из комплекса городища (жертвенного места) Усть-Полуй

Рис. 4. Рукоятка ножа с навершием в виде фигуры пушного зверька.

Рис. 5. Круглая бляшка с изображениями медведей.

[Усть-Полуй..., 2003, с. 26]. Более близкая по типу изображения животных – застегка из коллекции Б.И. Василенко, хранящаяся в фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского [Сокровища Приобья, 1996, с. 52].

Рис. 6. Эполетообразная застежка с изображениями медведей.

Рис. 7. Эполетообразная застежка с изображениями пушных зверей.

6. Эполетообразная застежка с изображениями четырех медведей (рис. 6). Приобретена в пос. Мужы в 2004 г., ранее находилась в составе священных вещей хантыйской семьи. Изделие состоит из круглой бляхи и четырех “жгутов”, заканчивающихся крючком; на внутренней стороне петля треугольной формы для крепления к ремню. Общая длина застежки 15 см, диаметр бляхи 8,2–8,7 см. Изделие отлито в двусторонней сложной форме, крючок согнут по длинной оси. Внутренняя сторона шероховатая, видимо, передает структуру материала формы, наружная – гладкая, хорошо отполированная. Фиксируются своеобразные ребра жесткости, одно проходит по окружности бляхи, два описывают петлю и заканчиваются на “жгутах”. Вдоль края бляхи с внутренней стороны образована закраина.

Композиция представляет собой изображения четырех медвежьих голов, уложенных между передни-

ми лапами, вокруг семигранного умбона, обведенного валиком. Тщательно переданы круглые небольшие уши, миндалевидные глаза. Когти отделены от остальной лапы двумя желобками. Между изображениями зверей выпуклые фигуры. Композиция обведена псевдовитым кантом. С наружной стороны бляхи по окружности украшена полусферами. Четыре “жгута” сходятся в треугольную фигуру с двумя валиками по бокам.

Поясные застежки с подобным изображением медведя – голова в фас, лежащая между передними лапами, переданная в проекции сверху, – известны в археологических комплексах и среди случайных находок из Западной Сибири, датированных временем около рубежа эр. Наиболее ранние – это комплекс городища (жертвенного места) Усть-Полуй (I в. до н.э.), клад с городища Барсов Городок 1/20 (I–II вв.) и примерно одновременный ему клад с кулайского святилища Барсов Городок-1/9 [Челякин, 2002, с. 222]. В составе кладов обнаружены: эполетообразная застежка, в центре которой по кругу изображены шесть медведей с головой на лапах [Там же]; поясной крючок, “переделанный в накладку” [Там же, с. 236], с изображениями двух медведей в такой же позе, расположенных друг против друга; поясной крючок в виде последовательно соединенных аналогичного типа изображений медведя и головы лося [Зыков и др., 1994, с. 79]. Еще несколько застежек с изображениями медведя известно среди случайных находок [Чернецов, 1953]. Пожалуй, наибольшее количество эполетообразных застежек об-

наружено на юго-востоке региона: в Айдашинской пещере [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. 20, 1, 2], Ишимской коллекции [Ермолаев, 1914, табл. 6, 10], фоминских могильниках Верхнего Приобья (7 экз.) [Ширин, 2003]. Самая поздняя по дате изготовления найдена в могильнике Архиерейская Заимка [Финноугры..., 1987]. Время бытования застежек определяется примерно в рамках I в. до н.э. – середины I тыс. н.э. “Первоисточниками” для их создания, скорее всего, послужили прикамские эполетообразные застежки пьяноборского и аазелинского времени и западно-сибирские застежки-крючки. Образ же медведя с головой между лап (медведь в жертвенной позе, медведь в сакральной позе и т.д.) западно-сибирского происхождения. Головы медведей на мужевской застежке и на прямоугольной пряжке с городища Тат-ягун [Гусев, 2004, с. 443, ил. 5, 11] выполнены в единой манере.

Вещи из сборов братьев Истоминых около пос. Шурышкары

Пос. Шурышкары находится на высоком берегу одноименного сора. Сразу за поселком идет высокая неровная терраса, возвышенности которой местное население называет Белой и Черной горами. На пути к ним к сору выходят несколько ручьев. Высокий берег постоянно разрушается и осыпается в воду, так что установить первоначальные очертания памятника и его хронологию уже невозможно. По рассказам местных жителей, ежегодно после схода большой весенней воды на берегу сора находят различные бронзовые и серебряные украшения, костяные наконечники стрел, фрагменты керамики. Ряд вещей был приобретен краеведческими музеями Салехарда, Тобольска, Ханты-Мансийска [Сыркина, 1983; Сокровища Приобья..., 2003]. Ниже мы приводим описание бронзовых изделий, найденных М.Л. и И.Л. Истомиными.

1. **Эполетообразная застежка с изображениями пушных зверей** (рис. 7). Сборы М.Л. Истомина, 1975 г., Белая гора. Застежка состоит из круглой бляхи и четырех “жгутов”, заканчивающихся крючком; на внутренней стороне петля (разломана) для крепления к ремню. Общая длина изделия 18 см, диаметр бляхи 10 см. Застежка отлита в двусторонней сложной форме, крючок согнут по длинной оси. Внутренняя сторона шероховатая, наружная – гладкая, полированная. Фиксируются своеобразные продольные ребра жесткости.

В центре бляхи вокруг выпуклой полусферы изображены три пушных зверька с длинными хвостами, идущие друг за другом в направлении против часовой стрелки, когти лап животных обрамляют полусферу. Фигуры отделаны валиками. Композиция обведена широкой полосой с ребром посередине и двумя псевдовитыми кантами по краям. Такими же кантами обрамлены 16 выпуклых полусфер, расположенных по окружности бляхи. Четыре “жгута” сходятся в сложную композицию: с внешней стороны крючок выполнен в виде головы животного, глаза которого образованы овальными хвостами двух пушных зверей, аналогичных тем, что изображены в центре круглой бляхи (рис. 8).

Застежки из Шурышкар и с Барсовой Горы [Чемякин, 2002, с. 222] сближают размеры, одинаковое количество выпуклых полусфер, “жгутов”, идентичные полосы, окружающие основную композицию. Имеются совпадающие детали и у ряда верхнеобских находок: внешняя сторона крюка в виде головы животного [Ширин, 2003, с. 240], полоса вокруг основной композиции [Там же, с. 256]; “шагающие” фигурки зверей на застежке и бронзовой прямоугольной бляшке [Там же, с. 250].

2. **Объемное навершие (или подвеска) в виде двух медведей** (рис. 9). Найдено в 1984 г. при вска-

Рис. 8. Изображение головы животного – внешняя сторона крючка застежки.

Рис. 9. Объемное навершие (или подвеска) в виде двух медведей.

пывании огорода в пос. Шурышкар. Изделие размером 5,4×6,9 см отлито в двусторонней форме с сердечником, полированное. Животные показаны сидящими друг против друга и упирающимися лапами и мордами в вертикальную конструкцию бутылочной формы с отверстием в центральной части. У медведей крупные округлые ноздри, переданные углублениями, большие каплевидные глаза с круглым выпуклым зрачком. Вдоль линии скулы идет псевдовитой кант, продолжающийся по передним лапам. Фигурки украшены рельефными валиками: на плечах и передних лапах они расположены поперек туловища, на туловище – продольно. Нижние части лап с четырьмя мощными когтями как бы отчеркнуты полулунными углублениями.

Похожий сюжет с двумя сидящими животными представлен на плоском навершии кресала X–XII вв. из могильника Сайгатинского I [Зыков и др., 1994, с. 89, № 99] и объемном навершии кресала X–XI вв.

Рис. 10. Фигурка хищной птицы.

Рис. 11. Фигурка животного в рамке.

Рис. 12. Плоская фигурка рыбки.

из погр. 77 Сайгатинского VI [Древние бронзы..., 2000, № 14].

3. **Фигурка хищной птицы** (рис. 10). Сборы М.Л. Истомина, 1988 г., первый на запад от поселка ручей, впадающий в сор. Размеры изделия $6,3 \times 3,5$ см. Фигурка представляет собой литейный брак – при изготовлении недолиты часть крыльев и хвост. Голова выполнена в высоком рельефе. Грудь по длинной оси оформлена двумя сходящимися под углом гранями. Крылья орнаментированы узкими полосками с подтреугольными углублениями. Внизу фигурки “жемчужина”, обведенная желобком.

Изображение птицы в фас с распахнутыми крыльями – сюжет, часто встречающийся в бронзовой пластике Приобья начиная с усть-полуйского времени (см., напр.: [Усть-Полуй..., 2003, с. 22]). Птица, стоящая на медведе, также изображалась в фас с распахнутыми крыльями, и под личиной на ее груди обычно был обрисован круг. Наиболее часто такая иконография орнитоморфных фигур встречается в эпоху раннего средневековья [Зыков, Федорова, 2001, с. 104]. После VI–VIII вв. в этой позе изображаются только ночные хищники – совы и филины.

4. **Фигурка животного в рамке** (рис. 11). Сборы М.Л. Истомина, 1988 г., первый на запад от поселка ручей, впадающий в сор. Размеры изделия $9,3 \times 2,2$ см. Вытянутая стилизованная фигура животного в распластанной позе вписана в овальную рамку с зауженными концами так, что голова сливается с одним узким концом, хвост упирается в другой, а лапы – в длинные стороны. По рамке и поперек хвоста нанесены резкие углубления, вдоль хребта цепочка глубоких овальных углублений, от которых отходят штрихи-желобки, имитирующие ребра (?). На плос-

кой, переданной в проекции сверху голове показаны большие овальные глаза. Видовая принадлежность изображения затруднена.

Плоские отливки животных в овальных рамках изредка встречаются на памятниках Урала и Западной Сибири. На подвеске из могильника Сайгатинского IV изображен медведь в распластанной позе, который лапами упирается в рамку, образованную двумя вытянутыми, стилизованными до полной неузнаваемости зооморфными фигурами [Древние бронзы..., 2000, № 16]. Смыкающиеся пасти позволяют увидеть в них некоторое сходство с изображениями животных, фланкирующими антропоморфные фигуры и личины (см. выше). Находка из с. Висим [Оборин, Чагин, 1988, с. 86], возможно, представляет собой тот же образ, но еще более далекий от реального прототипа. Своеобразные изображения медведя в распластанной позе часто принимают за фигуру лягушки – они действительно похожи, если не обращать внимание на уши и ноздри. Обе упомянутые отливки вряд ли можно считать аналогичными шурышкарской. При раскопках могильника Барсовского I (Барсов Городок) обнаружена зооморфная фигурка, изображающая выдру или бобра в проекции сверху [Зыков и др., 1994, с. 84]. Так же, как и на шурышкарской, у нее поперечные нарезки на хвосте, крупные глаза переданы овальными углублениями, вдоль хребта – кант из “перлов”, от которого отходят “ребра”. Эта находка происходит из комплекса VIII–IX вв. [Там же, с. 135]. Распластанная фигурка бобра в овальной рамке была найдена в 2001 г. при раскопках городка Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2003, с. 129].

5. **Плоская фигурка рыбки** (рис. 12). Сборы М.Л. Истомина, 1988 г., первый на запад от поселка

ручей, впадающий в сор. Изделие размером $7 \times 1,4$ см отлито из белой бронзы, с оборотной стороны в районе хвоста заметны остатки металла в литнике. Голова гладкая, заостренная, выпуклый глаз обведен овальным желобком. Туловище украшено орнаментом в виде ветви с рельефными серповидными листьями, хвост – серповидными ложбинками. Он частично обломан.

Плоские подвески-рыбки XIII–XIV вв. известны по материалам раскопок могильника Сайгатинского III [Зыков и др., 1994, с. 98, № 151–153].

6. Антропоморфное изображение (рис. 13). Сборы М.Л. Истомина, 2003 г., первый на запад от поселка ручей, впадающий в сор. Размеры изделия $8,2 \times 2,1$ см. Отлито в плоской двусторонней форме, фиксируется литейный брак – недолита нижняя часть фигурки. Голова и одна нога обломаны. С оборота отлита петелька для прикрепления. Антропоморфный персонаж изображен в позе, характерной для западно-сибирских отливок I тыс. н.э., – в фас, руки сложены внизу живота, ноги поставлены носками внутрь. На голове персонажа конический головной убор (шлем?) с нащечными пластинами (?), орнаментированный “елочкой”. Крупные миндалевидные глаза поставлены вкось, лицо овальное с выраженным подбородком. На туловище выделяются оплечья, какие-то конструктивные детали доспеха в области паха, признак пола. По-видимому, фигура была заключена в рамку, от которой сохранились только фрагменты.

Несмотря на соблюдение канонической позы и некоторые характерные для фигур этого типа реалии, данное изображение достаточно оригинально. Раскосые, “монголоидные” глаза зафиксированы еще у двух антропоморфных изображений эпохи средневековья: у бронзовой фигурки с р. Сыня [Тыликова, Бауло, 2001, с. 129, рис. 3] и у изображения т.н. кузнеца из погр. 10 могильника Зеленый Яр (р. Полуй). Высокие конические шлемы на головах фигурок встречаются с кулайского времени (см., напр.: [Зыков, Федорова, 2001, с. 127, рис. 20, 1]). Оригинальной чертой изображения является орнамент “елочка”. Подобным образом украшен шлем у личины из Парабельской коллекции [Там же, рис. 20, 2]. Несмотря на это сходство по редкому признаку, иконография антропоморфного изображения из Шурышкар свидетельствует о том, что оно гораздо более позднее по сравнению с парабельской личиной. Все признаки – поза, положение рук, глаза, изображение реалий – характерны для изделий VIII–IX вв. [Зыков и др., 1994, с. 81–82]. Надо отметить некоторые специфические черты, встреченные только у изображений, найденных на западе Нижнего Приобья, – руки, сложенные на уровне груди, а не внизу живота, как обычно, и раскосые глаза.

С.В. Ивановым опубликовано изображение предка одной из ненецких семей, проживавших в районе

Рис. 13. Антропоморфное изображение.

Рис. 14. Навершие биметаллического кресала с изображением двух животных.

Тазовской губы. Внутри миниатюрной куртки с рукавами находилась бронзовая антропоморфная фигурка длиной 9 см [Иванов, 1970, с. 86, рис. 75]. Судя по не очень качественной фотографии, она аналогична шурышкарской.

7. Навершие биметаллического кресала с изображением двух животных (рис. 14). Сборы М.Л. Истомина, 2003 г., первый ручей к западу от поселка, впадающий в сор. Изделие размером $6,4 \times 4$ см отлито в двусторонней форме. Сохранился фрагмент собственно железного кресала. Бронзовое навершие

УДК 947:940.1+630.561.1.24

В.С. Мыглан, Е.А. Ваганов*Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН
Академгородок, Красноярск, 660036, Россия
E-mail: Institute@forest.akadem.ru*

ЭПИДЕМИИ И ЭПИЗООТИИ В СИБИРИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ДЛИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА *

Введение

В трудах таких известных историков, как С.В. Бахрушин [1955, 1957], О.Н. Вилков [1990], И.С. Гурвич [1966], Б.О. Долгих [1960], В.И. Шунков [1956] и др., подробно освещены политические, экономические и прочие аспекты присоединения Сибири к Российскому государству; вопросы, связанные с оценкой последствий включения этого региона в состав России, до сих пор в значительной степени остаются дискуссионными. Так, несмотря на то, что в работах ряда историков [Долгих, 1960; Гурвич, 1966] и публицистов [Зензинов, 2001] говорится об отрицательном воздействии эпидемий на коренное население Сибири в XVII–XIX вв., причины и последствия инфекционных заболеваний не получили широкого освещения (лишь одна статья посвящена этой проблеме [Скобелев, 2002]).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00-267а (2000–2003) “Влияние изменений климата на освоение территорий и хозяйственную деятельность населения Сибири за последние полтысячелетия”, и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ № НШ–2108.2003.4.

Авторы выражают признательность сотрудникам Красноярского краевого краеведческого музея и Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, Государственного учреждения Тюменской обл. “Государственный архив в г. Тобольске” за оказанную помощь.

Материалы и методы

Основой для проводимого исследования послужили опубликованные работы и архивные материалы по истории Сибири; из них были почерпнуты сведения о времени появления (с точностью до года) того или иного вида эпидемического заболевания, а также о последствиях вспышек этих заболеваний. Работа охватывает территорию Сибири от Урала на западе до Тихого океана на востоке, за исключением южных степных районов.

Основная задача исследования – выявление связи между частотой эпидемий и эпизоотий и климатическими изменениями – решалась путем проведения верификации и пространственно-временного анализа собранной исторической информации с последующим сопоставлением с косвенными климатическими данными. В ходе работы впервые были привлечены дендрохронологические шкалы. Деревья, растущие на границе своего ареала (субарктика, высокогорье), очень чувствительны к изменениям летнего тепла. Радиальный прирост ствола (или ширина годичного кольца), отражая динамику температуры летних месяцев, позволяет надежно определять летние (июнь – июль) температуры за длительный промежуток времени [Ваганов, Шиятов, Мазепа, 1996]. В процессе исследования нами привлекались нормированные дендрохронологические ряды, построенные по данным, относящимся к северу Сибири и Алтае-Саянской горной стране [Наурзбаев, Сидорова, Ваганов, 2001; Овчинников, Панюшкина, Адаменко, 2002; Сидорова, Наурзбаев, 2002], и характеризующие длительные изменения температуры на севере Евразии.

Все расчеты и графические иллюстрации были выполнены в пакете Statistica 6.0.

Результаты*

Эпидемии. При всей сложности вопроса о видах заболеваний, отмечаемых на территории Сибири в исследуемый период, на основе собранного материала можно выделить эпидемические вспышки оспы (*variola*), кори (*morbilli*), гриппа (*influenza*), “гнилой горячки”, “кровавого тифа” (холера – *cholera asiatica*). Приведенный список далеко не полон, т.к. по историческим источникам не всегда удается определить, о каком заболевании идет речь. Поэтому для более надежного использования этой информации вспышки эпидемий и эпизоотий были рассмотрены в хронологическом и географическом порядке, что позволило представить пространственно-временную картину их распространения (см. *таблицу*).

Анализ собранной информации показал, что в рассматриваемый период главной угрозой для здоровья людей была оспа (более 67 % от общего числа случаев заболевания). По последствиям на территории Сибири она, вероятно, сравнима с чумными эпидемиями в Европе XVI в. Отмечая масштабность эпидемий оспы в XVII в., известный историк П.А. Словцов писал: “Все отделы племен сократились в людности и иные даже вымерли, если не во время, здесь означенное, то в последовавшие повторения болезни” [1995, с. 142]. В документе за 1651–1652 гг. сказано, что все ясачные якуты Айбинской волости умерли от оспы, “из пятнадцати ясачных якутов Енгенской волости умерло тринадцать, из тринадцати ясакоплательщиков Катьлинской волости осталось в живых двое”. В ясачной книге по этому поводу говорится: “те якуты... в нынешнем во 160 (1652) году до ясачного сбору воспою померли и после их смерти детей и скота ничего не осталось” (цит. по: [Парникова, 1971, с. 54–55]). По данным В.А. Туголукова, от эпидемии оспы на территории эвенов только в 1690–1691 гг. погибло ок. 1 100 чел. [1982б, с. 164–165]. В целом две эпидемии начала 1660 и 1690 г. унесли жизни 3,5 тыс. пеших тунгусов, общая численность которых в середине XVII в. была 4,8 тыс. Высокая смертность характерна и для XVIII в. В результате эпидемии оспы, разразившейся в 1768–1769 гг., “совершенно опустело восточное побережье полуострова, в долине реки Камчатки вымирали целые поселения” [Орлова, 1999, с. 18]; смертность, по официальным данным, составила ок. 65 % [Гурвич, 1982а, с. 219]. На основе собранной информации можно утверждать, что последствия эпидемий оспы на территории Сибири были значительны-

ми (особенно в XVII в.), поскольку от эпидемий порой вымирало до 50–70 % коренного населения.

Сведения исторических источников находят подтверждение в медицинской литературе: при сливных формах оспы умирало около половины заболевших, при геморрагической пустулезной форме (черная оспа) – большинство, при “пурпуре” – все больные. Особенно высокая смертность наблюдалась среди детей и людей пожилого возраста; отмечались случаи, когда перенесшие заболевание люди умирали при повторном заражении [Оспа натуральная, 1961].

Другим не менее важным следствием эпидемий был голод. Так, в 1630 г. по р. Кети прошел “мор” (оспа), от которого сильно пострадали пумпокольские и кадские остяки, а потом “такой глад у них был, что иные из них детей своих поели” (цит. по: [Пелих, 1981, с. 72]); после эпидемии (оспы) начался голод, из числа ясачных, плативших в Хантайское зимовье, в 1632 г. “многие с голоду померли, а иные, боясь голодной смерти, сошли неведомо куда” (цит. по: [Долгих, 1970, с. 143]). Если говорить о более позднем времени, то, например, в начале 80-х гг. XIX в. большую часть тайшетских эвенов унесла эпидемия оспы, “уцелело всего 11 семей не считая одиночек. Олени во время эпидемии разбрелись и были перестреляны русскими охотниками либо задавлены их собаками” [Туголуков, 1985, с. 56]. Возникновение голода после эпидемий объясняется тем, что заболевания (продолжавшиеся три-четыре недели) делали нетрудоспособной большую часть населения, а это зачастую приводило к расстройству охотничье-скотоводческого хозяйства [Зензинов, 2001; Орлова, 1999]. Однако нельзя утверждать, что голод (вследствие неудачного промысла рыбы или зверя) являлся причиной эпидемических вспышек. В 1643 г. в Мелесских и Чулымских волостях голод был настолько сильный, что имели место даже случаи людоедства – “меж себя друг друга ели да твои ж государевы ясашные люди от большого голоду съели твоих государевых служилых людей пеших казаков дву человек” [Бояринова, 1950, с. 100], тем не менее никакие заболевания в этот период в исторических источниках не отмечены.

Проведенный пространственно-временной анализ собранной информации (см. *таблицу*) показал, что эпидемии оспы имеют тенденцию к быстрому охвату значительных по масштабу территорий. В немалой степени этому, вероятно, способствовало усиление миграционных процессов, связанное с приходом русского населения. Анализ динамики эпидемий оспы на протяжении трех столетий позволяет говорить об определенной закономерности в их появлении. Так, XVII в. отмечен сразу тремя вспышками – 1629–1634, 1649–1659 (с продолжением в 1664) и 1687–1695 гг., которые охватили почти всю территорию Сибири. Эпидемии оспы в 1714–1720, 1745–1752, 1767–1775, 1829–1832, 1849–1853, 1882–1889, 1900 гг. носили

* В подразделе “Эпидемии” рассматриваются последствия инфекционных заболеваний только для коренного населения, в подразделе “Эпизоотии” – и для русского населения Сибири.

Вспышки эпидемий и эпизоотий на территории Сибири*

Год	Заболе- вание	Территория	Год	Заболе- вание	Территория
1	2	3	4	5	6
Эпидемия XVII в.					
1610	О.	Нарымский уезд	1601	С.Я.	г. Тюмень
1627	Н.	Томский и Мангазейский уезды	1603		Томский уезд, Зауралье
1628		» » »	1604	С.Я.	» » »
1630			1605		» » »
1631			1658		
1632	О.	Западная и Средняя Сибирь	1659		
1633		Томский уезд	1660	Н.	Верхнее Приобье, предгорья Алтая
1634		» »	1661		
			1662		
1649		Мангазейский уезд			
1650			1688	Н.	Якутское воеводство
1651					
1652		Средняя и Восточная Сибирь	1696	Н.	» »
1653	О.				
1654		Мангазейский уезд			XVIII в.
1655		» »	1728	Н.	Тюменский уезд
1656		» »			
1657	О., Ч., Н.	» » (Верхотурский уезд), по р. Индигирке	1734	Н.	» »
1659					
1660	О.	Горная область Верхоянского хребта, район Охотского побережья от р. Улья до р. Тауй	1737	С.Я.	Ведомство Чаусского острога
1664	О.	Западная Сибирь	1747	Н.	Тюменский уезд
1669	О.	Якутский уезд	1750	Н.	Уртамский острог, Минусинский край
1685	Н.	Мангазейский уезд	1754	Н.	Илимское воеводство
1687			1756	Н.	Тобольско-Тюменский уезд
1688					
1689			1762	Н.	Иртышская линия, район Омской крепости
1690			1764	Н.	Ленские волости
1691					
1692	О.	Восточная Сибирь	1768	Н.	Киренская, Хандинская и Усольская волости
1693					
1694			1772	Ч.	Минусинский окр.
1695			1773	Н.	Алтайский окр., алейские деревни: Шипунова, Хлопунова, Поспелиха, Маконова, Красноярская

XVIII в.		1785	С.Я.	Семипалатинский, Колыванский уезды	
1714	О.	1786		»	»
1715	Якутский уезд, по р. Ангаре, территории расселения якутиров и коряков	1787	С.Я.	»	»
1716		1788		»	»
1717		1789		»	»
1718		1790		»	Подкаменная слобода (Илимское воеводство)
1719		1791		»	Минусинский окр.
1720		1792		»	»
		1793		»	»
1745	О.	1794	Н.	Минусинский окр.	
		1795		Спасский стан, с. Спасское (Среднее Приобье)	
1752	О.			Киренская вол.	
1759	Н.	1797	С.Я.	Тобольская губ.	
		1798		»	»
				XIX в.	
XVIII в.					
1767	О.		Н.	Полуостров Камчатка	
1768		1800		»	
1769				»	
1770		1803	Ч.	Илимское воеводство	
1772	О.	1808	С.Я.	Тобольская губ.	
1773				»	
1774		1810	Н.	Иркутский уезд	
1775		1811	С.Я.	Верхоянский окр.	
1776				»	
1795	Н.	1815	С.Я.	Тюменский уезд, Тобольская губ.	
1799	Г.	1820	Ч.	Забайкалье	
		1821		Томская губ.	
		1822		Колымский окр.	
		1823	Н.	»	
1800	Г.	1824		Тобольская губ.	
1806	Н.	1825		»	
1824	Г.	1826	Н.	»	
1825		1828		Минусинский и Ачинский округа	
1826		1869		»	
1827				»	
1829	О., Г.	1832	С.Я.	Алтайский окр.	
1830		1839	Н.	Тобольская губ.	
1831		1840	Ч.	Жиганский улус	
1832		1841	Н.	Западная Сибирь	
1833		1842	Н.	Деревня Манаэзерская, Каинский окр., Томская губ.	
1834				Бийский окр.	
1835	О., Г.	1846	Н.	Ялуторовский окр. и уезды Западной Сибири	
1836		1847	Н., Ч.	Иркутская губ., Березовский окр.	
		1848		Мелецкая управа; Березовский и Обдорский округа	

1837	Г., К.	Полуостров Таймыр и близлежащая территория, Туруханский край, Нижне-Колымское ведомство, Северо-Восток Сибири	1849	С.Я.	Березовский и Тарский округа
1838			1850		Березовский окр.
1843	Н.	Колымский окр.	1851	Н.	»
			1852		»
1848	Х.	Западная Сибирь	1858	Н.	Алтайский горный окр.
1849		Территория между низовьями рек Лены и Енисея, Тарский окр.			
1850	О.	»	1860	Н.	Алтайский окр., Мелецкая управа и ряд прилежащих мест
1851		»			
1852		»	1862	С.Я.	Мелецкая управа и ряд прилежащих мест
1853	О., Н.	Территория между низовьями рек Лены и Енисея, селения по Якутско-Аянской дороге			
1854	Н.	Полуостров Камчатка	1864	Н.	Красноярский окр.
1882		Тайшетский р-н, Иркутской обл.	1869		Енисейская губ.
1883		»	1870		Кудинское и Агинское ведомства (Бурятия), Минусинский окр., Енисейская губ.
1884	О.	»	1871	Ч.	»
1885		»	1872		»
1886		»	1873		»
		»			»
1889	О.	Северо-Восток Сибири	1875	С.Я.	Кизильское ведомство
1896			1884	Саян	Ачинский окр.
1897	Грипп	Охотский окр.	1885		» Минусинский окр., Енисейская губ.
1898			1886	Ч.	»
			1887		» Енисейская губ.
1900	О.	Полуостров Камчатка, Охотское побережье			

*Таблица составлена по данным: Алексеев, 1982; Аполлова, 1976; Батуева, Зоритуев, 1984; Борисенко, Пасецкий, 1988; Боякова, 2001; Бояршинова, 1950; Булыгин, 1974; Васильев, 1982; Васильев, Сегал, 1960; Ватин, 1913, 1914; Гурвич, 1963, 1966, 1982 б, в; Долгих, 1960, 1970; Емельянов, 1981; Иваненко, 1990; Кожухов, 1967; Латкина, 1890; Лебедев, Соколова, 1982; Лопаткин, 2000; Лукичев, 1963, 1982; Миллер, 2000; Миненко, 1991; Окладников, 1977; Орлова, 1999; Парникова, 1971; Пелих, 1981; Перевалова, 2000; Русакова, 1973; Скобелев, 2002; Смирнов, 1928; Степанов, 1981, 1987; Туголуков, 1982 а, б; 1985; Уманский, 1980; Шерстобоев, 1957; Щеглов, 1884; Иркутская летопись..., 1990, 1991; История Якутской АССР, 1957; Крестьянство Сибири..., 1982; Материалы..., 1970; Памятная книжка..., 1889; Русские экспедиции..., 1984; Тюмень..., 1986; Тюменский уезд..., 1969, а также материалам Государственного учреждения Тюменской обл. "Государственный архив в г. Тобольске": Ф. 329. Оп. 13. Д. 12. Л. 142-144; Д. 280; Ф. 329. Оп. 541. Д. 378; Ф. 385. Оп. 13. Д. 329; Ф. 464. Оп. 1. Д. 72 и отдела редких книг универсальной научной библиотеки Красноярского края: Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии (1594-1893).

Примечание: О. – оспа, Г. – горячка, К. – "катар", Х. – холера, Ч. – чума, С.Я. – сибирская язва, Н. – неидентифицированные заболевания.

преимущественно локальный характер; их почти полностью можно отнести только к территории Восточной Сибири. Если в XVIII и первой половине XIX в. отмечается “спад”, то на вторую половину XIX и начало XX в. вновь приходится “всплеск” упоминаний о губительных последствиях эпидемий оспы.

Что касается других заболеваний, то примерно в конце XVII – первой четверти XIX в. север Восточной Сибири охватили эпидемии “гнилой горячки”, а затем “горячки и воспалительного катара”. Известно, что в 1824–1825 гг. от горячки вымерли тунгусы по р. Лене [Щеглов, 1884, с. 459], а в 1826–1827 гг. в Колымском окр. погибли 48 юкагиров и местных русских [Боякова, 2001, с. 41]. В середине XIX в. отмечены эпидемии кори и гриппа в Туруханском крае, а также “кровоавого тифа”, смертность от которого в Березовском окр. составила ок. 72 % [Скобелев, 2002, с. 5].

Эпизоотии. Большое значение для хозяйственной жизни имели эпизоотии сибирской язвы (anthrax), чумы (pestis) и др., которые не раз подрывали благосостояние коренного и русского населения (см. *таблицу*). В хозяйстве скотоводов-кочевников, где скот составлял основное богатство, вспышка эпизоотии была страшным бедствием, иногда она приводила к полному разорению. Последствия эпизоотий хорошо иллюстрирует такой факт: в 1848 г. вследствие занесенной из Архангельской обл. чумы только в одном Обдорском окр. пало свыше 10 тыс. оленей [Перевалова, 2000, с. 182]. От падежа скота страдали хозяйства и русского населения. Еще в самом начале XVII в. Борис Годунов в связи с падежом скота писал тюменскому голове Безобразову: “...и мы писали в Казань, велели купить 300 быков и велели отослать в сибирские города для пашни...” (цит. по: [Иваненко, 1990, с. 24]).

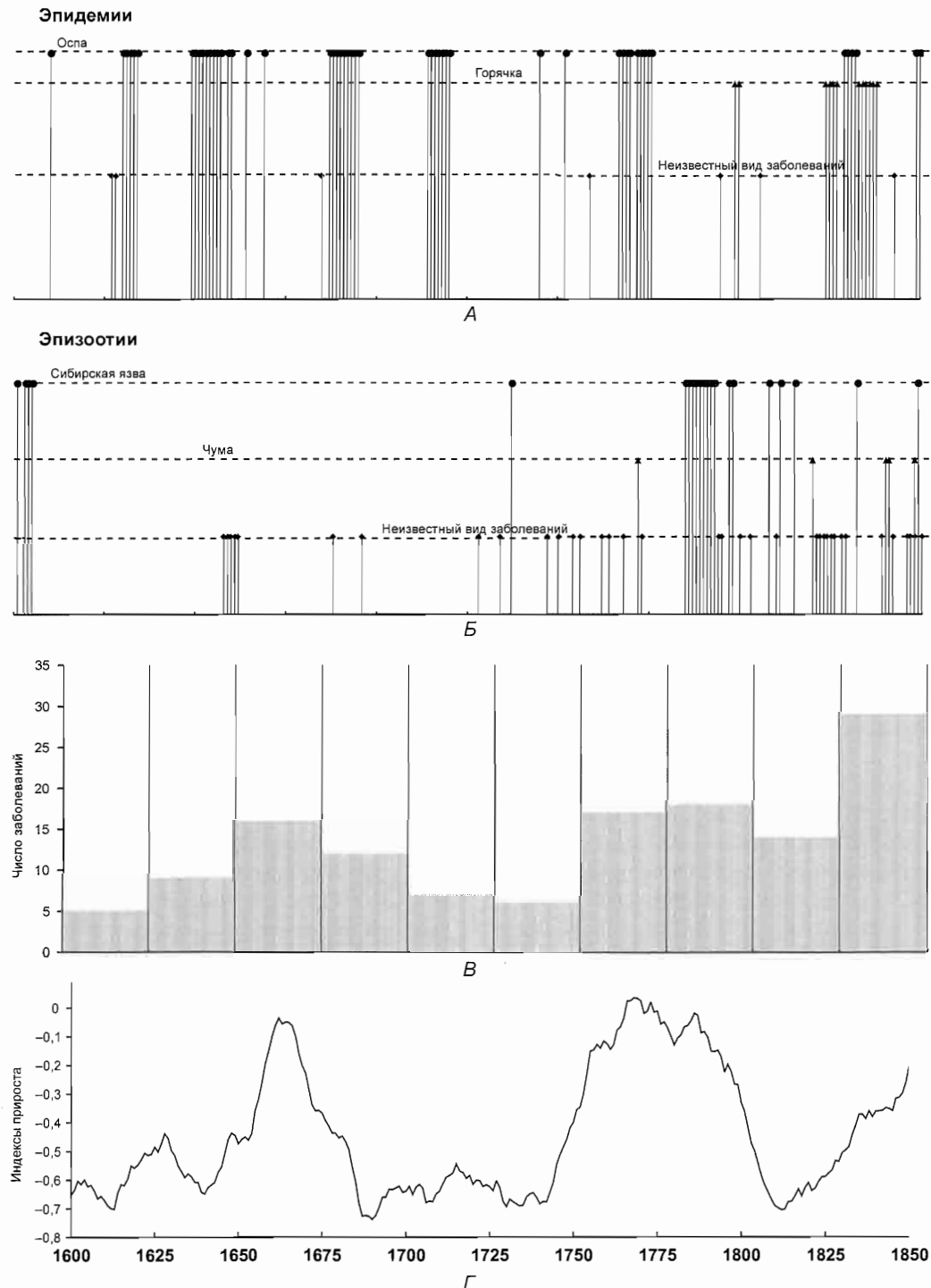
Начиная с 20-х гг. XVIII в. сибирская язва являлась постоянным фактором, влиявшим на численность поголовья скота. Согласно собранным данным, с 1785 по 1792 г. в Семипалатинском и Колыванском уездах от сибирской язвы пало более 23 тыс. голов скота [Аполлова, 1976, с. 200], а в одном только 1875 г. в Кызылском ведомстве – более 1/5 поголовья лошадей [Кузнецова, Кулакова, 1898, с. 85]. Поистине настоящим бедствием для населения Сибири были эпизоотии чумы. В 1772, 1803, 1820, 1840–1841, 1848, 1869–1873, 1885–1887 гг. “падал весь скот, вплоть до шерстинки”. Так, две последние эпизоотии только в Енисейской губ. привели к гибели 170 тыс. голов скота. По этому поводу современник писал: “Это страшное бедствие настолько подорвало благосостояние инородческого и крестьянского населения губернии, что и до сих пор, по прошествии двух с лишком лет, заметно отражается на материальном его положении” [Памятная книжка..., 1889, с. 359]. Таким образом, несмотря на благоприятные условия для скотоводства, численность поголовья скота на территории Сибири из-за эпизоотий существенно колебалась, что

отрицательно сказывалось на хозяйственной деятельности коренного и русского населения.

Эпидемии и эпизоотии и внутривековые колебания температур. В рамках затрагиваемой проблемы наиболее дискуссионным и наименее изученным является вопрос о причинах вспышек того или иного вида заболеваний. А.Л. Чижевский видел определенную связь между временем появления заболеваний и динамикой солнечной активности [1955], но применительно к территории Сибири эту связь выявить не удалось [Леви, 2000]. Была предпринята попытка сопоставить синтезированную информацию об эпидемиях и эпизоотиях с показателями длительных колебаний температур на севере Сибири, которые реконструировались по обобщенным длительным хронологиям, построенным по ширине годовых колец деревьев. На рисунке (А и Б) на оси абсцисс отложены годы вспышек эпидемий и эпизоотий; горизонтальными линиями отмечены виды заболеваний. На основе этих данных построена гистограмма (см. *рисунок, В*), иллюстрирующая динамику вспышек эпидемий и эпизоотий. Длительные изменения температуры на Севере Евразии (см. *рисунок, Г*) реконструированы по усредненным древесно-кольцевым хронологиям, полученным для территории Швеции, Ямала, Таймыра и низовьев р. Индигирки, с последующим сглаживанием скользящей средней с окном в 25 лет и шагом 1 год [Наурзбаев, Сидорова, Ваганов, 2001; Овчинников, Панюшкина, Адаменко, 2002; Сидорова, Наурзбаев, 2002]. Как показывает сопоставление информации, представленной на рисунке (В и Г), частота заболеваний в определенной мере увеличивается в периоды повышения температур на севере Евразии. Выявленная закономерность отражает общую связь между ходом температур и частотой вспышек заболеваний, т.е. она является неотчетливой, поскольку статистических данных для отдельных лет явно не достаточно.

Обсуждение

Для объективной оценки эпидемиологических последствий проникновения русского населения в Сибирь важно рассмотреть, к каким результатам приводило появление представителей иных народов на ранее изолированных территориях (Сибирь, особенно ее северные районы, в силу физико-географического расположения [Сибирь, 2003, с. 1423] можно условно считать в значительной мере изолированной от окружающего мира). Обращает на себя внимание тот факт, что едва европейцы достигли Нового Света, как уже в 1493 г. вспыхнула эпидемия оспы в Сан-Доминго, в 1519 г. – в Мехико, в 30-х гг. XVII в. – в Перу, а в 1635 г. – в Канаде. Если провести сравнение по такому показателю, как уровень смертности, то его величина также была высокой. Например, в результате вспышки оспы 1521 г.,

Вспышки эпидемий (А), эпизоотий (Б), суммарное количество вспышек эпидемий и эпизоотий (В) и внутривековой ход температур (Г) на севере Евразии в 1600–1850 гг.

“мора” в 1546 г. (с повторением в 1576–1577 гг.) в Мексике погибло ок. 2 млн жителей (некоторые из Антильских островов полностью обезлюдели). Масштабы потерь можно представить, если исходить из того, что в 1568 г. численность населения этой страны составляла ок. 2 650 тыс. чел. [Бродель, 1986, с. 47–48]. Не менее

высокая смертность отмечалась и в более поздний период. По данным французского мореплавателя Лаперуза, в 1786 г. на о-ве Пасхи численность населения, вышедшего ему навстречу, составляла ок. 2 тыс. чел., а после эпидемии оспы в 1863 г. на острове осталось всего 111 чел. [Хейердал, 2003, с. 30]. Таким образом, про-

никновение европейцев в Америку повлекло за собой появление патогенных возбудителей, перед натиском которых иммунитет коренного населения был бессилён, следствием чего стало катастрофическое сокращение его численности. Подобное характерно и для Сибири – проникновение европейского человека на ранее изолированные территории незамедлительно повлекло за собой вспышки эпидемий. При этом значение фактора изолированности сохраняется и в более поздний период (величина смертности от эпидемий коренного населения выше, чем русского) [Арефьев, 1902, с. 4–5].

Рост численности населения в рассматриваемый период не был непрерывно возрастающим. Если отобразить его графически, то это будет не восходящая прямая, а скорее значительные по размаху колебания около медленно растущей средней. Другими словами, вслед за периодом роста численности населения идет период ее сокращения вследствие голода или эпидемий, а затем снова период подъема. Демографическая ситуация в Сибири в XVII в., насыщенном эпидемиями, характеризуется резким снижением численности коренного населения, а в XVIII в. – ростом этого показателя до уровня, сопоставимого с тем, который был в период до присоединения края к России.

Заключение

Выявленная связь между многолетними колебаниями температуры и вспышками эпидемий и эпизоотий, несомненно, проявляется не прямо, а опосредованно. Это объясняется, по нашему мнению, вероятно, ростом активности и численности возбудителей заболеваний в периоды повышения температуры, что согласуется с эпидемиологическими наблюдениями. Полученный результат, как мы полагаем, представляет интерес и с точки зрения прогнозируемого глобального и регионального потепления.

Реконструкция динамики вспышек заболеваний и степени их интенсивности позволяет по-новому взглянуть на протекавшие в XVII–XIX вв. демографические процессы. Так, сопоставление показателей смертности от инфекционных заболеваний и данных по пространственно-временному распределению эпидемий отчасти объясняет, почему в XVII – середине XIX в. на одних территориях отмечался рост, а на других – сокращение численности аборигенного населения. Следует учитывать, что такие последствия заболеваний, как высокая смертность, вынужденные перемещения, расстройство хозяйства, усиливая друг друга, должны были вызывать активизацию процессов ассимиляции на территории Сибири. Говоря об эпизоотиях, можно отметить, что они не раз оказывали прямое воздействие на численность поголовья скота, что нередко приводило к разорению коренного и русского населения.

Список литературы

- Алексеев Е.А. Кеты // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 99–117.
- Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVII – первой половине XIX века. – М.: Наука, 1976. – 371 с.
- Арефьев В. Енисейские инородцы // Сибирский сборник. – Иркутск: [Паровая тип. газеты “Восточное обозрение”], 1902. – С. 1–40.
- Батуева И.Б., Зоритуев Б.Р. Скотоводство и скотоводческие традиции у бурят // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1984. – С. 81–96.
- Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3., ч. 2. – 297 с.
- Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 4. – 259 с.
- Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. – М.: Мысль, 1988. – 522 с.
- Боякова С.И. Освоение Арктики и народы северо-востока Азии. – Новосибирск: Наука, 2001. – 160 с.
- Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. Том. гос. ун-та. – 1950. – Т. 112. – С. 23–210.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 622 с.
- Булыгин Ю.С. Первые русские крестьяне на Алтае. – Барнаул: Кн. изд-во, 1974. – 144 с.
- Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике. – Новосибирск: Наука, 1996. – 246 с.
- Васильев В.И. Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 48–80.
- Васильев К.Г., Сегал Л.Е. История эпидемий в России: Материалы и очерки. – М.: Медгиз, 1960. – 398 с.
- Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в.: Этюды по истории Сибири. – Минусинск: [Тип. А.Ф. Метелкина], 1913. – 212 с.
- Ватин В.А. Село Минусинское: Исторический очерк. – Минусинск: [Тип. А.Ф. Метелкина], 1914. – 179 с.
- Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1990. – 368 с.
- Гурвич И.С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. // Сибирский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 71–91.
- Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 269 с.
- Гурвич И.С. Северные якуты и долганы // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982а. – 276 с.
- Гурвич И.С. Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982б. – С. 180–196.
- Гурвич И.С. Юкагиры // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982в. – С. 168–179.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с. – (Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая; Т. 55).
- Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М.: Наука, 1970. – 268 с.

- Емельянов Н.Ф.** Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – 181 с.
- Зензинов В.И.** Старинные люди у холодного океана. – Якутск: Якутский край, 2001. – 350 с.
- Иваненко А.** Четыре века тюменского поля. – Свердловск: Среднеурал. кн. изд-во, 1990. – 208 с.
- Иркутская летопись** (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова) // Сибирь. – 1990. – № 1. – С. 104–113; № 2. – С. 114–131; 1991. – № 1. – С. 194–215.
- История Якутской АССР.** – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 2. – 419 с.
- Кожухов Ю.В.** Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1967. – 384 с.
- Крестьянство Сибири** в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука, 1982. – 504 с.
- Кузнецова А.А., Кулакова П.Е.** Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: [Тип. Енисей. губ. упр.], 1898. – 298 с.
- Латкин И.В.** Красноярский округ Енисейской губернии. – СПб.: [Б.и.], 1890. – 74 с.
- Лебедев В.В., Соколова З.П.** Селькупы // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 118–128.
- Леви К.Г.** Современная геодинамика и глобальные природные изменения в Байкальской Сибири // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 302–312.
- Лопаткин Г.** Летопись града Ачинска. – Ачинск: Свет, 2000. – 544 с.
- Лукичев С.С.** Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1963. – С. 379–389.
- Лукичев С.С.** Скотоводство в приписной деревне Западной Сибири в дореформенный период // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1982. – Вып. 11. – С. 46–53.
- Материалы по истории Якутии XVII в.** – М.: Наука, 1970. – Ч. 3. – 1269 с.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 2. – 795 с.
- Миненко Н.А.** Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVII – первая половина XIX в. – Новосибирск: Наука, 1991. – 208 с.
- Наурзбаев М.М., Сидорова О.В., Ваганов Е.А.** История климата позднего голоцена на востоке Таймыра по данным сверхдлительной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 17–25.
- Овчинников Д.В., Панюшкина И.П., Адаменко М.Ф.** Тысячелетняя древесно-кольцевая хронология лиственницы Горного Алтая и ее использование для реконструкции летней температуры // География и природные ресурсы. – 2002. – № 1. – С. 102–108.
- Окладников А.П.** Древний Зашиверск. – М.: Наука, 1977. – 210 с.
- Орлова Е.П.** Ительмены. – СПб.: Наука, 1999. – 194 с.
- Оспа натуральная** // Большая медицинская энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1961. – Т. 22 – С. 223–246.
- Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г.** – Красноярск: [Енисей. губ. тип.], 1889. – 396 с.
- Парникова А.С.** Расселение якутов в XVII – начале XX в. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 152 с.
- Пелих Г.И.** Селькупы XVII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – 177 с.
- Перевалова Е.В.** Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 152–190.
- Русакова Л.М.** Состав и соотношение сельскохозяйственных культур в Среднем Зауралье во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1973. – 463 с.
- Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана** в первой половине XVIII в. – М.: Наука, 1984. – 320 с.
- Сибирь** // Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. энцикл., 2003. – С. 1423.
- Сидорова О.В., Наурзбаев М.М.** Реакция на климатические изменения лиственницы Каяндера на верхней границе леса и в долине реки Индигирки // Лесоведение. – 2002. – № 2. – С. 73–75.
- Скобелев С.Г.** Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Сибирская заимка: Электрон. журнал. – 2002. – № 3. – Режим доступа: www.zaimka.ru.
- Словцов П.А.** Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск: Вен-Мер, 1995. – 675 с.
- Смирнов В.А.** Исторический очерк Приенисейского края. – Красноярск: [Тип. ОГПУ], 1928. – Ч. 2. – 47 с.
- Степанов Н.Н.** Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена. – 1961. – Т. 222. – С. 209–262.
- Томилов Н.А.** Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVII – первой четверти XIX в. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – 275 с.
- Томилов Н.А.** Чулымские тюрки в конце XVII – первой четверти XIX в. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 206 с.
- Туголуков В.А.** Эвенки // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982а. – С. 129–154.
- Туголуков В.А.** Эвены // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982б. – С. 155–167.
- Туголуков В.А.** Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 284 с.
- Тюмень – ворота Сибири:** Хроника. Документы. 1586–1986. – Свердловск: Кн. изд-во, 1986. – 143 с.
- Тюменский уезд в XVII–XVIII вв.** – Тюмень: Тюм. гос. пед. ин-т, 1969. – 230 с.
- Уманский А.П.** Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.
- Хейердал Т.** Аку-аку. – М.: Астрель, 2003. – 381 с.
- Чижевский А.Л.** Космический пульс Земли. – М.: Мысль, 1955. – 349 с.
- Шерстобоев В.Н.** Илимская пашня. – Иркутск: Кн. изд-во, 1957. – Т. 2. – 674 с.
- Шунков В.И.** Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 432 с.
- Щеглов И.В.** Хронологический перечень важных данных из истории Сибири. – Иркутск: [Б.и.], 1884. – 778 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС “АКТУАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – ГЛОБАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО”, ПОСВЯЩЕННЫЙ 175-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ГЕРМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Германский археологический институт – одно из старейших германских научно-исследовательских учреждений – основан 21 апреля 1829 г. в Риме как интернациональное сообщество ученых. В 1874 г. он стал имперским учреждением благодаря Бисмарку, понимавшему, что институт может сыграть большую роль в создании фундамента общеевропейской культуры. Сегодня институт как никогда близок к этой цели – он сотрудничает с учеными всего мира.

Празднование 175-летнего юбилея института началось 10 ноября 2004 г. с торжественного заседания в Министерстве иностранных дел ФРГ, на которое министр Йошка Фишер пригласил более 600 гостей – ученых, предпринимателей, политических деятелей и дипломатов многих стран. После выступления министра с приветственными речами выступили президент Германского археологического института проф. д-р Герман Парцингер и от имени иностранных археологов – проф. д-р Анатолий Деревянко.

С 11 по 13 ноября 2004 г. в Министерстве иностранных дел в Берлине проходил Международный конгресс “Актуальная археология: современные исследования – глобальное сотрудничество”, в работе которого приняли участие ученые, друзья и партнеры института из 16 стран Америки, Европы, Ближнего Востока, России и Китая. Их доклады были наилучшей иллюстрацией масштабы научной деятельности Германского археологического института, его тесной связи с международным научным сообществом.

Работа конгресса была организована по секциям, соответствующим подразделениям института, – от Римского до Евроазиатского отдела. Секции заседали в последовательности, которая отражала последовательность создания отделов. Тем самым удалось показать деятельность всего института, развитие германской археологии. Директора отделов и комиссий, руководившие работой секций, познакомили участников с главными направлениями и реализуемыми сегодня проектами своих подразделений. Участники конгресса рассказали об актуальных исследованиях,

которые проводятся в тесном сотрудничестве с Германским археологическим институтом.

Отдельные докладчики, например *Orhan Bingöl* из Стамбула, рассказали о заслугах первых германских исследователей древности, посвятивших себя изучению проблем международного значения. В эту когорту входит Карл Хуманн, внесший большой вклад в изучение античного города Магнесия на Меандре в Западной Турции. К их числу относится и сотрудник Российской академии наук Фридрих Вильгельм Радлов, о деятельности которого в своем докладе говорил Вячеслав Молодин из Новосибирска. Ф.В. Радлов открыл первые “замерзшие” курганы пазырыкской культуры в Горном Алтае и проложил дорогу российским исследователям в один из интереснейших своими находками регионов Сибири. Одновременно с К. Хуманном и Ф.В. Радловым германские исследователи работали в Египте, о чем рассказал в своем выступлении *Ali Radwan* из Каира. Докладчики подчеркнули, что лучших представителей германской археологии всегда волновали глобальные проблемы.

Vassilis Lambrinoudakis из Афин и *Rui Parreira* из Лиссабона в своих выступлениях рассказали об участии германских специалистов в исследованиях древних сооружений на Кикладах и мегалитических культур на Альгарве. Уже много десятилетий в тесном и постоянном контакте с Германским археологическим институтом работают археологи Греции и Португалии.

Как подчеркнул *Sadegh Malek Shamirzadeh* из Тегерана, германские ученые внесли вклад в изучение ранних культур на территории Ирана.

Mariantonietta Tomei и *Claudio Parisi Presicce* из Рима представили результаты новых исследований Колизея и мавзолея Адриана, в которых принимали участие сотрудники Римского отдела. Изыскания на территории Рима – хороший пример плодотворного сотрудничества итальянских учреждений и Германского археологического института по изучению выдающегося культурного наследия Вечного города.

Предмет научного интереса *Michel Reddé* из Парижа – отношения между римлянами и кельтами. Исследователь рассказал о совместных француско-германских раскопках в окрестностях опидума Алезии, где Цезарь одержал победу над галльским вождем Верцингеториксом.

О распространении фибул императорского времени в Германии сделала доклад *Magdalena Maczynska* из Лодзи. Эта проблема всегда связывала германских и польских исследователей, и в настоящее время работа над ней будет продолжена на новом уровне.

Ahmet Yaraş из Эдирне представил результаты раскопок в Аллианои близ Пергамона – чрезвычайно интересного объекта на горячих источниках, датируемого II в. н.э. Подобные исследования имеют большое значение для реконструкции окружи эллинистических и римских городов-резиденций. Германские и турецкие исследования хорошо дополняют друг друга.

О политической и общественной жизни малоазийских городов археология может сказать немного. То, что деньги и в далеком прошлом правили миром, хорошо показал *Peter Weiß* из Кили. Ему удалось проследить менталитет городской элиты на примере легенды монет.

В последние годы открылись новые возможности для работы института на Ближнем Востоке. О проведении совместных раскопок финикийских слоев Телль Бурака рассказала *Hélène Sader* из Бейрутского университета. *Said al-Said* из Риадского университета представил результаты исследования в Ал-Фау, торговом центре на юге Аравийского полуострова. У германских исследователей, работающих в Йемене, Омане, Иордании, Сирии и Ираке благодаря реализации нового проекта, связанного с изысканиями в оазисе Тайма, появился шанс включить в археологическое изучение территорию Саудовской Аравии.

Доклад археолога из Пекина *Wang Wei* убедительно показал, что сегодня археология Китая не изолирована от остального мира. Исследователь подчеркнул, что особенности истории кочевников эпохи раннего железа степей Евразии невозможно понять без знания развития культуры Северного Китая.

Германский археологический институт активизировал свою деятельность в Северо-Западной Африке. *Abdeslam Mikdad* из Рабата сделал доклад о палеолитических исследованиях в Северном Марокко,

которые уже несколько лет ведутся при участии сотрудников института. Эти работы очень важны для определения роли североафриканского палеолита в раннем развитии человека в Европе.

В последние 25 лет активизировалась работа института и в Латинской Америке, особенно в Гватемале, Боливии и Перу. *Johnny Isla* из Перу осветил развитие культур паракас, наска и вари на северной периферии империи инков с I тыс. до н.э. до эпохи испанского завоевания. Исследования в этой области перуанские археологи ведут совместно с учеными Германского археологического института.

Как показали выступления участников форума, плодотворное сотрудничество института с иностранными партнерами вызвано к жизни совместными научными потребностями как в Италии и Греции, где институт работает уже продолжительное время, так и в России или Китае, где он получил возможность участвовать в изысканиях недавно. При этом все больше проектов с самого начала планируются и организуются как совместные.

Сегодня археологи занимаются решением не только крупных исследовательских задач, но и неотложных проблем, возникающих в связи с разрушением бесчисленных памятников по всему миру. Строительство плотин угрожает целым культурным ландшафтам. Огромный вред наносится организованными грабительскими раскопками. В горах Алтая ввиду всеобщего потепления климата происходит таяние ледников. Через пару десятилетий в скифских погребениях могут исчезнуть ледяные линзы и бесценные уникальные возможности исследования прошлого будут навсегда утеряны. Спасение культурного наследия является делом международного сотрудничества.

Германский археологический институт появился как интернациональное европейское сообщество. Сохраняя верность намерениям своих основателей, он, как показали доклады наших друзей и коллег, является частью глобальной исследовательской сети. Сегодня он в большей мере интернационален, чем ранее, когда был прусской исследовательской организацией. Высшими задачами института являются служение науке, развитие сотрудничества, участие в возведении мостов к совместному пониманию и духовному единству всех наций.

Герман Парцингер

*Германский археологический институт, Берлин, Германия
Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, Podlielskallee, 69–71, Berlin, D-14195, BRD*

АН РК – Академия наук Республики Казахстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АС ГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ – Бурятский научный центр СО РАН
ВНИГРИ – Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт
ДВО – Дальневосточное отделение РАН
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИПОС – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИФХ и БПП – Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
ИЭР и Ж – Институт экологии растений и животных УрО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МАЭ – Музей антропологии и этнографии РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МУ ИКНЦП – Муниципальное учреждение “Историко-культурный научно-производственный центр”
ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пушкинского научного центра РАН
РИО ЛИВД – Редакционно-издательский отдел Луганского института внутренних дел
СА – Советская археология
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СЭ – Советская археология
УрО – Уральское отделение РАН
CNRS – Centre National de Recherche Scientifique

- 2001, № 2 (6) **Агаджанян А.К.** Пространственная структура позднеплейстоценовой фауны млекопитающих Северной Евразии
- 2001, № 2 (6) **Адовазно Дж.М., Соффер О., Хиланд Д.С., Иллингворт Дж.С., Клима Б., Свобода И.** Производство изделий из недолговечных материалов в Долни Вестонице I: новый взгляд на природу и происхождение граветта
- 2002, № 3 (11) **Акимова Е.В.** Обработка бивня на многослойной палеолитической стоянке Лиственка
- 2001, № 4 (8) **Амирханов Х.А., Фогт Б., Седов А.В., Буффа В.** Раскопки поселения рыболовов и собирателей моллюсков в лагуне Хор Умейра на побережье Аденского залива (Республика Йемен)
- 2005, № 3 (23) **Аникович М.В.** О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района
- 2003, № 2 (14) **Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы
- 2005, № 2 (22) **Аникович М.В.** Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества
- 2002, № 1 (9) **Анисюткин Н.К.** К проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему
- 2004, № 2 (18) **Артемьева Н.Г.** Буддийский жезл из Красноярского городища
- 2002, № 2 (10) **Асеев И.В.** Китайская культура в неолите Байкальского региона и прилегающих территорий: вопросы хронологии, районы миграции ее носителей
- 2004, № 4 (20) **Атнагулов И.Р.** Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века
- 2005, № 4 (24) **Ахметгалеева Н.Б.** Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки-7
- 2001, № 2 (6) **Байпаков К.М., Ефстифеев Ю.Г., Кок Б., Пачикин К.М., Савельева Т.В.** Эколого-археологические исследования в Южном Прибалхашье (Северо-Восточное Семиречье)
- 2004, № 1 (17) **Балуева Т.С., Веселовская Е.В.** Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным
- 2005, № 2 (22) **Баркова Л.Л., Панкова С.В.** Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы)
- 2002, № 4 (12) **Бар-ОзГ., Адлер Д.С., Мешвелиани Т., Тушабрамишвили Н., Белфер-Кохен А., Бар-Йозеф О.** Охотники-собиратели Юго-Западного Кавказа в среднем и верхнем палеолите: новые фаунистические данные из Западной Грузии
- 2001, № 2 (6) **Бауло А.В.** Богатырь и невеста (серебряное блюдо с реки Сыня)
- 2004, № 1 (17) **Бауло А.В.** Домашние (семейные) святилища северных хантов
- 2002, № 2 (10) **Бауло А.В.** Древний металл из святилищ обских угров (новые находки)
- 2000, № 3 (3) **Бауло А.В.** Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов)
- 2002, № 1 (9) **Бауло А.В.** Сасанидское серебряное блюдо с реки Сыня
- 2004, № 3 (19) **Бауло А.В.** Связь времен и культур (серебряное блюдо из Верхнего Нильдина)
- 2000, № 4 (4) **Бауло А.В.** Серебряное блюдо с Малой Оби
- 2005, № 4 (24) **Бауло А.В., Истомин М.Л., Федорова Н.В.** Средневековые бронзовые изделия: новые находки на севере Западной Сибири

- 2001, № 3 (7) **Бауло А.В., Маршак Б.И.** Серебряный ритон из хантыйского святилища
- 2004, № 2 (18) **Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В.** Серебряные блюда с реки Войкар
- 2005, № 3 (23) **Бауло А.В., Федорова Н.В.** Фигура духа-покровителя казымских хантов
- 2002, № 4 (12) **Баштанник С.В.** Археоботанические находки на средневековых городищах Семиречья
- 2001, № 4 (8) **Баштанник С.В., Байпаков К.М., Зиняков Н.М.** Культурные растения средневекового Семиречья и Южного Казахстана по археологическим находкам
- 2004, № 4 (20) **Баяр Д.** Новые археологические раскопки на памятнике Билгэ кагана
- 2004, № 4 (20) **Беднарик Р.** Интерпретация данных о происхождении искусства
- 2002, № 2 (10) **Бейри С., Васильев С.А., Давид Ф., Карлен К., Дьяченко В.И., Чесноков Ю.В.** Опыт реконструкции процесса обработки шкур (по материалам верхнепалеолитической стоянки Уй I на Енисее и этноархеологическим данным)
- 2001, № 1 (5) **Беликова О.Б.** Каменные изделия из курганов XIII в. юга Западной Сибири
- 2005, № 1 (21) **Белозёрова В.Г.** Истоки каллиграфической традиции Китая в свете археологических открытий XX столетия
- 2005, № 2 (22) **Березкин Ю.Е.** Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа
- 2005, № 1 (21) **Березкин Ю.Е.** Оценка древности евразийско-американских связей в области мифологии
- 2003, № 2 (14) **Березкин Ю.Е.** Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии
- 2000, № 1 (1) **Бобров В.В.** Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины
- 2002, № 1 (9) **Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.** Начало хуннской эпохи на Саяно-Алтае
- 2004, № 2 (18) **Бобров В.В., Кунгурова Н.Ю.** Функциональное использование основных групп изделий эпохи энеолита с поселения Танай-4а
- 2004, № 4 (20) **Боброва А.И.** Нательные кресты с Тискинского могильника
- 2004, № 4 (20) **Богданов Е.С.** Проблема происхождения образа хищника, свернувшегося в кольцо, в “восточной провинции” скифского мира
- 2001, № 2 (6) **Богданов Е.С., Кузнецов Д.В.** Ордосские художественные бронзы
- 2003, № 4 (16) **Богомолов Г.И.** Каменная стела из окрестностей Мингурюка
- 2002, № 2 (10) **Болиховская Н.С., Молодьков А.Н.** Реконструкция развития палеоклиматических событий плейстоцена по данным палинологических и электронно-парамагнитнорезонансных исследований на территории Северной Евразии
- 2005, № 3 (23) **Болиховская Н.С., Шуньков М.В.** Климатостратиграфическое расчленение древнейших отложений раннепалеолитической стоянки Карама
- 2003, № 2 (14) **Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Западно-европейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г.Ф. Миллером из Сибири
- 2004, № 1 (17) **Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае
- 2005, № 2 (22) **Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Узда с памятника Чоба-Баш в Горном Алтае
- 2004, № 4 (20) **Бородовский А.П.** Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога
- 2003, № 3 (15) **Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джалл Э.Дж.Т.** Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганный группы Быстровка-2)

- 2005, № 1 (21) **Бородовский А.П., Табарев А.В.** Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии
- 2003, № 1 (13) **Боталов С.Г.** Хунны и гунны
- 2002, № 4 (12) **Бродянский Д.Л.** Ворон, Хозяйка Моря и другие персонажи мифов в бойсманском искусстве
- 2001, № 1 (5) **Бродянский Д.Л.** Обитатели моря в искусстве бойсманской неолитической культуры
- 2003, № 2 (14) **Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Древнейшие лодки и мореходы Северо-Западной Пасифики
- 2001, № 4 (8) **Буров Г.М.** Деревянные орудия ремесленного производства с поселения Вис II в бассейне Вычегды (середина I тыс. н.э.)
- 2004, № 2 (18) **Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю., Гучинова Э.Б.** Порядок рождения и привязанность к родственникам: кросс-культурный анализ
- 2004, № 3 (19) **Бутовская М.Л., Левашова В.В.** Скорость движения и язык тела пешеходов в условиях современного города: этологический анализ
- 2005, № 2 (22) **Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю.** Погребальные сооружения как источник по изучению лесопользования у пазырыкцев
- 2004, № 1 (17) **Вадецкая Э.Б.** Новое о таштыкских погребальных масках
- 2003, № 4 (16) **Вадецкая Э.Б., Протасов В.А.** Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза)
- 2001, № 4 (8) **Васильев С.А.** Комментарии к статье М. Отта и Я.К. Козловского “Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии”
- 2001, № 2 (6) **Васильев С.А.** Некоторые итоги изучения палеолита Алтая и их значение для археологии каменного века
- 2001, № 3 (7) **Васильев С.А., Каспаров А.К., Свеженцев Ю.С.** Фаунистические остатки и реконструкция характера охоты палеолитического человека на Верхнем Енисее (по материалам многослойных стоянок в районе Майнинской ГЭС)
- 2003, № 3 (15) **Василевский А.А.** Периодизация верхнего палеолита Сахалина и Хоккайдо в свете исследований поселения Огоньки-5
- 2001, № 3 (7) **Васильевский Р.С.** Генезис и взаимодействие культур Северной Пасифики
- 2002, № 2 (10) **Васильевский Р.С.** Лабретки в культурах Северотихоокеанского региона
- 2004, № 4 (20) **Вебер А.В., Горюнова О.И., Бзукенс Р.П.** Радиоуглеродное датирование могильника эпохи бронзы Хужир-Нугэ XIV (оз. Байкал)
- 2001, № 1 (5) **Вебер А.В., Линк Д.В.** Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения
- 2005, № 1 (21) **Вишняцкий Л.Б.** Информационный взрыв и изобразительная деятельность
- 2004, № 3 (19) **Вишняцкий Л.Б.** Опыт эволюционного ранжирования индустрий конца среднего и ранней поры верхнего палеолита
- 2000, № 4 (4) **Воевода М.И., Ромащенко А.Г., Ситникова В.В., Шульгина Е.О., Кобзев В.Ф.** Сравнение полиморфизма митохондриальной ДНК пазырыкцев и современного населения Евразии
- 2003, № 1 (13) **Войтишек Е.Э.** Происхождение и история развития карт в Японии (анализ и интерпретация традиционных японских интеллектуальных карточных игр)
- 2004, № 4 (20) **Войтов В.Е., Худяков Ю.С.** Монгольский шлем из собрания Государственного Музея искусства народов Востока
- 2005, № 2 (22) **Волков И.А.** Геологические события конца позднеледникового в долинах Сибири и динамика природной среды

- 2000, № 4 (4) **Волков П.В.** Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита
- 2004, № 2 (18) **Волокитин А.В., Ткачев Ю.А.** Реконструкция природной среды обитания мезолитического населения реки Вычегды
- 2001, № 3 (7) **Вольпов М.Х.** Комментарии к статье М. Отта, Я.К. Козловского
- 2001, № 2 (6) **Габуния Л., Векуа А., Лордкипанидзе Д.** Новые находки костных остатков ископаемого человека в Дманиси (Восточная Грузия)
- 2002, № 4 (12) **Габуния Л.К., Векуа А.К., Люмлей М.-А. де, Лордкипанидзе Д.О.** Новый вид *Homo*, представленный находкой из низов плейстоценового горизонта Дманиси (Грузия)
- 2005, № 1 (21) **Гемуев И.Н.** К вопросу о социальной организации селькупов
- 2001, № 1 (5) **Генералов А.Г., Медведев Г.И., Роговской Е.О., Ребриков П.Н.** Новые данные по палеолитическому местонахождению Военный Госпиталь
- 2003, № 3 (15) **Глушкова Т.Н., Дудкина С.А.** Роль ткани и тканой одежды в обрядовой практике обских угров
- 2003, № 4 (16) **Горюнова О.И., Вебер А.В.** Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (озеро Байкал)
- 2004, № 4 (20) **Григорьев Г.П.** Замечания к статье Я.А. Шера “Спорные вопросы изучения первобытного искусства”
- 2005, № 2 (22) **Григорьев С.А.** Анализ шлаковых остатков с поселений Вишневка, Верхняя Алабуга и Коршуново в Тоболо-Ишимской лесостепи
- 2000, № 1 (1) **Гуляев В.И., Савченко Е.И.** Новое погребение знатного воина скифской эпохи на среднем Дону
- 2002, № 2 (10) **Дергачёва М.И., Деревянко А.П., Феденёва И.Н.** Эволюция палеопедогенеза и условий природной среды в позднем плейстоцене в Западном Тянь-Шане
- 2001, № 1 (5) **Дергачёва М.И., Феденёва И.Н.** Изменение условий почвообразования и почвенного покрова на протяжении позднего плейстоцена в долине р. Урсул (Центральный Алтай)
- 2005, № 2 (22) **Деревянко А.П.** Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита
- 2005, № 4 (24) **Деревянко А.П.** К вопросу о формировании пластинчатой индустрии и микроиндустрии на востоке Азии
- 2001, № 3 (7) **Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае
- 2005, № 3 (23) **Деревянко А.П.** Переход от среднего к позднему палеолиту: взгляд из Северной Азии (вместо заключения)
- 2004, № 2 (18) **Деревянко А.П., Волков П.В.** Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая
- 2001, № 1 (5) **Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я.** Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай)
- 2000, № 3 (3) **Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лешинский С.В., Машенко Е.Н.** Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири
- 2001, № 4 (8) **Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейменов Р.Х.** Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14)
- 2000, № 1 (1) **Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д.** Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия)
- 2001, № 2 (6) **Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К.** Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия)

- 2000, № 2 (2) **Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П.** Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом)
- 2000, № 4 (4) **Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К.** Феномен микроиндустриальных комплексов Евразии
- 2003, № 3 (15) **Деревянко А.П., Рыбин Е.П.** Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае
- 2002, № 1 (9) **Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая
- 2005, № 3 (23) **Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Раннепалеолитическая стоянка Карама на Алтае: первые результаты исследования
- 2004, № 3 (19) **Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае
- 2002, № 4 (12) **Деревянко А.П., Шуньков М.В., Колобова К.А., Петрин В.Т.** Основные приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая
- 2005, № 2 (22) **Доде З.В.** “Шелковый рай” на Северном Кавказе. Иранская лицевая ткань XVI века из коллекции Б.А. Куфтина
- 2004, № 1 (17) **Дробышевский С.В., Богатенков Д.В., Трусов А.В.** Лобная кость человека из села Дядькова (Рязанская область)
- 2003, № 1 (13) **Дроздов Н.И., Чеха В.П.** Геологическая хронология и периодизация позднего палеолита Енисея: подходы и проблемы
- 2004, № 3 (19) **Дружинина А.П.** Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии
- 2004, № 3 (19) **Дураков И.А., Мыльников Л.Н.** Технология изготовления бронзовых изделий с могильника Танай-7
- 2005, № 2 (22) **Дьякова О.В.** Каменный склеп у с. Богополь в Приморье в контексте истории Дальнего Востока
- 2000, № 2 (2) **Дэвлет Е.Г.** Антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле и мифологический сюжет об обретении шаманского дара
- 2003, № 4 (16) **Епимахов А.В.** Верхне-кизильский клад: варианты интерпретации
- 2001, № 1 (5) **Ермоленко Л.Н.** Зеркало для героя
- 2002, № 3 (11) **Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.** Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний
- 2005, № 2 (22) **Есин Ю.Н.** О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии
- 2002, № 1 (9) **Есин Ю.Н.** О семантике изображений окуневского искусства в виде круга или квадрата с лучами
- 2001, № 3 (7) **Жобер Ж.** Комментарии к статье М. Отта, Я.К. Козловского
- 2005, № 4 (24) **Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А.** Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале
- 2005, № 4 (24) **Зах В.А., Рябогина Н.Е.** Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья
- 2004, № 4 (20) **Зах В.А., Скочина С.Н.** Глиняная скульптурка из комплекса с гребенчато-ямочной посудой с поселения Мергень-6
- 2002, № 4 (12) **Зенин В.Н.** Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком

- 2003, № 4 (16) **Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А.** Реконструкция изменений природной среды и климата позднего плейстоцена на юге Западной Сибири по отложениям озера Аксор
- 2000, № 1 (1) **Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А.** Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири
- 2005, № 3 (23) **Зыкин В.С., Зыкина В.С., Чиркин К.А., Смолянинова Л.Г.** Геологическое строение и стратиграфия верхнекайнозойских отложений в районе верхнепалеолитической стоянки Карама в верхнем течении долины реки Ануй
- 2005, № 3 (23) **Каллаган Р.Т.** Контакты между Дальним Востоком и северо-западным побережьем Северной Америки в доколумбово время
- 2002, № 4 (12) **Кауфман Д.** Вопросы преемственности эволюции человека современного анатомического типа на материалах Леванта
- 2001, № 2 (6) **Кашин В.А.** Неолитическое захоронение детей на средней Колыме
- 2003, № 1 (13) **Кимура Х.** Индустрия пластин стоянки Мальта
- 2003, № 3 (15) **Кирияк М.А., Глушкова О.Ю., Браун Т.А.** Верхнепалеолитические комплексы долины реки Тытыльваам (Заполярная Чукотка)
- 2000, № 4 (4) **Кирияк М.А., Орехов А.А.** Археологические исследования на севере Дальнего Востока (полвека истории)
- 2005, № 3 (23) **Кисель В.А.** Чудские древности из этнографических коллекций Кунсткамеры
- 2004, № 3 (19) **Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Святилище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии
- 2005, № 1 (21) **Ковтун И.В.** Инвариантный анализ изобразительных стилей
- 2000, № 4 (4) **Козельцев В.Л., Ромаков Ю.А.** Новый способ сохранения человеческих мумий
- 2000, № 3 (3) **Козинцев А.Г.** Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов
- 2003, № 1 (13) **Козинцев А.Г.** От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения)
- 2004, № 1 (17) **Козинцев А.Г.** Сунгирь: старый спор, новые аргументы
- 2003, № 3 (15) **Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г.** Новые данные о сибирских “американоидах”
- 2001, № 1 (5) **Козловская М.В.** Образ жизни древнеэскимосского населения по данным антропологии
- 2002, № 4 (12) **Козловская М.В.** Поваренная соль в питании человека (исторический аспект исследования)
- 2002, № 3 (11) **Козловская М.В.** Системы питания и образ жизни первобытных и исторических обществ охотников-рыболовов-собирателей
- 2000, № 4 (4) **Козырев А.С.** Военный Госпиталь: новые данные о месте расположения палеолитической стоянки
- 2005, № 2 (22) **Кокшаров С.Ф., Погодин А.А.** Мастерская бронзового века на реке Ендырь
- 2001, № 1 (5) **Кононенко Н.А.** Экология и динамика археологических культур в долине р. Зеркальной в конце плейстоцена – начале голоцена (Устиновский комплекс, российский Дальний Восток)
- 2001, № 1 (5) **Конькова Л.В., Король Г.Г.** Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи средневековья
- 2001, № 4 (8) **Коробейников С.Н., Худяков Ю.С.** Анализ функциональных свойств защитного вооружения кочевников Центральной Азии
- 2004, № 1 (17) **Коровушкин Д.Г.** Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая половина XX века)

- 2005, № 1 (21) **Крадин Н.Н.** Социально-экономический строй хунну Забайкалья
- 2002, № 2 (10) **Краминцев В.А., Ивлиев А.Л.** Бронзовые зеркала с поселения Покровка I
- 2002, № 2 (10) **Кубарев В.Д.** “Савроматы” на Алтае
- 2004, № 3 (19) **Кубарев В.Д.** Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая
- 2005, № 1 (21) **Кубарев В.Д.** Диадемы и гривны из курганов Алтая
- 2002, № 3 (11) **Кубарев В.Д.** Древние зеркала Алтая
- 2004, № 1 (17) **Кубарев В.Д.** Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии
- 2001, № 4 (8) **Кубарев В.Д.** Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая
- 2002, № 4 (12) **Кубарев В.Д., Баяр Д.** Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия)
- 2000, № 1 (1) **Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Terra incognita в центре Азии
- 2002, № 1 (9) **Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая
- 2000, № 3 (3) **Кубарев Г.В.** Халат древних тюрков Центральной Азии по изобразительным материалам
- 2003, № 4 (16) **Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.** Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай)
- 2003, № 3 (15) **Кузьмин Я.В.** Переход от палеолита к неолиту и возникновение керамики на Дальнем Востоке России: геоархеологический аспект
- 2003, № 2 (14) **Кун С.Л.** Роль ориньяка в верхнем палеолите Леванта
- 2004, № 2 (18) **Кунгурова Н.Ю.** Женский костюм в IV тыс. до н.э. (по материалам погребений кузнецко-алтайской культуры)
- 2003, № 2 (14) **Кунгурова Н.Ю.** Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры)
- 2003, № 4 (16) **Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х.** Буддийские находки из пещеры на реке Моген-Бурен
- 2000, № 3 (3) **Ларичев В.Е.** Время в образах искусства скифо-сибирского звериного стиля
- 2001, № 3 (7) **Ларичев В.Е.** Время в образах искусства скифо-сибирского звериного стиля: календарно-астрономический подтекст сцены противостояния льва и семейства кабанов фантастического обличья
- 2002, № 1 (9) **Лбова Л.В.** К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья)
- 2005, № 2 (22) **Лбова Л.В., Коломиец В.Л., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Клементьев А.М.** Природные обстановки и климат позднего неоплейстоцена Западного Забайкалья (по данным геоархеологических объектов)
- 2003, № 2 (14) **Лебединцев А.И.** К проблеме происхождения древних приморских культур севера Дальнего Востока
- 2002, № 3 (11) **Лев С.Ю., Амирханов Х.А.** Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки
- 2001, № 4 (8) **Леонтьев С.Н.** Памятник окуневской культуры курган Чернозая XI
- 2002, № 2 (10) **Ли Ги-Кил.** Новые исследования палеолитических стоянок в провинции Джолла на юго-западе Кореи и их значение
- 2002, № 2 (10) **Ли Хонджон.** Исследование культуры среднего палеолита на Корейском полуострове
- 2003, № 1 (13) **Ли Хонджон.** Переходный период от среднего к позднему палеолиту и традиция орудий на отщепенях на Корейском полуострове

- 2003, № 1 (13) **Логвин В.Н.** Ранний энеолит Тургая
- 2002, № 4 (12) **Любимова Г.В.** Заметки о сибирской масленице: взятие снежного городка
- 2005, № 1 (21) **Люцидарская А.А.** Вещный мир сибирского горожанина XVII века
- 2005, № 2 (22) **Майничева А.Ю.** Заимствования в церковном зодчестве Прибайкалья XVII–XIX веков в аспекте адаптационных возможностей русского этноса
- 2005, № 1 (21) **Майничева А.Ю.** Семантика пещерных православных храмов Сибири
- 2003, № 2 (14) **Макаров Н.А., Зайцева И.Е.** Средневековые могильники на севере Древней Руси: новые исследования на Кубенском озере
- 2005, № 1 (21) **Маншеев Д.М.** Скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присаянья в конце XIX – начале XX века
- 2000, № 2 (2) **Маркин С.В.** Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая
- 2004, № 4 (20) **Маркин С.В.** Технологическая модель верхнепалеолитических индустрий юго-восточной части Западной Сибири
- 2000, № 1 (1) **Масумото Тэцу.** Шаманский пояс рода ульчей айнского происхождения с нижнего Амура
- 2001, № 3 (7) **Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Зыкина В.С., Чиркин К.С.** Реконструкция древней природной среды и палеоклимата магнитными методами на археологических памятниках Средней и Западной Сибири
- 2004, № 4 (20) **Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И.** Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язево-3)
- 2003, № 4 (16) **Матвеева Н.П., Рябогина Н.Е.** Реконструкция природных условий Зауралья в раннем железном веке (по палинологическим данным)
- 2004, № 1 (17) **Матюхин А.Е.** Среднепалеолитические комплексы Русской равнины, содержащие двусторонне обработанные орудия
- 2002, № 3 (11) **Мегнин Л., Бар-Йозеф О.** Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательная или прерванная линия развития?
- 2005, № 4 (24) **Медведев В.Е.** Неолитические культовые центры в долине Амура
- 2000, № 3 (3) **Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних
- 2001, № 4 (8) **Медведев В.Е.** Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре
- 2004, № 2 (18) **Медведева Н.Н., Тарасов А.Ю., Рейс Т.М., Николаев В.Г.** Динамика исторического и антропологического облика населения Восточной Сибири (на примере г. Красноярск)
- 2003, № 4 (16) **Медникова М.Б.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе: дискуссионные аспекты таксономического ранга верхнепалеолитических скелетных остатков
- 2003, № 1 (13) **Медникова М.Б.** Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным антропологии: символические трепанации
- 2001, № 4 (8) **Моисеев В.Г.** Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии
- 2004, № 3 (19) **Молодин В.И.** Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения
- 2000, № 4 (4) **Молодин В.И.** Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб
- 2000, № 1 (1) **Молодин В.И.** Погребальный комплекс пазырыкской культуры Верх-Кальджин I и проблема современного потепления климата

- 2000, № 3 (3) **Молодин В.И., Кан Ин Ук.** Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы
- 2002, № 3 (11) **Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В.** Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности)
- 2003, № 2 (14) **Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И.** Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции)
- 2001, № 3 (7) **Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Бекер Х., Фассбиндер Й., Чемакина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В.** Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции
- 2004, № 4 (20) **Молодин В.И., Черемисин Д.В., Новиков А.В.** Оленные камни Аргамджи (плоскогорье Укок)
- 2001, № 1 (5) **Монигал К.** Пластинчатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте
- 2001, № 2 (6) **Монсель М.-Е.** Среднепалеолитические комплексы с пластинами в Юго-Восточной Франции. Разнообразие техники расщепления камня в среднем палеолите и его значение
- 2004, № 2 (18) **Мосин В.С.** Энеолит Южного Зауралья
- 2001, № 2 (6) **Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Северная Месопотамия в свете исследований Российской экспедиции
- 2005, № 4 (24) **Мыглан В.С., Ваганов Е.А.** Эпидемии и эпизоотии в Сибири в XVII – первой половине XIX века и длительные изменения климата
- 2002, № 4 (12) **Мыльников В.П.** Особенности изучения древней деревообработки
- 2003, № 3 (15) **Мыльникова Л.Н., Папин Д.В., Шамшин А.Б.** Керамический комплекс поселения Мыльниково переходного периода от бронзового к раннему железному веку лесостепного Алтайского Приобья
- 2000, № 2 (2) **Наглер А.** О жерновах в погребальных памятниках степей Евразии
- 2003, № 1 (13) **Надель Д.** Многовековая преемственность: хижины из веток на поселении Охало II и жилые постройки натуфийской эпохи и стадии А докерамического неолита в долине Иордана
- 2001, № 1 (5) **Напольских В.В.** “Угро-самодийцы” в Восточной Европе
- 2001, № 3 (7) **Наурзбаев М.М., Сидорова О.В., Ваганов Е.А.** История климата позднего голоцена на востоке Таймыра по данным сверхдлительной древесно-кольцевой хронологии
- 2003, № 4 (16) **Нестеров С.П., Мыльников В.П.** Деревянные онгоны с реки Буреи
- 2002, № 1 (9) **Нестеров С.П., Мыльникова Л.Н.** Талаканская культура раннего железного века в Западном Приамурье (по материалам стоянки Усть-Талакан на реке Буреи)
- 2001, № 1 (5) **Новиков А.В.** Собаки в мировоззрении и ритуальной практике древнего населения лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири
- 2000, № 1 (1) **Октябрьская И.В., Черемисин Д.В.** Узорные войлоки Алтая
- 2001, № 4 (8) **Олдендерфер М.** Пиян (Пиянг): тибетский буддийский храм и монастырский комплекс X–XI веков в Западном Тибете
- 2000, № 3 (3) **Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Зольников И.Д.** Пространственно-временные аспекты истории популяции мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum.) и древний человек в Сибири (по радиоуглеродным данным)
- 2001, № 3 (7) **Отт М., Козловский Я.К.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии

- 2000, № 4 (4) **Павликовский М., Кумузелис М., Гинтер Б., Козловский Я.К.** Ориньякские очаги пещеры 1 Клизурского ущелья в Греции: зарождающаяся гончарная технология
- 2000, № 1 (1) **Парцингер Г.** Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля
- 2005, № 1 (21) **Переверзева О.В.** Мифопоэтическое пространство нанайцев долины реки Девятки в XIX–XX веках
- 2001, № 3 (7) **Поздняков Д.В.** Формирование древнетюркского населения Горного Алтая по данным антропологии
- 2000, № 3 (3) **Поздняков Д.В., Полосьмак Н.В.** Всадники, натягивающие лук
- 2000, № 1 (1) **Полосьмак Н.В.** Пазырыкские войлоки: укокская коллекция
- 2000, № 4 (4) **Полосьмак Н.В.** Татуировка у пазырыкцев
- 2000, № 4 (4) **Полосьмак Н.В., Молодин В.И.** Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок
- 2004, № 1 (17) **Полосьмак Н.В., Трунова В.А.** Волосы из пазырыкских могил (рентгенофлуоресцентный анализ с использованием синхротронного излучения)
- 2005, № 1 (21) **Поспелова Г.А., Лаухин С.А., Ранов В.А., Власов В.К., Волгина В.А., Куликов О.А., Пилипенко О.В., Шаронова З.В.** Новые данные о хроностратиграфии верхней региональной погребенной почвы лессового разреза Хонако-3, Таджикистан (археологические, палеомагнитные и магнитные свидетельства)
- 2000, № 3 (3) **Постнов А.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А.** Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай)
- 2000, № 1 (1) **Пряхин А.Д.** К оценке престижных захоронений волго-донской абашевской культуры кургана Селезни-2
- 2005, № 1 (21) **Ранов В.А.** Проблема внетропического происхождения человека: миф и реальность
- 2000, № 2 (2) **Ранов В.А., Шефер Й.** Лессовый палеолит
- 2003, № 2 (14) **Роланд Н.** Комментарии к статье Отта и Козловского “Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии”
- 2001, № 2 (6) **Ронен А., Адлер Д.** Магические защитные сооружения Иерихона
- 2000, № 2 (2) **Ронен А., Мильштейн Ш., Ламдан М., Вогель Дж.К.** Нахал-Реузел – стоянка докерамического неолита в Негеве (Израиль)
- 2005, № 4 (24) **Росляков С.Г.** Курганный могильник Санаторный-1 и вопросы культурно-этнической интерпретации памятников развитого средневековья Верхнего Приобья
- 2003, № 4 (16) **Русакова Л.М.** Коллекция одежды старообрядцев-сибиряков штата Орегон (США)
- 2004, № 4 (20) **Рыбин Е.П., Колобова К.А.** Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая
- 2003, № 2 (14) **Савинов Д.Г.** Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация)
- 2004, № 3 (19) **Самашев З.С., Бородовский А.П.** Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя
- 2004, № 3 (19) **Сапожников И.В.** Хроностратиграфическое обоснование для общей и региональных периодизаций позднего палеолита Евразии
- 2005, № 4 (24) **Сапожников И.В., Сапожникова Г.В.** Проблемы хронологии и культурной периодизации памятников мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья
- 2005, № 3 (23) **Сарель Ж.** Переходные слои пещеры Ракефет (гора Кармел, Израиль): свидетельства культурной преемственности между средним и верхним палеолитом

- 2003, № 4 (16) **Сато Хироюки, Онуки Сидзуо.** Этноархеологическое исследование поселений и территориального размещения удэгейцев на русском Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX века)
- 2001, № 4 (8) **Свобода И.** О переходе от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии
- 2000, № 3 (3) **Син Гао.** Расщепление нуклеусов местонахождения Чжоукоудянь-15
- 2001, № 4 (8) **Слободин С.Б.** Гипотезы о миграциях в Берингии в исследованиях XVI–XIX веков
- 2000, № 4 (4) **Слободин С.Б.** Перспективы археологических исследований ранних комплексов на северо-востоке Азии
- 2000, № 4 (4) **Слюсаренко И.Ю.** Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая
- 2004, № 1 (17) **Соболева С.В., Октябрьская И.В., Ульянова М.В., Лавряшина М.Б.** Системная оценка современной этносоциальной ситуации на Северном Алтае в связи с проблемой коренных малочисленных народов (по материалам исследований в Турочакском и Чойском районах Республики Алтай)
- 2005, № 4 (24) **Советова О.С.** О возможностях использования наскальных изображений в качестве источника по истории военного дела племен тагарской эпохи
- 2000, № 2 (2) **Соколова З.П.** Культ медведя
- 2000, № 1 (1) **Соффер О., Адовазо Дж.М., Хайлэнд Д.С.** Одежда палеолитических “Венер”: реалии и гипотезы
- 2000, № 3 (3) **Сэкия Акира.** История изучения палеолита в Японии
- 2004, № 1 (17) **Табарев А.В.** Обсидиан в неолите Приморья
- 2004, № 4 (20) **Ташак В.И.** Вариант развития среднепалеолитических индустрий Западного Забайкалья
- 2003, № 3 (15) **Ташак В.И.** Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья
- 2003, № 1 (13) **Тернер К.Дж., Оводов Н.Д., Павлова О.В.** Перимортальная тафономия скелетных остатков и одонтологические данные о родственных связях древних обитателей пещеры Еленева в Красноярском крае
- 2001, № 4 (8) **Тернер К.Дж., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Попов А.Н.** Признаки, используемые для оценки перимортальной тафономии костей, разрушенных в результате естественных или антропогенных факторов в позднем плейстоцене и голоцене Сибири и Приморья
- 2002, № 4 (12) **Троицкая Т.Н.** Урало-сибирский стиль в металлической пластике верхнеобской культуры
- 2001, № 1 (5) **Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н.** Самусьские бронзовые фигурки с поселения Крохалёвка-13
- 2002, № 2 (10) **Троицкая Т.Н., Овчаренко А.П.** Кант в изображениях, выполненных в урало-сибирском зверином стиле
- 2002, № 3 (11) **Туров М.Г.** Эвенкийский обряд “проводов медведя” как форма организации пространства
- 2001, № 1 (5) **Тыликова Е.И., Бауло А.В.** Древности Нижнего Приобья в фондах Овгортского краеведческого музея
- 2005, № 3 (23) **Ульянов В.А., Кулик Н.А.** Литолого-стратиграфические особенности отложений раннепалеолитической стоянки Карама
- 2003, № 2 (14) **Уманский А.П.** О семантике изображений на зеркале из Рогозихи-1
- 2002, № 1 (9) **Утмайер Т.** Ориньяк, человек современного типа и переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Азии: взгляд из Центральной Европы

- 2002, № 4 (12) **Федорова Н.В.** Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях
- 2000, № 3 (3) **Филиппова И.В.** Китайские зеркала из памятников хунну
- 2002, № 4 (12) **Франкфор А.-П.** Образы, запечатленные на камне и в предметах искусства (по материалам погребений железного века Синьцзяна и древней Бактрии)
- 2004, № 2 (18) **Франкфор А.-П., Якобсон Э.** Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии
- 2002, № 1 (9) **Фу Жэньи.** Четвертичная фауна млекопитающих плейстоцена Дунбэя (КНР) и его специфика
- 2001, № 4 (8) **Фурсова Е.Ф.** Культ святителя Николая в обычаях и обрядах восточно-славянского населения Верхнего Приобья (по полевым материалам)
- 2005, № 1 (21) **Фурсова Е.Ф.** Орнаментальные традиции рукоделий крестьянок Барабы и Васюганья как результат межкультурных взаимодействий
- 2004, № 1 (17) **Хан Н.А.** История одного сосуда (к вопросу о денежном счете Древней Руси XIII века)
- 2005, № 1 (21) **Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён.** Галечные орудия в палеолите Китая
- 2002, № 2 (10) **Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.** Изображения барса и сайгака из памятников Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в Горном Алтае
- 2000, № 3 (3) **Худяков Ю.С., Кочеев В.А.** Чатырская мумия
- 2002, № 3 (11) **Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане
- 2001, № 1 (5) **Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Шлемы, найденные на территории Кыргызстана
- 2003, № 1 (13) **Цыбиктаров А.Д.** Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.)
- 2002, № 3 (11) **Цыбиктаров А.Д.** Центральная Азия на заре бронзового века (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III – начале II тыс. до н.э.)
- 2003, № 4 (16) **Черемисин Д.В.** Наскальная композиция с изображением колесницы и “танцоров” из Чаганки (Кара-Оюк), Алтай
- 2005, № 2 (22) **Черемисин Д.В.** О семантике маскированных рогатых лошадей из пазырыкских курганов
- 2004, № 1 (17) **Черемисин Д.В.** Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая
- 2004, № 3 (19) **Чёрная М.П.** Русский город конца XVI – XVII в. как новый символ в картине мира сибирского общества
- 2004, № 4 (20) **Чёрная М.П., Осинцева Н.В.** Проблема места основания Томска и роль ландшафтной оценки в его выявлении
- 2002, № 3 (11) **Черных Е.Н.** Древнейшее горно-металлургическое производство на границе Европы и Азии: Каргалинский центр
- 2000, № 4 (4) **Чижишева Т.А.** Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии
- 2000, № 2 (2) **Чижишева Т.А.** К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе)
- 2000, № 1 (1) **Чижишева Т.А.** Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита – бронзы

- 2002, № 1 (9) **Чикишева Т.А.** Особенности зубной системы ранних кочевников Горного Алтая
- 2000, № 3 (3) **Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.** Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время
- 2003, № 3 (15) **Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.** Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным
- 2002, № 1 (9) **Членова Н.Л.** Добывали ли золото в восточносибирской тайге в скифскую эпоху?
- 2000, № 2 (2) **Чой Мон Лён.** Дольмены Кореи
- 2002, № 2 (10) **Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.** Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований Российско-германской экспедиции в 2001 г.)
- 2001, № 3 (7) **Чхве Джонпхиль.** Новый взгляд на неолит Кореи
- 2003, № 2 (14) **Шаповалов А.В.** К вопросу об использовании галлюциногенов в шаманской практике народов Северной Азии
- 2004, № 4 (20) **Шарапова С.В.** Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке
- 2005, № 3 (23) **Швец И.Н.** Некоторые аспекты современного состояния изучения наскального искусства Центральной Азии
- 2002, № 2 (10) **Шейнкман В.С.** Тестирование S-S-технологии термолюминесцентного датирования на разрезах побережья Мертвого моря, ее использование в Горном Алтае и палеогеографическая интерпретация результатов
- 2005, № 3 (23) **Шелегина О.Н.** Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века)
- 2000, № 2 (2) **Шер Я.А.** Первобытное искусство: факты, гипотезы, методы и теория
- 2004, № 2 (18) **Шер Я.А.** Спорные вопросы изучения первобытного искусства
- 2002, № 1 (9) **Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М., Горланова Л.А.** Тысячелетняя реконструкция температуры лета на Полярном Урале: данные древесных колец можжевельника сибирского и лиственницы сибирской
- 2000, № 2 (2) **Шорин А.Ф., Нохрина Т.И.** Погребальный обряд энеолитического населения Урала
- 2001, № 2 (6) **Шпакова Е.Г.** Антропологическая характеристика детского погребения позднепалеолитического времени со стоянки Каменка II
- 2001, № 4 (8) **Шпакова Е.Г.** Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири
- 2000, № 1 (1) **Шпакова Е.Г., Деревянко А.П.** Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая
- 2000, № 2 (2) **Шуныков М.В., Агаджанян А.К.** Палеогеография палеолита Денисовой пещеры
- 2002, № 3 (11) **Якобсон Э.** К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы
- 2000, № 1 (1) **Якобсон Э.** Петроглифы и естественная история: источники реконструкции и экология культуры

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ" на 2005 год

Редакция журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" принимает подписку на 2005 год. Стоимость одного номера русскоязычной версии для подписчиков в России 90 руб., годовой подписки 360 руб. Цена подписки включает стоимость пересылки журнала по Российской Федерации. Подписку можно оформить как на весь год (номера 1, 2, 3, 4), так и на определенный номер, в том числе уже вышедший. На очередные номера журнала Вы можете своевременно оформлять подписку по каталогу Роспечати.

Предоплата подписки физическими лицами, проживающими на территории Российской Федерации, производится через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции (**Форма 1**). Просим учесть, что **за проведение платежа Сбербанк взимает 3% от суммы перевода**. Юридические лица оплачивают подписку банковским поручением на основании счета редакции журнала (**Форма 2**).

Внимание! После оплаты подписки не забывайте прислать почтой (электронной почтой) в редакцию сообщение об оплате и точный адрес доставки.

		(Форма 1)																			
ИЗВЕЩЕНИЕ	ИНН	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0	КПП	5	4	0	8	0	1	0	0	1
	Получатель платежа	ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)																			
	Учреждение банка	РКЦ Советский г. Новосибирск																			
	Счет получателя	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2
	БИК	0	4	5	0	0	3	0	0	0											
	Фамилия																				
	Имя																				
	Отчество																				
	Адрес																				
Кассир	Вид платежа	Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год Код 40130202010010000440, Ист. 04. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.																			
	Дата																				
	Сумма																				
	Платательщик																				
	Всего																				
КВИТАНЦИЯ	ИНН	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0	КПП	5	4	0	8	0	1	0	0	1
	Получатель платежа	ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)																			
	Учреждение банка	РКЦ Советский г. Новосибирск																			
	Счет получателя	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2
	БИК	0	4	5	0	0	3	0	0	0											
	Фамилия																				
	Имя																				
	Отчество																				
	Адрес																				
Кассир	Вид платежа	Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год Код 40130202010010000440, Ист. 04. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.																			
	Дата																				
	Сумма																				
	Платательщик																				
	Всего																				

(Форма 2)

Для оформления подписки юридическим лицам необходимо:

- перечислить сумму годовой подписки по реквизитам, указанным в счете;
- после оплаты непременно переслать в адрес редакции заполненный бланк-заказ (редакция не несет ответственности за некорректно оформленную подписку).

По поступлении денег на счет редакции и получении ею заполненного бланка-заказа номера журналов будут высылаться по мере выхода простой бандеролью на указанный Вами адрес.

Данный рекламный лист в соответствии со ст. 435 Гражданского кодекса РФ является офертой (т.е. публичным договором) и может служить основанием для оплаты подписки.

Поставщик: ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981), счет 40503810300001000062 в РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000, ОКПО 04981331, ОКОНХ 95110.

Адрес: пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. Тел.: (3833) 304491. Факс: (3833) 301191.

СЧЕТ № ААЭ-2005**от 31.12.2004**

Платательщик и его адрес:			
Предмет счета	Кол-во комп.	Стоимость компл. (руб.)	Сумма
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год (годовой комплект — номера 1, 2, 3, 4)	1	360=	360=
Всего к оплате: триста шестьдесят рублей 00 коп. (в том числе НДС 18%).			

Руководитель

А.П. Деревянко

м.п.

Главный бухгалтер

О.В. Осипова

Бланк-заказ на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии"

Просим оформить подписку на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год. Подписка оплачена. Журнал высылать по адресу:

Организация	
Адрес	
Почтовый индекс	
Телефон	
Е-mail	
Код города (МТС)	
Телефакс	
Фамилия	
Имя	
Отчество	
Должность	
Плат. поручение №	
от	
на сумму	
руб.	

Ответственный за подписку

м.п.

Образец оформления банковских платежных поручений:

Сумма прописью	
Платательщик	
Банк плательщика	
Получатель	ИНН 5408129419, ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981)
Банк получателя	РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000.
Счет получателя	40503810300001000062
Кор. счет	н е т
Назначение платежа	Код 40130202010010000440, Ист. 04. (Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.) Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год (за книги — "предоплата за научную литературу согласно заявке")
Фамилия, имя, отчество плательщика, адрес доставки	

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Авторы представляют статьи на русском или английском языке объемом около 1,4 тыс. знаков. Обязательным условием является авторский перевод географических названий, а также терминов, впервые предлагаемых в статье. Следует приводить также латинские названия животных и растений.

Необходимо указать учреждение, в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты.

Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рекомендуется выделять: введение, основную часть, обсуждение результатов, выводы (заключение).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации; 1 иллюстрация форматом 190 x 270 мм равняется 1/6 авторского листа (6,7 тыс. знаков).

Объем сообщений, рецензий, заметок — до 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

ТРЕБОВАНИЯ К НАБОРУ, ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Статья (основной текст, список литературы, подписи к рисункам и таблицам) должна подаваться в виде распечатки компьютерного набора на листах формата А4 (210 x 297 мм) вместе с дискетой с набором в формате WinWord или DOS Word. Размер кегля 14 для Times New Roman, 28 строк на странице, 64 знака в строке.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сноска на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.);
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой "только для чтения";
- форматировать текст и делать принудительные переносы.

Приводимые единицы измерения должны соответствовать системе СИ.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилии авторов, год издания; в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц - для монографии, первая и последняя страницы - для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Алексеев В.П. География человеческих рас. — М.: Наука, 1974. — 777 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Археологические исследования Энской пещеры / В.В. Васин, И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С. Сидоров. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. — 999 с.

раздел в монографии

Иванов И.И. Палинология предвходовой площадки пещеры К-ва // Археологические исследования Энской пещеры. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. — Гл. 3. — С. 777 — 888.

статья в сборнике

Иванов П.И. Палинология стоянки Детский Сад II // Каменный век на территории Алтая. - М.: Артисм, 1999. — С. 77 — 99.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А.С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – 1977. – Вып. 2. – С. 66 – 77.

статья в журнале

Иванов П.И. Психология запоминания // Вопр. психологии. – 1966. – № 1. – С. 12 – 34.

автореферат

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 35 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – № 3. – С. 30 – 31. – Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 222 с.

При наличии примечаний – кратких пояснений основного текста и дополнений к нему, в тексте у того места, к которому относится примечание, необходимо поставить знак звездочки (*), а само примечание набрать следом в квадратных скобках. Например: Введение* [* Данная статья...]

На полях рукописи должны быть помечены места желательного размещения иллюстраций. Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотоотпечатки и слайды (позитивы)) следует присылать в оригинале. Ксерокопии не принимаются. Рисунки и чертежи должны быть выполнены тушью на белой бумаге или кальке и не иметь следов карандаша. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Для черно-белых фото рекомендуемый размер отпечатка 100 × 150 мм. Цветные фотографии публикуются преимущественно при наличии слайдов (позитивов), желательно размером 60 × 60 мм. Каждый слайд необходимо упаковать в индивидуальный конверт. Редакция оставляет за собой право на публикацию цветных фотографий в черно-белом варианте.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что если нет возможности выполнить электронные версии, то к картам нужно приложить абрис без надписей и обозначений, то же желательно для планов раскопов и т.п. В случае создания электронных версий рисунков (только в форматах .tif, .cdr не старше версии 9.0) обязательно прилагать их распечатки высокого качества на белой бумаге. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок.

На обороте каждой иллюстрации (или на конверте со слайдом) за полем рисунка карандашом должны быть написаны фамилия автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации, указание "верх", "низ".

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel, с обязательным приложением файлов используемых шрифтов (.ttf), кегли шрифтов в надписях не должны быть менее 9. Каждая таблица печатается на отдельной странице с полем изображения не более 190 × 270 мм.

Адрес редакции:

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Тел: (383) 330 83 66
Fax: (383) 330 11 91
E-mail: eurasia@archaeology.nsc.ru

Уважаемые читатели!

**Изменился номер телефона редакции. Теперь, чтобы связаться с нами,
Вам следует набрать (8-383) 330 83 66**